

ПОСВЯЩАЕТСЯ

125-летию открытия склепа 1895 г.

25-летию Благотворительного фонда «Деметра»

Research Centre of the History and Archaeology of Crimea
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Institute of Archaeology of Crimea
of the Russian Academy of Sciences

«Demeter» Non-Profit Foundation

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

Институт археологии Крыма
Российской Академии Наук

Центр археологических исследований
Благотворительного Фонда «Деметра»

International Scholarly Conference

XXI
BOSPORAN READINGS

*Cimmerian Bosphorus and the
World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages.
Objects of art in an archaeological context*

Simferopol – Kerch – 2020

Международная научная конференция

XXI
БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Боспор Киммерийский
и варварский мир в период античности и средневековья.
Объекты искусства в археологическом контексте*

Симферополь-Керчь – 2020

ББК 63.3(0)32
УДК 94(3)(477.7)(063)
Б85

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

Протокол № 1 от 05.03.2020 г.

XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2020. – 436 с.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

© НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, 2020
© ИАК РАН, 2020
© ЦАИ БФ «Деметра», 2020
© Авторы, 2020

ISBN 978-5-6044132-7-2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА «ДЕМЕТРА»

Осенью 1995 года в Керчи был создан Благотворительный фонд «Деметра». Первоначально нами были разработаны две программы: 1 - по сохранению расписного склепа 1895 г. и 2 - по популяризации древнего наследия Боспора. Но средства в фонде отсутствовали. Поэтому используя свои связи среди ученых, а также профильного комитета в крымском правительстве, нам удалось спланировать и провести в 1997 г. франко-крымский научно-практический семинар по вопросам реставрации склепа 1895 г. (склепа Деметры). На семинар была приглашена ведущий европейский специалист в области античной монументальной живописи А. Барбе. Она не только приняла активное участие в семинаре, но и провела исследования настенных росписей в склепе. Также А. Барбе организовала, за счет французской стороны, длительные научные стажировки для нескольких сотрудников Керченского музея в своем Центре изучения монументальной римской живописи в г. Суасон.

Полученные от А. Барбе рекомендации позволили правильно расставить приоритеты в программе по спасению склепа Деметры. Первым шагом в этом направлении была задача понизить уровень грунтовых вод, минимально до 1 м, ниже поверхности глиняного пола погребальной камеры. Для этого нужно было проложить новый участок дренажа и закольцевать существующие две ветки дренажных систем, сооруженных ранее возле склепа. Поиски необходимых средств привел нас в крымский филиал фонда Сороса, где удалось получить с большим трудом незначительную сумму, но только в рамках другой программы – популяризации древнего наследия Боспора. Так был основан фестиваль антич-

ного искусства «Боспорские агоны»¹, проведенный впервые в Керчи в 1999 г. и ставший затем ежегодным.

К этому времени фонд «Деметра» в рамках своей программы по популяризации древнего наследия Боспора уже провел несколько общегородских исторических фестивалей под общим названием «Празднества богини Деметры». Также в 1998 г. в нижнем ярусе Большой Митридатской лестницы, по проекту авторов этой статьи, был создан и открыт музейный комплекс «Технологическая модель склепа Деметры». Он состоял из двух небольших помещений, в первом располагалась экспозиция, рассказывающая об истории открытия склепа, а второе представляло собой точную копию погребальной камеры склепа в натуральную величину.

В 1998-2000 годах фонд «Деметра» подготавливает и издает серию научно-популярных брошюр «Древности Керчи». В этом огромную роль сыграл директор Керченской городской типографии М.В. Озаркив, взявший большую часть типографских услуг на свой счет. Первой книгой в этой серии были «Археологические прогулки по античной Керчи» [Зинько В., 1998; Zinko V., 1999]. В 1999 году выходят: «The crypt Demetra» [Zinko E., 1999], «Средневековая Керчь» [Пономарев, 1999] и «Коллекционеры и торговцы керченскими древностями» [Боровкова, 1999], а на следующий год «...Камень, изливающий немую скорбь» [Матковская, 2000]. Благодаря поддержке М.В. Озаркива в 1999 г. был издан и сборник научных статей «Археология и история Боспора» том III, составленный в основном из работ научных сотрудников Керченского музея.

К началу нового тысячелетия фонд «Деметра» уже состоялся как один из важнейших факторов влияния в деле сохранения боспорских древностей. Однако для дальнейшего развития научно-исследовательских проектов, возникла необходимость реорганизации самого фонда, что и было сделано в начале 2000 г.² Наряду с реорганизацией фонда «Деметра», нами организуется еще одна некоммерческая организация - «Центр археологических исследований» (ЦАИ). Обе некоммерческие организации по предложению В.Д. Письменного стали получать благотворительные пожертвования на проведение своей деятельности.

Основной уставной целью ЦАИ было проведение планомерных археологических исследований, подготовка и издание научных сборников,

¹ Научное заключение-рекомендация было написано д.и.н. А.И. Айбабиным и к.и.н. И.В. Ачкинази, а название фестиваля было предложено В.Н. Зинько.

² К концу 2000 г. фонд «Деметра» дарит музейный комплекс «Технологическая модель склепа Деметры», а также фестиваль «Боспорские Агоны» и другие культурологические программы фонду «Боспор», основанный Т.В. Умрихиной.

а также проведение, совместно с фондом «Деметра», ежегодной международной археологической конференции «Боспорские чтения» [Зинько В., Зинько Е., 2019]. Организаторами этого крупнейшего в Северном Причерноморском регионе археологического форума наряду с вышеназванными некоммерческими организациями выступило Крымское отделение института востоковедения НАНУ (ныне НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского). Программным комитетом под председательством А.И. Айбабина и В.Н. Зинько изначально было принято решение о широком хронологическом диапазоне обсуждаемых докладов по проблематике «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья». 1-е «Боспорские чтения» были проведены в начале сентября 2000 г. в окрестностях боспорского города Нимфей. В них приняли участие чуть более трех десятков исследователей из России, Украины и Польши. К началу конференции был выпущен небольшой сборник материалов. По предложению начальников боспорских экспедиций было принято решение провести следующую конференцию в мае 2001 г. С тех пор ежегодно в начале последней декады мая в Керчи стали собираться ведущие специалисты и молодые исследователи из различных академических центров, научно-исследовательских институтов, университетов и музеев-заповедников.

В рамках программы «Научные исследования» ЦАИ с 2000 г. осуществляло несколько проектов³. По проекту «Археологические исследования» финансируется работа Боспорской охранно-археологической экспедиции (БОАЭ), которая в составе нескольких отрядов проводит большие комплексные программы по изучению памятников античной и раннесредневековой истории Восточного Крыма. До 2010 г. Пантикапейский отряд БОАЭ проводил комплексную программу по археологическому исследованию и консервации грунтовых склепов некрополя Пантикапея-Боспора на северном склоне горы Митридат. Особую значимость имеют боспорские расписные склепы, которых сейчас известно не более двух десятков [Зинько Е., 2017].

Другим отрядом экспедиции на протяжении ряда лет проводятся исследования сельской округи боспорского города Нимфея. На античном хоре Нимфейского полиса изучены различные сельские поселения, могильники, остатки древних наделов и другие памятники. В 2000-2006 гг. этим отрядом проведены раскопки большой сельской усадьбы IV-III вв. до н.э. и Северного могильника на Южно-Чурубашском поселении [Зинько, 2002], а в 2009-2014 гг. святилища на поселении Нижне-Чурбаш-

³ В 2004 г. ЦАИ вошло в качестве структурного подразделения в состав фонда «Деметра».

ское 2 [Зинько В., Зинько А., 2017]. С 2014 г. ведутся археологические разведки объектов археологического наследия на хоре античных городов Нимфей и Тиритака.

В 2002 г. по договору с Керченским музеем-заповедником начато изучение боспорского города Тиритака и его сельской округи. В центре городища был заложен новый раскоп XXVI, где на площади около 1100 кв. м изучены культурные напластования и открыты постройки от архаической эпохи до раннесредневекового времени [Зинько, Пономарев, 2009; Зинько, 2014]. Кроме этого в 2003-2005 гг. была проведена консервация раскопа XXII, где частично музеефицированы остатки западной и северной крепостных стен с угловой северо-западной башней, а также прилегающих к ним древних построек (илл.3). Осуществлено финансирование и согласование проекта музеефикации памятника археологии – боспорского города Тиритака. С 2008 г. исследования ведутся в северной части городища – раскопы XXVIII и XXIX. В 2008-2013 г. в исследованиях у западной крепостной стены на раскопе XXVII принимал участие польский отряд под руководством А. Твардецкого. С 2014 г. раскопки ведутся у северной и западной крепостных стен города Тиритака.

С 2002 г. ежегодно выделялись благотворительные гранты академическим и музейным учреждениям Украины и России на проведение археологических исследований на территории Крыма. В 2005 г. были выделены гранты А.И. Айбабину. (КО ИВ НАНУ) и Н.Ф. Федосееву (КИКЗ). В 2007-2009 гг. Фондом финансировались охранно-спасательные раскопки на месте строительства нового корпуса Керченского историко-археологического музея. В 2008-2013 гг. Фонд ежегодно выделял гранты для поддержки работы российских экспедиций в Восточном Крыму и Керчи, что позволило продолжить работы этих экспедиций в непростых условиях украинского законодательства.

С 2011 г. ведется финансирование работ Боспорской подводной археологической экспедиции, проводящей ежегодные исследования в Керченском проливе. В 2011-2012 гг. этой экспедицией были открыты находящиеся на дне Керченской бухты у мыса Ак-бурун новые археологические объекты. В последние годы экспедицией ведутся археологические разведки в районе мыса Панагия, Тузла и Такиль [Зинько А., 2016]. В 2016 г. было выделено три гранта: на раскопки городища Китей и его некрополя, и на раскопки городища Порфмий.

В рамках проекта «Научные сборники» с 2000 года фонд «Деметра» начал финансирование издание научного сборника статей украинских и

российских исследователей «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» (МАИЭТ), посвященных античной и средневековой истории, археологии и нумизматике Крыма. До настоящего времени вышло XXIV тома. В 2006-2014 годах издавалось приложение к этой серии МАИЭТ «Supplementum», и в 2014 году издан 14 том «Жилые дома Центрального квартала Ольвии» монография ведущих киевских археологов С.Д. Крыжицкого и Н.А. Лейпунской

В 2001 г. совместно с Крымским отделением института востоковедения НАНУ (ныне НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского) было основано новое научное периодическое издание, в котором отражены результаты исследований по археологии и истории Боспора – «Боспорские исследования». В 2001-2020 гг. вышло 40 томов «Боспорских исследований» общим тиражом свыше 20 тыс. экземпляров. С 2014 г. «Боспорские исследования» выходят 2 раза в год, индексируются в РИНЦ, а также входят в список научных журналов ВАК МОиН РФ по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология. В 2007 году фонд «Деметра» начинает издание новой научной серии - «БИ – Supplementum», в которой к 2020 году выпущено 19 томов. Это большие монографические исследования, посвященные античной и ранневизантийской археологии Боспора.

С 2002 г. фонд «Деметра» начал программу и стал выделять гранты, по которым исследователи изучают коллекции археологических предметов и готовят каталоги коллекций античных памятников Керченского историко-археологического музея. Впервые в Крыму была поставлена задача полного научного издания уникальных коллекций античных и ранневизантийских древностей. Так в 2002-2005 гг. по проекту «Керамические клейма» фонд «Деметра» проводил ежемесячное финансирование работ научной группы сотрудников Керченского музея под руководством Н.Ф. Федосеева. Коллекция керамических клейм на амфорах, черепицах и других сосудах Керченского музея насчитывает более 20 тысяч клейм и более 1000 целых амфор. Планировалось подготовить публикацию материалов в 6-ти томах по центрам производства – Фасос, Гераклея Понтийская, Книд, Синопа, Кос, Родос, Боспор, Колхида, Аканф, Хиос, Парос Менде, Группа Пармениска и неопределенные центры. В 2006 г. фондом «Деметра» был выделен персональный грант Н.Ф. Федосееву на подготовку тома «Керамические клейма Боспора». Только по прошествии 7 лет, получив материалы исследователя в 2012 г., фонд «Деметра» издал каталог «Керамические клейма. Том I. Боспор». Половина тиража этого каталога была передана в качестве дара в Керченский историко-куль-

турный заповедник. В 2015 г. Фонд получил для издания материалы тома «Керамические клейма. Том II. Гераклея Понтийская» и в 2016 г. он был напечатан. В 2020 г. фонд продолжит проект «Керамические клейма», выделив грант на подготовку нового тома каталога.

С 2004 г. фонд «Деметра» начал программу по изучению античной нумизматической коллекции и стал выделять ежегодные гранты на подготовку к изданию этого собрания КИКЗ. По своему научному значению нумизматическая коллекция Керченского музея стоит в одном ряду с крупнейшими коллекциями античной нумизматики. В 2006 г. фондом был издан каталог группы исследователей под руководством М.Г. Абрамзона I-й том нумизматической коллекции из фондов керченского музея «Клады античных монет», а в 2010 г. – II-й том «Античные монеты». В 2019 г. издан III-й том «Античные монеты из довоенной коллекции Керченского музея», половина тиража было подарено местному музею-заповеднику.

С 2004 г. научная группа сотрудников Керченского заповедника под руководством Д.В. Журавлева (ГИМ, Москва) приступила к подготовке публикации каталога коллекции светильников. На это фондом было выделено несколько благотворительных грантов. По результатам этих грантов в 2007 г. фонд «Деметра» издает I том коллекции «Светильники 6 – первой половины 3 вв. до н.э.», а в 2010 г. – II том «Светильники 3 в. до н.э. – 4 в. н.э.». В настоящее время авторским коллективом по гранту Фонда ведется работа над 3-м томом.

В 2005 г. фондом «Деметра» и Керченским заповедником совместно с Национальным музеем г. Варшава была начата программа по изучению и публикации коллекции рельефных («мегарских») чаш. Планировалось издать всю коллекцию в 2-х томах на английском и русском языках. В составе исследовательской группы от вошли сотрудники Керченского заповедника, а от Национального музея Варшавы – С. Гжегжулка. В 2006 г. сотруднику заповедника был выделен грант фонда на подготовку 1-го тома, а работа специалистов из Национального музея Варшавы и издание финансировались из польских средств. В 2010 г. в Варшаве был издан 1-й том «Мегарские» чаши.

В 2008 г. фонд «Деметра» совместно с профессором О. Ягги из Базельского университета (Швейцария) начал программу по изучению и изданию аттических ваз в музейных собраниях Крыма. В 2012 г. был издан том «Аттические краснофигурные вазы IV в. до н.э.» из Керченского заповедника. В 2015 г. эта программа была продолжена в рамках 3-х стороннего договора между Фондом «Деметра», Базельским универси-

тетом и Крымским федеральным университетом им В.И. Вернадского. По этому проекту подготовлено два тома каталога по аттическим вазам из собрания музеев Феодосии, Ялты, Симферополя, Севастополя, а также Евпатории и Черноморского. В 2018 г. фондом был выделен грант А.Е. Петраковой на обработку коллекции чернофигурной аттической и расписной восточно-ионийской керамики из раскопок боспорского города Тиритака. По завершению этой работы планируется издание каталога.

Большая работа на протяжении последних двух десятилетий ведется по программе «Сохранение историко-культурного наследия» в рамках нескольких проектов. Так по проекту «Склеп Деметра» в 2000 г. фонд «Деметра» оплатил проектные работы по строительству кольцевого дренажа и в 2001 г. профинансировал работы по строительству кольцевого дренажа вокруг склепа и вывода их в ливневую систему. Именно наличие этого сооружения спасло склеп от затопления во время сентябрьского наводнения 2002 г. в городе Керчь. Кольцевой дренаж также способствует постепенной нормализации температурно-влажностного режима в склепе, необходимого для сохранения античной полихромной росписи. Для наблюдения за изменениями температурно-влажностного режима в склепе и состоянием фресковой живописи был заключен договор с реставрационным центром «Обериг» (г.Киев). Работы этой группы специалистов были оплачены Фондом «Деметра» в 2001г.

Основные усилия фонд «Деметра» сосредотачивает на работах в самом памятнике склеп Деметра. Работа велась по двум направлениям: научно-исследовательскому и инженерно-реставрационному. Итогом научно-исследовательских работ стал выход в 2009 г. большого коллективного труда «Склеп Деметры», I тома из серии книг – Свод памятников Керченского государственного историко-культурного заповедника [Зинько и др., 2009]. В этой книге приведены архивные документы о склепе, его цветные фотографии, описание росписей и находок. Особое внимание уделено анализам штукатурки, которые фонд «Деметра» проводил в Москве, Киеве и Варшаве. Было установлено, что состав штукатурки соответствует древнеегипетским, а часть росписей склепа выполнена представителем александрийской школы.

В 2008-10 гг. фонд «Деметра» оплачивает заказанные Керченским заповедником работы по экспертизе и подготовке проекта замены перекрытия над склепом. Для составления рабочей документации по проекту перекрытия в 2011 г. министерство культуры Крыма перечисляет в заповедник значительную сумму денег. Однако после смены руководства Керченского

заповедника эти выделенные бюджетные средства уходят на оплату эскизных работ по благоустройству территории и строений возле склепа.

В 2000 г. коллектив заповедника проводил подготовку к празднованию 175-летия Керченского музея древностей. Здание музея, где должны были разместиться экспозиционные выставки, требовало капитального ремонта и реставрации. Начатые в 1990 г. строительные работы в правом крыле здания (ныне церковь Александра Невского) привели к утрате этой части музея, а в остальной, закрытой, ремонт не велся уже 10 лет. В 2001 г. фонд «Деметра» в рамках проекта «Керченский музей» профинансировал капитальный ремонт и реставрацию оставшейся части музейного корпуса – дома К. Мисаксуди. После 10-летнего перерыва в экспозиционной деятельности было открыто 4 музейных зала на первом этаже здания. Фондом было оплачено приобретение музейных витрин и выделены средства на другие экспозиционные затраты. Научными сотрудниками заповедника и фонда были подготовлены статьи для специального выпуска журнала «Пам'ятки України» (№3, 2001), посвященного 175-летию юбилею музея древностей Керчи, проведена юбилейная научная конференция. Финансирование этих мероприятий осуществил фонд «Деметра».

Проект «Керченский музей» был продолжен и в 2002 г. На втором этаже в здании музея было отреставрировано и специально оборудовано для выставки «Средневековая Керчь» еще три зала. Фондом также были выделены денежные средства на капитальный ремонт и оборудование двух этажей правого крыла здания музея (хозяйский корпус дома К. Мисаксуди), где располагаются кабинеты научных сотрудников музея и реставрационные мастерские.

Уникальные коллекции Керченского заповедника хранятся в отдельном здании, расположенном во дворе музея и построенном в 70-х годах прошлого века. К 2003 г. в здании требовался капитальный ремонт и замена оборудования для хранения коллекций на всех трех этажах. На первом этаже фондохранилища, руководством заповедника было решено оборудовать специальным образом Золотую кладовую, одну из первых в Крыму. Фондом «Деметра» был профинансирован капитальный ремонт здания фондохранилища и создание Золотой кладовой, торжественно открытой в 2005 г. На средства фонда осуществлен ремонт всех внутренних фасадов зданий музея и фондохранилища, а также перепланировка и реконструкция двора музея в 2003 - 2005 гг. В 2004 г. для фондохранения музея были приобретены фондом компьютеры и

специальная музейная программа «Камисс», обеспечивающая обработку и хранение всей базы данных фондовых археологических коллекций.

С 2006 г. фонд «Деметра» финансировал программу по проектированию и строительству нового здания Керченского музея, которое позволит расширить выставочные площади и фондохранение музея более чем на 4000 кв.м. [Галченко, 2007]. На месте нового корпуса музея фонд «Деметра» в 2007-2009 гг. оплатил проведение охранно-спасательных раскопок. В 2010 г. архитектурный проект нового корпуса Керченского музея был согласован и произведена экспертиза проекта. Крымская строительная компания «Консоль» выиграла тендер на проведение строительства. После вхождения Крыма в состав России, данная программа была поставлена на перспективное финансирование министерством культуры Крыма.

Совместная проект «Керченский лапидарий» по сохранению и изданию лапидарной коллекции, начатый в 2000 г. фондом «Деметра» и местным музеем-заповедником, включал комплекс мероприятий, финансируемых из благотворительных средств: создание современного здания-фондохранилища; перевоз в здание лапидария более тысячи памятников; оснащение здания подъемными устройствами для перемещения памятников; их реставрацию, научную обработку коллекции и подготовку выставочных залов.

Начиная с 2000 г. группа научных работников музея (руководитель Т.А. Матковская), финансируемая фондом, начала работу по изданию всей лапидарной коллекции. В 2004 г. были завершены работы над материалами для I-го тома каталога лапидарной коллекции - «Античная скульптура». В мае 2004 года I том - «Античная скульптура» был издан в издательстве «Мистецтво» г. Киев. С 2003 г. научная группа программы, по гранту фонда, вела работы, связанные с подготовкой очередного тома памятников лапидарной коллекции – «Боспорские надгробия». Для подготовки этого тома был заключен трехсторонний договор о сотрудничестве между заповедником, фондом «Деметра» и Национальным музеем Варшавы. Финансирование участия польских коллег под руководством А. Твардецкого в этом проекте осуществляет Национальный музей Варшавы. В группе исследователей по гранту фонда работали также эпиграфисты из Санкт-Петербургского Университета (А.П. Кулакова) и Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (С.Р. Тохтасев). В 2006 г. фондом был выделен грант Т.А. Матковской для проведения дальнейших работ по подготовке тома «Боспорские надгробия».

бия». Том «Боспорские надгробия II в. до н.э. - III в. н. э.» был издан фондом «Деметра» в 2009 г. в издательстве «Мистецтво»

В 2005 г. Фонд «Деметра» осуществил финансирование работ по подготовке материалов к изданию тома «Античная архитектура» под руководством А.В. Буйских (Институт археологии НАНУ). В 2010 г. фондом был издан IV том лапидарной коллекции - «Античная архитектура». В 2012 г. была начата работа над еще двумя томами каталога лапидарной коллекции. Работа над одним томом, в котором участвовали украинские и польские исследователи в настоящее время приостановлена (по просьбе иностранных ученых), а каталог «Антропоморфные надгробия», подготовленной Н.В. Молевой, вышел осенью 2016 г.

В 2012 г. Фондом «Деметра» был подписан договор с Керченским заповедником об оказании финансовой поддержки совместного проекта «Капитальный ремонт и организация отопления здания лапидария», включающий ряд мероприятий: оборудование отопительной системы в здании; оборудование и монтаж котельной; ремонт и оборудование выставочных залов первого этажа; ремонт входной группы и технических помещений; выполнение металлоконструкций для демонстрации лапидарных памятников. Данное соглашение включало и дальнейшее продолжение научной программы исследования и издания коллекции лапидария. До 2014 г. на средства фонда заповедником были сделаны два выставочных зала и несколько технических помещений. Однако, часть денежных средств, выделенных фондом «Деметра» на эту программу, руководством заповедника не была освоена вовремя освоена и оказалась безвозвратно утраченной. После 2014 г. музей-заповедник не возобновлял совместный проект и лишь в 2017 г. фонд «Деметра» провел разовую благотворительную акцию, оплатив работы по замене всех окон в двухэтажном здании лапидария.

Еще одним направлением в программе «Сохранение историко-культурного наследия» является проект «Археологический парк Тиритака». Объект культурного наследия федерального значения – «Археологический комплекс «Древнее городище Тиритака» - располагается на южной окраине современной Керчи. Имея довольно компактную и сравнительно небольшую территорию (около 9,5 га), городище в настоящий момент практически выведено из современного хозяйственного использования. Начиная в 2002 г. многолетний исследовательский проект «Боспорский город Тиритака» фонда «Деметра» наряду с большими исследовательскими задачами, включает, как одну из главных составляющих проекта

задачу по музеефикации древнего города и создание археологического парка [Зинько В., 2007].

В 2009 г. генеральный проект музеефикации Тиритаки был разработан и утвержден в соответствии с действующим законодательством. Вся рабочая документация была передана Керченскому заповеднику, однако бюджетного финансирования на его выполнение никогда не выделялось. Фонд «Деметра» оплатил консервацию раскопов в центральном, северном и западном участках древнего города, а также восстановил на протяжении сотен метров основания его крепостных стен и постройки у северо-западной угловой башни. Были подготовлены проекты по консервации тиритакских виноделен [Андрущенко, 2007], а также христианской базилики V в. н.э. Также было построено и передано Керченскому заповеднику небольшое здание с комнатами для зрителя и работы археологической экспедиции.

В рамках программы «Сохранение историко-культурного наследия» проводился еще один проект «Международный коллоквиум «Античный город». 1-й международный коллоквиум «Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов» был проведен в августе 2005 г. в научно-исследовательской центре фонда «Деметра». Организаторами этого семинара выступили Институт археологии НАНУ, Республиканский комитет по охране культурного наследия Крыма, Керченский заповедник и фонд «Деметра». Заседание в новом конференц-зале фонда открыл глава украинских антиковедов член-корр. НАНУ профессор С.Д. Крыжицкий, который являлся председателем оргкомитета коллоквиума. Всего собралось более 40 ведущих археологов и исследователей Украины, России и Польши. В докладах были представлены методики подготовки археологических обоснований к проектам консервации и реставрации археологических памятников, проекты реставрации объектов, технология реализации этих проектов, конкретные описания осуществленных проектов, общие проблемы музеефикации, а также зарубежный опыт [Зинько, 2006].

Учитывая то, что данная проблематика применительно к памятникам античной археологии на отдельном форуме впервые поднимается в Крыму, участники коллоквиума приняли решение об издании специального сборника и проведении подобных коллоквиумов один раз в два года. В конце августа 2007 г. в Керчи прошел 2-й коллоквиум на котором были представлены проекты музеефикации Ольвии, Херсонеса и Тиритаки. Для участников были проведены экскурсии по музеефицированным

объектам Тиритаки, расписным склепам Пантикапейского некрополя на северном склоне горы Митридат, а также проведена выездная экскурсия в Ольвию. В августе 2009 г. был проведен 3-й коллоквиум «Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов». Основные вопросы были связаны с проектом нового здания археологического музея в г. Керчи и проводимыми на месте будущего строительства археологическими раскопками.

В 2014 г. фонд начал новый проект «Керчь в годы войны» по изучению исторических событий и сохранению памятников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на территории Керченского полуострова. Кровавопролитные бои, партизанское и подпольное движение проходили на этой территории с осени 1941 г. по весну 1944 г. В рамках этого проекта фондом оказывается помощь в поисковой работе, издании тематических сборников, а также планируется восстановление памятников погибшим героям войны.

С 2016 г. фонд «Деметра» проводит еще один проект «Историко-археологическая студия». Он предназначен для старшеклассников керченских школ, для которых два раза в неделю в научно-исследовательском центре фонда проводятся теоретические и практические занятия. Летом студийцы проходят археологическую практику на раскопках боспорского города Тиритака, а также совершают экскурсии по древним памятникам. За 4 года работы уже 7 выпускников студии поступили в университеты на исторические факультеты.

В конце 2017 г. фонд «Деметра» приступил к созданию мультимедийной интерактивной экспозиции «Керчь – город 27 веков», посвященной древнейшему городу России - Керчи, центру древнего государства, существовавшего с рубежа VII-VI в. до н.э. до VI в. н.э. Выставка адресована в первую очередь школьникам, а также широкой аудитории, которая может посещать ее в составе организованных групп. Она расположена в отдельном зале площадью 100 кв. м в общественно-научном центре благотворительного фонда «Деметра». Главной целью мультимедийной экспозиции является получение у посетителей разных возрастов, и в первую очередь школьников, живого эмоционального отклика. Этого сложно добиться, просто разместив в витринах археологические находки, пусть и невероятно ценные с исторической точки зрения. Авторы экспозиционной концепции стремились реконструировать события и жизненный уклад той эпохи, дать возможность совершить небольшое путешествие по древнему Боспору.

Для разработки технического проекта экспозиции, его мультимедийного оснащения и последующей реализации фонд пригласил компанию Ascreen (Санкт-Петербург). Над сценографией экспозиции работали инженеры, конструкторы, графики, дизайнеры. В течении года совместно с авторами научной концепции (В.Н. Зинько и Е.А. Зинько) была проделана огромная работа по информационному наполнению стендов и инсталляций. Экспозиция делится на несколько мультимедийных зон, в том числе: «Доисторический период», «Правители Боспорского царства», «Города Боспорского царства», «Тысячелетний Боспор» и «Археологические сокровища Керчи», а также три выставочных локаций с витринами, в которых выставлены реплики древних артефактов: «Монеты Боспора»; «Боспор и Рим» и «Курганы и гробницы».

Выставка была открыта в марте 2018 г. Созданное коммуникационное пространство экспозиции «Керчь город 27 веков», с применением мультимедиа решений, интерактивных инсталляций, систем управления, современного аудио- и видеоконтента, основанного на профессиональном AV-оборудовании, позволяет в доступной и понятной современным школьникам форме получить базовые представления об истории древнейшего города России, а также о его археологическом исследовании за последние 200 лет. Экспозиция также представляет возможность дальнейшего углубленного получения знаний в этой области, используя неограниченные возможности заложенных в компьютерах материалов, которые быстро и удобно можно выводить в интерактивных зонах.

Весь объем проводимых фондом «Деметра» за прошедшие 25 лет работ позволил не только достичь значительных успехов в вопросах сохранения и изучения древностей европейского Боспора, но представить Керченский регион как один крупнейших научно-исследовательских историко-археологических центров Северного Причерноморья. В будущем благотворительный фонд «Деметра» намерен продолжить свои программы и активно участвовать в деле сохранения и изучения древнего наследия Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Андрющенко Н.П. Концепция музеефикации античных виноделен боспорского города Тиритака // БИ. – Вып. XVII. -Симферополь-Керчь, 2007. С.138-150.

Боровкова В.Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999. 160 с.

Галченко Н.В. Перспективы развития историко-археологического музейного комплекса в г. Керчи // БИ. – Вып. XVII. – Симферополь-Керчь, 2007. С.188-198.

Зинько А.В. Новые подводные археологические исследования в Керченском проливе // МАИЭТ. – Вып. XXI. – 2016. – С.19-29.

Зинько В.Н. Археологические прогулки по античной Керчи. Керчь, 1998. 64 с.

Зинько В.Н. Новый грунтовой могильник на хоре Нимфея. // БИ - Вып. П. - Симферополь, 2002. - С.219-248.

Зинько В.М. Міжнародний колоквіум «Античне місто: проблеми збереження архітектурно-археологічних комплексів» //Археологія. – 2006. - № 1. – С.103-107.

Зинько В.Н. Проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов городища Тиритака //БИ. – Вып. XVII. – Симферополь-Керчь, 2007. – С.128-137.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Комплексы VI-V вв. до н.э. Киев: АДЕФ, 2014. 596 с.

Зинько В.Н, Зинько А.В. Новые материалы о хоре Нимфея //Перипл: от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций. ТГЭ. [Т.] 88. СПб., 2017. – С.174-184.

Зинько В.Н., Зинько Е.А. Из истории конференции «Боспорские чтения» // XX Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. Симферополь-Керчь, 2019. – С.5-30.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Комплексы VIII-X вв. Киев: АДЕФ-Украина, 2009.

Зинько Е.А. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея-Боспора (исследования 1996-2009 гг. //БИ suppl. 16. - Симферополь - Керчь, 2017.

Зинько Е.А., Русяева А.С. и др. Склеп Деметры – К.: Мистецтво, 2009. – 184 с.: ил.

Матковская Т.А. ...Камень, изливающий немую скорбь. Керчь, 2000. 96 с.

Пономарев Л.Ю. Средневековая Керчь. Керчь, 1999. 62 с.

Zinko E. The crypt Demetra. Kerch, 1999. 39 p.

Zinko V. A walk through ancient Kerch. Kerch, 1998. 63 p.

Зинько Е.А., Зинько В.Н. (учредители фонда «Деметра»)

АБЛАЕВ Э.Д.

(ИАК РАН, ГБОУ ВО РК КИПУ им. Февзи Якубова, Симферополь)

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА МОНЕТАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Золотоордынские монеты с зооморфным изображением попали в поле зрения исследователей практически сразу с начала комплексного изучения восточной нумизматики. Семантика этих изображений, их назначение и происхождение до сих пор остается острым дискуссионным вопросом среди современных нумизматов.

Одним из первооткрывателей и важной личностью в истории нумизматики Золотой Орды стал Христиан Мартин Френ. Отдельного внимания заслуживает его труд «Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, вышедший в свет в 1832 году. Автор систематизировал, дешифровал и описал большое количество джучидских монет, из которых часть занимают монеты с зооморфным изображением [Френ, 1832, с. 9-38]. Стоит так же отметить, что автор в силу своего времени, довольно качественно и кропотливо подошел к своей работе. В контексте нашего исследования следует обратить внимание на монеты с изображениями животных в этой работе.

Х.М. Френ дает описание льва с солнцем для двух монет – на обеих монетах изображается лев, но с различной позицией солнца на фоне. Описывая монеты с изображением птиц, он не ассоциирует их с каким-либо биологическим видом [Френ, 1832, с. 9]. При этом автор уверенно атрибутирует другое изображение на монете как собаку [Френ, 1832, с. 38]. Кроме этого автор дает описание монет с изображением пум, барсов, ланей, уток, голубей, рыб и лошадей в различных вариациях.

Обилие зооморфных изображений, идентичных восточному календарю побудило Л.Л. Галкина выдвинуть теорию об астрономическом смысле на монетах [Галкин, 1985, с. 186-197]. Практически сразу эта те-

ория была подвергнута критике: «Была сделана попытка придать некоторым изображениям астрономический смысл, но удачной и доказательной ее назвать нельзя.» [Федоров-Давыдов, 2003, с. 32].

В современной нумизматике вопросы об определении большинства изображений живых существ на монетах Золотой Орды практически решены, редко у исследователей появляются трудности в определении распространенных изображений животных. Дискуссионными вопросами в атрибутизации остаются редкие чеканы монет.

Одним из ярких примеров является вопрос атрибуции двуглавой птицы на монетах. В этом контексте отметим дискуссию вокруг проблемы появления двуглавого орла на гербе Московии. Здесь исследователи разделились на три основных лагеря: «западников», «византинистов» и «восточников».

«Византинисты» считают, что двуглавый орел появился на гербе благодаря наследию царицы Софьи Палеолог. Основателем этой теории стал В.Н. Татищев. Позже, эта версия получила поддержку Н.М. Карамзина. В 1924 году выходит статья И.Н. Бороздина, в которой автор рассматривает одну сторону джучидского пула с изображением двуглавого орла как пример византийского влияния [Гончаров, 2015, с. 6]. Позже, на монетах, чеканеных в районе устья Дуная, увидел византийский след и румынский исследователь Э. Оберлендер-Тырновяну. В своей работе, переведенной с французского, автор выделяет пять типов монет с греческой легендой и изображением двуглавого орла. В свою очередь, по изображению двуглавой птицы и тамги, чеканы делятся на две большие группы – это монеты Ногаидов и Джучидов [Оберлендер, 2012, с.41].

Идею «западного» происхождения двуглавого орла на гербе в начале XX в. разработал Н.П. Лихачев. В ней он доказывает, что птица на гербе появилась непосредственно под влиянием Священной Римской империи [Агоштон, 2005, с. 11].

Сторонники восточной теории, как основной аргумент приводят изображения с джучидских монет, изображающих двуглавую птицу [Гончаров, 2015, с. 5]. В 1926 году работа И.Н. Бороздина была подвергнута жесткой критике в статье Р.Р. Фасмера, высказавшего свое мнение по поводу «восточного происхождения», и подтвердившего его ссылками на работы других нумизматов, и перечнем других монет с разных регионов [Гончаров, 2015, с. 6]. Версию Р.Р. Фасмера так же поддержал Г.А. Федоров-Давыдов, пусть и с некоторой осторожностью [Федоров-Давыдов, 2003, с. 32]. Так же Е.Ю. Гончаров подверг критике работу Э. Оберлендера-Тырновяну,

утверждая, что он уделяет большое внимание рассмотрению проблемы именно со стороны византийского происхождения, совершенно упуская из виду наличие подобных монет в чеканах Крыма и Малой Азии [Гончаров, 2015, с. 6]. В 2012 году разгорелась дискуссия между Д.М. Исхаковым и Е.Ю. Гончаровым. Д.М. Исхаков вывел теорию о том, что «... тамга «дома Бату» и «двуглавый орел» – это одна и та же эмблема, изображенная по-разному» [Исхаков, 2013, с. 124]. В 2015 году Гончаров публикует статью с ответом на версию Д.М. Исхакова: «... версия Д.М. Исхакова и других апологетов золотоордынского происхождения эмблемы Московского царства, а затем и российского герба – Двуглавого орла – не имеет никаких подтверждений на нумизматических памятниках» [Гончаров, 2015, с. 13]. Так же автор подметил, что на монетах с двуглавой птицей изображен не орел, а другая птица, и что эта версия находится в дальнейшей проработке. [Гончаров, 2015, с. 13]. К.К. Хромов в докладе, прочитанном на нумизматических чтениях в Государственном историческом музее в 2016 г., детально разбирает образ двуглавой птицы на монетах различных эпох и регионах. По его мнению в 80-е гг. XIII в. на джучидских монетах Крыма и Исакичи изображалась двуглавая птица Рух. А на монетах «Сарай ал-Джедид» и «Крым» 743 г.х. – «двуглавый орел» или мифическое двухголовое пернатое существо, и часто это изображение доводится до максимально абстрактного вида. В отношении каких либо заимствований, К.К. Хромов отмечает, что «похожие знаки и символы возникали часто в разных местах Евразийского континента» [Хромов, 2016]. В 2018 году выходит в свет новая статья Е.Ю. Гончарова «Игра о Джучидском пуле (Нумизматическое источниковедение на примере одной монеты)». В ней автор озвучивает тезис о том, что на монетах с двуглавой птицей изображен «двуглавый петух» [Гончаров, 2018, с. 84]. Так же исследователь уточняет, что речь идет именно о восточных, мусульманских монетах. Автор аргументирует это тем, что «двуглавый петух как символ и идея был заимствован денежными мастерами Золотой Орды с малоазийских мангыров ильханского чекана» [Гончаров, 2018, с. 85].

Таким образом, до настоящего времени среди ученых-нумизматов до сих пор нет единого мнения о ряде зооморфных изображений на золотоордынских монетах. В первую очередь это касается монет с изображениями двуглавой птицы. В большинстве же случаев все исследователи сходятся во мнениях об атрибуции зооморфных изображений и их происхождении. В то же время вопросы о назначении образов на монетах, их семантическом значении и иконографии остаются открытыми. Отметим

также, что тема далека от завершения и требует дополнительных комплексных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Агоштон М. Печать 1497 г. Ивана III: к проблеме происхождения российской государственной символики.: автореф. дис. док. ист. наук. / Волгоград, 2005. С. 28.

Галкин Л.Л., 1985 – Галкин Л.Л. Некоторые новогодние монеты Золотой Орды // Советская Археология. – № 4 – М., 1985.

Гончаров Е.Ю. Двуглавый орёл на монетах Золотой Орды и Малой Азии. Вторая половина XIII – XIV вв. // Нумизматика Золотой Орды. №5. Казань, 2015. С. 5–15.

Гончаров Е.Ю. Игра о джучидском пуле (нумизматическое источниковедение на примере одной монеты) // Труды института востоковедения РАН. Вып. 14. М. 2018. С. 61-93.

Исхаков Д.М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды Вып. 3. 2013. С. 120-127.

Оберлендер-Тырновяну Э. Bizantino-Tartarica – Монетная чеканка в зоне устьев Дуная в конце XIII – начале XIV века // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань, 2012. С. 38–53.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832.

Хромов К.К. Изображение двуглавого пернатого существа на монетах Улуса Джучи (мифология, символика или орнитология) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2016 года. Москва, 22 и 23 ноября 2016 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2016. С.91-96.

АБРАМЗОН М.Г., ЕРМОЛИН С.А., БУРАВЛЕВ С.А.
(ИА РАН, Москва)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО БОСПОРА: ГРЕЧЕСКИЕ ПРИВОЗНЫЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК МАНИТРЫ И ФАНАГОРИИ 2017–2018 ГГ.¹

Греческие привозные монеты редко встречаются на Боспоре и не характерны для нумизматического профиля региона. Тем большее значение для изучения проблем экономики и политической истории региона приобретает регистрация привозных монет из раскопок боспорских археологических памятников и случайных находок. К сожалению, этот важный материал нередко выпадает из поля зрения специалистов (Розов, 2014, с. 272).

Нумизматические материалы раскопок 2017–2018 гг. античного поселения Манитра (Восточный Крым) и Фанагории включают небольшой ряд привозных монет, введение которых в научный оборот нам представляется достаточно важной задачей.

Привозные монеты в монетном комплексе Манитры представлены бронзовыми монетами Ольвии и Афин последней трети IV в. до н.э., Лампсака 190–85 гг. до н.э., а также Диоскуриады конца II в. до н.э.

1. Манитра

1. ОЛЬВИЯ

Ок. 340–320 гг. до н.э.

Л.с. Голова Деметры в венке из колосьев влево.

О.с. Орел на дельфине влево. ОЛВИО.

ВКИКМЗ, № оп. 147; 8,6 г; 22 мм. SNG SHM Moskau 855.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00014 А «Новые данные о денежном обращении Боспора в IV в. до н.э. – III в. н.э. (монетные клады и комплексы из новостроечных и охранно-спасательных раскопок в Восточном Крыму и на Тамани в 2017–2019 гг. Новые поступления в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник и Таманский музей)».

2. АТТИКА, АФИНЫ

Ок. 322/317–307 гг. до н.э.

Л.с. Голова Афины в аттическом шлеме вправо.

О.с. АФ. Две совы. Вокруг оливковый веночек.

ВКИКМЗ, № оп. 482; 1.2 г; 11 мм. Kroll, 1993. Nos. 44e–45.

3. МИСИЯ, ЛАМПСАК

Ок. 190–85 гг. до н.э.

Л.с. Кадуцей внутри венка.

О.с. Протома Пегаса вправо; внизу палица; ЛА-МФА.

ВКИКМЗ, № оп. 735; 1.7 г; 13 мм. BMC Mysia 62; SNG France 5 1257, 1258 (вар.).

4. КОЛХИДА, ДИОСКУРИАДА

Кон. II в. до н.э.

Л.с. Шапки Диоскуров, увенчанные шестилучевыми звездами.

О.с. Тирс; ΔΙ–ΟΣ ΚΟΥ–ΡΙΑ Δ–ΟΣ.

ВКИКМЗ, № оп. 507; 4.6 г; 16 мм. SNG BM I 1021–1023.

2. Фанагория

5. АТТИКА, АФИНЫ

Нач. – сер. 330-х – 322/317 гг. до н.э.

Л.с. Голова Афины в аттическом шлеме вправо.

О.с. Сова с двумя телами. АФЕ.

ГИАМЗ «Фанагория», № оп. Ф-17-8; 1.59 г; 13 мм. Kroll, 1993. Nos. 43b, [41-43a].

Монеты Ольвии, Афин и Лампсака эллинистического времени являются важным свидетельством торгово-экономических контактов Боспора. Перечень зарегистрированных находок ольвийских и афинских монет в последние годы существенно увеличился (Розов, 2014, с. 275–279, 292, № 2–4; Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 63–67). Среди афинских выпусков зарегистрированы три серебряные монеты V в. до н.э. при абсолютном преобладании выпусков второй половины II – начала I в. до н.э.: это три тетрадрахмы «нового стиля», а также около десятка медных монет типов «Артемиды / племохойя» и «цикада / амфора» (Kroll, 1993, p. 38, 77, nos.

104a–b; 79, № 108a–f]). Эта мелкая медь, чеканившаяся для афинской клерухии на Делосе, представлена как единичными находками на сельских поселениях Таманского п-ова (Розов 2014, с. 275, рис. 1, 3–4), так и вкладах митридатовского времени (Abramzon, 2018, pl. 9, 1; Абрамзон, Новичихин, 2018, с. 340). Учитывая известный факт тесных экономических связей Боспора и Делоса в эллинистическую эпоху, поступление мелкой афинской бронзы на Тамань и район Горгиппии предпочтительнее объяснять торговлей именно с Делосом, а не Афинами.

Такое распределение афинских монет в боспорских находках демонстрирует более чем двухвековую хронологическую лагуну между V и II–I вв. до н.э. В предыдущих исследованиях отмечалось полное отсутствие афинских монет IV в. до н.э. – периода наиболее высокой торговой активности Афин в Понте (Розов, 2014, с. 277). Между тем публикуемая афинская медь из раскопок Манитры и Фанагории заполняет данную лагуну. К тому же принято считать, что мелкие бронзовые монеты выпускались только для локального обращения и редко циркулировали за пределами места их чеканки (Gitler, Kahanov, 2008, p. 391). Отсюда они, скорее всего, могли быть собраны только в тех портах, где останавливалось судно.

То же самое относится и к публикуемой мелкой монете Лампсака II – нач. I в. до н.э. из раскопок Манитры. Отметим, что мелкая монета Лампсака ок. 350–200 гг. до н.э. присутствует и в группе иноземной меди в Фанагорийском кладе 2007 г., которая, на наш взгляд, является бесспорным свидетельством морского путешествия из Фанагории в Ликийю с заходом в ряд портов западной Анатолии, в том числе и Лампсак (Abramzon, 2018, p. 57, table 2; Pl. 9, 11). На Боспоре зарегистрированы и другие мелкие монеты Лампсака III в. до н.э. (Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 133, рис. 48, 2), встречаются они и в иных пунктах известного морского торгового маршрута в Северном Причерноморье – на Левке и Тендре, где останавливались корабли по пути в Ольвию (Абрамзон, Тункина, 2018, с. 66).

Монеты эллинистической Ольвии – не редкость на Боспоре (перечень находок см.: Розов, 2014, с. 282–283, 294–295, № 14–16). Во внушительном их списке преобладают выпуски второй половины IV – первой половины III в. до н.э. (к которым примыкает и новая находка из Манитры), что отражает хронологические особенности торгового присутствия Ольвии на боспорском рынке; обратный процесс поступления боспорских монет в Ольвию отмечен еще большей активностью (Розов, 2014, с. 284).

Наконец, монета Диоскуриады из Манитры (рис. 1,3) не связана со временем существования памятника и могла быть занесена сюда слу-

чайно контингентами Митридата VI, перемещавшимися по сухопутном пути из Колхиды в Херсонес в конце II в. до н.э., либо торговцами: отмечено широкое распространение диоскуриадских монет вдоль восточного побережья Черного моря до Ольвии и их заметная роль на рынках Тавриды вместе с монетами других понтийских городов (Цецхладзе, 1989, с. 95; Карышковский, 2003, с. 253). Зарегистрированы и новые находки монет Диоскуриады на Тамани (список находок см.: Розов, 2014, с. 285, рис. 2, 26–28; 288–289, 296, № 26–28). Экземпляр из Манитры пополняет перечень боспорских находок монет данного центра: теперь их зафиксировано 28, ровно столько же сколько в Херсонесе, который, как было принято считать (Цецхладзе, 1989, с. 92, 94), уверенно опережал Боспор по числу таких находок (Розов, 2014, с. 289).

Итак, публикуемые монеты углубляют наши представления о разносторонних контактах Боспорского царства с различными центрами греческого мира. Особое значение при этом имеет обстоятельство находок монет Ольвии, Афин, Лампсака и Диоскуриады не только в крупных центрах (например, Пантикапее и Фанагории), но и на сельской территории, в частности, на впервые исследованной усадьбе эллинистического времени Манитра.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 3). М.

Абрамзон М.Г., Тункина И.В. 2018. Гости острова Левки (античные монеты по неизданным рисункам Н.Н. Мурзакевича) // ВДИ. Т. 78/1.

Карышковский П.О., 2003. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса.

Розов В.Н. 2014. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова // ДБ. Т. 18.

Цецхладзе Г.Р. 1989. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического. // ВДИ. № 3.

Abramzon M. 2018. Numismatic Evidence for Ancient Seafaring between the Levant, Western and Southern Asia Minor and the Northern Black Sea // Israel Numismatic Research. Vol. 13.

BMC Mysia – Wroth W. Catalogue of the Greek Coins of Mysia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Vol. 15). London, 1892.

Kroll J. H. 1993. The Greek Coins. (The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXVI). Princeton.

SNG BM I – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993.

SNG France 5 – Sylloge Nummorum Graecorum France. T. 5. Amandry M., Levante E. Département des monnaies, médailles et antiques. Mysie. Bibliothèque Nationale de France. Paris, 2001.

SNG SHM – Abramzon M., Peter U. Sylloge Nummorum Graecorum Russland, Staatliches Historisches Museum Moskau. Berlin-Boston, 2019.

АБРАМЗОН М.Г., САПРЫКИНА И.А., СМЕКАЛОВА Т.Н.
(ИА РАН, Москва; КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СТАТЕРОВ РЕСКУПОРИДА V И ФАРСАНЗА¹

Вопрос о характере правления Рескупорида V и Фарсанза в 253/254 г. н.э. не однократно дискутировался. Оба царя чеканили монеты с датой NΦ – 550 г. б.э., но не известно, был ли Боспор при них разделен на две части, и кто в какой правил, или же Фарсанз узурпировал власть на Боспоре на несколько месяцев, и одновременного правления Рескупорида V и Фарсанза не было (Голенко, 1970, с. 93). Высказывалось предположение о том, что Фарсанз ненадолго утвердился на азиатской стороне Боспора, где обосновались готы и другие варвары, а затем был отстранен от власти Рескупоридом V (Зубарь, Зинько, 2006, с. 162–163.). Очевидно только то, что чеканка статеров 550 г. б.э. от имени Фарсанза почти в десять раз превышает эмиссию Рескупорида V. Ранее мы полагали, что монеты обоих чеканились на одном дворе, о чем свидетельствуют общность их типологии, стиля, иконографии, фактуры и метрологии. Содержание серебра в статерах Фарсанза и Рескупорида V 253/254 г. н.э., по данным РФА монет из Фанагорийского клада 2011 г., составляет от 15 до 12%.

Недавнее исследование статеров Рескупорида V и Фарсанза из Керченских кладов 1964 и 1988 гг. выявило принципиально разные технологии изготовления их монет (Смекалова, Абрамзон, Сапрыкина и др., 2019). Статеры Рескупорида V изготавливались без применения специальных приемов серебрения поверхности, а повышенное содержание драгоценного металла на поверхности монет достигалось в процессе рафинирования поверхности заготовки путем выдерживания в уксусной

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке проекта РФФ № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости».

Рис. 1. 1 – Афины, IV в. до н.э. (Манитра, уеел. в 2 раз); 2 – Афины, IV в. до н.э. (Фанагория, уеел. в 2 раз); 3 – Диоскурида, кон. II – нач. I в. до н.э. (Манитра)

или лимонной кислоте и упрочения поверхности проковкой (Сапрыкина, Пельгунова и др., 2017, с. 490; Абрамзон, Сапрыкина, Кичанов, 2018; Abramson et al., 2018). Статеры Фарсанза, ядро которых мало чем отличалось по химическому составу от статеров Рескупорида V, имея крайне низкую концентрацию серебра, предположительно покрывались высокопробной серебряной фольгой (техника горячей плакировки).

Между тем в 2019 г. были проведены дополнительные металлографические исследования статеров обоих царей, которые дали очень важную информацию. Визуальный анализ данной выборочной серии статеров Рескупорида V и Фарсанза показал присутствие на поверхности монет локальных участков, имеющих характерный серебристый цвет. Наибольшая площадь таких участков наблюдалась в углублениях чеканного рельефа и на плоских участках, примыкающих к ним. В таких участках был выполнен рентгеноспектральный микроанализ (PCMA). Металлографический анализ проводился на стереомикроскопе Meiji Techno RZ-B при увеличениях 7,5 крат, с использованием системы компьютерного анализа изображений Thixomet PRO. Микроструктура и поверхность монет исследовалась с помощью сканирующего электронного микроскопа JSM 6490 LV во вторичных электронах. PCMA проводился с использованием специальной приставки к сканирующему микроскопу – системы INCA Energy. Применялся метод картирования элементов на поверхности. В рентгеновских спектрах во всех монетах выявлены пики Cu, Ag, Sn, Si, Cl, O.

Результаты количественного анализа химического состава статеров показывают, что в составе всех монет содержится медь – 46,7–65,12 %, серебро – 12,83–20,37%, олово – 1,98–3,74%, хлор – 0,72–1,1%, а также в одном из экземпляров свинец – 3,45%. Монетным сплавом одних статеров является оловянистая бронза, других – оловянистосвинцовистая бронза.

В локальных участках на поверхности монет Рескупорида V PCMA выявил в рентгеновских спектрах пики серебра, меди и кислорода (очевидно, как результат окисления металлов). Содержание металлов на выпуклых частях рельефа поверхности монет составило 72–80% Ag и 11–22% Cu, во впадинах рельефа – 23–63% Ag и 19–46% Cu, на поле монеты – 37–56% Ag и 33–59% Cu.

Содержание серебра в разных монетах Фарсанза составляет от 4 до 81%, меди – от 5 до 95%. Такое различие можно объяснить разной степенью окисления, что подтверждается разным содержанием кислорода, которое варьируется от 5 до 55%. Кроме того, методом PCMA во всех ста-

терах Фарсанза обнаруживается хлор, количество которого составляет от 0,9 до 2,3%, а также натрий в количестве 4–11%, кальций – 0,4–1,5% и магний – 0,21–0,26%. Концентрация серебра на поверхности статеров Фарсанза объясняется возможным применением в технологии изготовления монет методов серебрения поверхности. Установлено, что в тех участках, где обнаруживается серебро, медь отсутствует. Детальный анализ структуры поверхности на исследуемых участках показал, что серебро имеет вид игольчатых кристаллов. Такая морфология кристаллов серебра свидетельствует об отсутствии воздействия пластической деформации, т.е. серебрение проводилось уже после операции чеканки.

Присутствие хлора, кальция, магния и натрия статерах Фарсанза можно связать с технологией серебрения поверхности монет путем использования пасты, в состав которой входили хлорид серебра, хлорид натрия, хлорид аммония, тартрат калия, хлорид ртути и мел в качестве загустителя.

Доказательством наличия серебряного покрытия монет Фарсанза служит также присутствие «чешуек» этого металла на поверхности статеров: карты распределения элементов свидетельствуют, что в исследуемых участках «чешуек» обнаруживается серебро, а медь отсутствует. Толщина покрытия составляет около 10 мкм, что хорошо наблюдается при больших увеличениях кромки таких «чешуек».

Таким образом, на основании анализа полученных результатов металлографического и микрорентгеноспектрального исследований поверхности монет статеров установлено, что для изготовления статеров Рескупорида V применялся сплав серебра с медью (биллон) в пропорции примерно 1:1, а статеров Фарсанза – медный сплав с серебряным покрытием. Покрытие имеет толщину около 10 мкм и было нанесено путем использования серебросодержащей пасты уже после операции чеканки.

Установленный факт использования для чеканки статеров Рескупорида V и Фарсанза совершенно разных технологий заставляет полагать, что они не были соправителями. Могли ли они вообще чеканить статеры на одном монетном дворе? Остается констатировать, что Рескупорид V после восстановления своего единовластия в 254/255 г. н.э. продолжал чеканить статеры без серебряного покрытия до 267/268 г. н.э. Затем наступает перерыв в чеканке, и в 275/276 г. Рескупорид V, Савромат IV и Тейран чеканят медные статеры уже с серебряным покрытием (Абрамзон, Гунчина, Сапрыкина, 2017; Абрамзон, Сапрыкина, Смекалова, 2018). В 286/287 г. небольшую партию посеребренных статеров выпускает и Фофорс. На поверхности последних так же фиксируется присутствие хлора, кальция,

магния и натрия, позволяющее предполагать технику серебрения с использованием специальных паст (Абрамзон, Ефимова и др., 2020).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Гунчина О.Л., Сапрыкина И.А. 2017. Содержание серебра в стateraх Тейрана и реконструкция техники серебрения // ПИФК. № 4.

Абрамзон М.Г., Ефимова Ю.Ю., Копцева Н.В., Барышников М.П., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. 2020. Рентгеноспектральный микроанализ поверхности статеров Фофорса 286/287 г. н.э.: новые данные о технологии серебрения боспорских монет // Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования. № 5.

Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Назаров К.М., 2018. Исследование химического состава сплава боспорских билонных статеров III в. н.э. методами РФА-спектроскопии, нейтронной томографии и дифракции // Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования. № 2.

Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. 2018. Содержание серебра в стateraх Савромата IV // ПИФК. № 3

Голенко К.В. 1970. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. № 2.

Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. (БИ XII). Симферополь–Керчь.

Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А., Гунчина О.Л., Равич И.Г., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Назаров К.М. 2017. Некоторые замечания о технике изготовления боспорских статеров из Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5).

Смекалова Т.Н., Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Антипенко А.В., Лобода А.Ю., Быковская Н.В., Гунчина О.Л. 2019. Новые данные о чеканке Рискупорида v и Фарсанза по материалам исследования состава сплава монет из керченских кладов 1964 и 1988 гг. // МАИЭТ. Т. XXIV.

Abramson M.G., Saprykina I.A., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Nazarov K.M. 2018. A Study of the Chemical Composition of the 3rd Century AD Bosporan Billon Staters by XRF-Analysis, Neutron Tomography and Diffraction // Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques. No. 12/1.

АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; ИАК РАН, Симферополь)

ПРЕДМЕТЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА X-XI ВВ. ИЗ КЕРЧИ

В 2006 г. экспедицией под руководством А.И. Айбабина проводились охранные археологические раскопки в центре г. Керчи, на южной стороне Кооперативного переулка. В результате на исследованном участке удалось проследить стратиграфию городской застройки конца VII – середины XVIII в. Наиболее ранними являются затопленные водой стены помещения 12 пятого строительного периода, которое судя по керамике разрушили в конце VII в. В начале четвертого строительного периода, видимо, в VIII в. в северной части раскопа 1 строится хазарский дом. В IX – XI вв. раскопанный участок дважды застраивается. Вначале на стенах помещения 12 возводится помещение 11, а над остатками хазарского дома строятся помещения 8-10. После пожара, уничтожившего постройки нижнего горизонта четвертого строительного периода, сооружается мощеная камнем площадь и возводится строительный комплекс 2. Судя по монетам и керамике в конце XI в. пожар уничтожил все названные постройки. В третий строительный период в XII –XVI вв. на участке без регулярной планировки сооружаются небольшие дома. С XVI и до середины XVIII в. (второй строительный период) на участке находилось городское кладбище.

В культурном слое четвертого строительного периода, в горизонте X-XI вв. найдены различные изделия византийского круга, среди которых особый интерес представляют костяной гребень (рис. 1, 1) и стеклянные полихромные браслеты (рис. 1, 2-5).

В помещении 6 у стены 12 обнаружен двусторонний цельный костяной гребень трапецевидной формы (рис. 1, 1). Его размеры: высота 7,2 см; ширина верхней части 5,7 см, нижней – 4,8 см; толщина 0,7 см.

Верхняя часть гребня сделана с частыми тонкими зубцами (их сохранилось около 34), нижняя – с крупными 10-ю зубцами. Зубцы «частой стороны» поломаны, один из крупных зубцов нижней части не сохранился. На лицевой стороне в центральном поле, прорезано изображение птицы (голубя?) с поднятым крылом и длинным пышным хвостом. Птица представлена в профиль, влево. Изображение хорошо проработано: крупный глаз обозначен циркульным орнаментом, видны небольшие лапки с когтями, хвост – с длинными перьями. Центральное поле сверху ограничено аркой из двух концентрических врезных линий, снизу – тремя горизонтальными прямыми отрезками, с размещенными между ними двумя волнистыми линиями. Фон позади птицы заполнен вертикальной штриховкой из параллельных врезных линий, расположенных близко друг к другу. На обратной стороне гребня в центральном поле продублировано изображение лицевой стороны, но более упрощенно и схематически. У птицы отсутствуют лапки, хвост едва намечен штрихами.

Аналогичные по форме двусторонние гребни найдены в Коринфе – в слоях IX-XI вв. (Davidson 1952, p. 179-180, 182, Cat.Nr. 1301-1303, Pl. 80, 1301-1303); в Херсоне – в Северо-Восточном районе, в квартале С и в Центральном районе, в помещении 1958 г. (на участке античного театра), с инвентарем XII-XIII вв. (Наследие..., 2011, с. 291, 586-587, кат. №329, 330); на плато Эски-Кермен – в усыпальницах X-XIII вв., расположенных около вырубных храмах на подъемной дороге (Айбабин 1991, с. 242, рис. 7, 1,2,10). Гребни из Коринфа выполнены из слоновой кости и богато декорированы: в их центральной части размещены парные фигуры павлинов или львов. Гребни из Херсона и Эски-Кермена – гладкие.

В качестве аналогии представленным на гребне из Керчи изображениям (по форме, технике и манере исполнения) следует назвать небольшие костяные пластинки для декора ларцов X-XI вв., найденные в Херсоне (Банк 1978, с. 86-87; Наследие..., 2011, с. 294-295, 590-592, 594-595, кат. № 337-340; 345; 347) и в Амасии (Северная Турция) (Ödekan 2007, p. 174-177).

К группе предметов византийского прикладного искусства относятся и стеклянные браслеты (Щапова, 1998, с. 102-103). Большинство браслетов, происходящих из раскопок в Кооперативном переулке, сделаны из темно-синего полупрозрачного стекла. Они выполнены из круглого в сечении прута (гладкого либо крученого) или из овальной в сечении полочки. Многие браслеты расписаны белой или желтой краской. Преобладают геометрические узоры: зигзаговидные линии, поперечные черточки, спирали (рис. 1, 2,3). На некоторых изображены стилизованные фигуры

птиц (рис. 1, 4) или сложный растительный орнамент, нанесенный белой и желтой краской (рис. 1, 5). Аналогичный набор византийских браслетов выявлен Т.И. Макаровой в слое X-XI вв. при раскопках средневековых кварталов около церкви Иоанна Предтечи (Макарова 1998, с. 362-363). Подобные браслеты из синего стекла, богато расписанные фигурами птиц, растительным и геометрическими композициями, найдены в центре Керчи, на территории бывшего старого рынка, в 40 м к северо-востоку от церкви Иоанна Предтечи, в богатом женском погребении X-XI вв. (Макарова 2005, с. 346-347, рис. 1). В Крыму аналогичные браслеты также массово встречаются в Херсонесе, в слоях X-XII вв. (Наследие... 2011, с. 404, 670-671, кат.№ 489, 490) и в Судаке, в зольнике второй половины X-XI в. (Майко 2014, с. 138-139, рис. 150-154). По мнению Ю.Л. Щаповой, изготовление расписных браслетов является сложным производством, поскольку предполагает кооперацию разных специалистов: стекольщика, изготовлявшего браслет и живописца, наносившего росписи специальными материалами и инструментами (Щапова 1988, с. 105). Рассматриваемые браслеты из темно-синего стекла с полихромной росписью из Керчи являются образцами византийского стеклоделия X-XI вв.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Основные этапы городища Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1991. Вып. II. С. 43-60, 236-242.

Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. Очерки. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 312 с.

Макарова Т.И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2005. Вып. XI. С. 346-354.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 344-393.

Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. Киев, 2014. 466 с.

Наследие Византийского Херсона / Ред. В. Залесская, Т. Яшаева, А. Рабинович. Севастополь: Телескоп – Остин: Институт классической археологии Техасского университета, 2011. 708 с.

Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: «Эдиторал УРСС», 1988. 288 с.

Davidson G.R. Corinth XII. The Minor Objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.

Ödekan A. (Ed.) "The Remnants". 12th and 13th centuries Byzantine objects in Turkey. Istanbul, 2007. 303 p.

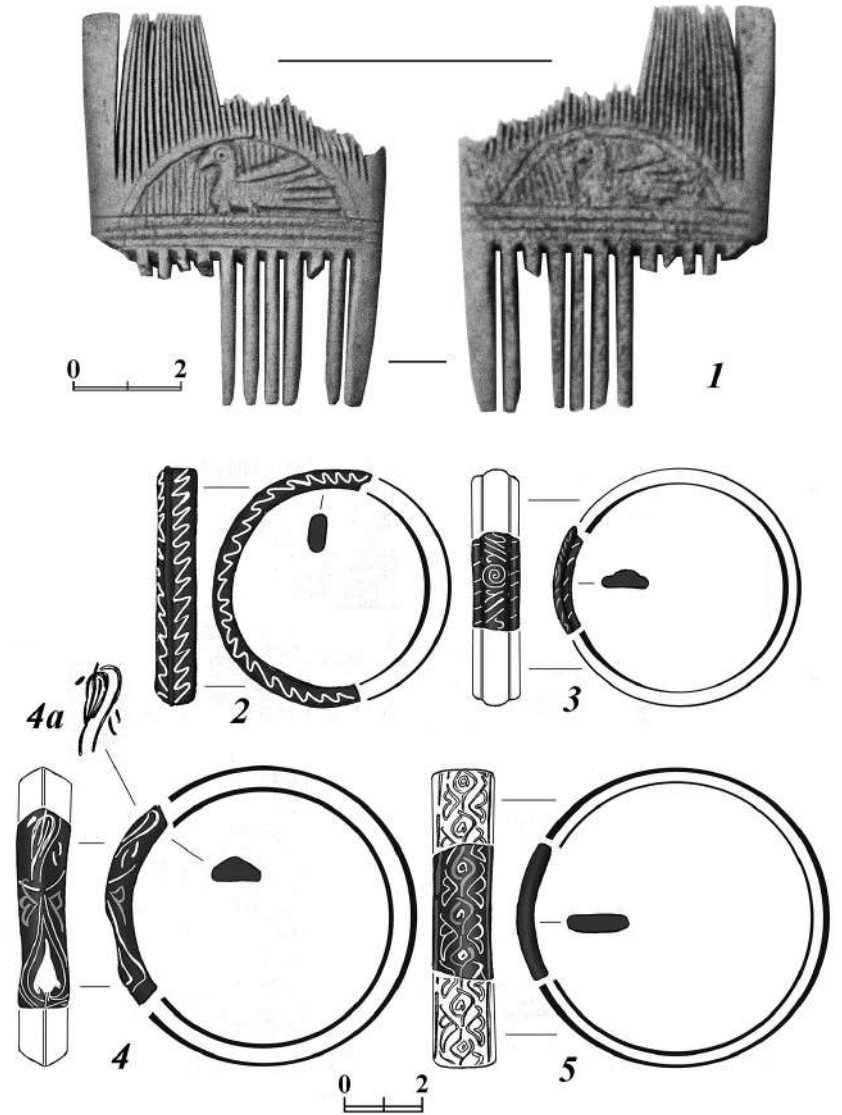

Рис. 1. Византийские изделия X-XI вв. из раскопок 2006 г. в г. Керчи, в Кооперативном переулке

АЛЕКСЕЕНКО Н.А.
(ИАК РАН, Симферополь)

СФРАГИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ОБЪЕКТЫ ИСКУССТВА

Находки моливдовулов как в археологических контекстах, так и без таковых, открывают многогранные возможности изучения сфрагистического материала, имеющего огромное значение для истории и культуры не только Византийского государства, но и многих соседствовавших с ней стран и народов.

Сохранившиеся в легендах печатей сведения, иконография бытующих на них образов, язык надписей, нередко их стихотворная форма, особенности шрифта достойны внимания самого широкого круга исследователей – от историка и искусствоведа, до филолога и палеографа.

Благодаря разнообразию бытующих на печатях иконографических типов, сфрагистика дает ценнейший материал для истории средневековой культуры и изучения истории византийского искусства в целом.

Отметим, что нередко изображения моливдовулов действительно являются шедеврами византийской мелкой пластики, и их можно смело поставить в один ряд со знаменитыми памятниками византийского искусства – иконами, фресками и памятниками декоративно-прикладного искусства. В качестве одного из таких выдающихся примеров можно привести печать императорского протоспафария Ставракия (Рис. 1,1), на которой представлен редкий случай высокохудожественного исполнения портрета самого заказчика буллы.

Малый размер матриц моливдовулов при всем лаконизме художественного воплощения того или иного образа требовал от средневекового резчика-гравера определенной сжатости художественного языка мастера, который зачастую был вынужден проявлять свое мастерство, в передаче необычайно тщательно выполненных деталей. Таковыми

предстают образы архангела Михаила на моливдовуле стратига Давида Вурца (Рис. 1,2), святого воина Димитрия на печати стратига Льва Врахамия (Рис. 1,3) или св. Пантелеймона на булле судьи фемы Пафлагония Константина (Рис. 1,4).

Основополагающая роль христианской религии в Византийском государстве в первую очередь проявилась в области идеологии, в том числе и искусстве, где эталонными стали изображения священных образов – И. Христа, Богородицы и многочисленных православных святых. Эта тенденция получила широкое развитие и в сфрагистике (Рис. 1,5–9).

Предпочтение отдавалось погрудным изображениям, хотя нередко можно видеть и ростовые фигуры, особенно святых воинов. При изучении изображений последних на печатях много интересных моментов могут найти исследователи истории византийской армии и вооружения. На моливдовулах присутствует широкое разнообразие форм воинского облачения и оружия соответствующих эпох, что при соотнесении их с конкретными археологическими находками нередко позволяет уточнять время бытования тех или иных типов. Яркими примерами тому могут служить моливдовулы, стратига Сервии Николая Дермокаита (Рис. 1,10), севаста Андроника Кантакузина (Рис. 1,11) магистра Адриана Далассина (Рис. 1,12) и многих других.

Особое место среди памятников сфрагистики, несущих изображение христианских образов, занимают моливдовулы с многофигурными композициями. В большинстве своем, это широко известные евангельские сцены – Благовещение, Крещение, Рождество, Сретение, Успение, Распятие, Сошествие в ад и др. Очень редко встречаясь на моливдовулах, они привлекают внимание в основном, благодаря их высокому художественному исполнению.

Изучение памятников сфрагистики с изображением популярных библейских сцен не только знакомит нас с прекрасными произведениями византийской мелкой пластики, но и позволяет проникнуть в творческую лабораторию средневековых граверов-художников, создателей матриц печатей, о работе которых так мало известно.

Анализируя представленные на моливдовулах изображения и отмечая развитие того или иного сюжета, исследователи-искусствоведы нередко отмечают проявления индивидуального мастерства и особого почерка резчика, стремившегося на миниатюрном поле матриц булл передать все великолепие копируемого им эталонного образца.

Наиболее распространена на печатях сцена Благовещения (Рис. 2,1). Как известно византийские мастера воспроизводили строго регламентированные изображения тех или иных священных образов. Но несмотря на то, что памятники сфрагистики далеко не в полной мере располагают всеми необходимыми параметрами для передачи художественных образов тем не менее мы видим, что резчик с большим мастерством, передает динамичность фигур Девы Марии и благовествующего ангела.

Высокий динамизм сложной многофигурной композиции «Вознесения Христова» присутствует и на булле патриарха Болгарии Виссариона (см. Рис. 2,2)

Не менее популярной на печатях была сцена Успения Богородицы (Рис. 2,3). В композиции Успения, восходящей к апокрифическому описанию смерти Богородицы, на моливдовулах как правило сохраняется основная ее схема со множеством действующих лиц.

Как можно судить по дошедшим до нас экземплярам малое пространство матриц печатей никаким образом не мешало резчику не только изобразить большое число персонажей, но и тщательно выписать отдельные детали: к примеру, передачу рисунка покрыва или изображения сегмента неба.

Многие из печатей с композицией Успения обращают на себя внимание утонченностью и филигранностью исполнения изображений, свидетельствуя о талантливости и мастерстве резчика, сумевшего не только передать сложную композицию, но, и придать ей эмоциональный характер.

Одной из наиболее редких многофигурных композиций на моливдовулах является сцена Рождества Христова. Известны только два моливдовула с таким изображением; один из собраний Государственного Эрмитажа (см. Рис. 2,4), другой – Афинского нумизматического музея. Последний на обороте имеет еще одну многофигурную композицию Сошествие в ад.

Один из эрмитажных моливдовулов с композицией Сошествия несмотря на традиционную иконографическую схему демонстрирует особую авторскую трактовку сюжета (см. Рис. 2,5). Фигура Христа выглядит статично, без какого-либо движения, он лишь держит Адама за руку, не прилагая никаких усилий, чтобы вытащить последнего из гроба.

С конца XI в. среди сфрагистических типов появляется еще один сюжет – Распятие. Тщательно проработанные в высоком рельефе изображения фигуры распятого Христа и предстоящих Богородицы и Ио-

анна Богослова на печати протоновеллисама Льва Казана, (Рис. 2,6). снабжены массой всевозможных деталей. В.С. Шандровская отмечала, что «общий характер композиции говорит о причастности резчика к высокой художественной традиции, который умело выражает трагическое величие Распятия, используя все средства его передачи» [Шандровская 2019, с. 429].

Следует отметить, что нередко буллы подобно названному выше экземпляру из Афинского нумизматического музея несут многофигурные композиции на обеих сторонах и, соответственно, являются анонимными. Имена владельцев таких печатей и их социальный статус узнать невозможно. По осторожному предположению В.С. Шандровской «заказ такого рода печатей мог исходить от церковного клира или монастыря для выполнения своего благочестия» [Шандровская 2019, с. 434]. Печати данного типа несмотря на то, что они придерживаются традиционных иконографических схем в передаче композиции как правило имеют отдельные отклонения и свои особенности.

В этой связи обратим внимание на одну из недавних керченских сфрагистических находок, которая относится как раз-таки к группе булл с двойными композициями.

Еще одной из редких библейских сцен на памятниках сфрагистики является композиция «Гостеприимство Авраама» или «Троица». В качестве примеров здесь можно назвать моливдовул севаста Михаила Триха из коллекции Н.П. Лихачева [Лихачев 1991, с. 31, 32, № 1, табл. LVIII,1] и печать монастыря «Святой Троицы» из Борадиона (окрестности Константинополя) [Алексеев, 2019, с. 232, 241, № 4, рис. 4] (Рис. 2,7-8).

На одной стороне керченского моливдовула представлена традиционная схема композиции Троицы, а на обороте Распятия Христа с предстоящими (Рис. 2,9). Исключительность данного моливдовула состоит в том, что изображение Троицы сопровождается, расположенной по кругу длинной греческой легендой. К сожалению сохранность печати не позволяет ее сразу же расшифровать, но, возможно, после реставрации надпись проявится лучше и появится возможность ее реконструкции. И тогда, возможно, станет понятным кто являлся заказчиком данной печати.

Но так или иначе, новая находка византийской печати со сложной композицией в Крыму лишней раз подтверждает тезис о ценности печатей и как художественных памятников, благодаря которым появляется дополнительная возможность для изучения почитаемых образов, игравших одну из первостепенных ролей в жизни византийского общества.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеевко Н.А. Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и новации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) // *БИ.* – Керчь, 2019. Вып. XXXVIII. С. 225–241.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // *Научное наследство.* – М., 1991. Т. 19.

Шандровская В.С. Печати ΕΠΙ ΤΟΝ ΒΑΡΒΑΡΩΝ в Эрмитаже // *Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / под ред. Е.В. Степановой.* – СПб., 2019. С. 24–34.

Шандровская В.С. Die Byzantinischen Bleisiegel Als Kunstwerke // *Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / под ред. Е.В. Степановой.* – СПб., 2019. С. 367–374.

Шандровская В.С. Византийские печати со сценой Благовещения // *Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / под ред. Е.В. Степановой.* – СПб., 2019. С. 422–426.

Шандровская В.С. Византийские печати эрмитажной коллекции со сценами «Распятие» и «Сошествие во ад» // *Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / под ред. Е.В. Степановой.* – СПб., 2019. С. 427–437.

Шандровская В.С. Эрмитажные печати с изображением евангельских сцен: Рождество и Успение // *Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / под ред. Е.В. Степановой.* – СПб., 2019. С. 438–447.

Шандровская В.С. Несколько печатей с редкими изображениями // *Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / под ред. Е.В. Степановой.* – СПб., 2019. С. 460–473.

Шандровская В.С. Образ святого Георгия на византийских печатях // *Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / под ред. Е.В. Степановой.* – СПб., 2019. С. 474–480.

Bulgurlu V. A Selection of Seals from the Private Collection of Adnan Acı of Samsun // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеевко.* – Симферополь, 2020. С. 65–66.

Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. – Genève, 2016.

Рис. 1. Высокохудожественные изображения на византийских печатях.
 1 – Портрет заказчика на печати главы управления императорского домена и ведомства варваров Стравакия. X в.; 2 – Архангел Михаил на печати патрикия и стратига Давида Вурца. XI в.; 3 – Св. воин Димитрий на печати стратига Льва Врахамия. Первая половина XI в.; 4 – Св. Пантелеймон на печати судьи фемы Пафлагония Константина. Первая половина XI в.; 5 – Богородица и Христос Евергет на анонимной иконографической печати XII в.; 6 – Христос на печати императорского протоспафария ἐπί τοῦ Χρισοτρίκλιου Льва. Вторая половина IX в.; 7 – Богородица Одигитрия с младенцем Христом на печати антиохийского патриарха Симеона II. Первая половина XIII в.; 8 – Св. Тарасий на печати Иосифа. Конец XII в.; 9 – Богородица, св. Николай и св. Мина на печати протопроэдра. Конец XI в.; 10 – Св. воин Георгий на печати стратига Сервию Николая Дермокаита. Начало XI в.; 11 – Два св. воина Феодора (Стратилат и Тирон) на печати севаста Андроника Кантакузина. XII в.; 12 – Богородица со св. воинами Феодором и Георгием на печати магистра Адриана Далассина, Вторая половина XI в. (1–3, 5, 9–10: по Шандровская, 2019, с. 32 (ил. 7), 372 (Abb. 9–11), 461 (ил. 2), 470, (ил. 20), 476 (ил. 7); 4, 12: по Bulgurlu, 2020, с. 65–66, рис. 1, 2; 6–8, 11: по Campagnolo-Pothitou, Cheynet, 2016, nr. 188, 201, 283, 386)

БОНИН А.В.
(Институт археологии РАН, Москва)

О НАХОДКАХ БРОНЗОВЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ ПОДВЕСОК НА ПОСЕЛЕНИЯХ ХОРЫ БОСПОРА

Бронзовые антропоморфные подвески появляются в Северном Причерноморье с конца I века до н.э. и бытуют до VII в. н.э. А. М. Новичихин подразделяет их на скульптурные и плоские (Новичихин, 2007, с. 59). Находки плоских, поздних подвесок, датируемых IV-VII вв. н.э. более многочисленны и были распространены они гораздо шире – от Кавказа до Днепра (Володарец-Урбанович, 2016), чем ранний, так называемый скульптурный вариант.

Находки скульптурных, по классификации А. М. Новичихина, антропоморфных литых подвесок относятся к периоду от конца I до н.э. до начала IV вв. н.э. На территории Боспора они зафиксированы при исследованиях некрополя поселения у деревни Семеновки, погребальных объектов Пантикапея, Тиритаки и культурного слоя Фанагории (Кругликова, 1966, с. 102, рис. 20.9; Алексеева, 1982, с. 24, табл. 41). Восточнее Боспора такие подвески найдены в могильниках Прикубанья (Гущина, Засецкая, 1994, с. 23, 61, кат. № 316; Брилева, 2012, с. 157, 188, 334, кат. №№ 404, 445). Многочисленные находки подобных изделий в Западном Крыму, на некрополе Херсонеса, могильнике Нейзац и ряде других могильников I-III вв. н.э. (Зубарь, 1982, с. 100-102, рис. 66, 1-8; Алексеева, 1982, с. 24, табл. 41; Стоянова, 2016, с. 134, рис. 3. 28-31), позволили Е. М. Алексеевой считать их местной, западнокрымской продукцией (Алексеева, 1982, с. 22-23).

Почти все вышеперечисленные подвески обнаружены в погребальных памятниках, что предполагает заупокойный характер подобных изделий. Однако недавние находки бронзовых антропоморфных подвесок на поселенческих памятниках хоры Боспора говорят о том, что они могли использоваться не только в этом качестве.

Рис. 2. Многофигурные композиции на византийских печатях.
1 – Благовещение на печати кесаря Михаила Ангела. XII в.; 2 – Вознесение на булле патриарха Болгарии Виссариона; 3 – Успение Богородицы на печати; 4 – Рождество на печати анонимной печати XI/XII вв.; 5 – Сошествие в ад на анонимной печати XI в.; 6 – Распятие на печати протоновеллсима Льва Казана. XII в.; 7 – Троица на печати севаста Михаила Триха. XI – начало XII вв.; 8 – Троица на печати монастыря Святой Троицы. XI в.; 9 – Печать с изображением Троицы и Распятия из Керчи (1, 3–6: по Шандровская, 2019, с. 425 (ил. 3), 428 (ил. 2), 434 (ил. 13), 439 (ил. 1); 3: фото из сети Internet; 7: по Лухачев, 1991, табл. LVIII, 1; 8: по Алексеенко, 2019, с. 241, рис. 4; 9: фото А. Михайлова, 2019 г.)

Три экземпляра таких изделий обнаружены на территории Азиатского Боспора, при спасательных раскопках памятника «Городище и поселение Ильичевка» (поселение Ильич 1) проведенных в 2015 г. под руководством автора.

Этот памятник находится на территории Темрюкского района Краснодарского края, близ северной окраины современного поселка Ильич, расположенного на восточном берегу Керченского пролива. Поселение известно еще с XIX в. и неоднократно подвергалось раскопкам. На территории памятника в I в. н.э. – первой половине II в. н.э. находилась крепость-«батарея», а во II-IV вв. н.э. здесь располагалось обширное неукрепленное поселение. При исследовании слоев поселения II-IV вв. н.э., на площади Раскопа 3, обнаружены эти подвески.

Это три литые бронзовые фигурки, одна из которых обладает выраженными мужскими признаками (рис. 1). Руки фигурок протянуты вперед и слегка разведены, ноги расставлены и немного согнуты в коленях. Петля для привешивания находится сзади. Головы фигурок заострены, что может символизировать шлем. Размеры фигурок: 2,3 × 1,3; 2,6 × 1,7; 3 × 1,3 см. По классификации Е. М. Алексеевой, такие фигурки можно отнести к варианту 19а, датированного исследователем концом I в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева, 1982, с. 24).

Раскоп 3 был разбит в 200 м к западу от крепости-«батареи». Его северную часть пересекает древняя балка, засыпанная золистыми мусорными сбросами, содержащими многочисленные находки I–III вв. н.э. Мощность слоя на этом участке раскопа местами превышала 2,5 м. В северо-западной части раскопа найдена винодельня, восточнее нее и к северу от зольной свалки исследованы остатки хозяйственного комплекса с ямами и вкопанными пифосами. Две подвески (рис. 1. 2-3) обнаружены при раскопках зольника (одна в его центральной части, другая на периферии, где позднее находился позднеантичный могильник, погребения которого были впущены в слой зольника), что свидетельствует о том, что попали они туда из жилых помещений вместе с бытовым мусором.

Время формирования зольника, где найдены две подвески, определяют фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор вариантов C IVA-C IVC, при численном преобладании обломков сосудов варианта C IVC, а также фрагменты красноглиняных амфор II-III вв. н.э. Следует упомянуть и обломки краснолаковых тарелок и чаш Понтийской сигиллаты по Дж Хейсу, в том числе тарелок с клеймом *planta pedis*. Это клеймо датируется Д. В. Журавлевым серединой I в. н.э. – первой четвертью II в. н.э.

(Журавлев, 2010, с. 98-99). Амфоры варианта C IV C по С. Ю. Внукову датируются временем до 140 – после 180 г. н.э. (Внуков, 2016, с. 44), что вкуче с единичными находками фрагментов светлоглиняных амфор с двустольными ручками типа C I, позволяет считать временем формирования зольника II в. н.э. Монетные находки из мусорного слоя не противоречат этой датировке – из 25 монет первых веков н.э. только три относятся к III в. н.э. Большинство (13 экз.) относятся ко II в. н.э. и 9 экз. – к I в. н.э.

Третья подвеска (рис. 1. 1) найдена в южной части раскопа 3, за пределами зольника. Слой, в котором была найдена фигурка, содержал разновременные находки, датируемые от второй половины I в. н.э. до первой четверти IV н.э.

Схожие подвески найдены при раскопках поселения «Городище 11 километр». Этот объект находится в Восточном Крыму, в районе девятого километра автодороги Керчь – Феодосия (ныне первые километры автодороги «Таврида») и известен как «Урочище городище» или поселение «9-й километр». На этом многослойном памятнике в ходе спасательных археологических исследований 2017 г. открыты слои и строения эпохи средней бронзы, римского времени, хазарской эпохи, а также Нового времени (Свиридов, Язиков, 2018, с. 213).

На этом памятнике найдены три антропоморфные подвески и одна подвеска-герма. Две из них можно отнести к варианту 19а по классификации Е. М. Алексеевой (рис. 2. 1, 3), а третью к варианту 19в (рис. 2. 2), который, по мнению исследовательницы, характеризует затухание типа и датируется II-III в. н.э. Следует отметить, что фигурки варианта 19в найдены в погребениях Пантикапея, исследованных в конце XIX – начале XX вв. и датированных I-III вв. н.э. (Алексеева, 1982, с. 24-25).

Достаточно редка четвертая подвеска, выполненная в виде герма (рис. 2. 4). По типологии Е. М. Алексеевой, она относится к варианту 18г и датируется I в. н.э. – первой половиной II в. н.э. Схожая подвеска была найдена в начале прошлого века в Танаисе (Алексеева, 1982, с. 24, рис. 41. 21).

К сожалению, точное местонахождение интересующих нас находок не названо. Указано лишь то, что они происходят из поселенческого слоя римского времени (Свиридов, Язиков, Топоривская, 2018, с. 331, рис. 12. 4-6), датированного авторами I-II вв. н.э. (Свиридов, Язиков, 2018, с. 227-228). Однако, судя по приведенному в публикациях датирующему материалу, римские слои и строения на поселении следует датировать скорее вторым веком н.э., нежели первым.

Так, авторами в качестве датирующего материала упоминаются «многочисленные фрагменты светлоглиняных узкогорлых позднегераклейских амфор типа С IV по С. Ю. Внукову, относящиеся к концу I – середине II вв. н. э.», которые, судя по приведенным изображениям (Свиридов, Язиков, 2018, рис. 8. 1-2, 10. 1-4, 11. 1) относятся к варианту CIV С, датировки которого приведены выше. Что же касается прочих находок (фибулы, пряжки ремней и монеты), то их датировки укладываются в промежутки от третьей четверти I в. н.э. до конца II в. н.э. (Свиридов, Язиков, 2018, с. 220-222, 224). Следует отметить и то, что в числе датирующего материала не упоминаются фрагменты светлоглиняных амфор с двухствольными ручками типа С I (хотя ножка такой амфоры приведена на одной из иллюстраций к публикации (Свиридов, Язиков, 2018, рис. 7.1)).

Другие подвески, происходящие с поселенческих памятников хоры Боспора, автору неизвестны, если не считать упоминания А. В. Гаврилова о находках антропоморфных подвесок кладоискателями на территории городища Яман-Таш, находящегося в горной зоне Юго-Восточного Крыма, близ современного города Старый Крым. А. В. Гаврилов датирует городище I в. до н.э. – началом IV в. н.э. и считает, что в первые века н.э. поселение находилось в зоне влияния Боспорского царства. Население городища автор связывает с сарматами (Гаврилов, 2018, с. 149-175). Однако эти находки лишь расширяют географию распространения антропоморфных подвесок на поселенческих памятниках Боспора, но никак не сужают их хронологию – этому не способствуют ни обстоятельства находок, ни степень исследованности городища Яман-Таш, которое до сих не подвергалось планомерным раскопкам.

Таким образом, бронзовые антропоморфные подвески на поселенческих памятниках хоры Боспора бытуют во II в. н.э. Кроме того, находки таких подвесок на поселениях свидетельствуют о том, что фигурки использовались населением Боспора и при жизни, а не только как элемент погребального обряда.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. М. Г1-12, 104 с.

Брилева О. А. 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. — X в. н.э.) Москва. 424 с.

Внуков С. Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. М. № 2. С. 36-47.

Володарец-Урбанович В. Я. 2016. Антропоморфна фігурка із Засулля-Мгару // Археологія. № 1. С. 79-88.

Гаврилов А. В. 2018. Городище Яман Таш и рвы в Старокрымской долине // История и археология Крыма. Вып. VII. С. 149-175.

Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994. Золотое кладбище римской эпохи в Прикубанье. Санкт-Петербург. 172 с.

Журавлев Д. В. 2010. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I-III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь. 320 с.

Зубарь В. М. 1982 г. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев. 144 с.

Кругликова И. Т. 1966. Боспор в позднеантичное время (очерки экономической истории). М. 223 с.

Новичихин А. М. 2007. Антропоморфный амулет IV-V вв. из окрестностей Анапы // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии Сборник научных трудов. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 3. Барнаул. С. 58-60.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., Топоривская М. А. 2018. Исследования поселения «Городище 11 км» в Ленинском районе Республики Крым в 2017 году // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М. С. 324-333.

Свиридов А. Н., Язиков С. В. 2018. Многослойное поселение «Городище 11 км» (Республика Крым, Ленинский район) // Древности Боспора. М. 23. С. 213-229.

Стоянова А. А. 2016. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь. С. 122-165.

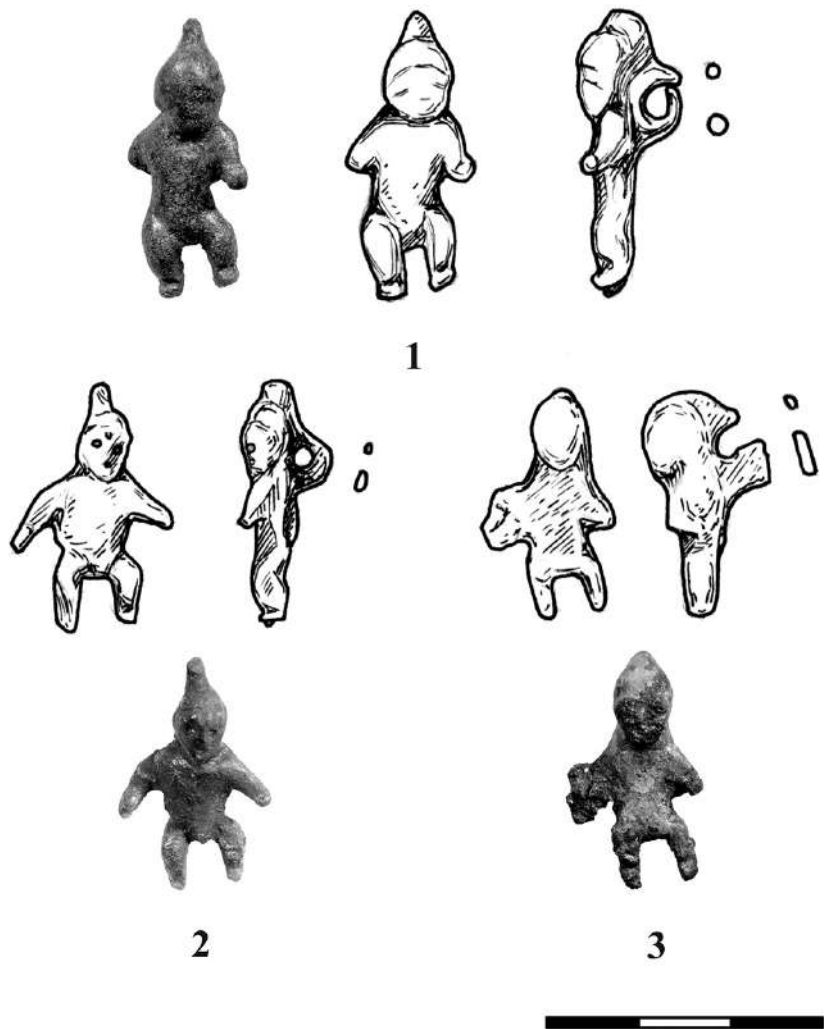

Рис. 1. Бронзовые антропоморфные подвески из раскопок «Городища и поселение Ильичевка» 2015 г.

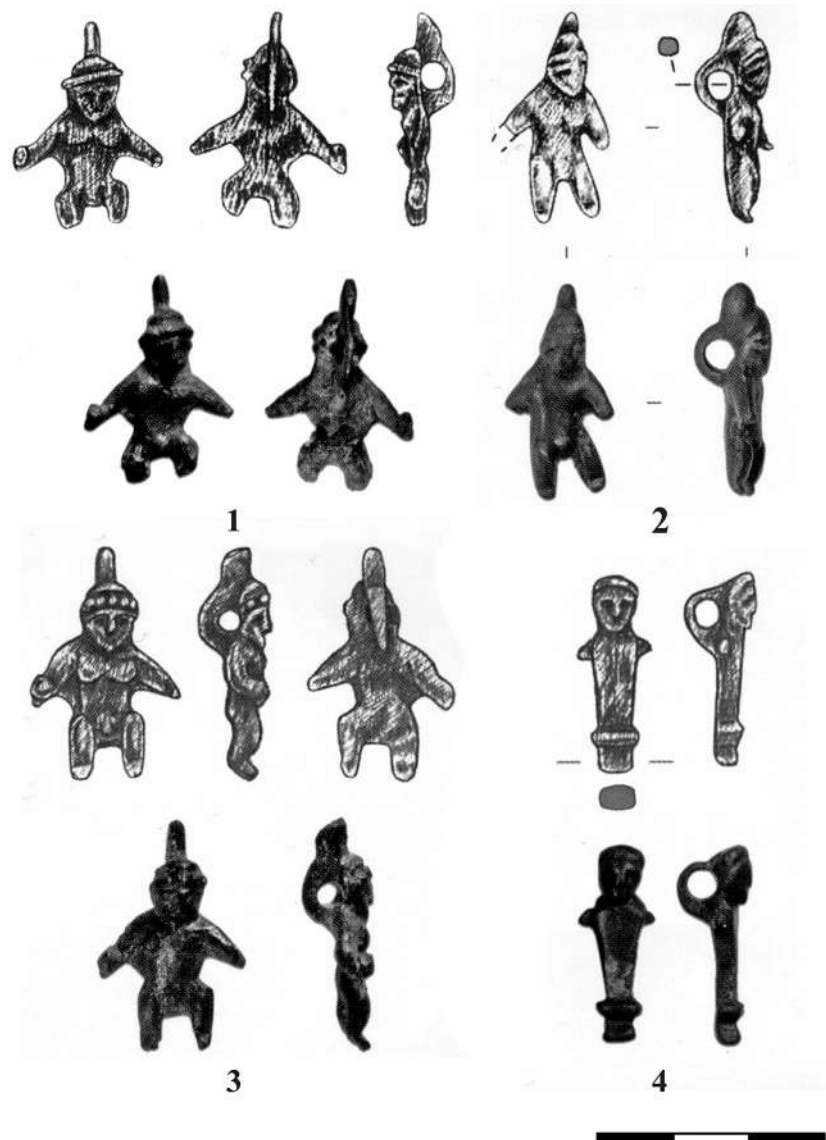

Рис. 2. Бронзовые антропоморфные подвески из раскопок «Городища 11 километр» 2017 г. (Свиридов, Язиков, Топоривская, 2018, рис. 12. 4-6)

БУКИНА А. Г.
(Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ЧЕРНОФИГУРНОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ ТИРИТАКИ

В материалах раскопок 2007 – 2018 годов архаических жилых комплексов Тиритакки имеется свыше 250 фрагментов аттической чернофигурной керамики¹. Их можно датировать в пределах второй четверти VI – середины V вв. до н. э. Большая часть ваз, к которым относились эти фрагменты, так же как синхронные с ними по времени аттические чернолаковые сосуды, обломки которых собраны в Тиритакке, это столовая посуда, характерная для греческого симпосия (обеда, в конце которого пили вино). В Тиритакке найдены характерные обломки лекан, кратеров, амфор, ольп, ойнохой, скифосов, киликов и чаш других форм, причем именно винные чаши (килики, скифосы) значительно преобладают в числе.

Сюжеты изображений на большинстве сосудов, где их можно достоверно и определенно интерпретировать, носят мифологический характер (это характерно для чернофигурной иконографии в целом). В связи с тем, что преобладают сосуды для вина, особенно многочисленны сюжеты дионисийского круга. Имеются изображения сидящего и возлежащего Диониса, а также его тиаса (силенов, сатиров, менад, пантер) в окружении лоз и плюща; такие изображения встречаются на фрагментах как чаш, так и ольп (рис.1), ойнохой и кратера.

Фигуры олимпийских божеств с характерными атрибутами (Аполлон, играющий на лире; Артемида, стреляющая из лука; Гермес в образе бородатого мужчины в петасе (рис.3); крылатая Ника в сцене битвы) можно найти на обломках чаш.

¹ Благодарю В.Н. Зинько за предоставленную возможность изучить и опубликовать материалы из раскопок Тиритакки.

Героическая мифология представлена несколькими сюжетами росписей на чашах. Две такие росписи можно связать со сказаниями о Геракле. В одном случае снаружи килика представлена многофигурная сцена битвы Геракла с амазонками (рис.4). От другой росписи сохранилось изображение такой пальмы, которая встречается в многочисленных аналогичных по стилю и времени росписях аттических чаш со сценой битвы героя и льва (очевидно, с Немейского).

Два других фрагмента позволяют узнать изображение на тему предсвадебной битвы Пелея и Фетиды. На одном представлена часть характерного изображения героя, преследующего богиню в длиннополой одежде; оно имеет множество сохранившихся и легко интерпретируемых аналогий). На обломке, принадлежавшем кубку редкой формы с прямыми стенками, сохранилась фигура льва, терзающего спину склонившегося вперед героя в коротком хитоне (рис.2) – обычный для афинской вазовой иконографии атрибут подобного рода изображений, где Пелей наклоняется, чтобы обхватить руками могучий стан своей божественной нареченной.

Несколько фрагментов киликов украшены внутри тондо с изображениями на тему мифа о Персее. Это не только горгонейон, отрубленная голова Медузы Горгоны, но и часть сцены битвы-преследования Персеем бегущей от него Медузы. Известны хорошо сохранившиеся аттические чаши третьей четверти VI в. до н. э. с такими тондо, где преследуемая босоногая женская фигура имеет характерные признаки Горгоны (крылья и устрашающее лицо-горгонейон).

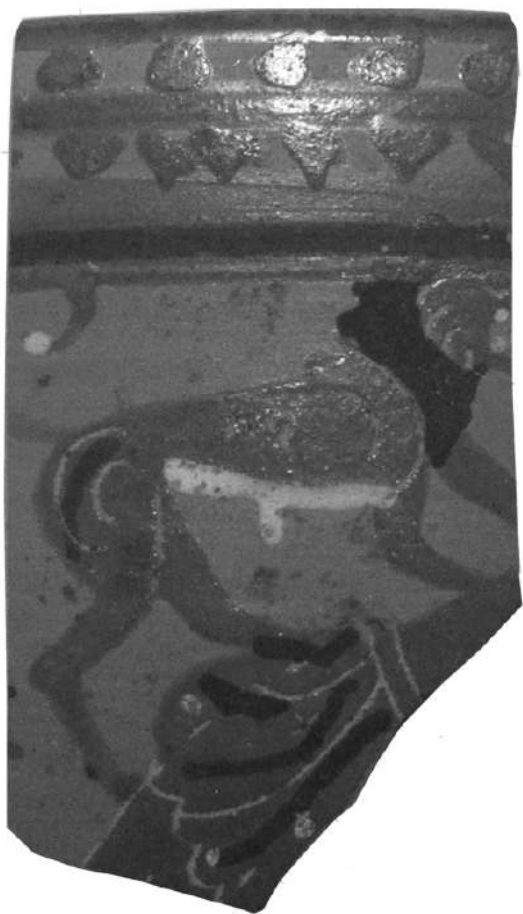
Кроме достаточно известных по письменным источникам сюжетов, рассмотренных выше, на фрагментах чернофигурных чаш из Тиритакки можно найти также такие мотивы, о символике которых можно судить только в общем плане. Это характерные для аттической иконографии изображения миксантропических существ (чудовищ, составленными из частей разных представителей животного мира).

Изображение на одном фрагменте килика, где сохранился хвост петуха, судя по аналогичным целым чашам, следует восстановить как фигуру всадника на полупетухе-полуконе (гиппалектрионе). Письменные источники относительно гиппалектриона ограничены упоминаниями его в комедиях Аристофана. Там уподобление этому существу (покрытому пышными яркими оранжевыми или желтыми перьями) служит для выражения насмешки над выскочкой или хвастуном и никак не приближает нас к пониманию мифологической роли гиппалектриона.

Значительно более очевидно мифологическое содержание таких изображений, где люди сопоставлены со сфинксами (на чашах из Тиритаке) и сиреной (на обломке найденного там раннего кратера с фризовой росписью). В обоих случаях (и что касается сфинкса, и сирены) речь идет о демонах-губителях, которые связаны, прежде всего, с погребальной и хтонической сферами и хорошо известны в декоре надгробий или саркофагов архаического и классического периодов. Тем не менее, фигуры этих демонов в греческой традиции расценивались как подходящие также для украшения ювелирных изделий, одежды, текстиля и обстановки домов. Возможно, постоянное присутствие этих символов смерти, а значит постоянное ее осознание, представлялось полезным для освежения чувств и восприятия жизни вообще. Это очень хорошо подходило и для симпосиальных сосудов. Кроме того, как и в случае с горгонейоном, несомненно, любые миксантропические изображения (и сфинкс, и сирена, и горгонейон, и гиполектрион) всегда носили характер оберегов (апотропеев).

Рис.1.

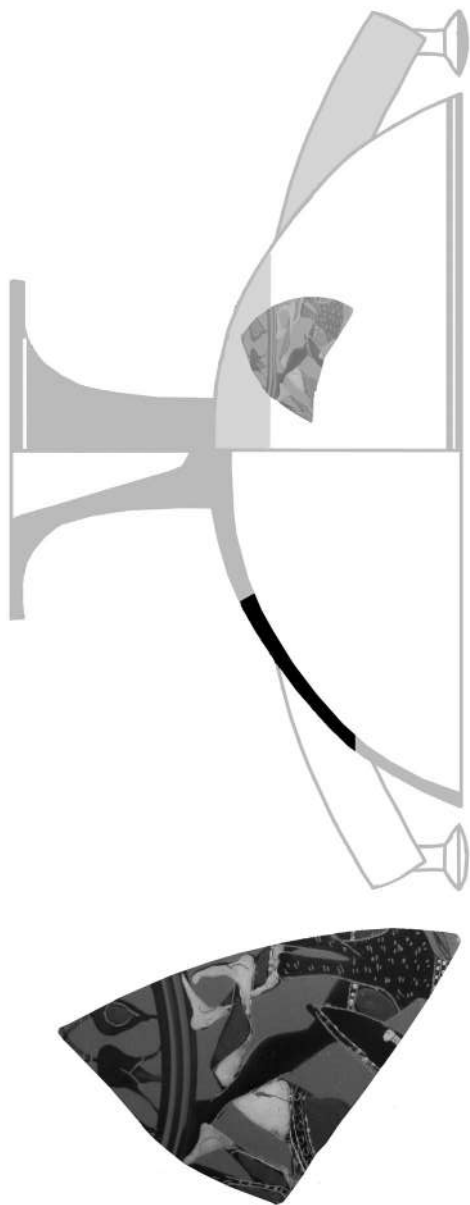

Puc.2.

cup273

Puc.3.

ВАХОНЕЕВ В. В., СОЛОВЬЕВ С. Л.
(ЧЦПИ, г. Феодосия, Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

ДЕРЕВЯННЫЕ ГРЕБНИ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА АКРА

Обнаружение деревянных изделий и их деталей при раскопках памятников античного времени в целом является достаточно редким явлением. Одним из главных факторов, влияющих на это, является хрупкость и недолговечность такого материала, как дерево.

В античном мире гребни широко применялись в повседневной бытовой жизни, а прическам уделялось особое внимание. Подтверждению этому служат как сообщения древних авторов, так и изображения на вазах, а также произведения скульптуры и коропластики. Более того, известно существование в античное время профессии парикмахеров. Тем не менее, находки гребней античного времени в Средиземноморье в целом являются весьма редкими. Античные памятники Северного Причерноморья, по сравнению с другими областями ойкумены, резко выделяются по количеству находок деревянных гребней.

На Боспоре основным местом находок деревянных гребней являются некрополи и в первую очередь входящие в их состав женские погребения. Краткая характеристика боспорских гребней, известных к 1970 г., опубликована Н. И. Сокольским в его труде о деревообрабатывающем ремесле боспорских городов [Сокольский, 1971, с. 138–149]. Боспорские гребни в основном были двусторонними. Наиболее ранние из них имели немного вогнутые стороны вплоть до конца эллинистического периода, иногда были украшены резным орнаментом. В последствии гребни имели выгнутые края, в I–II вв. часть из них в середине имела прорезные греческие буквы. Для гребней III–IV в. характерна орнаментация в виде концентрических кружков [Цветаева, 1984, с. 228].

Одно из обстоятельств, позволяющее деревянному изделию сохраняться на протяжении длительного периода, является его нахождения во влажном грунте без доступа кислорода. В этом отношении хорошим примером такой среды служит античное городище Акра, расположенное на песчаной пересыпи, а большей частью в прилегающей акватории Керченского пролива у п. Заветное Ленинского района Республики Крым, в 30 км к югу от г. Керчь. Городище было локализовано благодаря работам В. Н. Холодкова, К. К. Шилика и А. В. Куликова. С 2011 г. Акра исследуется совместной экспедицией Государственного Эрмитажа, ИИМК РАН и Черноморского центра подводных исследований. За это время в ходе подводных работ на памятнике было обнаружено четыре фрагментированных деревянных гребня.

Первый гребень был обнаружен в 2013 г. в ходе исследований оборонительной башни, расположенной в 60 м от берега. При удалении песчаных отложений с внешней стороны северной стены башни был раскрыт участок культурного слоя, в котором были зачищены верхние и нижние части синопских и книдских амфор. Одна из синопских амфор имела на ручке клеймо ..ΣΤΙΑΙΟΥ / ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ / ΙΣΤΙΑΙΟΥ и эмблему «канфар» 280–250-х гг. до н.э. Рядом с ними в слое был обнаружен двусторонний деревянный гребень, размерами 9 × 4 × 0,7 см, с мелкими зубцами с одной стороны и крупными с другой, который, судя по стратиграфической ситуации находки, может быть датирован эллинистическим временем, не позднее II в. до н.э. Гребень с одной стороны орнаментирован тремя вырезанными кругами: двумя по углам и одним в центре, с двух сторон – двумя параллельными прочерченными линиями: у основания его зубцов и в центре. Край гребня вогнуты (рис. 1: 1; 2: 1).

Второй двусторонний деревянный гребень, размерами 5,6 × 8,0 см, сильно окатанный в результате волнового воздействия, был найден в 2017 г. в 40 м от берега при исследовании строительного комплекса № 3, при расчистке от песчаных наносов одной из его кладок, где вдоль ее юго-восточного фаса были обнаружены фрагменты амфор Книда, Гераклеи, Фасоса с клеймами второй половины IV в. до н.э. С одной стороны гребня было прорезано 40 мелких зубьев, с другой – 10 крупных зубьев. Гребень имел лишь один вогнутый край, однако, стилистически он похож на вышеописанный и обнаружен неподалеку от него. Как и предыдущий, гребень орнаментирован с двух сторон двумя параллельными линиями у основания зубцов и по центру (рис. 1: 2; 2: 2). Все это позволяет также датировать находку эллинистическим временем.

Третий деревянный гребень, размерами 11,5 × 3,6 см, был обнаружен в 2018 г. и является, пожалуй, единственным, который можно надежно датировать. Он был найден при раскопках в шурфе № 1/2011, в слое серой глине на глубине 3 м, где также было найдено большое количество фрагментов керамики, в том числе горло гераклейской амфоры с клеймом «ΜΑΛΑΚΩ» 350–330 гг. до н.э., ручка фасосской амфоры с клеймом с эмблемой «колос» 344 – конца 330-х гг. до н.э., фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом «ΣΚΥΤΑ / Σ...ΙΝΘΑ» 350–330 гг. до н.э. Гребень двусторонний, в центральной части дважды орнаментирован двумя параллельными прочерченными линиями. С одной стороны гребня был прорезан 21 мелкий зуб, с другой – восемь крупных зубьев, из которых сохранилось только четыре (рис. 1: 3; 2: 3).

Четвертый деревянный гребень, размерами 6,2 × 2,5 м, был найден в 2019 г. в ходе расчистки строительного комплекса № 3 на участке вымостки № 1, площадью 40 кв. м, расположенной на глубине около 1,5 м, сооруженной во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. Гребень, найденный в стыке между известняковыми плитами вымостки, очень плохо сохранился, что не дает возможности судить о его орнаментации. На одной из сторон сохранились лишь три крупных зуба, на другой – 10 мелких зубьев. В отличие от вышеописанных гребней, линзовидных в сечении, последний имел форму, выпуклую лишь с одной стороны (рис. 1: 4; 2: 4).

Подводные раскопки Акры последних лет явили на свет новые археологические материалы, в том числе и находки деревянных изделий, которые весьма редки при наземных археологических работах. Деревянные гребни, описанные выше, обнаруженные за последнее время на весьма небольшой площади, свидетельствуют о том, что деревянные гребни являлись повседневным предметом домашнего обихода населения даже сравнительно небольших городов Боспора, каким была Акра в античное время.

ЛИТЕРАТУРА

Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. МИА № 178. М., 1971.

Цветаева Г. А. Мебель, бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

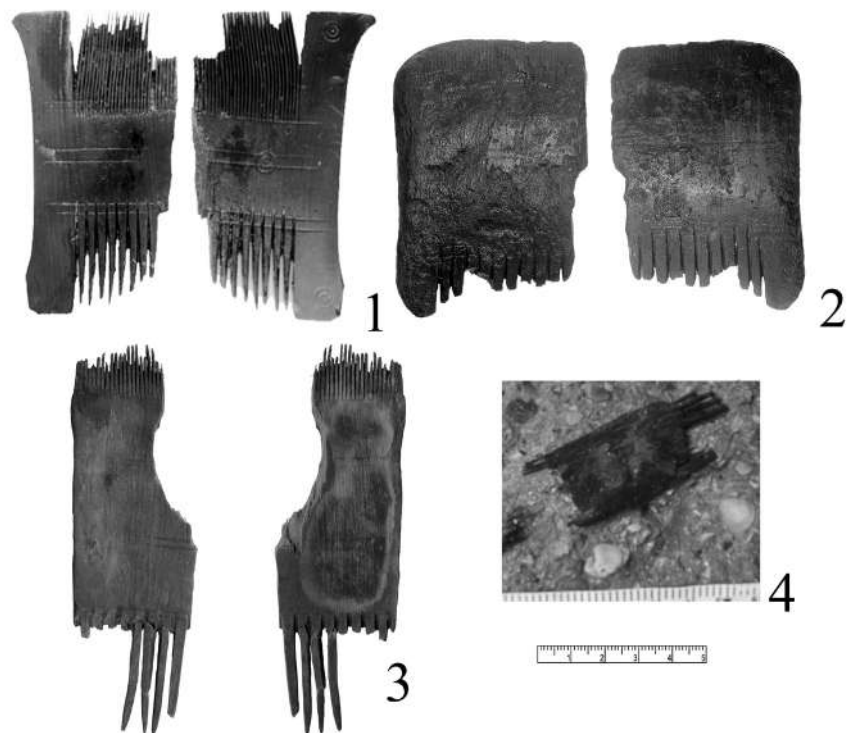

Рис. 1. Деревянные гребни из раскопок Акры в 2013-2019 гг.

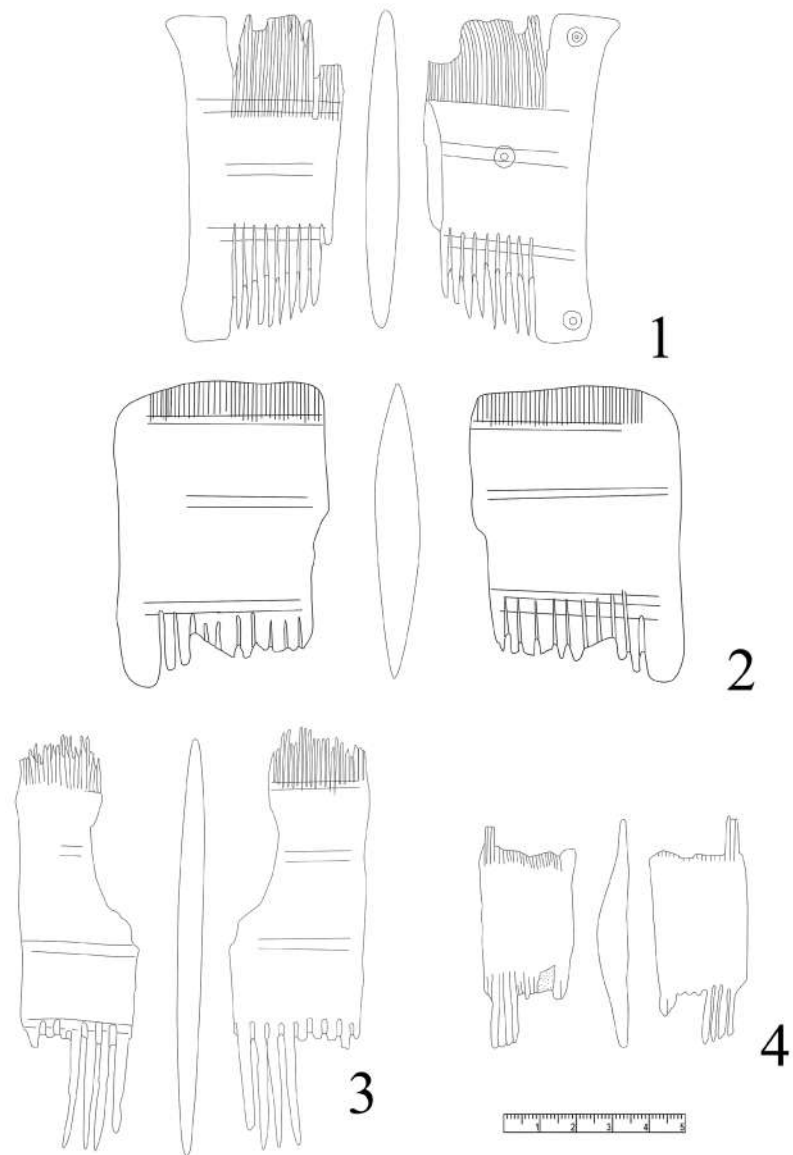

Рис. 2. Прорисовки деревянных гребней из раскопок Акры в 2013-2019 гг.

ВИНОГРАДОВ Ю.А.
(ИИМК РАН, С-Петербург)

РАСПИСНОЙ САРКОФАГ 1900 Г. ИЗ КЕРЧИ. К ПОНИМАНИЮ СЕМАНТИКИ ИЗОБРАЖЕНИЙ¹

Расписной саркофаг, найденный 2 февраля 1900 г. в Керчи (ОАК за 1900 г. С. 27; Думберг. 1902. С. 40), является одним из самых известных, можно сказать, хрестоматийно известных памятников художественной культуры Боспора первых веков н.э. Его обнаружили «счастливчики», и, по их словам, в нём они нашли следующие предметы: золотой перстень с резным камнем, изображающим мужчину возле гермы, три круглые золотые пластинки, три пластинки и остатки золотых листьев (НА ИИМК РАН, ф. 1, 1900 г., д. 5, л. 34–35). Исследователи обычно относят этот саркофаг к I в. н.э., лишь П. Бургундер датирует его не ранее второй половины II в. н.э. (Burgunder. 2010. P. 689, 693).

Главный интерес каменного саркофага, конечно, связан с его росписью, нанесённой по слою штукатурки. Особенности орнамента относятся к так называемому «цветочному» стилю, столь характерному для боспорских расписных склепов первых веков н.э., – стенки покрыты изображениями растительных побегов, листьев и лепестков цветов. Пространство каждой из длинных стен разделено изображениями коринфских колонн на три поля (интерколюмния); ещё два поля представляют короткие стены. Таким образом, общее их число составляет восемь; поля имеют различную ширину, и представленные в них изображения ни разу не повторяются. Кратко обозначу основное содержание каждой из изобразительных композиций, следуя последовательности, предложен-

¹ Исследование проведено в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской Академии Наук по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

ной М.И. Ростовцевым (Ростовцев. 1913. С. 377–384; ср.: Ернштедт. 1955. С. 269–270; Novicka. 1998).

1. На одной из коротких стен изображена гирлянда.
2. На примыкающем к углу поле представлена сцена трапезы.
3. Мастерская художника.
4. Юноша с лошастью.
5. На второй короткой стороне изображены гротескные танцующие фигуры, которые обычно именуют пигмеями.
6. На длинной стороне сначала представлена сидящая женщина.
7. Два всадника, стоящие один перед другим.
8. Три музыканта.

На первый взгляд все эти композиции на стенках саркофага представлены абсолютно произвольно и никак не связаны друг с другом. Исследователи видят здесь как сцены, связанные с представлениями боспорян о загробном мире (пляшущие пигмеи, загробная трапеза), так и сцены повседневной жизни (всадники, мастерская художника и пр.) (Гайдукевич. 1949. С. 398). Иными словами, можно допустить, что художник, расписывавший саркофаг, мог поменять «картинки» местами и, скажем, поместить танцующих пигмеев в центре одной из длинных сторон. По моему глубочайшему убеждению, такие замены невозможны, и все изобразительные композиции представлены на своих, строго определённых местах. В живописи, связанной с погребальной сферой, ничего случайного вообще быть не может. Основная её задача – создать образ мира, в который попадает человек, закончивший свой земной путь.

Цветочный стиль росписи с изображением на стенах склепов сплошного покрова из растительных побегов, листьев и лепестков создаёт образ некоей фантастической страны, наполненной яркими красками и благоуханием (Виноградов. 2017. С. 49), изображение музыкантов прямо указывает на то что, в этой стране звучит музыка. Крышка саркофага по форме имитирует типичный свод боспорских склепов. Как и они, она семантически соответствует образу сакрального неба. Покрывающая её голубая краска, разбросанные растительные побеги и лепестки цветов, а также изображения двух птиц не позволяют предложить иной трактовки.

Теперь зададимся вопросом – что же происходит под этими небесами? Для более адекватного понимания смысла орнаментальной композиции её описание следует начинать с одной из коротких сторон, но не с той, с которой это сделал М.И. Ростовцев (стенка с гирляндой), а с

противоположной, где изображены пигмеи. Скорее всего, именно к этой стенке покойный был обращён ногами, а гирлянда была в головах.

Если последовательно рассматривать изображения сначала на одной стене саркофага, а потом на другой, то никакой связной картины нарисовать не удастся. Здесь необходимо применить другую методику анализа, рассматривая «картинки» не по одной, а парами, находящимися напротив друг друга. Таким образом зритель будет как бы погружаться в сакральное пространство, начиная от входа и кончая самым главным, основным, центральным пунктом. Условно такую систему анализа можно уподобить взгляду из вагона движущегося поезда – в каждый конкретный момент из окон вагона с обеих сторон мы видим пейзажи, характерные для данного места, потом они сменяются другими, и так будет до тех пор, пока поезд не прибудет на конечную станцию.

Итак, начать следует с короткой стенки, на которой изображены пигмеи. Понятно, что пары для этой композиции нет, если не рассматривать противоположную короткую стенку, которую украшает гирлянда, но о ней позднее (см. № 5).

1. Изображение пляшущих пигмеев с двумя булавами в каждой руке (именно так понимают эти предметы) имеют очень важную семантическую нагрузку. Обычно их трактуют как апотропеи, призванные защитить гробницу от нежелательных вторжений, но этого, на мой взгляд, далеко не достаточно. Пигмеи, как представляется, служат символом того мира, наполненного многочисленными зловредными демонами, сквозь который душе усопшего пришлось пройти на пути в «райские кущи». Этот мир, безусловно, следует считать очень опасным, грозящим душе многими бедами. Не удивительно, что фигуры подобных безобразных существ изображены на периферии орнаментальной композиции склепа Сорака (Виноградов. 2017. С. 50–51). Подчеркну, что именно на периферии! Правда, в росписи саркофага они помещены рядом со столом, заставленным кушаньями и бокалами с напитками. Это может означать, что данные пигмеи не столь враждебны для душ усопших, или же они просто не могут пересекать предела, обозначенного этим столом.

2. Эту семантическую группу образуют изображения, примыкающие к обозначенной выше боковой стенке, и её следует понимать как вход в сакральный мир, в котором прежде всего усопшего ожидает встреча с каким-то важным персонажем. В склепе Сорака имела место встреча с Гермесом (Виноградов. 2017. С. 51). В склепе Деметры рядом с входом

представлены изображения Гермеса и нимфы Калипсо (Ростовцев. 1913. С. 202–203; Зинько и др. 2009. С. 60–62).

Встреча имеет принципиально важное значение. Не трудно понять, что пределов этой чудесной страны достигали души, т.е., как их обычно понимают, некие бестелесные субстанции, но внутри неё царит вполне телесная жизнь, наполненная пирами и всякого рода забавами. А это означает, что душа усопшего здесь с божественной помощью перерождается или, можно сказать, возрождается к новой жизни «во плоти и крови». Изобразить сцену перерождения/возрождения чрезвычайно сложно, но, как представляется, боспорские художники пытались это сделать, хоть и не очень удачно (Виноградов. 2017. С. 51).

В саркофаге 1900 г. справа изображена сидящая на троне женщина, явно богиня (2а), на коленях она держит маленького ребёнка. На мой взгляд, лучшей аналогии для обозначенного явления трудно найти. «Рождение» произошло в торжественной обстановке и в присутствии свидетелей – за троном стоит прислужница, справа к богине приближается другая, несущая на подносе сосуды с яствами.

Слева изображен молодой мужчина, опирающийся локтем на невысокую колонну (2б). Он находится в окружении предметов, характерных для символики рельефов боспорских погребальных стел – колонна, конь без седла, горит с луком. Последний, несомненно, демонстрирует семантическую связь «герой – бог – героизированный человек» (Савостина. 1983. С. 55). В боспорском погребальном искусстве этот предмет следует понимать как указание на связь героизированного с богиней, в данном случае на связь не в прошлом и не в настоящем, а в будущем.

3. Третью семантическую группу составляют две очень важные композиции. Справа изображены фигуры двух всадников (3а); левый безоружен и молод, а правый с луком у пояса в руке держит кнут. Слева представлена мастерская художника (3б). Первая композиция вполне характерна для понимания мира, в котором оказывались герои после смерти. Их жизнь занимали пиры, охота на диковинных зверей, поединки с подобными им героями, конные прогулки, путешествия в поисках богини, встречи с ней и т.п. Но какое отношение к этому миру имеет художник? Очевидно, имеет. Все исследователи всегда видели и до сих пор видят здесь реальную мастерскую реального художника (Novitska. 1998). П.Бургундер даже считает его специалистом в области изготовления погребальных портретов (Burgunder. 2010. Р. 689, 692). Можно допустить, однако, что сам акт художественного творчества не рассматривался на

Боспоре как простое, презренное ремесло, а считался сродни проявлению божественного. Вспомним, что Орфей вошёл в царство мёртвых и вышел из него только благодаря своим феноменальным музыкальным способностям (Герцман. 1995. С. 78–88).

Такое понимание, разумеется, совсем не исключает того, что в саркофаге 1900 г. был погребён один из боспорских художников. В самом деле, разве можно было лишиться его в загробном мире возможности продемонстрировать свои творческие, вдохновлённые божеством способности?

3. Композиции, связанные с сердцевинной сакральной мира. Герой-художник удостоен встречи с великой богиней, что представлено на крайнем левом поле (4б). Сцена загробного пира является обычной, но и самой главной на памятниках боспорского погребального искусства. Наш герой изображён бородатым (поиск богини, надо думать, занял немало времени), он возлежит на ложе, рядом с ним восседает богиня, напротив расположен столик с витыми ножками. Напротив пирующих расположены три музыканта (4а), средний играет на ручном органе, а стоящие по бокам от него – на флейтах. Вряд ли стоит полагать, что они исполняют траурные мелодии, связанные с проводами усопшего в последний путь (Герцман. 1995. С. 141–144). Праздничная музыка вполне уместна в обители богов и героев (Вертиенко. 2010). Сцены этого торжества явно были изображены по сторонам от головы погребённого.

5. На торцовой стене, над головой покойного представлена гирлянда (Burgunder. 2010. P. 689, 691–692), а точнее – погребальный венок. Этот предмет не был простым украшением, его значение гораздо глубже, недаром подобные предметы можно видеть на стенах почти всех расписных боспорских склепов. По существу это мешок или чехол с тесёмками для завязывания на обоих концах, который набивался растительными побегами, скорее всего, колючими – местами побеги прорывают ткань мешка. М.И. Ростовцев обоснованно признал, что мешки-гирлянды были важным атрибутом погребальной церемонии, символизировавшим возрождение усопшего к новой, блаженной жизни (Ростовцев. 1913. С. 217, 230–231, 229–300, 377 и др.).

Росписи саркофага 1900 г., как видим, рисуют загробный мир ярким и счастливым. Именно таковым представлялся он боспорянам, если судить по сохранившимся памятникам изобразительного искусства. Вполне очевидно, что он никак не соответствует мрачному царству Аида, нарисованному Гомером в «Одиссее» (Hom. Od. 15–635). Античная

письменная традиция, однако, сохранила и другие описания загробного мира. К примеру, Овидий в «Метаморфозах», описывая спуск Орфея в мир теней в поисках Эвридики, тоже называет его «безрадостным царством» (Ovid. Metam. X. 1–75). Гораздо любопытней для нас рассказ Вергилия в поэме «Энеида», в котором говорится о загробном путешествии Энея (Vergil. Aen. VI. 133–750). Как известно, тот стремился встретиться со своим отцом Анхизом. Севилла сообщила герою, что проникнуть в царство мёртвых можно только сорвав золотую ветвь – дар для Прозерпины (Персефоны) (стр. 140–144), что Энею удалось сделать. Тем не менее, путь к цели всё равно оказался трудным и опасным. Переправившись через Ахерон, Севилла и Эней выходят на перекрёсток дорог, правая из которых ведёт в Элизий, а по левой нечестивцы спускаются в Тартар. За порогом Элизия Эней видит радостный мир, где «солнце сияет своё и свои загораются звёзды» (стр. 637–665). Его обитатели предаются спортивным состязаниям, танцуют и поют, руководимые «фракийским пророком» (Орфеем). Тут же пребывает «славных героев сонм», герои пируют. Эней видит копья, воткнутые в землю, пустые колесницы и коней, которые «вольно пасутся в полях».

*Если кто при жизни оружье
И колесницы любил, если кто с особым пристрастьем
Резвых коней разводил, – получает всё то же за гробом*
(стр. 653–655).

Эта поэтическая фраза, на мой взгляд, позволяет лучше понять некоторые военные сцены, изображённые на стенах боспорских склепов, но Вергилий на этом не останавливается и далее говорит следующее:

*Здесь мужам, что погибли от ран в боях за отчизну
Или жрецам, что всегда чистоту хранили при жизни,
Тем из пророков, что рёк только то, что Феба достойно,
Тем, кто украсил жизнь, создав искусство для смертных,
Кто среди живых о себе по заслугам память оставил, –
Всем здесь венчают чело белоснежной повязкой священной*
(стр. 660–665).

Как видим, среди славных воинов, беспорочных жрецов и пророков нашлось место и для тех, «кто украсил жизнь, создав искусство для

смертных», т.е. для художников в широком понимании этого слова. В общем, в повествовании великого поэта и росписи боспорского склепа имеются некоторые переклички, как будто, позволяющие приблизиться к лучшему пониманию сюжетов, изображённых на его стенках. Между ними, естественно, имеются и расхождения. К примеру, в «Энеиде» не говорится о встрече с богиней, а в росписи саркофага именно эта сцена является основной, и это понятно, ведь Эней искал встречи с отцом, а Персефона лишь не препятствовала этому.

Трудно сказать, насколько стихотворное повествование о загробном царстве могло повлиять на творчество боспорского художника. Во всяком случае, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что он прочёл «Энеиду». Скорей, поэт выразил некоторые представления, широко бытующие в античном мире. У населения Боспора эсхатологические идеи достигли особой выразительности, по всей видимости, начиная ещё с времени освоения греками берегов Керченского пролива (Виноградов. 2000. С. 119–122).

М.И. Ростовцев более 100 лет назад правильно указывал на бедность Северного Причерноморья памятниками религиозного содержания, которыми так богата Греция и Малая Азия, т.е. руинами храмов, вотивными рельефами и надписями. Из этого правила, однако, есть исключение – это Керчь, которая богата живописью религиозного содержания, и в этом заключается её исключительная важность для понимания религиозного мировоззрения боспорян в эллинистическую и римскую эпохи (Ростовцев. 1911. С. 119). Современным исследователям, конечно, не стоит забывать слов великого предшественника.

ЛИТЕРАТУРА

Вертиенко А.В. 2010. «Скифский арфист» (к интерпретации одной из сцен сахновской пластины) // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк. С. 320–332 (Археологический альманах. № 21).

Виноградов Ю.А. 2000. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 98–128.

Виноградов Ю.А. 2017. Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб. С. 40–52 (Труды ИИМК РАН. Т. LI).

Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Герцман Е.В. 1995. Музыка Древней Греции и Рима. СПб.

Думберг К.Е. 1902. Извлечение из отчёта о раскопках гробниц в 1900 г. // ИАК. Вып. 2. С. 40–60.

Ернштедт Е.В. 1955. Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи). АГСП. I. М.; Л. С. 248–285.

Зинько Е.А., Буйских А.В., Русяева А.С., Савостина Е.А., Стриленко Ю.Н., Ягги О. 2009. Склеп Деметры. Памятники археологии Керченского историко-культурного заповедника. Киев.

Ростовцев М.И. 1911. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесённых графу А.А. Бобринскому. СПб. С. 119–154.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913.

Савостин Е.А. 1983. К символике изображения лука на Боспоре // СА. № 4. С. 45–56.

Burgunder P. 2010. Dialogue intime avec la mort: le discours funéraire du sarcophage de Kertch // *Antike Malerei zwischen Lokalstil und Zeitstil. Akten des XI. Internationalen Kolloquiums der AIPMA (Association Internationale pour la peinture Murale Antique)* 13.–17. September 2010 in Ephesos. Wien. P. 689–694.

Novicka M. 1998. Le sarcophage de Kerch // *Au royaume des ombres. La peinture des funéraires antique*. Paris. P. 66–70.

ВИНОКУРОВ Н. И.
(МПГУ, Москва)

НАХОДКИ ГИПСОВЫХ НАЛЕПОВ ДЕРЕВЯННЫХ САРКОФАГОВ В ГРОБНИЦАХ I–II ВВ. НА НЕКРОПОЛЕ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН

В ходе раскопок некрополя городища Артезиан найдены гипсовые налесты на саркофаг, в ограбленных могилах I–II вв. н. э. (Винокуров, 2009, с. с. 171–179; 2014, с. 9 и сл.; 2020). Всего открыто 208 экземпляров налестов. Параллели им хорошо известны по многочисленным боспорским аналогиям, близкими по времени артезианским материалам (Иванова, 1955, с. 409 и сл.; Сокольский, 1969, 1971, с. 113 и сл.; Берзина 1962, с. 237–256; Жижина, 1990, с. 228–235; 1997, с. 149–166; 2007, с. 9–27; Хршановский, 1997, с. 267; Иллариошкина, 2001, с. 213 и сл.). Использование гипса в боспорских погребениях прослеживалось вплоть III–IV вв. (Ворошилова, 2019, с. 145–162). Интерпретация их не так проста, как кажется на первый взгляд, так как восстановление ансамблей налестов на боспорских саркофагах, их точного расположения представляет известные трудности (Сокольский, 1969, 1971, с. 113 и сл.; Журавлёв, Ломтадзе, 2014, с. 33–40; Бейлин, Рукавишникова, Куликов, 2019, с. 26–58).

Налесты прикреплялись на крышки, углы, торцы, боковые фасадные внешние поверхности гробов и саркофагов, включая ножки, с большим вкусом и чувством пропорций заполняя полихромным сакрально-декоративным «узорочьем» пространство между деревянными деталями или же дополняя их. На наш современный скептически-оценивающий взгляд раскраска саркофагов, их невероятно пёстрое декоративное оформление, в котором причудливо сочетались не только гипсовые налесты, но восковые, металлические, деревянные, костяные, украшения, драпировки из ткани, резьба, инкрустации, могут показаться странным, дорогостоящим и выпендренным излишеством. Но традиция проведения пышных похорон, чрезмерного украшения погребальных атрибутов в

высших слоях общества была удивительно устойчива на протяжении многих тысяч лет. Любые похороны были не просто исполнением религиозного обряда, но и своего рода наглядной горделивой демонстрацией всем окружающим, живым и ушедшим людям, предкам, героям и богам, достигнутого уровня материального достатка организаторов похорон и последующих поминок. На античном Боспоре она отчасти проявилась и в гипсовой художественной пластике I–II вв. н. э. Случаются разногласия по местоположению тех или иных налестов на саркофагах даже, если могилы совершенно не потревожены грабителями (Иванова, 1955, с. 409 и сл.; Жижина, 1990, с. 228–235; 1997, с. 149–166; 2007, с. 9–27; Иллариошкина. 2001. С. 213 и сл.).

Далеко не все известные на Боспоре типы гипсовых налестов обнаружены в гробницах некрополя Артезиан. Возможно, это отражает какие-то особенности их погребальной практики и религиозных верований, но, скорее всего, явилось последствием грабительских вторжений в погребальные комплексы, которые приводили к расхищению наиболее интересных гипсовых изделий.

На данный момент по артезианским материалам удалось выделить 13 основных типов налестов, которые были открыты в могилах с саркофагами:

1. Округлые профилированные налесты на ножки саркофага;
2. Полуфигурки Деметры;
3. Полуфигурки дочери Деметры Коры;
4. Налесты в виде головы Медузы-Горгоны;
5. Налесты в виде змееной богини;
6. Налесты в виде трагических масок актёров;
7. Налесты в виде головы быка;
8. Налесты в виде морды льва;
9. Округлые уплощенные налесты-розетки с профилированными желобками, возможный аналог щита, зеркала или кольца-ограничителя веретена;
10. Округлые фалловидные налесты, похожие на пешки;
11. Массивные цилиндрические в виде замка или архитектурной детали (части колонн);
12. Налесты в виде брусков (архитектурных деталей?);
13. Округлые небольшие налесты-хлебцы(?) с насечкой-сеткой на уплощенной длинной ножке.

Общее количество основных типов гипсовых налепов из гробниц I–II вв. удобно представить в виде сводной таблицы:

№	Тип налепа	Год обнаружения	Гробница	Количество в комплексе	Всего по типам
1.	Налепы на ножки саркофага	2000	6/2000	12	
		2001	35/2001	4	
		2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	12	
		2003	106/2003	4	
		2005	193/2005	4	36
2.	Полуфигурка в виде торса Деметры	2001	35/2001	4	4
3.	Полуфигурка в виде торса Коры	2001	35/2001	6	
		2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	12	18
4.	Уплощённо-овальные налепы в виде головы Медузы-Горгоны	2001	35/2001	4	
		2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	8	
		2003	106/2003	3	15
5.	Налепы в виде змееногих богинь	2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	4	4
6.	Налепы в виде масок трагических актёров	2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	2	2
7.	Налепы в виде головы быка (букралии)	2003	106/2003	2	2

8.	Налепы в виде головы льва	2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	4	
		2007	241/2007	5	9
9.	Округлые уплощенные налепы-розетки с профилированными желобками в виде щита, зеркала или кольца-ограничителя веретена	2001	35/2001	20	
		2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	21	
		2003	106/2003	34	
		2007	241/2007	7	
		2001	35/2001	20	
10.	Округлые фаллоподобные налепы, похожие на пешки	2001(?)	? (из грабей) + саркофаг	21	
		2003	106/2003	34	
		2007	241/2007	7	82
		2001	35/2001	4	4
11.	Массивные цилиндрические в виде замка или архитектурной детали (части колонн)	2001	35/2001	4	4
		2001	56/2001	2	
		2001	57/2001	3	
12.	Налепы в виде брусков	2003	125/2003	1	6
		2001	35/2001	3	3
13.	Округлые небольшие налепы-хлебцы(?) на уплощённой длинной ножке с насечкой-сеткой	2001	35/2001	3	3
Общее количество налепов за все годы исследования некрополя					203

Дальнейшее изучение артезианских и боспорских гипсовых налепов имеет большие перспективы, требует тщательных анализов красителей полихромного убранства данных изделий, определения технологических примесей в составе их гипсового теста, источников сырья, экспериментальное подтверждение использования при изготовлении декоративных художественных элементов боспорских саркофагов различных клеевых субстанций, пластификаторов и прочих добавок.

ЛИТЕРАТУРА

Бейлин, Рукавишникова, Куликов, 2019. Бейлин Д.В., Рукавишникова И.В., Куликов А.В. Погребения с монетами могильника Александровские скалы 1 // Древности Боспора. Т. 24. М.

Берзина, 1962. Берзина С. Я. Производство гипсовых изделий на Боспоре // Археология и история Боспора. Симферополь. 1962. Вып. II.

Блаватский, 1953. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Винокуров, 2007. Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь–Керчь. 2007. 456 С.

Винокуров, 2009. Винокуров Н. И. Художественно-декоративные элементы украшений боспорских саркофагов (по материалам некрополя городища Артезиан) // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб: Изд-во «Нестор–История». 556 С.

Винокуров, 2014. Винокуров Н. И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) // Серия: Боспорские исследования. Supplementum 12. Симферополь–Керчь. 2014. ISBN: 978–966–2578–68–3. 680 С.

Винокуров, Федосеев, 2020. Винокуров Н.И., Федосеев Н.Ф., Артезианский деревянный саркофаг: украденный и(ли) спасённый? // ДБ (в печати).

Власова, 2014. Власова Е. В. О саркофагах из кургана Куль-Оба // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). (Санкт-Петербург, 25– 26 ноября 2014 г.). СПб.: Нестор-История. 244 с.

Ворошилова, 2019. Ворошилова О. М. Двухкамерный склеп 170 из Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры, 2019, №4. Магнитогорск.

Жижина, 1990. Жижина Н. К. Изделия из дерева и гипсовые украшения деревянных саркофагов из Пантикапея в собрании Лувра // Вестник древней истории. № 1. М.

Жижина, 1997. Жижина Н. К. Комплекс гипсовых рельефов из земляного склепа некрополя Нимфея и вопросы реконструкции декора боспорских деревянных саркофагов римского времени // Труды Государственного Эрмитажа 28. СПб, 1997.

Жижина, 2007. Жижина Н.К. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках Европейского Боспора первых веков новой эры (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2007.

Журавлёв, Ломтадзе, 2014. Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А. Погребение с деревянным саркофагом из некрополя Пантикапея (раскопки Ю.А. Кулаковского в 1890 г.) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). (Санкт-Петербург, 25– 26 ноября 2014 г.). СПб.: Нестор-История. 244 с.

Иванова, 1955. Иванова А. П. Художественные изделия из дерева и кости // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л.

Иллариошкина, 2001. Иллариошкина Е. Н., 2001. Боги и герои греческих мифов в боспорской коропластике // Боспорские исследования. Вып. I. Симферополь.

Сокольский, 1969. Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., САИ. Вып. Г1–17.

Сокольский, 1971. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. МИА. № 178.

ВОЛОШИНОВ А. А.
(ИАК РАН, Симферополь)

БОСПОРСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ПОЗДНЕСКИФСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

В настоящее время насчитывается более 70-ти позднескифских изваяний. Они представлены антропоморфными стелами и рельефами I-III вв. н.э., большая часть этих памятников найдена в Юго-Западном, Северо-Западном и Центральном Крыму.

Тезис о инокультурном влиянии на развитие позднескифской скульптуры многократно высказывался в литературе. Иконография отдельных памятников настолько сложна, что однозначно определить источник заимствования изображенного сюжета не просто, т.к. на этой группе варварских изваяний достаточно сильно отразился синкретический характер самой позднескифской культуры. Происходят изменения в морфологии - появляются антропоморфные плиты (силуэтные изваяния) и рельефы. В иконографии рельефов используются схемы, характерные для античной скульптуры, изображаются новые, не характерные ранее атрибуты, на отдельные рельефы (Джан-Баба, рельеф из Фоти-Сала) наносятся греческие надписи. Появление обоих видов изваяний тесно связано с боспорским влиянием.

Силуэтные изваяния в первые века н.э. составляют 25% антропоморфных позднескифских стел. Это небольшие по размерам, плоские плиты прямоугольной формы, в верхней части которых имеется овальный или округлый выступ, имитирующий голову. Характерная особенность этой группы памятников - отсутствие каких-либо попыток графического изображения лица и более тщательная обработка одной из поверхностей.

К силуэтным изваяниям, к примеру, можно отнести стелы из Усть-Альминского некрополя (Рис. 4а), могильника Озерное II (Рис. 1а,

3а), Заветнинского могильника (Рис. 2а), а также две стелы из могильника Брянское (не опубликованы, хранятся в ГБУ РК БИКАМЗ).

Предполагается, что силуэтные изваяния служили универсальной формой надгробия, позволяя легко изобразить как абстрактный образ умершего, так и индивидуальные его черты (например, с помощью раскраски, как это делалось в Херсонесе (Колесникова, 1973, С. 44)). Подобные памятники Е.А. Попова отнесла к стелам характерной для Боспора формы (Попова, 1976, с. 117.), О.Д. Дашевская - к антропоморфным стелам «боспорского типа» (Дашевская, 1991, с. 101).

Позднескифские антропоморфные стелы этого типа, подобно боспорским изваяниям (Молева, 2012, с. 21), имеют четкие грани и тщательно подработанную (подшлифованную) поверхность, подготовленную под роспись. Ее остатки, например, были прослежены на поверхности стелы № 10 из Заветнинского могильника (Волошинов, 2015, с. 283).

Рассматриваемая группа позднескифских антропоморфных памятников действительно имеет морфологически близкие аналогии на Боспоре. Яркий пример – подборка изваяний, найденных при раскопках могильника Александровские скалы (Волошинов, Бейлин, Рукавишникова, 2018, с. 73-87). Стела №4 Александровских скал (Рис. 1, 4) соответствует позднескифскому изваянию из склепа № 616 Усть-Альминского некрополя (Рис. 1, 4а); стела №2 (Рис. 1, 5) аналогична изваянию №2 (Рис. 1, 5а), а стела №9 (Рис. 1, 2) – изваянию №10 из Заветнинского могильника (Рис. 1, 9а); стела № 11 (Рис. 1, 3) из Александровских скал аналогична фрагменту изваяния из могилы № 20 (Рис. 1, 3а), а стелам № 7, 8 (Рис. 1, 1) можно сопоставить изваяние из могилы №13 некрополя Озерное-II (Баранов, Гарбуз, 2013, с. 178, рис. 1) (Рис. 1, 1а).

Другим видом изваяний, имеющим аналогии на Боспоре, являются рельефы. Они стали новым морфологическим видом варварской скульптуры, составив более 30% от числа всех позднескифских изваяний. Уже само появление такого вида памятников говорит в пользу значительной эллинизованности местного населения.

Часть иконографических схем была заимствована на Боспоре, другие – сцена охоты, сражения, терзания, не имеют аналогий среди боспорских надгробных памятников Боспора (Савостина, 1992, с. 363, 364, 370, 371). Иконография позднескифских рельефов была наполнена синкретическими образами. В качестве сюжетов использовались как основные, так и дополняющие сцены боспорских надгробий (всадники, сцена адорации). При этом сам сюжет, для приспособления к местной, варварской иконо-

графии, подвергался изменениям: увеличивался в размерах, дополнялся характерными для варваров атрибутами (например, ритонами), модифицировалась иконографическая схема и т.д. Кроме того, в позднескифских рельефах заметно нарушение геометрически правильных очертаний плит, рамок, а также непропорциональность в изображении фигур. Подобное нарушение античных форм было характерно для таких контактных зон как Азиатский Боспор (Кобылина 1948, с. 90), что объясняется «смешанным составом массы городского населения..., взаимодействием местной и греческой культуры» (Кобылина 1956, с.65).

Ряд стилистических и иконографических особенностей позднескифских рельефов, в совокупности с некоторой простотой в их исполнении, привели отдельных исследователей в 60-80-е гг. XX в. (П.Н. Шульц, М.Я. Чорев) к идее о сарматской их принадлежности подобных памятников и существовании «стел сарматского круга». Е.А. Попова доказала, что выделенный в отдельную группу т.н. «сарматский стиль» был ошибочно связан исследователями с определением этнокультурной принадлежности.

Датировка памятников с боспорским влиянием укладывается, главным образом, в первые два столетия н.э. По крайней мере, этим временем датируются боспорские рельефы с подобными сюжетами. Одним из наиболее известных позднескифских памятников, имеющих боспорские аналогии, является т.н. рельеф Палака (Рис.2, 7). Не менее известны и другие рельефы - двухъярусный из Джан-Баба (Рис.2, 1), т.н. «Бахчисарайская стела» (Рис.2, 3), рельеф из Краснозорья (т.н. рельеф из Фоти-Сала) (Рис.2, 5), чайкинский рельеф (Рис.2, 10), рельефы из Предущельного (Рис.2, 2), неапольского склепа № 6 (Рис.2, 4), Мазанки (Рис.2, 9), Поповки (Рис.2, 6), Южно-Донузлавского городища (Рис.2, 11), Малой Козырки (Рис.2, 8).

Сюжеты рассматриваемых позднескифских рельефов разнообразны. Изображались стоящие фигуры (Рис.2,2) и всадники (Рис.2,1,3,4-10), сцена «предстояния всадника женщине» (адорация?) (Рис.2,1,8,10) – сцены, известные в боспорской скульптуре, а также нехарактерные для нее сцены охоты (рис. 2, 6) и терзания (Рис. 2,1,8).

Наиболее часто встречающийся сюжет этих памятников – всадники. По мнению Н.Н. Погребовой, появление этого образа в позднескифской скульптуре связано с влиянием Боспора и Фракии (Погрехова, 1958, с. 233).

Время появления всаднического образа на позднескифской скульптуре, исходя из датировок используемых боспорских схем, нет основания относить ко времени ранее рубежа н.э. Именно в этот период на

Боспоре возрастает роль всаднической аристократии и получают большое распространение надгробные стелы с всадниками.

Отдельные элементы позднескифских рельефов говорят о неплохом знакомстве варваров с традициями создания рельефа на Боспоре, и не позволяют говорить о заимствовании рельефов с боспорскими сюжетами через простое визуальное восприятие¹. Общая простота исполнения скрывает комплекс иконографических, изобразительных и технологических приемов, которые находят аналогии на Боспоре.

Можно предположить, что наиболее вероятной предпосылкой для появления позднескифских памятников с заметным боспорским влиянием, было переселение на территорию Малой Скифии какой-то части населения Боспорского государства.

¹ Вероятно, для заимствования античных схем, как и в более раннее время, достаточно было совпадение каких-то отдельных иконографических черт с представлениями о внешнем облике персонажа собственной мифологии (Раевский, 1980, с. 68, 7).

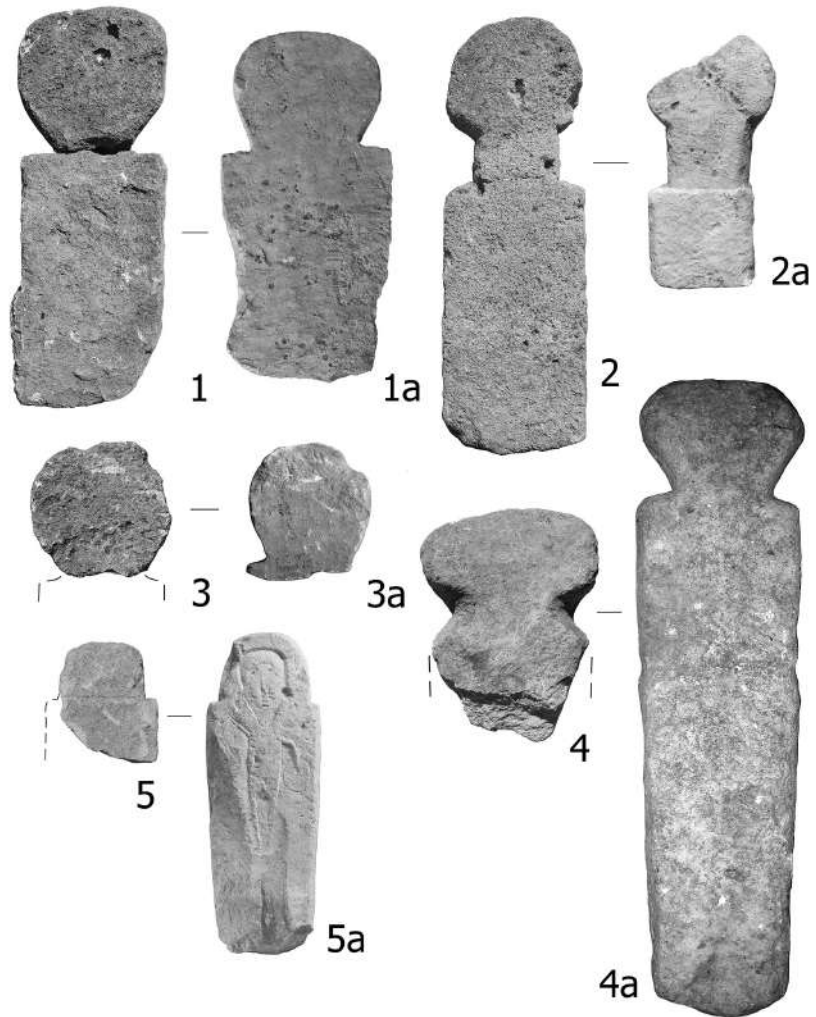

Рис. 1. Антропоморфные стелы из могильника Александровские скалы и позднескифских могильников

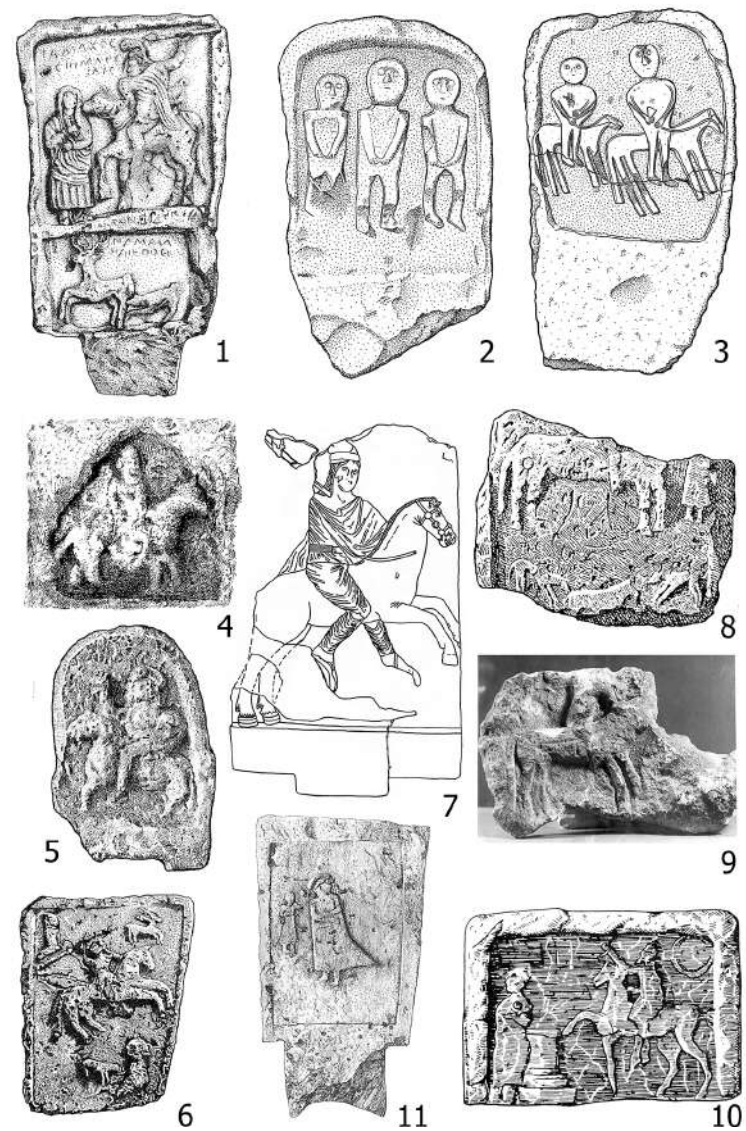

Рис. 2. Позднескифские рельефы

ГАНЦЕВ В.К.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ТРЕХРУЧНАЯ СТЕКЛЯННАЯ ЛАМПАДА XV В. ИЗ РАСКОПОК КНЯЖЕСКОГО ДВОРЦА МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА¹

Дворец правителей средневекового княжества Феодоро является одной из важнейших архитектурно-топографических доминант Мангупского городища. В результате его систематических раскопок, ведущихся с 2006 г. Мангупской археологической экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, установлены границы, особенности планировки, общая хронология и внутренняя периодизация памятника [Герцен, Науменко, Душенко 2019, с. 139-140]. Выявленные археологические комплексы позволяют выделить два основных периода в истории памятника – около 1425-1450 гг. и 1450-1475 гг. [Герцен, Науменко, Душенко 2019, с. 144].

В 2009 г., в процессе раскопок центрального участка дворцового комплекса, в одной из исследованных хозяйственных ям (яма №35) обнаружена целая стеклянная лампада с тремя ручками для подвешивания (Рис. 1.1)². С учетом редкости стеклянных изделий такой сохранности из раскопок Мангупа, как, впрочем, и на других средневековых памятниках Крымского полуострова, а также факта происхождения лампады из хорошо датированного археологического комплекса, изучение находки заслуживает отдельного внимания.

Контекст находки. Яма №35 расположена в северо-восточной части так называемого «помещения I», которое находится в центральной

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника» (проект № 19-09-00124). Выражаю признательность А.Г. Герцену и В.Е. Науменко за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок памятника.

² Лампада склеена из 16 фрагментов, утрачены лишь незначительные ее части.

части дворцового комплекса. Яма имеет в плане овальную форму, вытянутую по оси юг-север, размеры 1,60 x 2,00 м, сохранилась на глубину до 1,55-1,60 м. Ее нижняя часть вырублена в скале, на глубину 0,50-0,60 м, верхняя часть обложена кольцевой однорядной бутовой кладкой, без видимых следов связующего раствора.

В заполнении ямы №35 выделено три культурных горизонта, мощность каждого из которых в пределах 0,50-0,60 м. Наиболее интересным в археологическом плане является 3-й (нижний) слой заполнения. Он представляет собой серый плотный грунт с включениями пятен коричневого оттенка (истлевшая органика?), насыщен угольками, фрагментами керамики, костями животных и раковинами моллюсков, имея явно «мусорное» происхождение.

Керамический комплекс из 3-го слоя заполнения ямы достаточно выразителен. В целом он характерен для культурного горизонта Мангупского городища периода 1425-1475 гг. Определяющими для установления времени его образования являются фрагменты красноглиняных плоскодонных амфор класса 52 по классификации херсонесских амфор 1995 г., тарных кувшинов с широкими плоскими ручками и росписью линиями светлого ангоба и красноглиняной глазурированной керамики группы «Юго-Западный Крым», а также импортной поливной керамики группы «Miletus Ware», «Lustre Ware» и «селадон». Монета хана Хаджи-Гирея I (1422-1466) выпуска 1462 г. позволяет, вместе с перечисленными категориями керамических материалов, надежно датировать данный комплекс в пределах 1462-1475 гг.

Из нижнего слоя заполнения ямы №35 происходит разнообразная коллекция стеклянных сосудов. Одним из них является стеклянная лампада с тремя симметрично расположенными ручками-петельками для подвешивания, являющаяся предметом данного исследования (Рис. 1.1).

Стеклянная лампада имеет полусферическую форму, утолщенный и немного отогнутый наружу венчик, округлое дно. Ее общая высота – 7,2 см, диаметр венчика – 14,6 см, толщина стенок – до 0,12 см, толщина профиля в районе дна – 0,14 см. Округлые петлевидные ручки, диаметром 0,40 см, изготовлены из одинарных округлых в сечении стержней, верхним концом прикрепленные к венчику лампады, нижним – к ее тулову. Лампада изготовлена из прозрачного бесцветного стекла, в структуре которого заметно множество плотных мелких пузырьков, имеющих округлую и вытянутую форму.

Функциональное назначение. Полусферические лампы с подобными ручками могли размещать в центральной части поликандила³, но, чаще всего, они использовались, как одиночные фонари. Их подвешивали с помощью металлических крючков или цепочек, на потолке или перед иконами [Crowfoot, Harden 1931, p. 206; Antonaras 2010, p. 417] (Рис. 1: 4). Не исключается возможность их использования не только в культовых сооружениях, но и в быту. Лампы достаточно просты в применении – достаточно наполнить сосуд маслом и погрузить в него фитиль [Yelda Olcay 2001, 84]. Это способствовало, в конечном итоге, их широкому распространению на протяжении многих столетий.

Аналогии. Лампы, имеющие различную форму тулова (сферическое, плоское или вогнутое), с ручками для подвешивания, прикрепленными к венчику или к тулову можно встретить на различных византийских памятниках, начиная с V в. [Crowfoot, Harden 1931, p. 196; Yong 1993, p. 43; Yelda Olcay 2001, 84].

Лампы с тремя ручками найдены в церкви V в. в Джераше (Иордания) [Crowfoot, Harden 1931, p. 199, plate XXX: 40, 41], в слое VII в. при раскопках Курионской базилики (Кипр) [Yong 1993, p. 43, fig. 6], Амориума (Центральная Анатолия) [Harrison, Christie 1993, p. 161, fig. 4], в подвале помещения 6-7а квартала VIII Северного района Херсонеса, засыпанного в последней четверти VII в. [Голофаст 2001, с. 140, рис. 86:1], в слое IX-X вв. на месте храма в урочище Еди-Евлер на южном берегу Крыма (Семидворье, Алушта) [Тесленко, Мусин 2015, с. 179, рис. 4.3: 201], в ходе исследований церкви св. Николая в Демре X-XIII вв. (Анталия) [Asara, Yelda Olcay 1997, s. 254, resim 2: a-g], горизонтов XI-XII вв. в Коринфе [Davidson 1952, p. 112, fig. 14]⁴ и др.

При поиске аналогий нашей находке наибольший интерес вызывает лампа, имеющая полусферическое тулово и три ручки, прикрепленные к венчику, практически идентичная по форме, происходящая из церкви св. Марии в Ново-Брдо (Сербия), функционировавшей во второй половине XIV – XV вв. [Zeević 2009, p. 417, fig. 4: d, e] (Рис. 1: 2). Еще одна подобная лампа обнаружена в ходе исследований монастыря Реваница XIV-XV вв. (около города Чуприя, Сербия) [Antonaras 2010, p. 416-417, fig. 45]. (Рис. 1: 3)

³ Поликандило (от греч. πολικάνδηλον – многосвечный светильник) – люстра или многогнездный подсвечник в церкви.

⁴ Этот перечень, безусловно, является не полным.

Непрерывность подобной формы стеклянных ламп на протяжении многих столетий, редкость целых экземпляров в целом затрудняют их датировку на основании обычных морфологических признаков [Asara, Yelda Olcay 1997, s. 252]. Очевидно, решающее значение для установления точной хронологии подобных изделий, независимо от региона, где они были обнаружены, и вида объекта, имеют сопутствующие археологические находки, позволяющие такую датировку получить.

Выводы. Сферическая лампа с тремя ручками для подвешивания, обнаруженная при раскопках дворца правителей княжества Феодоро на Мангупе, имеет широкие, в территориальном и хронологическом смыслах, аналогии на византийских памятниках Восточного Средиземноморья и Причерноморья, что затрудняет использование традиционных методов (типологического, метода аналогий) для установления ее точной хронологии вне археологического контекста. К счастью, мангупская находка имеет надежную датировку – около 1462-1475 гг., благодаря керамическим и нумизматическим находкам из ямы №35.

Ее близкое сходство с лампами из церковных комплексов Сербии XIV-XV вв., возможно, указывает на регион происхождения подобной категории церковной утвари и пока еще не выявленный центр производства, расположенный в этой части Балканского полуострова. Предположительно, обнаруженная в ходе раскопок Мангупского княжеского дворца стеклянная лампа использовалась в свое время для освещения пространства перед особо ценной иконой в резиденции местного правителя.

Литература

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. 2019. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. – С. 139-148.

Голофаст Л.А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИ-ЭТ. – Вып. VIII. – С. 97-260.

Тесленко И.Б., Мусин А.Е. 2015. Стеклянные сосуды // Древности Семидворья I. Средневековый двуапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым) // Археологический альманах. – № 32. – 408 с.

Acara M. Yelda Olcay B. 1997. Bizans Döneminde Aydınlatma Düzeni ve Demre Aziz Nikolaos Kilisesi'nde Kullanılan Aydınlatma Gereçleri // Adalua. – 1997. – No. II. – S. 249-266.

Antonaras A.C. 2010. Early Christian and Byzantine Glass Vessels: Forms and Uses // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. – Teil 1: Welt der Ideen, Welt der Dinge. – S. 383-428.

Davidson G.R. 1952. Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. – Vol. XII. – 525 p.

Crowfoot G. M., Harden D.B. 1931. Early Byzantine and Later Glass Lamps // The Journal of Egyptian Archeology. – Vol. 17. No. 3/4. – P. 196-208.

Harrison R.M., Christie N. 1993. Excavation at Amorium: 1992 Interim Report // Anatolian Studies. – Vol. 43. – P. 147-162.

Yelda Olcay B. 2001. Lighting Methods in the Bizantine Period and Findings of Glass Lamps in Anatolia // Journal of Glass Studies. – Vol. 43. – P. 77-87.

Yong S.H. 1993. A Preview of Seventh-Century Glass from the Kourion Basilica, Cyprus // Journal of Glass Studies. – Vol. 35. – P. 39-47.

Zečević E. 2009. Glass of Novo Brdo and its Significance in Late Medieval Glass Production // Annales du 18e Congres de l'association internationale pour l'histoire du verre. – Thessaloniki. – P. 414-418.

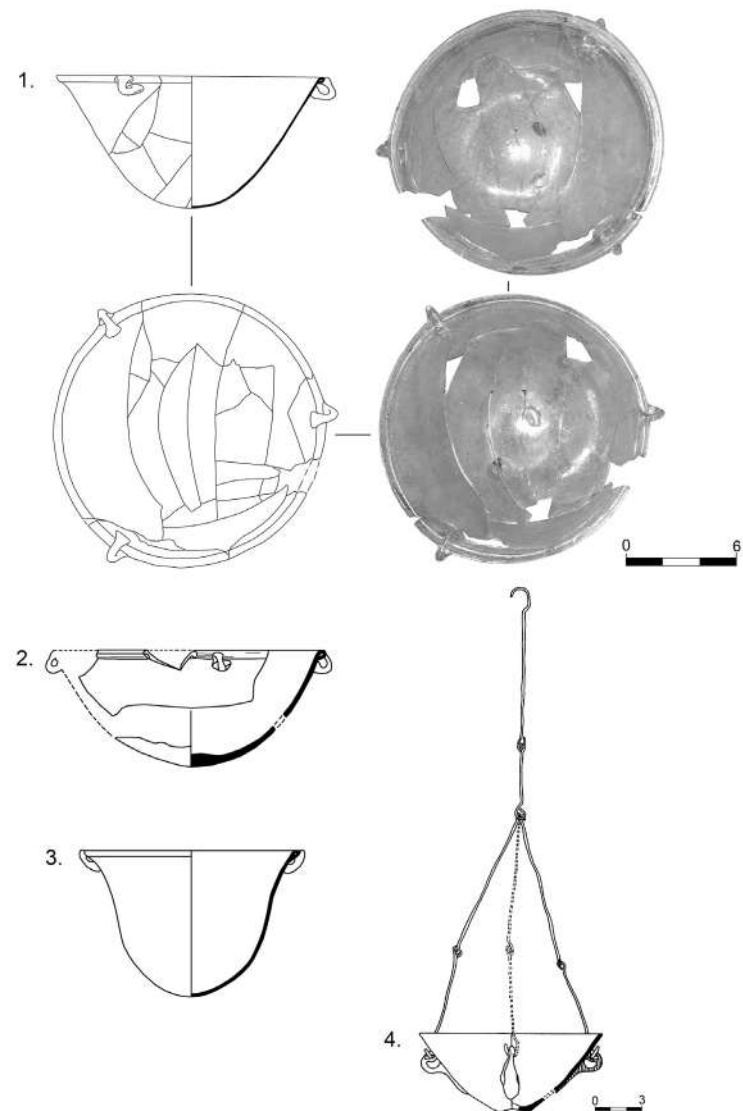

Рис. 1. Трехручная стеклянная лампада из раскопок: 1 – княжеского дворца Манеупско-го городища; 2 – церкви святой Марии в Ново-Брдо (Сербия); 3 – монастыря Реваница (Сербия). Реконструкция крепления лампады с ручками из церкви св. Николая в Демре (Турция) с помощью металлических крючков (4)

ДОРОШКО О.П.
(ГМЗХТ, Севастополь)

«НОВЫЙ» РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ РАСКОПОК 1912 Г. В ХЕРСОНЕСЕ

В 1912 году Р.Х. Лёпером, при исследовании территории «внутри монастырской ограды»¹, в помещении V, был обнаружен материал римского времени, который и привлек наше внимание². Здесь найдены фрагменты терракот и краснолаковой керамики, хорошей сохранности алтарик и два светильника. Терракоты и глиняный алтарик были опубликованы А.В. Шевченко [Шевченко, 2016], однако автор не обратила внимания на факт их открытия в одном комплексе.

Все терракоты некогда были частями статуэток. Глина красно-коричневая, с включением частиц пироксена и белых частиц, что характерно для местного херсонесского производства. Терракота в виде женской головы (ХМ КП 4826, инв. 2977/12) (рис. 1, 1) [Шевченко, 2016, с. 96, табл. LC, 572] выполнена несколько небрежно: оттиск слабый, нос смазан, рот обозначен прочерком, сама статуэтка была склеена косо. Рука (ХМ КП 32795, инв. 2977/12) (рис. 1, 2) [Шевченко, 2016, с. 66, табл. LV, 332], по мнению А.В. Шевченко, являлась частью статуэтки Персефоны, которые датируются II – I вв. до н.э. [Шевченко, 2016, с. 65-66]. Необычной является находка терракотового фаллоса (инв. 2978/12) (рис. 1, 3) [Шевченко, 2016, с. 135, табл. CXXXIII, 866]. Терракота была оттиснута в двусторонней форме, внутри полая. На поверхности сохранились следы ангоба коричневого оттенка.

¹ К сожалению, Р.Х. Лёпер не оставил нам планов раскопок и указания точного места исследований. Однако нам известно, что в дореволюционный период на территории монастыря в Херсонесе проводились раскопки только VII квартала. Отсюда можно сделать вывод, что публикуемый комплекс был открыт именно в VII квартале городища.

² Пользуясь случаем, благодарю Е.М. Краснодубец и В.В. Дорошко за помощь в работе с материалом.

Фрагментированный терракотовый алтарик из комплекса имеет цилиндрическую форму на квадратной подставке (ХМ КП 32796, инв. 2979/12) (рис. 1, 4). Глина красно-коричневая, с включением частиц пироксена и белых частиц [Шевченко, 2016, с. 86, табл. LXXVII, 497]. А.В. Шевченко датировала алтарик I в. до н.э. [Шевченко, 2016, с. 86], хотя подобные же фрагменты алтариков из раскопок Г.Д. Белова автор датировала первыми веками н.э. [Шевченко, 2016, с. 86, № 498, 499].

Датировка терракот и всего комплекса 1912 г. основывается на находках краснолаковых светильников и посуды, которая представлена фрагментами тарелки на кольцевом поддоне и сильно отогнутым краем (Понтийская сигиллата, близка к форме 6.3) [Журавлев, 2010, с. 49-50, кат. № 131-133], тарелки усеченно-конической формы на широком кольцевом поддоне (Eastern Sigillata C) [Журавлев, 2010, с. 32-33, кат. № 51], тарелки с вертикальным бортиком (Понтийская сигиллата, форма 4.2) [Журавлев, 2010, с. 46-47, кат. № 116-127].

Первый из двух краснолаковых светильников (ХМ КП 32793, инв. 2975/12) (рис. 1, 5) имеет округлый щиток, большую часть которого занимает изображение рельефной розетки (сохранилась частично); ручка петлевидная. Близкая аналогия происходит из раскопок склепа первой половины – середины II в. некрополя Усть-Альмы [Пуздровский, 2007, с. 464, рис. 190, 5].

Второй светильник (ХМ КП 32794, инв. 2976/12) (рис. 1, 6) миниатюрный, вместе с носиком его длина составляет 5,2 см. Щиток без изображения, округлой формы, украшен орнаментом из ов на верхней кромке плечиков; ручка петлевидная (не сохранилась). Учитывая его небольшие размеры и тот факт, что на его носике отсутствуют следы копоты, можно предположить, что светильник имел votivное назначение.

На территории херсонесского городища целые светильники находят не часто, и здесь нельзя не вспомнить находку девяти целых светильников и известнякового алтаря в III квартале, которые являлись остатками домашнего святилища римского времени.

В целом, датировка комплекса не выходит за пределы середины II — начала III в. Учитывая факт находки сразу трех фрагментов терракот, алтарика и светильников, можно предположить, что перед нами – часть убранства домашнего святилища. Кому же оно было посвящено?

Конечно, находки фрагмента женской терракоты, глиняных руки Персефоны и фаллоса могут указывать на посвящение домашнего святилища элевсинским богиням. В пользу этого предположения говорят и

находки светильников, обязательно присутствующих в храмах Деметры и Коры. Культ элевсинских богинь был популярен в городе еще с момента его основания

Но хотелось бы обратить внимание на интересную особенность комплекса: терракоты представлены фрагментами, а светильники и алтарик сохранились почти полностью. Если абстрагироваться от интерпретации терракот и воспринимать их как части тела, можно также предположить, что домашнее святилище было посвящено Асклепию. Культ бога-врачевателя получил распространение в Херсонесе еще с IV – III вв. до н.э., однако его расцвет пришелся на II – III вв. [Сапрыкин, Кутайсов, 2015] (что совпадает с датировкой нашего комплекса). Центром храмовой медицины в городе мог быть храм Асклепия, который упоминается в надписях I – начала III в. [Кадеев, 1996, с. 135; Макаров, 2006, с. 84]. По мнению Э.И. Соломоник, святилище Асклепия располагалось в районе античного театра Херсонеса [Solomonik, 1975, p. 435]. находка в квартале X-б северного района Херсонеса фрагмента декрета с упоминанием храма Асклепия позволила предположить локализацию храма в этой части городища [Макаров, 2006, с. 84; Сапрыкин, Кутайсов, с. 115]. В подобные храмы обращались больные, которым медицина того времени не смогла помочь. Вотив, по мнению современных исследователей, ознаменовывал открытие или закрытие сделки больного с Асклепием, причем на каком этапе жертвовался вотив (до или после выздоровления) – неизвестно [Шпак, 2018, с. 104]. Как считал В.И. Кадеев, вотив преподносился уже после исцеления: если больной выздоравливал, он должен был отблагодарить бога, посвятив ему исцеленную часть тела, иначе болезнь могла вернуться. Так, в Херсонесе был найден вотив в виде руки [Кадеев, 1996, с. 135-136].

Подобные асклепионы известны в Древней Греции еще с VI в. до н.э. [Шпак, 2018, с. 104]. В святилище Асклепия в Коринфе помимо терракотовых вотивов были найдены светильники и различная керамика [Waele, 1993, p. 441-448]. Такой же набор изделий мы видим и в херсонесском комплексе. Объективности ради следует отметить, что святилище в Херсонесе имеет несколько отличий от греческих асклепионов. В частности, анатомические вотивы обычно были выполнены в камне, очень редко – в глине [Шпак, 2018, с. 112]; исключение составляет храм в Коринфе, где преобладали терракотовые изделия [Roebuck, 1951, pl. 29-46]. Кроме того, обычно анатомические вотивы изготавливались специально для подношений, причем наблюдается специализация асклепионов по изле-

чению болезней [Oberhelman, 2014, p. 49]. В случае с херсонесскими изделиями мы видим, что иногда вотивами могли стать части терракот, возможно даже, более ранних (как, например, рука). Все эти отличия можно объяснить региональными особенностями культа Асклепия.

К сожалению, проверить, какая из версий правильная – мы в настоящее время не можем. Только новые исследования в предполагаемом месте раскопок 1912 г. могут дать новые данные для интерпретации комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. Симферополь, 2010. 320 с.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I – III вв.). Харьков: Бизнес Информ, 1996. 207 с.

Макаров И.А. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2006. №4. С.83-85.

Сапрыкин С.Ю., Кутайсов В.А. Культ бога Асклепия в Калос Лимене // Боспорские исследования. 2015. Т. XXXI. С. 110-120.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II В. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. 480 с.

Шевченко А.В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь, 2016. 502 с.

Шпак Л.Ю. Анатомические вотивы античного Средиземноморья: культурно-исторический феномен представления биологического и медицинского знания (по литературным данным) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2018. №3. С. 102-117.

Oberhelman S.M. Anatomical Votive Reliefs as Evidence for Specialization at Healing Sanctuaries in the Ancient Mediterranean World // Athens Journal of Health. 2014. Vol.1, Iss. 1. P. 47-62.

Roebuck C. The Asklepieion and Lerna // Corinth. 1951. Vol. XIV. 183 p.

Solomonik E.I. Neues um Asklepioskult in Chersonessos // Klio. 1975. Vol. 57. Issue 2. S. 433-442.

Waele F.J. The Sanctuary of Asklepios and Hygieia at Corinth // American Journal of Archaeology. 1993. Vol. 37. № 3. P. 417-451.

ДОРОШКО В.В., СВИРИДОВ А.Н., ЯЗИКОВ С.В.
(ГМЗХТ, Севастополь; ИА РАН, Москва)

РИМСКИЙ КИНЖАЛ В НОЖНАХ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ФРОНТОВОЕ IV (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ)

В 2019 году проводились раскопки поселения Фронтное IV, на месте будущего строительства трассы «Таврида». Расположено оно в 17 км к северо-востоку от стен Херсонеса Таврического и может быть отнесено к категории так называемых «городищ-убежищ», известных в Юго-Западном Крыму. Размер площадки, на которой расположен памятник, около 110 × 180 м. Поселение имеет крутые склоны с перепадом высот до 22 м с северо-восточной и до 13 м – с юго-западной стороны. Поселение датируется римским временем и эпохой раннего средневековья. В одной из его хозяйственных ям был обнаружен кинжал в ножнах (рис. 1, 2). Все элементы изготовлены из железа. Длина ножен составляет 17,6 см, вся высота кинжала – 25,2 см.

Рукоять кинжала имеет сложную конструкцию. Две обкладки, по всей видимости, соединены кузнечной сваркой по местам стыков. Внутреннее пространство между ними, вероятно, заполнялось деревянными вкладышами. Вся конструкция скреплялась и фиксировалась на плоском черешке кинжала посредством пяти заклепок, одна из которых проходила через его среднюю часть, а две – через верхнюю часть клинка. Черешок в верхней части расклепывался поверх небольшой полусферической накладки. Веретеновидный хват рукояти, трехлепестковая форма верхней части и широкий упор хорошо приспособлены к удержанию в руке. Для большего удобства центральная заклепка была сточена заподлицо.

Клинок обоюдоострый. Его профиль расширяется в верхней и средней частях. Обе стороны имеют продольное, выступающее ребро.

Основой ножен является цельная рамка, представляющая собой округлый, уплощенный наконечник и отходящие от него обрамляющие

Рис. 1. Находки из раскопок Р.Х. Лёпера в 1912 г. (фото В.В. Дорошко, К.В. Зыковой)

кромки, повторяющие профиль клинка кинжала. На лицевой стороне, в пространство между кромками помещалась тонкая накладка. Верхняя половина скреплялась двумя перехватами на четырех заклепках. Верхний из них полностью охватывал устье ножен и не имеет шва, второй же охватывает только лицевую сторону. На правой стороне сохранились две петли с остатками двух колец, одно из которых сохранилось полностью. Его диаметр составляет 1,4 см. По левой стороне под клепками видны накладки, которые могут быть остатками других петель.

Отметим, что кинжал в ножнах не подвергался деформации, и практически полная сохранность всех элементов дает возможность в комплексе изучить находку. Относится она к достаточно многочисленной группе римских военных кинжалов (*rudis*), вероятно, ведущих свое происхождение от испанских прототипов периода Пунических войн [Bishop, Coulston, 1993, p. 54]. Форма кинжала будет сохраняться вплоть до III в. н.э., меняя со временем типы ножен, а сами клинки будут иметь тенденцию к удлинению, и в III веке их длина варьирует от 20 до 30 см. Наш экземпляр соответствует ранним экземплярам и имеет длину клинка – 15,2 см. Наиболее декорированные и дорогостоящие кинжалы в ножнах будут производиться в течение всего I века, затем мода на них сменится почти полным отказом. И только в III столетии кинжалы в железных цельнокованых ножнах будут производить массово, при этом не уделяя особого внимания декору. Весь круг аналогий нашей находке попадает в хронологический интервал второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. Её редкой особенностью является трехлепестковая форма верхней части рукояти. До этого единственным экземпляром с такой же рукоятью был кинжал в ножнах из Тарента [Obmann, 2000, s. 27, taf. 29.1] эпохи поздней республики. В целом, он является наиболее близкой аналогией как кинжалу, так и ножнам, однако сохранился хуже публикуемой находки, и единственное, что мы можем дополнительно почерпнуть, изучая экземпляр из Тарента, так это то, что стенки его ножен были из дерева.

Помимо находки из Тарента, аналогичные рамчатые ножны испанского типа периода поздней Республики – ранней Империи найдены в центральной Испании (*Ciruelos*) [Connoly, 1997, fig. 13 c], Люксембурге (*Titelberg*) [Bishop, Coulston, 1993, fig. 41, 1], Южной Германии (*Dangstetten*) [Obmann, 2000, s. 27, taf. 27, 1, 2; 27, 2; taf. 28, 1] и даже в Южной Англии (*Exeter*), которые появились там либо спустя полвека своего существования или же ещё в период экспедиций Цезаря 55 и 54 гг. до н.э. [Connoly, 1997, p. 56, fig. 13 q].

Также мы имеем изображение кинжала с трехлепестковым навершием рукояти на Денариях Брута 42 г. до н.э. [Bishop, Coulston, 1993, fig. 8, 2] и на рельефе из Рима (*Nomentana*) последней четверти I в. до н.э. [D'Amato, 2009, fig. 211f, g].

Возвращаясь к контексту находки, отметим, что объект 13, в засыпи которого она находилась, представляет собой небольшую хозяйственную яму грушевидной формы диаметром около 1 м, заполнение однородное, в виде темно-коричневой супеси. В её верхней части и был обнаружен кинжал в ножнах. Сопутствующий материал маловыразителен и представлен фрагментами лепных сосудов. Однако на прилегающем пространстве встречался амфорный материал рубежа эр.

Нельзя не отметить, что и в нумизматическом материале из этой части поселения присутствуют два редких экземпляра, относящихся ко второй половине I в. до н.э. Один из них – монета Синопы 36/35 до н.э., второй – монета Nikei 58 г. до н.э.¹

Появление римского кинжала в ножнах на месте одного из поселений Крымской Скифии следует считать результатом прямого контакта римских военных и местного населения. Присутствие римлян у берегов Таврики в I в. до н.э. давно уже прослеживается по комплексу находок римского воинского снаряжения из раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло, включая деталь штандарта [Новиченкова, 2014], фрагменты щита [Новиченкова, 2015] и нащечники шлемов [Масякин, 2012, с. 170]. Н.Г. Новиченкова, основываясь на материалах раскопок, предполагала, что в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. имела место неудачная военная акция римлян в Таврике [Новиченкова 1998, с. 55]. К выводу о боевом столкновении жителей горной Таврики с римскими войсками в последней четверти I в. до н.э. пришли А.В. Лысенко и В.В. Масякин, сравнивая комплексы находок из горных святилищ у перевала на Гурзуфском седле и на вершине горы Эклизи-Бурун [Лысенко, Масякин, 2016, с. 169 – 170]. Отметим также, приток римских фибул «Авцисса» в Пантикапей на протяжении последней четверти I в. до н.э. [Масякин, 2011, с. 173].

Публикуемая находка может послужить ещё одним свидетельством малоизвестных военных событий последней четверти I в. до н.э. в Южной Таврике, которые не получили освещения в трудах древних писателей, из которых только Иосиф Флавий сообщает, что Агриппа в Синопе руководил экспедицией на Боспорв период борьбы за боспорский трон Полемона I (*Ios. Flav., Ant.*, 16, 2, 2 (16 – 23)). Впрочем, мы не исключаем

¹ Благодарим М.Г. Абразона за помощь в определении монет

иного варианта попадания римского кинжала на территорию проживания населения Южной Таврики, промышленявшего пиратством на морских коммуникациях.

ЛИТЕРАТУРА

Масякин В.В. Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора // Боспорский феномен: Население языки контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22 – 25 ноября 2011 г.). – СПб.: Нестор-история, 2011. – С. 166 – 174.

Масякин В.В. Деталь римского шлема из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. – М., 2012. – Вып. 191. – С. 167 – 171.

Лысенко А.В., Масякин В.В. Римская фигурная гиря из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым) // История и археология Крыма. – 2016. – Вып. III. – С. 162 – 178.

Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. – 1998. – № 2. – С. 51 – 56.

Новиченкова М.В. Деталь римского военного штандарта из святилища у перевала Гурзуфское седло // Боспорские исследования. – 2014. – Вып. XXX. – С. 435 – 441.

Новиченкова М.В. Детали овального щита Scutum позднереспубликанского времени из святилища у перевала Гурзуфское седло // Археологія і давня історія України. – 2015. – Вип. 1(14). – С. 321 – 327.

Bishop M.C., Coulston J.C. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London, 1993.

Connoly P. Pilum, gladius and pugio in the late Republic // Journal of Roman Military Equipment Studies. – 1997. – Vol. 8. – P. 41 – 57.

Obmann J. Studien zu römischen Dolchscheiden des 1. Jahrhunderts n. Chr. Kölner studien zur archäologie der römischen provinzen. 2000. Bd. 4.

D'Amato R., Sumner G. Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier From Marius to Commodus, 112 BC – AD 192. London. Frontline Books, 2009.

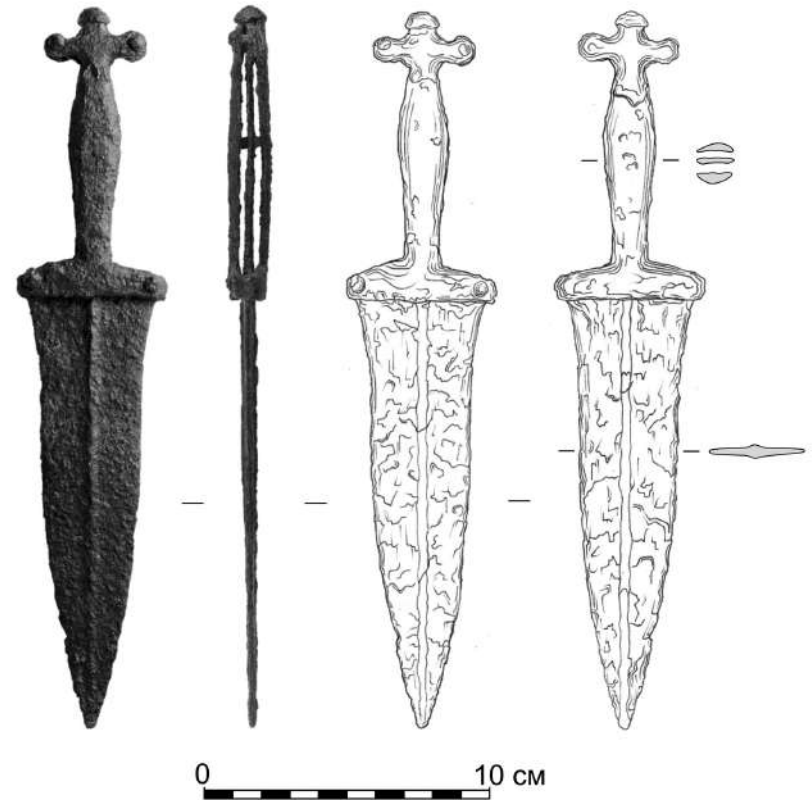

Рис. 1. Римский кинжал из раскопок поселения Фронтное IV (рисунок Добрынина В., фото Гацаева Т.)

ДУШЕНКО А.А.
(НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО КНЯЖЕСКОГО ДВОРЦА¹

Археологическое изучение Мангупского дворца продолжается уже более ста лет. К раскопкам комплекса обращались Р.Х. Лепер (1912-1913 гг.), А.Л. Якобсон (1938 г.), Е.Г. Суров (1968 г.), Е.В. Веймарн (1974 г.)². В 2006 г. дворец стал основным объектом исследований Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В.И. Вернадского³. К основным результатам современного этапа исследований следует отнести определение сравнительно узкой хронологии памятника (в пределах 1425-1475 гг.), формирование концепции его архитектурно-планировочного решения, а также выделение нескольких разновременных ярусов застройки этого участка Мангупского городища [Герцен, Науменко, Душенко, 2018, с. 53-58; Герцен, Науменко, Душенко, 2019, с. 139-148; Герцен, Науменко, Душенко, Иожица, 2019, с. 60-70].

Значительный по объему комплекс находок, накопленный за годы раскопок дворца, в настоящее время находится на стадии обобщения. В научный оборот уже введена часть наиболее показательных закрытых комплексов [Герцен, Науменко, 2010; Науменко, Душенко, 2017] и отдельные группы археологического материала [Герцен, 2010; Науменко, Душенко, 2014; Душенко, 2015; Науменко, Душенко, 2019]. Исследование, подводящие итоги современного этапа изучения памятника, готовится

¹ Исследование подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 19-09-00124 А «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника»).

² Подробно об истории изучения дворца см. [Герцен, Науменко, 2010, с. 388-394].

³ Благодаря руководителю Мангупской археологической экспедиции А.Г. Герцена за возможность публикации материалов.

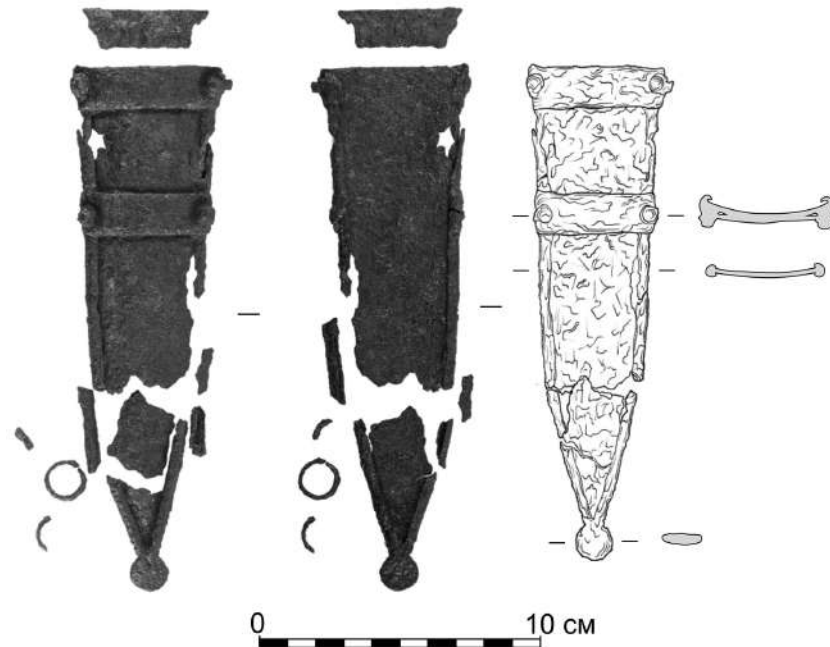

Рис. 2. Ножны римского кинжала из раскопок поселения Фронтное IV (рисунок Добрынина В., фото Гацаева Т.)

к печати. Целью данной работы является введение в научный оборот одной из ярких категорий находок из дворца – металлическим зеркалам.

Коллекция из раскопок дворца включает одно целое и 11 фрагментов зеркал. Лицевая сторона предметов тщательно отполирована, тыльная – декорирована. Наличие высокохудожественного рельефного орнамента на оборотной стороне большинства предметов этой группы позволяет с полным правом рассматривать их как произведения искусства средневековых тюрков. Металлографический анализ артефактов не проводился. Судя по аналогиям из других регионов, для их производства использовалась бронза с высоким содержанием олова и добавками свинца [Полякова, 1996, с. 215; Тишкин, Серегин, 2018, с. 132-134]. Такой состав сплава обеспечивал качественную полировку лицевой стороны зеркала [Полякова, 1996, с. 215]. Предметы отливались в закрытых каменных формах, а также в глиняных или восковых оттисках готовых изделий [Полякова, 1996, с. 229-230; Руденко, 2004, с. 125].

В специальных исследованиях, посвященных этой категории находок, приняты два основных принципа классификации металлических зеркал. В первом случае первичным классификационным признаком выступает орнаментация изделия, вторичным – его форма [Федоров-Давыдов, 1966, с. 78; Руденко, 2004, с. 112]. Во втором случае иерархическая последовательность обратна [Полякова, 1996, с. 215; Недашковский, 2000, с. 48-50; Колесниченко, 2010, с. 126]. С учетом плохой сохранности орнамента зеркал из раскопок дворца, для их систематизации выбран второй принцип. Изделия разделены на две группы по форме бортика, оформляющего край изделий, и на типы по орнаментальным мотивам.

Группа I. Зеркала с высоким тонким бортиком.

Тип 1 (рис. 1, 1). Фрагмент круглого зеркала. Диаметр 143 мм, высота бортика 5 мм, ширина 2 мм. Тыльная сторона изделия разделена на два концентрических орнаментальных пояса. Во внешнем поясе на фоне растительных побегов читаются изображения двух двигающихся по кругу животных – зайца и, возможно, собаки. Во внутреннем поясе – элементы растительного орнамента. Предмет найден вне археологического контекста в западной части дворцового комплекса.

Ареал находок зеркал с изображением «гона» зверей во внешнем орнаментальном поясе охватывает широкую территорию от Поволжья на востоке до юго-западной Украины на западе [Федоров-Давыдов, 1966, с. 82-83, рис. 14, 3, отдел О; Полякова, 1996, с. 221, рис. 73, 7, тип В-II-8; Недашковский, 2000, с. 54, тип А 9; Попандопуло, с. 230-232, рис. 3, 1-2,

тип 4; Пьянков, Раев, 2004, с. 231, 234, рис. 6, 9, 8, 4, №39, 50; Руденко, 2004, с. 118, рис. 3, 6-7, тип О-II, Колесниченко, 2010, с. 126-127, рис. 1, 1-2]. Датировка зеркал типа I-1 определяется исследователями в пределах второй половины XIII-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 116; Недашковский, 2000, с. 54; Пьянков, Раев, 2004, с. 231]. Учитывая наличие на некоторых модификациях арабских надписей, происхождение орнаментального мотива зеркал этого типа связывают с регионами исламского Востока [Полякова, 1996, с. 228; Попандопуло, 2002, с. 232; Пьянков, Раев, 2004, с. 231]

Группа II. Зеркала с широким профилированным бортиком.

Тип 1 (рис. 1, 2). Зеркало с фестончатым краем, оформленным в виде 8-лепесткового цветка⁴. Диаметр 132 мм, высота бортика 2 мм, ширина 5 мм. В центре тыльной стороны расположена рельефная петля со сквозным отверстием. Орнамент тыльной стороны представляет собой изображение двух обращенных друг к другу драконов с раздвоенными хвостами. Между ними расположен треножник, установленный на стилизованную водную поверхность. Фигуры драконов окружены зигзагообразными линиями, вероятно, символизирующими облака.

Ареал распространения зеркал типа II-1 весьма широк. Находки их известны в Болгаре [Полякова 1996, с.225, рис. 75, 5, тип В-IIIб-3], Новом Сарае, Саратовской и Казанской областях [Федоров-Давыдов, 1966, с. 82, тип Л-II], Увеке, Царевском городище, Калмыкии [Недашковский, 2000, с. 57-59, рис. 10, 9, тип Б 6], Лаишевском селище [Руденко, 2004, с. 117, рис. 2, 3-6, 8-11, 19, 7, 10, 12, тип Л-II], Подонье [Пьянков, Раев, 2004, с. 236-237, рис. 9, 2, №54], Поднепровье [Попандопуло, 2002, с. 226-228, рис. 1, 1; Колесниченко, 2010, с. 130]. Исследователи сходятся во мнении, что их прототипами были китайские зеркала периода Тан-Сун (VI-XIII вв.) [Полякова, 1996, с. 229; Недашковский, 2000, с. 63; Пьянков, Раев, 2004, с. 236-237; Руденко, 2004, с. 117]. Высокий спрос на эти изделия в золотоордынских городах Поволжья привел к появлению производства местных копий [Валеев, 2009, с. 52]. По мнению Г.Ф. Поляковой, центром производства зеркал с изображениями двух драконов и треножника был Болгар [Полякова, 1978, с. 217].

Исследователи датируют зеркала типа II-1 в пределах XIII-XIV вв. [Полякова, 1978, с. 218-219; Недашковский, 2000, с. 59], второй половины XIII-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 116], XIV – началом XV вв. [По-

⁴ Зеркало уже было опубликовано. См. [Герцен, 2010, с. 99-100, рис. 8, 9; Герцен, Науменко, 2016, с. 42-43, №165].

пандопуло, 2002, с. 228]. Мангупский экземпляр найден в слое третьей четверти XV в. [Герцен, Науменко, 2016, с. 43]. Условия находки и ее хорошая сохранность, по мнению А.Г. Герцена и В.Е. Науменко, указывают на долговременное хранение зеркала и, возможно, передачу его по наследству в пределах одной семьи [Герцен, 2010, с. 104; Герцен, Науменко, 2016, с. 42-43].

Тип 2 (рис. 1, 3). Фрагмент круглого зеркала. Диаметр 82 мм, высота бортика 2 мм, ширина 4 мм. Плохая сохранность предмета значительно затрудняет определение орнаментального мотива тыльной стороны. Среди кривых линий, вероятно, имитирующих побеги растений, читаются две фигуры животных, одна из которых напоминает лису.

Предмет найден в северной части дворца в отвале из раскопок 1968 г. Аналогий ему найти не удалось. В классификациях Г.А. Федорова-Давыдова и К.А. Руденко к отделу М отнесено зеркало с изображениями лисиц и плодов из Нового Сарая, хранящееся в Государственном Эрмитаже [Федоров-Давыдов, 1966, с. 82; Руденко, 2004, с. 117, рис. 4, 11]. Однако, орнаментальная композиция на нем отличается от мангупской находки.

Тип 3 (рис. 2, 1). Фрагмент круглого зеркала. Диаметр 147 мм, высота бортика 2 мм, ширина 5 мм. Тыльная сторона разделена рельефными окружностями на три концентрических орнаментальных пояса. Во внешнем поясе виден фрагмент арабграфичной надписи почерком куфи. Средний пояс заполнен зигзагообразными линиями, вероятно, имитирующими растительный орнамент. Орнамент внутреннего пояса не сохранился. Предмет найден вне археологического контекста в южной части дворца.

Зеркала с благожелательными куфическими надписями во внешнем поясе и растительным орнаментом в центре известны в Болгаре [Федоров-Давыдов, 1966, с. 83, отдел Р; Полякова, 1996, с. 221, рис. 73, 6, тип В-II-7; Руденко, 2004, с. 119, отдел Р] и Уеве [Недашковский, 2000, с. 59, рис. 11, 1, тип Б 7]. Схожее зеркало хранится в Одесском музее [Колесниченко, 2010, с. 129-130, рис. 1, 5]. К.А. Руденко датирует зеркала этого типа XIII-XIV вв. [Руденко, 2004, с. 119]. Г.А. Федоров-Давыдов предложил более узкую их хронологию – в пределах второй половины XIII-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 166]. Отметим также, что надписи почерком куфи известны также на зеркалах с изображениями двух сфинксов или аль-Бораков, распространенных на широкой территории от Средней Азии до Приднестровья и датирующихся XIV в.⁵

⁵ Подробно о зеркалах этого типа см. [Квитницкий и др., с. 277-282].

Тип 4 (рис. 2, 2-4). Фрагменты трех круглых зеркал. Диаметры 164 мм, 72 мм, 81 мм, высота бортиков 4 мм, 2 мм, 2 мм, ширина 5 мм, 2 мм, 4 мм. Тыльная сторона зеркал декорирована кривыми и зигзагообразными линиями растительного орнамента. Два предмета (рис. 2, 2-3) происходят из горизонтов османского периода истории Мангупа (XVI-XVIII вв.). Третье зеркало (рис. 2, 4) найдено в слое, сформировавшемся в процессе жизни дворца (1425-1475 гг.).

Фрагментированность предметов не позволяет с большей точностью определить орнаментальный мотив и соотнести их с известными типами зеркал. Растительный орнамент является одним из наиболее характерных видов декора металлических зеркал золотоордынского времени. Он встречается как составная часть сложных композиций, так и в качестве самостоятельного мотива (см. например: [Недашковский, 2000, с. 50-53, 57, рис. 9, 3, 7, 10, 8]).

Тип 5 (рис. 2, 5). Фрагмент круглого зеркала. Диаметр 57 мм, высота бортика 1 мм, ширина 2 мм. Тыльная сторона декорирована двумя рельефными параллельными дугами. Предмет происходит из слоя второй-третьей четверти XV в. Вероятно, к этому же типу относится фрагмент зеркала с аналогичным орнаментом, у которого бортик не сохранился (рис. 2, 6), найденный в горизонте османского времени.

Сохранившиеся детали декора в виде двух параллельных дуг позволяют соотнести предметы типа II-5 с зеркалами с крестовидно-арочным орнаментом отдела Ж по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, датирующихся второй половиной XIII-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 81, 166, рис. 13, ЖI, ЖII]. Аналогии им известны в Поволжье [Федоров-Давыдов, 1966, с. 81; Руденко, 2004, с. 115-116, рис. 2, 14-18, 9, 2-4, 6-16] и Подонье [Пьянков, Раев, 2004, с. 226-227, 233-234, рис. 5, 5, 8, 5, №21, 51].

Кроме описанных выше предметов, в коллекции дворца присутствуют фрагменты круглых трех зеркал группы II, которые невозможно отнести к какому-либо типу ввиду их плохой сохранности (рис. 2, 7-9). Диаметры 119 мм, 124 мм, 108 мм, высота бортиков 4 мм, 1 мм, 4 мм, ширина 5 мм, 3 мм, 6 мм. Один из фрагментов (рис. 2, 7) найден в горизонте времени жизни дворца (1425-2475 гг.), остальные (рис. 2, 8-9) в слоях османского времени.

Набор зеркал из раскопок дворца характерен для золотоордынских городищ и поселений Евразийских степей. Ареал распространения выделен-

ных типов охватывает практически всю территорию улуса Джучи. Находки зеркал, очевидно, связаны с ярусом застройки XIV в., недавно выделенном на этом участке Мангупского городища [Герцен, Науменко, Душенко, 2019, с. 143-144]. В слои феодоритского и османского времени эти предметы попали в переотложенном состоянии. Исключением, видимо, является зеркало с изображением драконов, использовавшееся в течение долгого времени [Герцен, 2010, с. 104; Герцен, Науменко, 2016, с. 42-43].

Металлические зеркала были важным составляющим элементом культуры Золотой Орды. Они являются характерным инвентарем женских кочевнических погребений XIII-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 116-117]. Зеркала носились на поясе, на специальном ремешке, крепившемся в петлю в центре изделия, или помещались в футляры [Руденко, 2004, с. 126]. Стилизованные изображения зеркал на поясе встречаются на каменных изваяниях [Федоров-Давыдов, 1966, с. 173, рис. 26, 3-4, 28, 4]. Кроме собственно косметических, К.А. Руденко выделяет ряд других функций зеркал: магические, ритуальные, символические, философско-мистические [Руденко, 2004, с. 126].

Проанализированные в настоящей работе находки металлических зеркал на территории Мангупского дворца дополняют высказанный А.Г. Герценом и В.Е. Науменко тезис о распространении элементов золотоордынской культуры среди населения княжества Феодоро в ранний период его истории [Герцен, Науменко, 2016, с. 41]. С учетом опубликованного ранее предмета с благожелательной надписью почерком насх из дозорно-культового комплекса под оконечностью мыса Тешкли-бурун [Герцен, Карлов, 2006, с. 226, рис. 19, 7], коллекция золотоордынских зеркал Мангупского городища может по праву считаться одной из самых представительных в Крыму.

ЛИТЕРАТУРА

Герцен А.Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь, 2010. С.96-105.

Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 221-253.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища //

Труды Государственного Эрмитажа. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. СПб, 2009. С. 387-419.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. «Между Золотой Ордой и Романией...». великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины - второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь, 2016. С. 36-49.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006-2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2018. С. 53-58.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований». Симферополь – Керчь, 2019. С. 139-148.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Иожица Д.В. Княжеский дворец Мангупского городища. Проблемы архитектурно-археологической реконструкции памятника // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Сборник материалов VI научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 60-70.

Душенко А.А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 233-262.

Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. Золотордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева. Кишинев, 2019. С. 275-290.

Колесниченко А.Н. Зеркала золотоордынского времени из собрания Одесского археологического музея // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса, 2010. Т. I. С. 126-136.

Науменко В. Е., Душенко А. А. Византийская глазурованная керамика из раскопок Дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп): по материалам исследований 2006-2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междуна. науч. семинара. Севастополь, 2014. С. 93-95.

Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 187-238.

Науменко В.Е., Душенко А.А. Предметы вооружения из раскопок княжеского дворца Мангупского городища (предварительный обзор коллекции) // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. Симферополь, 2019. С. 159-168.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Полякова Г. Ф. Зеркала с драконами из Болгар // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 216-218.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 223-239.

Попандопуло З. Х. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. X. С. 226-238.

Пьянков А.В., Раев Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 219-250.

Руденко К. А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. Казань, 2004. № 1-2 (12-13). С. 111-156.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2018. №434. С. 129-136.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

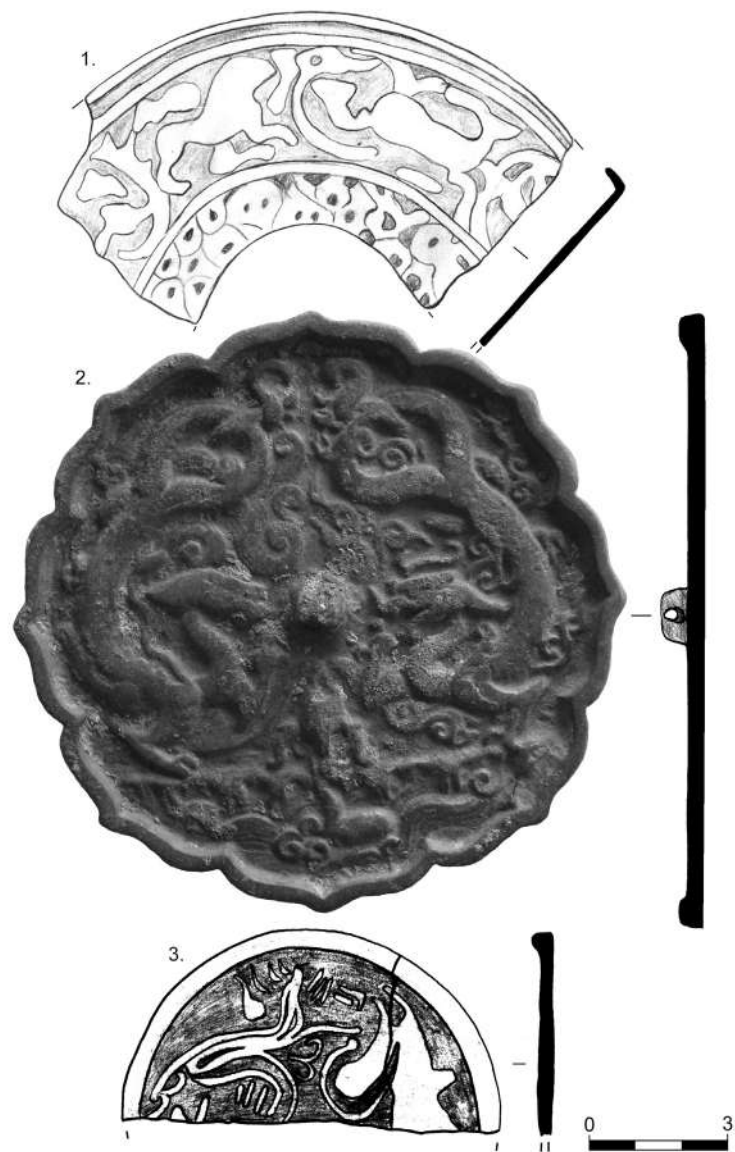

Рис. 1. Зеркала групп I (1) и II (2-3)

ЗАВАДСКАЯ И.А.

(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ФИГУР В РОСПИСИ РАННЕХРИСТИАНСКИХ СКЛЕПОВ ХЕРСОНЕСА

Полихромная живопись христианских склепов Херсонеса принадлежит к числу самых ранних и наиболее ярких памятников христианского искусства в Крыму. Детальное описание и стилистический анализ росписи восьми из одиннадцати ныне известных херсонесских расписных склепов вошли в монографию М.И. Ростовцева, которая до сих пор не потеряла своей актуальности и остается отправной точкой для современных исследований [Ростовцев, 1914, с. 449-507]. Он первый отметил общность стиля и декоративной системы этой группы памятников, определил их христианскую принадлежность и время создания, которое отнесил в основном, ко второй половине IV в.

Декоративная система херсонесских росписей, объединяющая имитацию мраморной облицовки, а также образы различных растений и птиц, создающих атмосферу райского сада, была достаточно широко распространена в регионах, где господствовала греко-римская художественная традиция [Завадская, 2005; Хрушкова, 2008]. Особенностью расписных склепов Херсонеса М.И. Ростовцев считал то, что в них «человеческая фигура почти совершенно исключена из области изображений» [Ростовцев, 2014, с. 486]. Образы людей сохранились только в трех склепах: 1853/1904 г., 1909 г. и в склепе на земле Н.И. Тура [Ростовцев, 2014, с. 454-455, 468, 474-478]. В первых двух склепах зафиксировано по одному изображению мужской фигуры (юноши?), которые очень похожи между собой по положению корпуса, нарисованного анфас с вытянутыми влево руками. Юноша из склепа 1909 г. в руках держал большую зажженную свечу. У фигуры из склепа 1853/1904 г. изображение предмета (или предметов?) в руках не сохранилось, но, вполне возможно, что это

была такая же свеча. Одежды юношей также очень похожи, прежде всего, это – короткие (до колен) туники с длинными рукавами. Обе фигуры, как это указывал М.И. Ростовцев, непосредственно связаны с погребениями в нишах, вблизи которых они были изображены. В склепе 1853/1904 г. юноша нарисован рядом с нишей в правой стене, полностью покрытой росписью, в склепе 1909 г. – рядом с нишей в задней стене. Судя по тому, что только эти ниши в каждом склепе имели заклады и были акцентированы живописным оформлением, в них находились наиболее важные и почитаемые погребения, в связи с которыми данные склепы и были покрыты росписью.

Описывая изображения мужских фигур в этих склепах М.И. Ростовцев прямо не указывает на их функциональную нагрузку, на ту роль, которая им отведена. Тем не менее, в своем развернутом обзоре известных в то время близких изобразительных памятников он упоминает североафриканскую мозаику и египетскую ткань с похожими персонажами, отмечая, что роль их заключалась в почитании покойных или святых и возжигании свечей перед ними [Ростовцев, 1914, с. 490-491].

Подчиненная роль этих образов вполне очевидна. Поэтому предположение о том, что данные фигуры могли быть «условным портретом» погребенного [Филиппов, 2009, с. 262], не может быть принято. Сохранилось немало погребальных росписей с портретами умерших, иконография которых имеет свои особенности. Как правило, они изображены строго анфас в дорогих нарядах, иногда в медальонах или венках («Могила трех братьев» в Пальмире, гробница в Ор-ха-Нере, гробница Aelia Arisuth в Гаргареше). Им отведено наиболее значимое место в погребальном сооружении: центральная (основная) стена (гробница Eustorgia и Flavios в Фессалониках, гробницы около Силистры и Оссеново), центр продольной стены главной погребальной ниши (гробница Aelia Arisuth в Гаргареше), аркосолий (семейный портрет Феотекна в катакомбах св. Януария в Неаполе).

Мужские фигуры в херсонесских склепах имели совершенно другой статус. Открытие достаточно большого числа расписных погребальных сооружений (уже после выхода в свет монографии М.И. Ростовцева) позволяет более определенно говорить об их роли и значении. Наиболее очевидно это демонстрируют росписи, в которых присутствуют изображения как погребенных (хозяев гробниц), так и персонажей, выполняющие вспомогательные функции, т.е. слуг. Особенно показательна в этом отношении уже упомянутая роспись гробницы Aelia Arisuth (Элии Арисут)

в Гаргареше, второй половины VI в. [Bianchi-Bandinelli, 1970, p. 264]. На главной стене по обе стороны ниши, в центре которой находился портрет госпожи в медальоне, стоят две фигуры молодых мужчин, обращенных к нише, у каждого из которых в руке – по одной большой горящей свече. Их функциональная нагрузка совершенно та же, что и у херсонесских юношей. Более близкими последним по стилю и внешнему облику – слуги из гробниц IV в. около Силистры (Дуросторум) и из Старого Костолака (Виминациум) [Valeva, 2001; Atanasov, 2007]. Эти персонажи, в коротких (до колен) туниках с длинными рукавами, с разными предметами в руках, предназначенными для их хозяев, достаточно четко контрастируют с образами последних, к которым они направлены.

Изображения людей были также в херсонесском склепе на земле Н.И. Тура. Прежде всего, это – сюжетная композиция на его правой стене, от которой частично сохранились фигуры стоящих рядом мужчины и женщины, повернутых в сторону схематично изображенного города. Значительные утраты в этой уникальной картине исключают ее полную и однозначную реконструкцию и приводят к появлению разных интерпретаций ее сюжета [Ростовцев, 1914, с. 479-480; Зубарь, 2000, с. 80; Сорочан, 2005, с. 845; Хрушкова, 2008, с. 126]. Тем не менее, ее уникальность в кругу других росписей погребальных сооружений города позволила М.И. Ростовцеву назвать ее «не чисто гробничной, а полуцерковной росписью» [Ростовцев, 1914, с. 479]. Учитывая тот факт, что склеп на определенном этапе был перестроен, вероятно, в небольшую «церковку» [там же, с. 473-474], вполне допустимо предположить, что роспись правой стены относится именно к этому времени, т.е. когда склеп стал молельней [Завадская, 2005, с. 271-274]. Остальные росписи, прежде всего, с изображением павлинов на задней (главной) стене, пальмового венка на левой стене и, вероятно, гирлянд с венком на потолке, принадлежали к первоначальному периоду, когда склеп служил местом погребений. Скорее всего, тогда же появилась мужская фигура на правом простенке входной стены, от которой сохранились ноги, обутые в сандалии и повернутые ко входу. На сходство данной фигуры с изображением мужчины из склепа 1853/1904 г. первым указал М.И. Ростовцев и допустил, что в руках у этой фигуры могла быть свеча [Ростовцев, 1914, с. 479]. Очень похожие по расположению и внешнему виду были две мужские фигуры в сандалиях по обе стороны от входа «гробницы Нимф» в Ашкелоне середины III в. н.э. Допускается возможность того, что в руках они могли держать свечу (факел) [Micaeli, 2001].

Образы слуг, широко распространенные в античном искусстве, на первых порах вместе с многими другими изображениями и символами перешли и в росписи христианских памятников. Об этом свидетельствуют, в частности, херсонесские склепы 1853/1904 г. и 1909 г., потолки которых украшала монограмма Христа в венке. Однако изображения слуг, также, как и некоторые другие символы земной роскоши (например, имитация мраморной облицовки), в погребальной живописи не встречаются позже IV в. [Valeva, 2001, p. 181; Завадская, 2005, с. 277].

Таким образом, существующие примеры позволяют достаточно уверенно интерпретировать фигуры мужчин (юношей) в херсонесских склепах 1853/1904 г., 1909 г. и на земле Н.И. Тура как образы слуг, которые освещают загробный мир погребенных божественным светом.

ЛИТЕРАТУРА

- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000.
- Филиппов А.Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса. СПб., 2009.
- Хрушкова Л.Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2008. Т. XLII.
- Atanasov G. Late antique tomb in Durostorum-Silistra and its Master // Pontica. 2007. 40.
- Bianchi-Bandinelli R. Rome. La fin de l'art antique. Paris, 1970.
- Michaeli T. The Iconographic Programme and Symbolism of the Tomb of the Nymphs at Ashkelon // La peinture funéraire antique IVe siècle av. J.-C. – IVe siècle ap. J.-C. Paris, 2001.
- Valeva J. La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive // Hortus Artium Medievalium. 2001. Vol. 7.

ЗИНЬКО В.Н., ЗИНЬКО А.В.
(НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

УНИКАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ КОСТОРЕЗНОГО ИСКУССТВА ИЗ РАСКОПОК БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА

При исследованиях боспорского города Тиритака в 2018 г. у западной крепостной стены было выявлено небольшое помещение. Эта сырцово-каменная постройка СК-IX (илл.1) была почти квадратной формы с внутренними размерами 1,95 (З-В) x 2,18 (С-Ю) м. Она располагалась внутри большого двора. Помещение было заполнено развалом сырцовых стен. При расчистке заполнения СК-IX был выявлен археологический материал, который представлен в основном фрагментами амфор II в. до н.э. - I в. н.э., а также краснолаковых тарелок и чаш I в. до н.э. – I в. н.э.

Особо следует отметить цилиндрический предмет из фрагмента левой большой берцовой кости крупного рогатого скота (бык?)¹, с прекрасно вырезанной многофигурной композицией – обнаженный бог Гарпократ со спутниками, высотой 12,4 см (илл.2). Вся внешняя поверхность костяного изделия покрыта рельефными изображениями. Главное изображение – мастерски выполненная объемная фигура обнаженного бога Гарпократа, левая нога которого покоится на задравшем вверх голову гусе (илл.2:2). В левой руке у Гарпократа рог изобилия с кистями винограда и хлебными колосьями, указательный палец правой руки поднесен к губам (илл.2:2-3). На голове бога – цветок лотоса. Правым плечом он опирается на колонну, на капителе которой стоит обнаженный карлик с тимпаном (?) в руках и повязке с двумя перьями (илл.2:1). На тыльной стороне в высоком рельефе изображен алтарь, на котором стоит карлик с обнаженным торсом и амфорой в левой руке (илл.2:4). На голове его повязка, завязанная узлом с двумя перьями. Костяной предмет полый внутри, край верхней грани слегка потемнела и закончена, а на нижней,

¹ Благодарим А.К. Каспарова за определение материала.

с внутренней стороны, прорезан паз для жесткой фиксации предмета на какой-то горизонтальной поверхности.

Это уникальная находка, аналогов которой нет за всю, более чем 200-летнюю историю раскопок на Боспоре. По всей видимости этот культовый предмет был спрятан в тайнике в сырцовой стене и поэтому так прекрасно сохранился. В сырцовом завале у северной стены помещения был найден небольшой известняковый алтарь квадратной формы высотой 30,0 см и выступающей на 2-3 см верхней поверхностью размерами 28,0x24,0 см. Судя по обработке одного края верхней поверхности, алтарь устанавливался тыльной стороной к стене.

Учитывая планировку и находку сакральных предметов, можно утверждать, что это постройка СК-IX с двумя входами являлась святилищем и функционировала в пределах рубежа II-I в. до н.э. – начала I в. н.э. Эта небольшая одноэтажная постройка, судя по найденным в ней каменному алтарю и персонажам, изображенным на костяном вотивном предмете, предназначалась для отправления синкретического культа Диониса-Гарпократа. Необходимо также обратить внимание на то, что в непосредственной близости от святилища, за западной крепостной стеной, в насыпе вне строительных комплексов в 1937 г. была найдена мраморная статуэтка Диониса. Она датируется первой половиной III в. до н.э. и несомненно стояла в закрытом помещении, предположительно в «домашнем святилище купца-грека или состоятельного рыбопромышленника, обосновавшегося в Тиритаке» (Ернштедт, 1941, с.186).

Проникновение египетских культов на Боспор прослеживается с III в. до н.э. (Неверов, 1974, с.107). Ко II в. до н.э. относится посвятельная надпись нимфейца Евтиха в храме Сераписа на острове Делос: «Евтих, сын Аполлония, нимфеец, в дар за себя и своего сына Евбула, и за всех плавающих Зевсу Сопутствующему, Серапису, Изиде, Анубису, Гарпократу и богам, почитаемым в одном храме и на одних алтарях...» (Граков, 1939, с.286, № 58).

При Митридате Евпаторе VI Боспор входит в состав Понтийского царства, где все мужские божества имели синкретический характер и смешанные культы (Сапрыкин, с.177). Значительную роль в религиозных представлениях населения Малой Азии в это время начали активно играть египетские культы, а египетские боги Озирис, Гор-Гарпократ, Бел и другие ассоциировались с богом Дионисом (Сапрыкин, 2009, 174-175). Синкретический характер мужских божеств подразумевает общину атрибутику их культов. В представлениях понтийских эллинов Дионис всег-

да выступал в двойной роли: как покровитель виноградарства, а также как господин жизни и смерти (умирающее, но возрождающее божество), защитник смертных в потустороннем мире, что сближает его культ с орфическими учениями (Русяева, 2005, с.409). В этой хтонической ипостаси культ Диониса тесно переплетается с культом Гарпократа. Так к I в. до н.э. относится статуэтка Гарпократа из Пантикапея, тонкой работы из местной (керченской) глины. Он стоит около гермы юного Диониса. По мнению М.М. Кобылиной сочетание изображения Гарпократа и Диониса связано с хтоническим значением того и другого (Кобылина, 1978, с.118).

Часто Гарпократ изображался с гусем, являвшимся священным животным Исиды (Латышев, 1899, с.86). В нашем случае изображение гуся помещено под левой ногой бога (илл.2:2). Изображенные карлики-уродцы, очевидно, патеки, существа полубожественные, занимавшие по отношению к божествам подчиненное положение и обслуживающие жертвоприношения и пиры. Патека – слуга Гарпократа, обычно он изображался несущим корзину, кувшин, тимпан и другие предмета (Кобылина, 1978, с.119-120). На нашем костяном предмете, один обнаженный патека стучит в тимпан (илл.2:1), а другой стоит на высоком алтаре с амфор, которая вероятнее всего наполнена вином (илл.2:4).

Боспорские греки почитали Диониса-Гарпократа в качестве покровителя плодородия и хтонических сил, как воплощение бессмертия и спасителя-сотера. Возрастание роли дионисийского культа среди местных жителей и переселенцев из Южного Причерноморья было следствием понтийского влияния и подъема сельского хозяйства при митридатовском господстве, когда аграрные ресурсы боспорской хоры, включая конечно же сельскую округу города Тиритака, использовались для снабжения митридатовских войск хлебом и вином. В этой связи необходимо отметить, что среди девяти исследованных на сегодняшний день в Тиритаке винодельческих комплексов, семь датируются I в. до – I в. н.э. Поэтому воздействие привнесенных малоазийско-египетских культов на местный культ Диониса не изменило его аграрной сути, а только расширило хтонический аспект, придав богу виноделия и производительных сил природы функции спасителя и защитника, превратив его в синкретический культ Диониса-Гарпократа. Это полностью соответствовало политико-идеологической стороне этого культа на Боспоре, связанной с обожествлением Митридата Евпатора как Диониса.

ЛИТЕРАТУРА

Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ, № 3, 1939, с.249-295.

Ернштедт Е.В. Статуэтка Диониса из Тиритаки // СА, № VII, 1941, с.174-188.

Кобылина М.М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. – М.: изд. «Наука», 1978. – 215 с.

Латышев В.В. Очерк греческих древностей, ч.2. СПб., 1899. – 214 с.

Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ, № 1, 1974, с.106-115.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – Киев: изд. Дом «Стилос», 2005. – 559 с.

Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. – Москва-Тула: Гриф и К, 2009. – 426 с.

Рис.1. Постройка СК-IX, вид с запада

Рис.2. Изделие из кости с изображением Гарпократы

ЗИНЬКО В.Н., СМЕКАЛОВА Т.Н.
(НИЦИАК, КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ТОБЕЧИК 8 И ТОБЕЧИК 9 НА ЮГО-ВОСТОКЕ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 2018-2019 гг. археолого-геофизической экспедицией Отдела естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского были проведены геофизические и геодезические съемки памятников сельской территории Боспора на северном берегу озера Тобечик с целью определения их границ, наличия и характера оборонительных сооружений, изучения прилегающей сельской территории. Площадь магнитной съемки на поселении Тобечик 8 – 1 га и 3га; Тобечик 9 – 2,4 га и 26 га соответственно. Работы проводились при финансовой поддержке проекта РНФ № 18-18-00237.

Поселение **Тобечик 8** расположено в 1 км к ЮЗ от с. Челядиново (рис. 1), на пологом склоне северного берега Тобечикского озера. В полукилометре к востоку от поселения находится глубокая балка, впадающая в Тобечикское озеро. На карте 1970-х гг. масштаба 1:10 000 заметно, что южная половина поселения оказалось под виноградником, что предопределило его разрушение (рис. 1). В 1 км к юго-западу находится крупное поселение эллинистического времени Тобечик 9 (рис. 1), а в 0,5 км к юго-востоку - небольшое поселение того же периода Тобечик 5 (Sholl, Zin'ko, 1999, 58-59, 62-70). Примерно в километре к северо-западу расположен курганно-грунтовой могильник с центральным курганом, обозначенным на карте-полуверстке конца XIX в. как Юш-Оба. Дата поселения по подъемному материалу: 2-я половина V-III вв. до н.э., I-III вв. н.э., VIII-IX вв. н.э. Поселение Тобечик 8 впервые было описано И.Т.Кругликовой (как поселение Челядиново-4) в 1956 г., зафиксировавшей здесь небольшое скопление керамики эллинистического времени (Кругликова, 1975, с. 268). Возможно, об

этом поселении поминает В.Ф. Гайдукевич, называя его «большим городищем», со ссылкой на Гриневича (Гайдукевич 1959, с. 213).

Поселение активно распаивается на протяжении последних десятилетий, что ведет к разрушению культурного слоя и древних построек. При обследовании в 1995 г. по распространению подъемного материала оценочная общая площадь поселения Тобечик-8 была определена в пределах 8,5 га. Собраны фрагменты амфор, начиная со 2-й половины V в. до н.э. по III в. до н.э., посуды, среди которой и фрагмент чернолакового килика на высокой ножке (около 460 г. до н.э.). Встречены также фрагменты амфор первых вв. н.э. и керамики VIII-IX вв. н.э. В центральной части распаханного культурного слоя на площади 150 x 100 м в большом количестве встречены известняковые камни средних и мелких размеров - развалы древних стен (Sholl, Zin'ko 1999, с. 60-61).

В 2016 г. во время проведения по северной окраине этого античного поселения магистрального газопровода, В.Н. Зинько и А.В. Зинько были проведены охранно-спасательные раскопки и открыты две компактные группы хозяйственных ям с материалом конца VI-V в. до н.э. (Зинько В., Зинько А., 2018).

На полученной нами в 2018 г. магнитной карте теневых изображений, на которой темным цветом обозначены положительные, а светлым - отрицательные аномалии (рис. 16) заметно, что наиболее переменчивое магнитное поле находится в верхнем правом квадрате. Здесь очень много знакопеременных аномалий: положительных, а также отрицательных, которые, возможно, соответствуют перемешанным частям разрушенного культурного слоя, небольшим хозяйственным ямам, остаткам древних конструкций, остатками очагов, скоплениями керамики и т.п. Культурный слой поселения Тобечик 8 распространяется от пунктирной линии вверх, к северу, как это показано на рис. 16. На исследованной территории также много более крупных положительных аномалий, вызванных ямами или засыпанными цистернами, возможно, колодцами (рис. 16, см. стрелки со совами: "яма"). Кроме этого, встречены две расплывчатые положительные аномалии, занимающие большую площадь, которые, возможно, вызваны распаханной зольниками. Учитывая материалы исследований прежних лет, а также данные полученные в 2018 г., можно констатировать, что в результате ежегодной распашки античное поселение Тобечик 8 практически полностью разрушено. Культурный слой оказался в значительной степени перемещенным, сохранились лишь объекты, впущенные в материковый суглинок (Зинько и др., 2019).

Поселение **Тобечик 9** расположено в 1,5 км к ЮЗ от с. Челядиново (рис. 1а), на пологом склоне северного берега Тобечикского озера. На немецком трофейном аэрофотоснимке, сделанном 6 мая 1943 г. хорошо заметно, что поселение в центральной части, где, по-видимому все еще находились крупные камни от древних построек, не распаивалось. На карте 1955 г. видно, что территория поселения также еще не распаивалась под виноградники. Одна уже на несколько более поздней карте масштаба 1:10000 заметно, что поселение оказалось под виноградником (рис. 1б), что означало, что древние наземные сооружения были разрушены глубокой плантажной вспашкой.

Поселение Тобечик 9 исследовалось в 1990-е годы в рамках программы по изучению хоры Нимфея. Здесь были проведены электроразведка, топографическая съемка и раскопки на ограниченной площади (Scholl, Zin'ko 1999; Зинько 1996; 2003). В 1997 г. К. Мисиевичем (ИАЭ ПАН, г. Варшава) в северо-западной части поселения была проведена электроразведка, которая показала, что основная часть построек имеет широтную ориентировку (Зинько 2003, 210). Для проверки данных электроразведки, В.Н. Зинько был заложен шурф, выявивший стену, ориентированную ССЗ-ЮЮВ, лежащая на слое сырцового завала. Проведенные исследования подтвердили предположение о возникновении поселения Тобечик-9 во второй половине V в. до н.э. Были выявлено два периода существования поселения: первый – последняя треть V в. до н.э., когда здесь располагался большой укрепленный форт, второй – вторая четверть IV - начало III вв. до н.э., когда на развалинах ранней постройки, возводятся новые небольшие строения с иной ориентировкой на местности. Учитывая расположение этой монументальной постройки всего в нескольких сотнях метрах к западу в сторону степи, от поселения Тобечик-8, а также его явный укрепленный характер, не типичный для нимфейской хоры, заманчиво было бы видеть в нем тетрапиргию афинских клерухов (Зинько 2003, 52).

В 2006 г. Т.Н. Смекаловой и А.В. Чудиным (СПбГУ) была проведена магнитная съемка в восточной части этого поселения на площади 1 га (Смекалова, Зинько, Чудин 2007), что позволило подтвердить ранее полученный вывод о том, что данный памятник представляет собой крупную усадьбу с центральным двором. На магнитной карте двор отразился в виде положительной аномалии прямоугольных очертаний. Помещения вокруг него идут в два-три ряда. Сохранность построек плохая, так как камни из стен помещений вывернуты во время распашки и частично убра-

ны с поля. Поэтому отрицательные аномалии от немагнитных стен почти не видны на карте магнитного поля. Положительные аномалии создаются магнитным заполнением помещений: золистым грунтом культурного слоя, обломками керамики, горелой землей, очагами и печами, ямами, вкопанными пифосами или амфорами, обломками глиняной обмазки и т.п. Постоянная распашка, в том числе и глубокая, плантажным плугом под виноградники, разрушила все наземные постройки этого поселения.

В 2019 г. вновь были проведены междисциплинарные исследования на этом поселении и его округе по направлению к югу, к берегу Тобечикского озера (рис. 1а). Для оконтуривания площади распространения культурного слоя и обнаружения отдельных археологических объектах на его непосредственной территории и округе в 2019 г. были проведены прецизионная геодезическая и магнитная съемки. На территории поселения Тобечик 9 (рис. 2) обнаружено много крупных и мелких положительных магнитных аномалий, вызванных ямами или засыпанными цистернами, возможно, колодцами. Эти объекты проявились на рис. 2 в виде множества темных пятен и точек. Судя по их распространению, площадь застройки была не менее 150х150 м, она больше распространена на юг, чем на север, от центрального воронкообразного понижения.

Наиболее интересной является крупная центральная квадратная положительная аномалия, размерами не менее 36х35 м, вызванная, вероятно, магнитным заполнением внутреннего пространства (двора?), окруженного каменными строениями. С северной стороны, вероятно, находились башни внутренними размерами не менее 9х9 м (отмечены на рис. 2), которые проявились в магнитном поле в виде положительных (темных) аномалий от внутренности башен (возможно, погибших в пожаре), окруженных отрицательными аномалиями от сохранившихся частей стен.

По всей исследованной территории рассеяны точечные дипольные аномалии, вызванные мелкими металлическими предметами, оставшимися, вероятно, от процесса распашки (части сельхозорудий), или от бывшего здесь когда-то виноградника с опорными железобетонными столбиками.

Таким образом, с помощью применения геофизических и прецизионных геодезических методов получены новые важные результаты, касающиеся исследования античных поселений хоры Боспора. Магниторазведка сыграла в данном исследовании ключевую роль. Она показала себя как эффективный и быстрый метод обследования больших территорий и оконтуривания площадей древних поселений, башен, сельско-

хозяйственных участков и других археологических объектов. Прецизионная геодезическая съемка помогла выявлять рельефные особенности местности, связанные с археологическими объектами жилого и хозяйственного характера, а также способствовала точной привязке исследуемых участков на местности.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдукевич В.Ф. Некрополи боспорских городов. (Материалы и исследования по археологии СССР № 69). 1959.

Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики, вып.5. Симферополь, 1996, с. 12-20.

Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея // Боспорские исследования. – Симферополь-Керчь, 2003. – Т. IV, с. 209-210.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Охранно-спасательные исследования на сельских округах Нимфея и Пантикапея в 2016-2017 гг. //Классическая и византийская традиция.2018: сборник материалов XII научной конференции / отв.ред. Н.Н.Болгов – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С.9-20.

Зинько В.Н., Зинько А.В., Смекалова Т.Н. Археологические разведки на хоре европейского Боспора в 2018 г. // История и археология Крыма. – Вып. XI. – Симферополь, 2019. – С. 119-124.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.

Смекалова Т. Н., Зинько В. Н., Чудин А. В. Магнитная разведка на пос. Тобечик-9 // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 293–298.

Sholl T., V. Zin'ko. Archaeological map of Nymphaion (Crimea).Biblioteca Antiqua, vol. XXIII. Warsaw. 1999. с. 60-61.

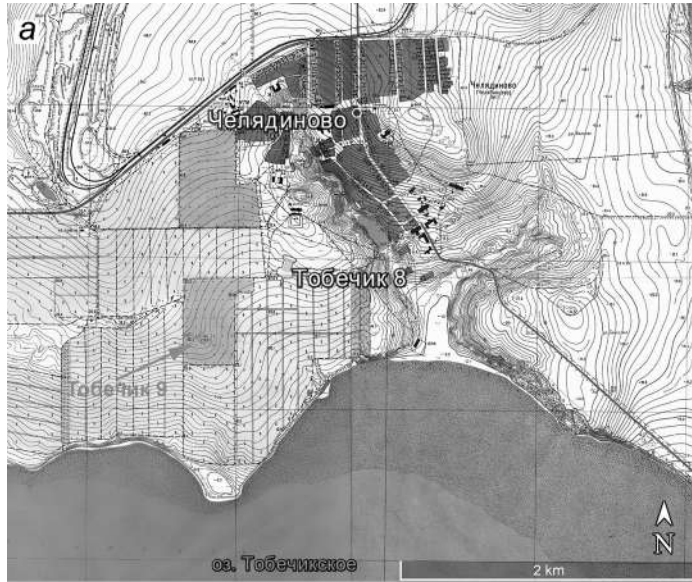

Рис. 1. а - Положение поселений Тобечик 9 и Тобечик 8 на карте масштаба 1:10000 с показанием площади, занятой прецизионной геодезической съемкой.
 б - Результат интерпретации данных магнитной съемки на поселении Тобечик 8 на фоне космического снимка

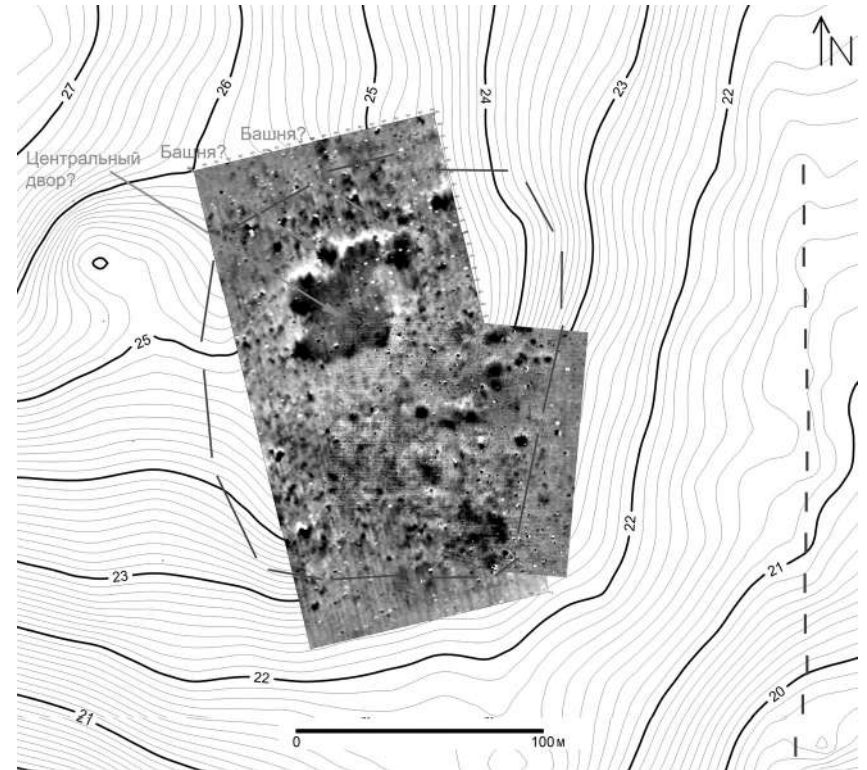

Рис. 2. Карта магнитного поля, заснятая в 2019 г. и 2006 г. на поселении Тобечик 9 и предварительная интерпретация данных магнитной съемки. Пунктирной линией показаны границы застройки на поселении

ЗИНЬКО Е.А.

(НИЦИАК КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СКЛЕПА 1895 Г. (СКЛЕП «ДЕМЕТРЫ»)

В феврале 1895 года житель северного предместья Керчи решил выкопать погреб во дворе дома своей матери Анны Зайцевой по 4-й Продольной улице и наткнулся на древнюю каменную гробницу. Она на его счастье оказалась не разграбленной. Было ли это так или все же Иван Зайцев промышлял, как и некоторые керченские обыватели, грабительскими раскопками и был «счастливчиком», точно установить не удалось. Но учитывая то, что лишь через год это событие стало известно местным археологам, следует предположить, что он все же занимался грабительством. В марте 1896 года директор, расположенного в паре сотен метров от дома Зайцевых, Мелек-Чесменского музея В.В. Шкорпил, сделал специальное сообщение в Одесском обществе истории и древностей: *«Спешу сообщить вам о новом открытии, которое было сделано еще в феврале 1895 г., но только теперь стало известно здешним археологам. Хозяин двора, где была открыта новая катакомба, не хотел показывать ее никому, даже директору Керченского музея, дожидаясь, что может быть приедет граф Бобринский и заплатит ему хорошие деньги за право снять фрески, которыми украшены стены и своды склепа. Теперь, керченский мещанин Зайцев, проживающий на Глинище, недалеко от Мелек-Чесменского кургана, сам пригласил меня осмотреть замечательную катакомбу. Сегодня же я отправился к нему и осмотрел склеп, находящийся на 1,5 сажени под землею, составляя этот доклад»*. Об этом В.В. Шкорпил доложил директору Керченского музея древностей К.Е. Думбергу. Рукой К.Е. Думберга в «Отчете об археологических разысканиях, произведенных заведующим Керченским Музеем Древностей в 1896 г.» под номером 2 была сделана запись:

«В начале 1895 года открыли «счастливчики» во дворе керченской мещанки Анны Зайцевой на Глинище по 4-ой Продольной за №10 украшенный фресковой живописью каменный склеп. Вследствие разных неблагоприятных обстоятельств удалось только в 1896 году снять точные копии со стенной живописи и принять меры к дальнейшему сохранению этого интересного памятника».

Попавшие впервые в склеп археологи так описывают его росписи. На входной стене изображены две фигуры. На юго-западном простенке от входа изображена молодая женщина в скорбящей позе, поддерживающая правой рукой наклоненную голову. Имя изображенной женщины подписано под фигурой на греческом языке «Ca1ypso». На северо-восточном простенке - молодой Гермес – вестник олимпийских богов, его имя написано под изображением. Стена над входом украшена большим аканфовым побегом, две ветви которого соединяются в центре гирлянды. Каждый стебель украшен фруктами: на одном можно распознать гранаты, на другом - букет из трех груш. Все ограничено нарисованным карнизом, окрашенным желтой охрой и оттененным деталями каштанового и белого тона справа, создающим обманное впечатление архитектурного карниза. В глубине склепа, на противоположной от входа стене, изображена сцена похищения Кору-Персефоны Плутоном, стоящим на колеснице, в которую запряжены четыре коня, управляемые нагим кучером, парящим в воздухе (рис.1).

На потолке склепа изображен большой медальон, украшенный бюстом Деметры. На нем написано ее имя греческими буквами на голубовато-зеленом фоне (рис.2). Это изображение мастерски выписано и по силе восприятия сравнимо со знаменитыми фаюмскими портретами.

Столкнувшись «с безмерной жадностью и тупоумием владельцев, которые препятствовали снятию копий с фресок» и, боясь разорения склепа, К.Е. Думберг ходатайствовал перед министром о применении административных мер. В 1896 г. К.Е. Думбергом были заказаны фотографии (фотограф Рубанчик) и копии живописи в склепе Деметры в количестве 12 штук в натуральную величину. Копии были выполнены художником-любителем штаб-капитаном П. Ридигером. В то же время городским архитектором Г. Солтыкевичем был снят план разреза. В рапорте К.Е. Думберга в Императорскую Археологическую Комиссию от 3 апреля 1896 г. есть примечание, что все копии были возвращены 5 мая 1897 г. в Керченский музей древностей для издания. К.Е. Думберг пред-

полагал опубликовать склеп Деметры, но это намерение так и осталось неосуществленным.

По сообщению находчиков, склеп был найден не ограбленным. К.Е. Думберг пишет: *"как в последнее время выяснилось, оказался склеп при открытии нетронутым и были в нем найдены следующие вещи. Судя по всем признакам, находятся эти предметы в руках сына владелицы склепа Ивана Зайцева, который их никому не показывал, опасаясь конфискации. Я надеюсь, что мне рано или поздно удастся забрать древности. К более крутым мерам, как-то обыску, прибегать нельзя, так как неизвестно, в чьем доме вещи скрываются. Зайцев производит впечатление психопата и с ним нужно поступать осторожно, не то уйдут вещи из Керчи"*.

Склеп Деметры стал первым из керченских расписных склепов, который удалось сделать доступным для осмотра и изучения. Из рапорта К.Е. Думберга от 18 апреля 1898 г. в Императорскую Археологическую Комиссию известно, что: *«1 мая 1897 года ИАК выделено на устройство входа в склеп 120 рублей. Он был построен летом 1897 года за 111 рублей, а оставшиеся 9 рублей вручены А. Зайцевой. До устройства входа в склеп А. Зайцева получила от разных посетителей около 15 рублей, а в 1897 году приблизительно 10 рублей»*. С посетителей за вход брали 10 копеек, пьяным, с собаками, зонтиками и палками вход был запрещен. ь строго воспрещалось.

За деньги Археологической Комиссии был сооружен длинный коридор и массивная, закрывающаяся на замок дверь, которые в большей мере и способствовали сохранению живописного слоя.

Позднее был поставлен вопрос о выкупе склепа. Новый директор Керченского музея древностей, В.В. Шкорпил 3 мая 1903 года сообщает в Императорскую Археологическую Комиссию о своей договоренности с хозяевами усадьбы о возможности покупки территории склепа за 2200 рублей. После долгих судебных тяжб лишь в 1908 году территория частного владения Зайцевых вместе со склепом была приобретена Императорской Археологической Комиссией. В то же время В.В. Шкорпил исследовал прилегающий к склепу участок и выявил, что склеп не составлял часть семейного некрополя, а был впущен в небольшой холмик и никаких других погребений по соседству не было.

Первое издание склепа было сделано в 1914 году М.И. Ростовцевым. Для его книги М.В. Фармаковский выполнил новые живописные копии (1908 г.), а в 1911 году были вновь сняты планы и разрезы склепа.

В первые годы после открытия состояние памятника не вызывало опасения у специалистов и росписи сохраняли яркость красок. Так в 1914 году М.И. Ростовцев отмечает, что *«живопись до настоящего времени очень мало пострадала, и краски почти совсем не поблели»*. Однако довольно скоро происходит резкое ухудшение состояния росписей в склепе, началось шелушение красочного слоя и в некоторых местах осыпается штукатурка.

После 1917 г. все древности Керчи по декретам Советской власти об охране памятников были поставлены на государственный учет. В 1926 году на первой Всесоюзной археологической конференции, посвященной 100-летию Керченского музея древностей, прозвучали выступления специалистов об угрожающем состоянии росписей в уникальном памятнике археологии - склепе Деметры. На конференции было предложено для сохранения этого бесценного образца античной живописи перенести фрагменты штукатурки с росписями в выставочные залы одного из музеев страны. Но эта идея не была поддержана участниками конференции. Было принято решение об осуществлении постоянного наблюдения специалистами за состоянием склепа и проведении по необходимости профилактической реставрации. В последующие годы склеп Деметры находился под пристальным вниманием специалистов, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве протоколы комиссий, заключения экспертов, рекомендации по сохранению памятника. На следующей конференции, в 1927 году в Херсонесе, директор Керченского музея Ю.Ю. Марти поднял вопрос о создании заповедника, который был создан лишь в 1933 году, куда помимо других памятников вошел и склеп 1895 г.

Первые реставрационные работы в склепе 1895 г. направленные на предотвращение разрушения штукатурного слоя были проведены в 1930-х годах. С этого времени сотрудникам Керченского музея рекомендовано проводить регулярные наблюдения за состоянием росписей и уровнем влажности в склепе. Значительные разрушения были произведены во время военных действий Второй Мировой войны. 15 мая 1942 года во время боя на Глинице один из солдат немецкой передовой группы, предполагая в склепе Деметры наличие красноармейцев, бросил гранату, от взрыва которой часть фрески оказалось поврежденной. Для осмотра и сохранения фресок склепа в октябре того же года из Германии в Керчь был командирован реставратор профессор Клейн, который наложил укрепительные бинды на поврежденных местах. В период военных действий связанных с советским десантом осенью 1943 года, линия обороны прохо-

дила вдоль речки Мелек-Чесма, в непосредственной близости от склепа Деметры. Вход в склеп был разрушен, а в камере склепа, очевидно, укрывались солдаты от обстрелов и бомбежки. Некоторое время даже была установлена печка для обогрева и труба была выведена в отверстие, вырубленное в своде склепа. После освобождения Керчи от фашистов, в июле 1944 года Чрезвычайная Государственная комиссия обследовала состояние склепа Деметры и отметила резкое ухудшение состояния росписей в камере склепа. Появились новые утраты в изображении лика Деметры и в сцене похищения Керы, а поверхность всего живописного слоя оказалась закопченной [Блаватский, 1948, с.12]. В составе комиссии по обследованию состояния росписей в склепе Деметры в октябре 1945 года работала художник-реставратор Е.А. Домбровская. Ею была разработана и применена специальная технология по укреплению живописи в склепе [Иванова, 1961, с. 49]. Е.А. Домбровская провела большие укрепительные работы штукатурного основания из извести, толченой боспорской черепицы, извлеченной из археологических раскопок, и местного известняка и ракушечника [Архив КИКЗ, 1995, с. 43]. В 1945 г. ливень залил камеру склепа на четверть метра. После этого глиняный пол очистили и засыпали песком, стараясь снизить уровень воды, который увеличивается в склепе во время поливки огородов. Влажность в склепе, работники Керченского краеведческого музея удались в 1947 году осушали склеп при помощи поваренной соли, которую выставляли в камере склепа, рассчитывая таким образом осушить каменную кладку стен склепа. Однако этот способ наоборот вызвал постоянный выход влаги через пористый камень, что сразу отразилось на состоянии живописного слоя [Архив КИКЗ, 1958, с. 2]. Отслоение грунта на изображении Плутона фиксируют акты 1927, 1938, 1945 и 1949 гг. Специальные гидрогеологические исследования, а потом и значительные инженерные работы по осушению сооружения были выполнены в 1950 г. Но они не обезопасили сооружение от подтопления, а это была основная проблема.

Значительные изменения гидрогеологических условий привели к тому, что вода стала интенсивно подниматься, наибольший уровень зафиксирован в 1977 году - до 1 м. В эти же годы был отмечен общий подъем уровня грунтовых вод на 1,5 м на всей территории Керчи, связанный с интенсификацией водоснабжения города по сравнению с 1950 г.

В 1980-х годах в Керченском музее работало три комиссии республиканского и две комиссии всесоюзного уровня, которые зафиксировали аварийное состояние росписей в склепе Деметры и выдали реко-

мендации принять срочные меры по спасению памятника, но реальных действий в эти годы так и не было предпринято. Все эти годы в камере склепа стояла вода, а в 1987 г. она была на уровне 0,86 м от уровня пола.

В 1987 г. Керченскому музею и Обществу охраны памятников истории и культуры Крыма удалось добиться принятия керченским горисполкомом «Плана первоочередных работ по выведению склепа Деметры из аварийного состояния». Был разработан проект осушения склепа путем сооружения кольцевой дренажной системы в прилегающей к памятнику зоне. Летом 1987 года строительство дренажной системы осуществил СУ-24 треста «Керчьметаллургстрой». В две ветки кольцевого дренажа были уложены перфорированные трубы и оборудованы коллекторные колодцы для отвода грунтовых вод. В результате этих работ вода из камеры склепа Деметры была отведена. Это был обнадеживающий результат и необходимо было продолжить проведение дальнейших поэтапных работ по достижению оптимального режима существования и реставрации памятника. Однако, остались не выполненными части утвержденного проекта по прокладке еще двух веток кольцевого дренажа на территории вокруг склепа 1895 г.

В результате работы комиссии в склепе «Деметры» в марте 1988 г. в акте обследования было отмечено, что вентиляционная система, сооруженная в 1950-х годах, находится в непригодном состоянии. Еще раз было обращено внимание на необходимость замены кровли над склепом для предотвращения попадания внешних вод. Указано на необходимость решения вопроса об эксплуатации двух веток построенного дренажного коллектора. Однако каких-либо мер принято не было. Спустя десять лет, к 1997 г., одна из дренажных труб, проложенная по склону от улицы Братьев Перепелицы к улице Королева в результате заиливания не стала пропускать грунтовые воды в полном объеме, уровень грунтовых вод в склепе Деметры поднялся и вновь затопил камеру склепа.

На протяжении 1990-х годов в Керченский историко-культурный заповедник неоднократно приглашались специалисты из Укрпроектреставрации, которыми в актах обследования состояния склепа 1895 г. (склепа «Деметры») постоянно указывалось на необходимость срочного отведения грунтовых вод из камеры склепа, произвести обустройства кольцевого дренажа вокруг памятника, а так же заменить бетонное перекрытие над камерой склепа. Так распоряжению директора заповедника Э.В. Яковенко в 1990–1991 гг. наблюдения температурно-влажностного режима проводились с периодичностью 2 раза в неделю, замеры дела-

лись и фиксировались на улице, в домике, дромосе, склепе, галерее воздушного дренажа. Результаты технологического обследования материалов склепа изложены в отчёте ТО «Гермес».

В 1995 году в Керчи был создан Благотворительный Фонд «Деметра», главной задачей которого стало содействие в сохранении исторического наследия Керчи и Восточного Крыма. В 1995 и 1997 гг. Фонд оплачивает некоторые научно-исследовательские работы по изучению и реставрации живописи склепа 1895 г. научно-исследовательской фирме «Оберег» (Киев). В 1997 году Фондом был проведен международный семинар по проблемам реставрации склепа Деметры совместно с Республиканским комитетом по охране памятников истории и культуры Крыма, Керченским заповедником и Центром изучения монументальной римской живописи Французской академии наук. Все специалисты, принимавшие участие в работе семинара, подтвердили необходимость строительства кольцевого дренажа вокруг склепа на глубине 8 м от дневной поверхности для понижения уровня грунтовых вод в склепе 1895 г. до отметки 1 м ниже уровня пола погребальной камеры. Для популяризации этого памятника боспорского искусства Фонд создает в 1998 г. технологическую модель склепа в масштабе 1:1. Для ее размещения Керченским исполкомом бесплатно предоставляет Фонду полуподвальное помещение в первом ярусе Большой Митридатской лестницы. Здесь в одном помещении устраивается небольшая экспозиция, а в другом - художники Т. Королева-Павлова и Н. Королев воссоздают росписи склепа. Помощь в гидроизоляции сводов помещения оказывает и комитет по охране культурного наследия Крыма. В 2000 году Фонд решает передать выставку с технологической моделью склепа Керченскому заповеднику, а после его отказа - дарит фонду «Боспор».

Основные усилия фонд «Деметра» сосредотачивает на работах в самом памятнике склепе 1895 г., который находится в ведении Керченского заповедника. Работа велась по двум направлениям: научно-исследовательскому и инженерно-реставрационному. Итогом научно-исследовательских работ стал выход в 2009 г. большого коллективного труда «Склеп Деметры». В этой книге приведены большинство архивных документов о склепе, его цветные фотографии, описание росписей и находок. Особое внимание уделено анализам штукатурки, которые фонд «Деметра» проводил в трех лабораториях: в России (Москва), в Украине (Киев) и в Польше (Варшава). Было установлено, что состав штукатурки соответствует древнеегипетским, а часть росписей склепа вероятно выполнена представителем александрийской школы.

Интенсивные работы велись и по сохранению склепа. В 2000 году Фонд оплатил проектные работы по строительству кольцевого дренажа, а на следующий год профинансировал все работы по строительству этого дренажа вокруг склепа 1895 г. и вывода их в городскую систему. Именно наличие этого сооружения спасло склеп от подтопления во время экстремального сентябрьского 2002 г. наводнения в городе. Кроме этого, на средства Фонда, были созданы герметические тамбуры в дромосе склепа, начата гидроизоляция стен погребальной камеры, закуплены приборы для контроля температурно-влажностного режима. Кольцевой дренаж также способствует постепенной нормализации температурно-влажностного режима в склепе, необходимого для сохранения росписей склепа. Но, этот кольцевой дренаж необходимо постоянно поддерживать в рабочем состоянии – чистить дренажные колодцы, а в случае засорения и заиливания промывать трубы. Такие работы в последний раз проводились Фондом много лет назад и насколько дренаж сейчас действует информация отсутствует.

В 2005 г. частной киевской фирмой в склепе 1895 г. проводились работы по гранту ЮНЕСКО. Результаты изложены в архивном документе «Материалы и документы о работах, выполненных по программе ЮНЕСКО» включающих отчет, перечень мероприятий, запланированных на 3 года. Однако получить всю эту документацию для Керченского заповедника удалось лишь после того, как фонд «Деметра» внес на счета этой частной фирмы значительную сумму.

Еще более острая проблема – состояние бетонного перекрытия над древним склепом. Бетонные плиты были положены на металлические балки и засыпаны сверху землей еще в 1950-е годы. Уже в 1990-е годы специалисты настойчиво рекомендовали заменить это перекрытие. Поэтому в 2008-10 гг. фонд «Деметра» оплачивает заказанные Керченским заповедником работы по экспертизе и подготовке проекта перекрытия над склепом 1895 г. Уже на последнем этапе составления рабочей документации и чертежей в 2011 г. крымское правительство выделяет бюджетные средства на эти работы. Но происходит смена руководства Керченского заповедника и выделенные бюджетные средства уходят на совсем другие цели - на оплату эскизных работ по благоустройству территории и строений возле склепа. После этого тема сохранения и реставрации уникального памятника надолго была забыта балансодержателем. Лишь в 2017 г. для дирекции местного заповедника неожиданно вновь стала актуальна эта тема, но это уже совсем другая история...

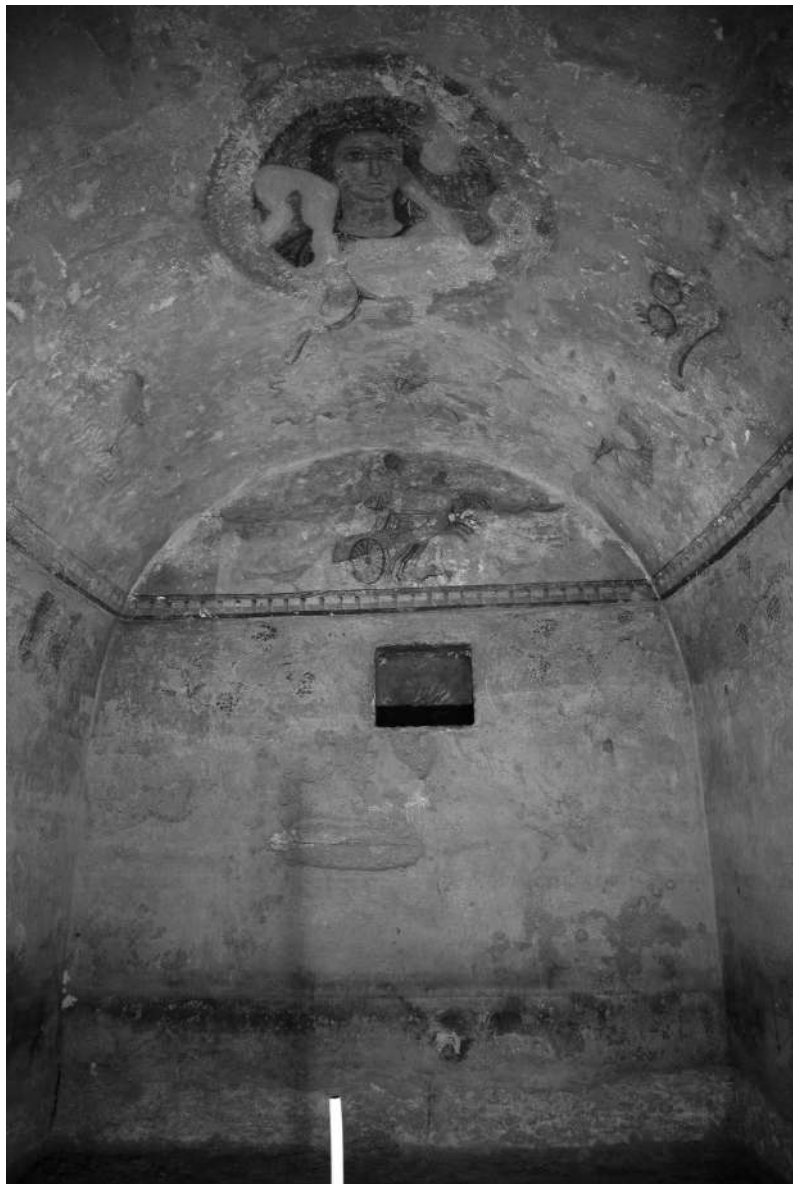

Рис. 1. Свод и задняя стена склепа 1985 г. (фото 2008 г. автора)

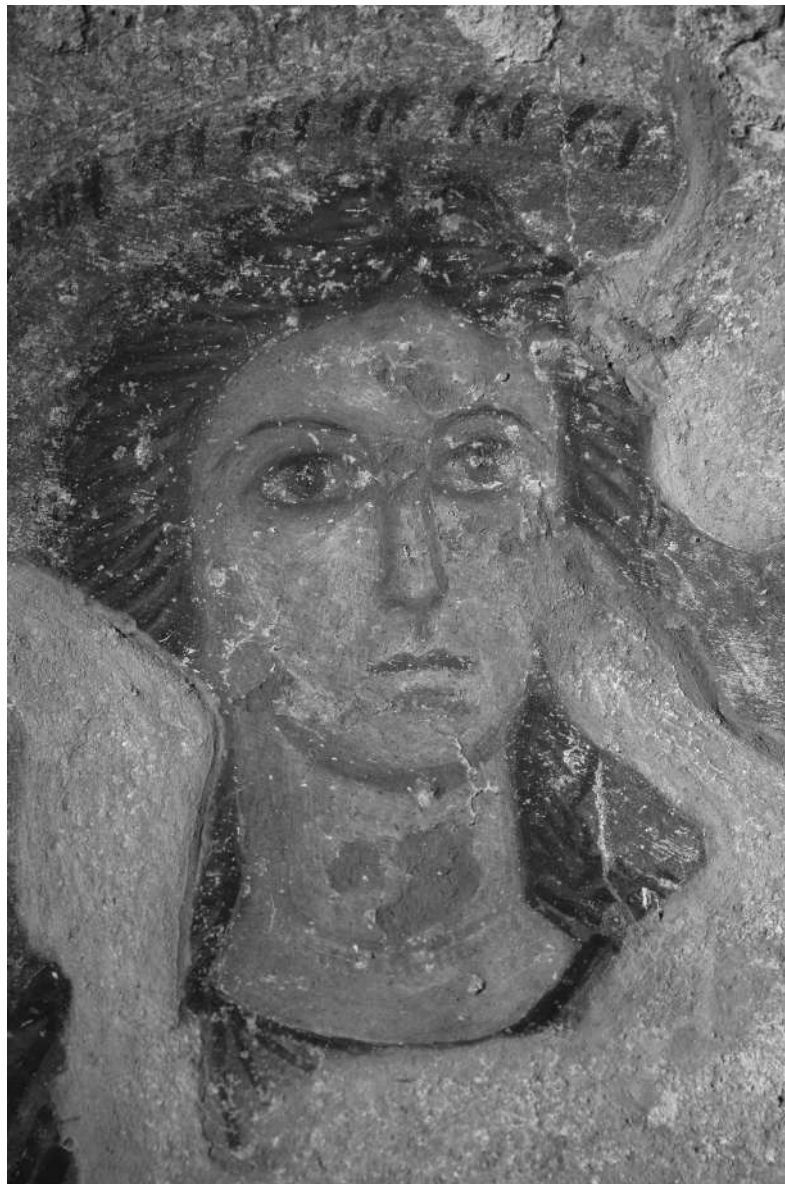

Рис. 2. Изображение богини Деметры на своде склепа (фото 2008 г. автора)

ЗУБАРЕВ В. Г., ЯРЦЕВ С. В., СМЕКАЛОВ С. Л., БУТОВСКИЙ А. Ю.
(ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула)

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАХОДОК НА ГОРОДИЩЕ «БЕЛИНСКОЕ» И НЕКРОПОЛЕ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

Сельские поселения в отличие от крупных городов достаточно редко балуют исследователей произведениями искусства. Чаще всего эта категория находок присутствует среди погребального инвентаря, значительно реже среди археологических предметов, найденных в культурных слоях поселений. Городище «Белинское», расположенное в Восточном Крыму в уникальном по своим ландшафтным особенностям урочище Аджиэль, в этом ряду исключением не является. За 25 лет систематических исследований на городище и его некрополе среди многочисленных находок, пополнивших фонды Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, предметов искусства немного. Тем не менее, они есть, и на одной из категорий этих находок мы и хотели бы остановиться.

Речь пойдёт об изображениях животных (преимущественно домашних) в предметах материальной культуры жителей городища «Белинское». Наиболее многочисленную категорию среди них составляют терракотовые и лепные статуэтки. Изображения животных в искусстве рельефа, в изделиях из металла и в резьбе по кости единичны. Неравномерно и их распределение по времени. В самом раннем периоде в истории освоения территории, на которой расположено городище (эпоха камня и бронзы), они пока не найдены. Здесь искусство представлено лишь незамысловатым орнаментом на немногочисленных фрагментах лепной керамики. Античный период в истории городища дал наибольшее количество находок, причём их доля существенно возрастает к концу этого времени. Салтовская археологическая культура на памятнике в этом плане представлена единственной находкой костяного игольника с изображением сцены терзания хищными птицами животного.

К первому периоду в истории античного городища (II – третья четверть III вв. н. э.) можно отнести четыре находки. Это рельефное изображение головы быка из склепа № 10 на некрополе городища «Белинское», бронзовая поясная пряжка из могилы № 12, фрагмент краснолакового блюда с изображением Гелиоса на квадриге из склепа № 19 и фрагмент терракотовой статуэтки дельфина с городища.

Оштукатуренный *рельеф головы быка* в склепе № 10 обнаружен на дальней от дромоса северо-западной стене погребальной камеры, слева от лежанки Его размеры – 0,23х0,16м. Склеп № 10 относится к типу вырубных склепов с коротким дромосом. Отличительной особенностью склепа № 10 является тщательная отделка стен и сводов дромоса и погребальной камеры светлой штукатуркой, возможно, с последующей росписью (на стенах погребальной камеры местами сохранились остатки красной краски). Время строительства склепа относится ко II – третья четверть III вв. н. э., вероятнее всего, к концу этого периода [Зубарев, 2019, с. 274-286].

Рельефные изображения на стенах погребальных камер склепов первых веков н.э. известны на территории Боспора. Примером может служить склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул [Федосеев, 2014, с. 438]. Однако рельефы в виде букрания нам неизвестны. В то же время изображения быка на других объектах встречаются. Так букрание присутствует на солнечных часах I – II вв. н.э. из Китея [Мировое наследие Европейского Боспора, 2016, с. 247, 334], на рельефе вотива фиасотов бога Танаиса (КБН 1259), на ажурной подвеске I в. н. э. из восточного некрополя Фанагории [Сударев, 2010, с. 445, рис. 25]. В.П. Яйленко отмечает, что функция букрания на вотиве фиасов хтоническая, связанная с плодородием [Яйленко, 2010, с.345]. Также с плодородием соотносится букрание и на солнечных часах [Яйленко, 2010, с/ 673]. Н.И. Сударев относит подвеску с букранием к предметам, имеющим символическое значение, подчёркивающее статус погребённого [Сударев, 2010, с. 445]. Символика букрания в погребениях связана с надеждой на возрождение после смерти. Именно так В.П. Яйленко характеризует букрание первых веков н.э. на закладных каменных плитах ниш с костями покойников из Асвана в Южной Аравии [Яйленко, 2010, с. 673]. Такой же смысл, по-видимому, имеет и рельефное изображение головы быка в склепе № 10 некрополя городища «Белинское». Кроме того, нельзя исключить и отражение в этом букрании прямой связи с потусторонним миром, которому нужно приносить определённые жертвы. Подтверждением тому служит

хорошо обработанная плита ракушечника со следами от огня (алтарь?), которая была вставлена в пол склепа напротив лежанки.

Пряжка бронзовая поясная в виде четырёхугольной рамки с изображением хищного животного (лев или пантера) (рис.1) найдена в составе погребального инвентаря в могиле с заплечиками № 12, II – началом III вв. н.э. [Зубарев, 2013, 159-171]. Аналогичная пряжка хранится в ГИМе (Инв. № 78607). Датируется I – II вв. н.э. [На краю ойкумены..., 2002, с.82].

Фрагменты дна и венчика блюда с рельефным изображением Гелиоса на квадриге в круглом медальоне относятся к наиболее ранним формам краснолаковой керамики, представленной в погребальном инвентаре склепа № 19. Конструктивно этот склеп относится к типу прямоугольных вырубных склепов с искусственным сводом. Его сооружение относится ко времени не позднее первой половины – середины III в. н. э. [Зубарев, Пономарёв, Ефимёнок, 2014, с. 248-269] Подобные блюда часто встречаются на памятниках первых веков н. э. в Северном Причерноморье и датируются второй половиной II – серединой III вв. н. э. [Сон, Шапцев, 2012, с. 90-91].

Фрагмент терракотовой статуэтки (хвост дельфина) найден на городище в слое II вв. – последней четверти III в.н.э. Длина 0,05 м. Поверхность хорошо заглажена. Фигурка цельная, не полая изнутри.

Со вторым периодом в истории городища могут быть соотнесены семь находок: три терракоты и четыре лепные статуэтки.

Терракотовая статуэтка дельфина найдена на некрополе в перетолженном грунте погребальной камеры склепа № 5. Отсутствуют левый плавник и хвост. Склеп датируется последней четвертью III в.н.э. [Зубарев, Ланцов, 2006]. Длина 0,052 м. Изображение схематично, заглажено. Чётко проработан только рот. Фигурка цельная, не полая изнутри. Глина красная, хорошего качества. Найдена вместе с терракотовой статуэткой Эрота, которая, вероятно являлась частью общей композиции (Эрот на дельфине).

Фрагмент терракотовой статуэтки животного найден на городище в грунте заполнения верхнего уровня помещения 7, датируемого третьей четвертью III – первой четвертью IV вв. н.э. Фрагмент цельный. Глина красная. Высота 0,039 м.

Ручка сосуда в виде головы лошади (терракота) найдена на городище в слое второй последней четверти III – первой четверти IV вв.н.э. Высота 0,08 м. Глина красная, хорошего качества. Изображение отличается тщательностью отделки. Цельная.

Лепная статуэтка животного (лошади?) найдена на городище в грунте заполнения помещения № 2, датируемого третьей четвертью III

– первой четвертью IV вв. н.э. Высота 0, 177 м. Изображение условно. Голова слегка поднята вверх и повернута немного влево. На спине имеется скол, возможно, место крепления всадника. Хвост сколот.

Лепная статуэтка животного (лошади?) найдена на городище в засыпи хозяйственной ямы № 32, датируемой последней четверти III – первой четверти IV вв.н.э. Высота – 0,119 м. Сколоты морда, две ноги и хвост. Передняя нога неестественно повернута внутрь под туловище, возможно, для придания статуэтке большей устойчивости.

Фрагмент лепной статуэтки барана (голова) найден на городище грунте заполнения верхнего уровня помещения № 7, датируемого третьей четвертью III – первой четвертью IV вв. н.э. Высота 0,075 м.

Фрагмент лепной статуэтки барана (голова) найден на городище в слое последней четверти III – первой четверти IV вв.н.э. Размер 0, 055x 0, 049 м. Имеются повреждения в области носа, головы и одна сторона сколота. Глина тёмно-серая с коричневыми прожилками и примесью битой ракушки и шамота. От прочих лепных статуэток этот фрагмент отличается значительно лучшей отделкой (рис. 2)

Третий период в истории античного городища (вторая четверть IV – середина V вв.н.э.) представлен пятью находками, среди которых три терракотовых статуэтки, одна лепная статуэтка и зооморфная ручка лепного сосуда.

Фрагмент терракотовой статуэтки сидящей собаки найден на городище в слое второй четверти IV – середины V вв.н.э. Фрагмент цельный, не полый изнутри. Глина красная. Поверхность хорошо заглажена. Высота 0,04 м. Аналогии: [Кобылина, 1970, табл. 52.10].

Фрагмент терракотовой статуэтки животного найден на городище в слое второй четверти IV – середины V вв.н.э. Фрагмент цельный, не полый изнутри. Глина красная. Поверхность хорошо заглажена. Возможно, является частью композиционной статуэтки, подобной той, что была найдена в Илурате [Пругло, 1970, табл. 55.6].

Фрагмент терракотовой статуэтки животного найден на городище в слое второй четверти IV – середины V вв.н.э. Фрагмент цельный. Глина красная. Изображение схематично. Возможная аналогия: [Пругло, 1970, табл. 55.6].

Фрагмент лепной статуэтки животного (голова) найден на городище в засыпи хозяйственной ямы № 51, датируемой второй четвертью IV – серединой V вв.н.э. Высота 0,035 м.

Зооморфная ручка лепного сосуда найдена на городище в слое второй четверти IV – середины V вв.н.э. (рис. 3) Длина 0,082 м. Изображение

головы животного достаточно чёткое. Поверхность заглажена, имеются остатки белой краски.

Заключительный, салтовский период, в истории освоения территории городища представлен единственной находкой с изображением животных – *костяным игольником*.

Данная категория костяных находок является хорошо известной в материалах салтовской культуры [Флёрова, 1996, с. 297–299]. В большинстве случаев они представляют собой полые, тщательно выделанные изнутри цилиндрические предметы, традиционно изготавливаемые из трубчатых костей мелкого рогатого скота. Очевидно, эта категория предметов была многофункциональной. Как справедливо отмечают исследователи, во-первых, трудно провести грань в частности между игольниками и костяными рукоятями шильев или ножей, во-вторых, не исключено их использование и в качестве украшений или амулетов [Флёрова, 1996, с. 297]. Эту мысль подчёркивает и один из трёх костяных игольников, найденных во вторичном захоронении салтовского времени в склепе № 23 на некрополе городища «Белинское» [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 320–324].

В нижней и верхней части предмет украшен поясами насечек, обрамляющих композицию. Над нижним поясом расположены, украшенные аналогичными насечками, три ряда пересекающихся дуг. Центром сюжетной композиции является, вероятно, достаточно реалистичное изображение парнокопытного животного, очевидно, косули, помещенное сразу над дугами. Туловище ее заполнено аккуратными параллельными линиями. Над ней прочерчены чередующиеся в шахматном порядке четыре изображения хищных птиц, которые мастер попытался зафиксировать в полете. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить кажущееся перпендикулярным их расположение по отношению к животному. Несмотря на схематичность изображения птиц с распростертыми крыльями и хвостами, их принадлежность к хищникам, исходя из прорисованных клювов, обращенных к земле, не вызывает сомнения. Напомним в этой связи, что в изобразительном мире Хазарии хищные птицы всегда играли особую роль и их изображения, даже предельно схематичные, всегда отличались от водоплавающих птиц [Флёрова, 2001, с. 72]. Туловища птиц заполнены косыми чередующимися черточками, а крылья и хвосты – аккуратными параллельными и расходящимися линиями соответственно. Отметим, что типологически близкая манера изображения орлов отмечена на ручке широко известного кипского ковша, происходящего из некрополя Кип III лесного Прииртышья, который датируется IX-X вв. [Флёрова, 2001, с. 95, рис. 20, 1].

С большой долей вероятности можно предположить, что дуги обозначают горы, а расположенный над ними сюжет трактовать, как сцену терзания хищными птицами, связанными с символикой неба и солнца, парнокопытных животных.

ЛИТЕРАТУРА

Зубарев В.Г. Склеп № 10 из раскопок 2007 года на некрополе городища «Белинское» // ДБ. Т. 24. 2019. С. 274–286.

Зубарев В.Г., Ланцов С.Б. Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. Т. 10. 2006. С. 316–339.

Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю., Ефимёнок В.А. Новый склеп с полуциркулярным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // БИ. Вып. XXX. 2014. С. 248–269.

Кобылина М.М. Терракоты из Тасуново // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1–11. Ч. II.

Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. Т. 20. С. 320–329.

Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекция Восточно-Крымского историко-культурного заповедника. Каталог. Керчь. 2016.

На краю ойкумены. Греки и варвары на Северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. 2002.

Пругло В.А. Терракоты из Тиритакки // Статуэтки с территории Херсонесского и западной части Боспорского государств. САИ. Вып. Г 1–11. Ч. II.

Сон Н.А., Шапцев М.С. Краснолаковая керамика из Тире // Археологія і давня історія України. Вип. 8. Киев. 2012. С. 83–103.

Сударев Н.И. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. М. 2010.

Федосеев Н.Ф. Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов // ДБ. Т. 18. 2014. С. 431–451.

Флёрова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле-Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Европейских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. 1996.

Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим-М. 2001.

Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора. VI в. до н. э. – V в. н. э. М.

Рис. 1. Некрополь городища «Белинское». Пряжка бронзовая поясная из могилы № 12 (II – начало III вв. н.э.)

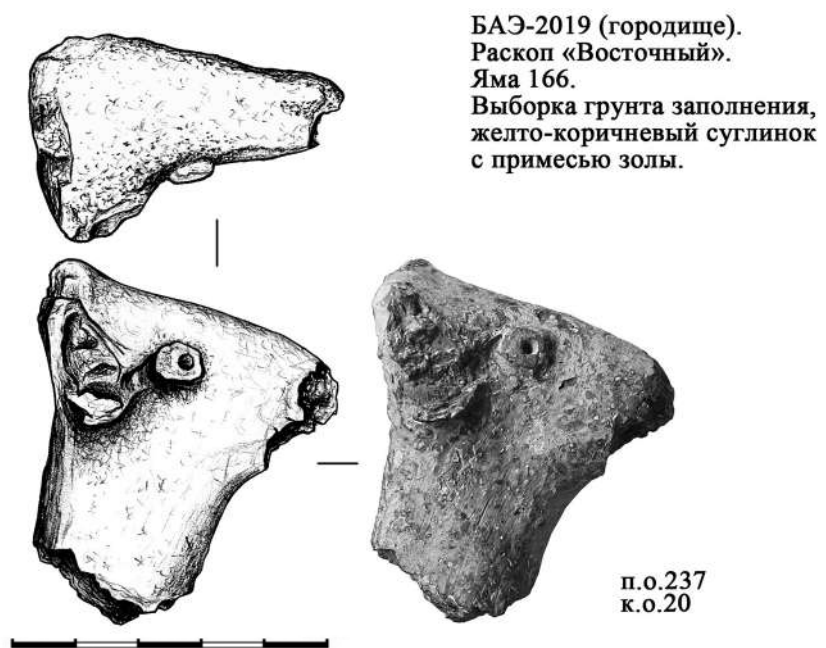

Рис. 2. Городище «Белинское». Фрагмент лепной статуэтки барана (голова) из слоя третьей четверти III – первой четверти IV вв. н.э.

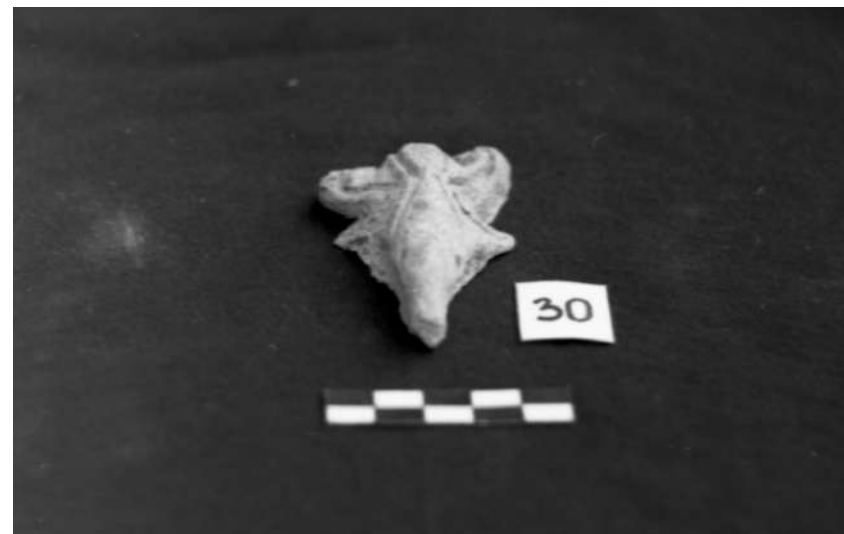

Рис. 3. Городище «Белинское». Зооморфная ручка лепного сосуда из слоя второй четверти IV – середины V вв. н.э.

ИВАНОВ А. В., СУДАРЕВ Н. И.¹
(Краснодар, Москва)

АКЕФАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ РУБЕЖА V–IV ВВ. ДО Н.Э. НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

1. Поселение «Сенной 11» расположено на южной окраине поселка Сенной, на периферии юго-восточного некрополя Фанагории. В 2012 году здесь были проведены раскопки². Помимо бытовых объектов на территории поселения исследовано 6 погребений. Среди них выделяется погребение с очень интересной, на наш взгляд, деталью погребально-обрядового обряда, чему собственно и посвящено данное сообщение.

2. Погребение (Рис. 1) было совершенно в яме с заплечиками перекрытой камкой и камышом. В центральной части ямы, на органической подстилке лежал вытянуто на спине скелет взрослого мужчины, череп же находился отдельно, и лежал на восточном заплечике. Вместе с черепом расчищен сильно фрагментированный железный предмет (шлем?). На месте головы в погребальной яме лежал несколько завалившейся на левое плечо погребенного плохо сохранившийся череп козла (барана?). Инвентарь погребения: два железных наконечника копья, чернолаковые кубковидный скифос, солонка и два лекифа, красноглиняные миска и ойнохоя, железный нож. Под миской был найден бронзовый наконечник стрелы, такой же наконечник находился в левой части грудной клетки погребенного.

3. Инвентарь. Первый лекиф, производство Аттика, датируется последней третью V в. до н.э. (ближе к последней четверти). Аналогии: Vecatti 1940. P. IV.B.L.IV.E.B.5 Tav. (799) 14.12; Freyen-Schauenburg 1988. P. 113, Taf. (2719) 54,5; Laurens, Touchefeu 1979. P. 52-53 Pl. (1326) 43.3; Sparkes, Talcott 1970.

¹ Работа выполнена в ИВИ РАН по проекту РФФИ № 18-18-00237 "Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ".

² Работы проводились «Южным региональным центром археологических исследований».

V. 1. P.154, № 1123-1128. Второй лекиф относится к концу V – середине IV в. до н.э. Такие лекифы широко представлены в некрополях Греции и Причерноморья. По типологии Т. Иванова данные лекифы датируются второй половиной IV и даже началом III века до н.э. (Иванов 1963. С. 104-116). Более правильную датировку, на основании раскопок Ольвии и сравнивая их с материалами раскопок Олинфа и других памятников Греции дала Ю.И. Козуб (Козуб 1974. С. 70, 99). Она отнесла эту серию лекифов к типу XII и датировала второй-третьей четвертью IV в. до н.э. Такую же датировку предложил и Е.Я. Рогов (Рогов 1994. С. 45). По материалам современных исследований некрополя Аполлонии авторы датируют арибаллические лекифы с пальметой от конца V в. до н.э. до середины-третьей четверти IV в. до н.э. (Hermary A. et al. 2010. Pl.80, 86. P. 186-187). Кубковидный скифос 420-400 гг. до н.э. Данный сосуд относится к кубковидным скифосам с массивными стенками (Heavy wall). Наиболее близкие экземпляры из коллекции ГМИИ датируются в пределах конца V – начала IV в. до н.э. (№ 51-53) (Егорова 2017. С. 33-35. Рис. 5. Таб. 11). По мнению Б. Спаркса и Л. Талькотта подобные сосуды появляются не раньше 420 г. до н.э. и исчезают не позже 380 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970. V. 1. P. 112). Наиболее близкие по форме сосуды происходят из раскопок колодца на Афинской Агоре М 20:3, который датируется 420-400 гг. до н.э. (№ 617) Такую же дату дает и поиск аналогичного орнамента. Сосуды с таким орнаментом происходят из афинского колодца Q15:2, который датируется так же 420-400 гг. до н.э. (№ 598 и 548) (Sparkes, Talcott 1970. V. 1. P. 112; V.2, P. 395, 397, Pl.27, № 617-622, Pl. 53,55). Солонка, от 420 г. до н.э. до середины IV в. до н.э., вероятнее – 420-400 гг. до н.э. Данная солонка относится к «Солонкам с вогнутыми стенками» (Concave wall). Эти сосуды появились уже в конце VI в. до н.э. и наибольшее распространение получили в середине IV в. до н.э. и пропадают к 315 г. до н.э. (Егорова 2017. С. 83). Близкие по форме солонки встречаются как в комплексах конца V в. до н.э., например, в колодце В 15:1 Афинской Агоры, который датируется 425-400 гг. до н.э., в заполнении дома А 20:6(b), который датируется тем же временем, и в Большом Южном Водостоке (В 19:7), который датируется 430-410 гг. до н.э. (№ 932-935) (Sparkes, Talcott 1970. V. 1. P. 136-137, V.2, P. 383-385).

4. Данное погребение, вероятно, было совершено в конце V – самым началом IV в. до н.э.³ Таким образом, перед нами могила воина, погибшего в конце V в. до н.э. Именно этим временем (410-400 гг. до н.э.) датируется насильственное присоединение Фанагории к Боспорскому

³ Наличие в погребении арибаллического лекифа с пальметкой не позволяет отнести данный комплекс ко времени ранее конца V в. до н.э.

государству (Завойкин 2013. С. 174). Вероятнее всего, с этими событиями и связана его гибель, а соответственно этим временем и должно датироваться данное погребение.

5. Не менее интересным, чем привязка гибели данного воина к историческим событиям является и обряд его погребения. Воин похоронен в могиле с заплечиками, покрытой камкой. Подобные погребения относятся к типу 1/4 (Сударев 2005. С. 73), которые широко распространены на территории Боспора. Они преобладают в некрополе Пантикапея, Мирмекия, на Азиатском Боспоре распространены в основном в некрополях у м. Тузла и Панагия. Большое количество их и в Фанагории. Камка использовалась для большей изоляции перекрытия, чтобы в могилу не проникала земля. Однако камка могла выполнять и иную – очистительную функцию. В таком качестве она встречается, например, в святилище поселения Береговой 4, где перекрывает объекты с вотивными приношениями и т.д. Использование различных растительных материалов известно в различных регионах греческого мира, где использовались листья лавра, камыш и т.д. Следует отметить, что для Европейского Боспора использование камки является редкостью и, возможно, связано с влиянием населения городов Азиатского Боспора. Поза погребенного близка к позе «скорченно на спине», и связано с тем, что в замкнутом пространстве погребенный укладывался в положении «на спине» с ногами связанными в лодыжках и установленными коленями вверх. В раннее время скорченные погребения представлены в первую очередь на Азиатской стороне, хотя и в разной степени. Так, для некрополя Кеп, Гермонассы, Волны 1 и Фанагории (и ее хоры) они составляют большой процент от исследованных захоронений этого времени (20-25%), тогда как в остальных некрополях их число либо равно нулю (у м. Тузла), либо не превышает нескольких процентов (у пос. Пересыпь, у м. Панагия). Несколько выше этот процент в Горгиппии (9 %). На Европейской стороне погребений с элементами скорченности практически нет в Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке и т.д. Однако в некрополе Нимфея процент таких погребений высок (18 %), что сопоставимо с некролями Кеп, Гермонассы и Фанагории. (Сударев 2005. С. 135). Таким образом, данное погребение вполне нормально для некрополя Фанагории. Из основной массы погребений данное захоронение выделяется тем, что человек был обезглавлен. Это можно было бы связать с обстоятельствами гибели данного воина, если бы не серия подобных «акефальных» погребений в Средиземноморском бассейне.

6. «Акефальными» («акέφαλος» – без головы) устоявшийся термин, относящийся к погребениям скелетов с отделенным черепом. К таким погребениям относятся захоронения костяков без черепов, отдельных захоронений черепов без скелетов, а так же различных манипуляций с телом покойного, когда череп подвергался какому-то отдельному от остального тела обращению. Например, кремация тела и ингумация черепа, или наоборот; кроме того – захоронение тела и черепа в различных могилах, а так же захоронение в одной могиле тела с предварительно отделенным черепом и т.д. (Shepherd 2005. P. 123-128). Несмотря на то, что формально «акефальными»⁴ являются только погребения тел без голов, все эти погребения объединяются в единую группу по признаку предварительного отделения головы от тела до или во время погребения.

7. Различные виды акефальных погребений известны на территории Азиатского Боспора. Такие погребения известны в некрополе Артющенко, некрополе Волна¹, некрополе Гермонассы, Кеп, Вышестеблиевская 14 и пр. Есть такие погребения и на Европейском Боспоре, в частности в Пантикапее. Они так же распространены и на территории Синдики, например в некрополях у х. Рассвет и Су-Псех. Интересно и акефальное погребение совершенное в кургане у х. Розы Люксембург. Подобные погребения известны в разных частях Средиземноморья. Целый ряд подобных погребений известен на о. Сицилия: в сиккульском некрополе Рокко Кроваччо VI-IV вв. до н.э., в некрополе Бутера, Гелы, Гимеры, Мегаре Гиблее, Камарине, Метапонта, Локр Эпизефирских, Кефалойдиона (Чефалу), Селинунта (некрополь Санта Маргарита ди Беличе), Кум. В Южной Италии нам известно большое количество подобных погребений и на «местных» некрополях: в Энтелле, Монте-Навона (Ибла Эрея), Моргантины, Монте Финокчито, Кастильоне ди Рагуза и др.

8. Интересную точку зрения на эти погребения высказала Розалия Камератта-Сковаццо (Camerata, Scovazzo 1978. P. 150), которая сравнила акефальные погребения Гелы, Бутеры и Рокка Кроваччо с подобными погребениями в г. Приния (Рициния) на Крите и предположила, что именно выходцы из Принии являются колонистами Гелы и в свою очередь данный обряд привезен вместе с колонистами с Крита и распространился не

⁴ Термин «акефальные» для подобных захоронений впервые применяет Паоло Орси (Orsi, 1893. P. 481, п. 2), описывая погребения из некрополя Сиракуз, но он же первый и объединил в одну группу все погребения с необычным отношением к черепу/голове покойного, в том числе кремацию головы при ингумации всего тела, ингумацию головы и кремацию туловища, захоронение одного черепа без костей скелета и ингумацию обезглавленного скелета.

только в Геле, но и окрестностях. Эту точку зрения активно поддержали исследователи (Rizza 1983. P. 50-51; 1984-1985. P. 65-70; Adamesteanu 1994-1995. P. 109–17; Lamburgo 2015, P. 287). Однако, подобные погребения известны не только в Ричинии. В более раннее время они встречаются в некрополях Фурни-Архана, так же на Крите, а так же в Аргосе. Эти акефальные погребения появляются в некрополях Крита и Аргосе одновременно с проникновением нового населения и сменой погребальных практик. Эта практика сохраняется, хотя и изредка и в более позднее время. Так, акефальные погребения неоднократно встречены на о. Лемнос (некрополь Мирины)⁵ (Pottier, Reinach 1887. Т. 1. P. 75-76).

9. Сейчас можем условно представить следующую схему развития данной практики: в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века (в XII-X вв. до н.э.) данная традиция появляется на Балканах (в Аргосе) и на Крите. Вероятно тогда же, эта традиция, распространяется и на Лемнос. Она сохраняется в различных некрополях о. Крит вплоть до архаического периода, а на о. Лемнос, в некрополе Мирины – еще дольше. Во время колонизации данный обряд, видимо вместе с колонистами с о. Крит попадает в города Великой Греции. Через посредство этих городов эта традиция проникает к местному, варварскому населению, однако концентрируется в основном в окрестностях Геллы и на землях сикулов. Период появления данной практики в Восточном Средиземноморье (XII-X вв. до н.э.) совпадает с сильными изменениями происходящими в этом регионе, известными в литературе, как миграции «народов моря» (XIII-XII вв. до н.э.) (Yasur-Landau 2010. P. 1, Сафронов 2018. С. 9; 2014. С. 831-841; 2015. С. 803-810). Во время этого движения они расселяются по всему средиземноморью, колонизуя, в числе прочих, Лемнос, Наксос, Крит и др. Среди «народов моря» упоминаются, среди других и народ «шакалеша/шакалуша», которые уверенно связываются с сикулами Сицилии⁶ (Сафронов 2011. С. 112; 2018. С. 22; Гиндин, Цимбургский 1996. С. 142-143). Таким образом, истоки обряда акефалии видимо следует искать именно на «прародине» «народов моря». В настоящее время многие исследо-

⁵ По словам исследователей «Наши рабочие очень хорошо уловили эту аномалию и сказали, что это тела χλεφταῖς (разбойники), которым была вырезана голова перед тем, как их похоронить».

⁶ Отметим, что сицилийский диалект называется *sicili*, а слово *Sicilia* на нем звучит как «Шикилиа». Кроме прочего следует указать, что существует область с таким же названием во Фракии и о. Наксос так же имел одно из названий «малая Сицилия». И это вряд ли случайно, особенно учитывая тот факт, что по античным преданиям Наксос был заселен фракийцами под предводительством героя Сикела (Гиндин, Цимбургский, 1996. С. 143)

ватели связывают начало этого движения с этническими процессами происходившими в позднем бронзовом веке в районе восточной части Балканского полуострова, Карпато-Дунайском регионе и Западной части Малой Азии (Андреев 1998. С.18-23; 2015. С. 29-91, 194; Гиндин, Цимбургский 1996. С. 132-225; Сафронов 2018. С. 94-99, 137; Yasur-Landau 2010, P. 192–193; Lehmann 1985. P. 59; Schachermeyr 1986, P.336–338). И именно здесь, на территории исторической Фракии и Македонии мы встречаем большое количество подобных погребений и захоронений отдельных голов, причем начиная с эпохи позднего бронзового века (Gergova 1989, Georgieva 2003, Иванов 2011, Sîrbu V. 1993; Sîrbu V. et al. 2019).

10. Определившись, предварительно с территорией распространения данной практики и возможного ее происхождения следует обратиться к ее культовой составляющей. Вернемся еще раз к самому погребению. Оно необычно не только тем, что в нем лежит погибший в бою (стрела в груди) и обезглавленный воин. На месте головы был положен череп козы/овцы без рогов. Это можно было бы объяснить «случайностью», «требованиями эстетики», «заменой отсутствующей головы» и т.д., если бы не одно «но». Сверху, на заплечике находился и сам череп человека. Если бы было необходимо, то его вполне можно было бы поместить и в саму могилу, соединив таким образом тело и голову. Однако этого сделано не было. То, что это не случайность подтверждает и еще один известный нам случай «акефалии», выявленный так же в Северном Причерноморье в некрополе Ольвии (Папанова 1993). В погребении 2/1991/№ 217 обнаружен так же убитый стрелами мужчина без головы, на месте которой лежал череп овцы. Следует отметить, что погребение датируется практически тем же самым временем – 410-390 гг. до н.э.

11. Может быть, именно в положении вместо черепа человека черепа овцы или козы скрывается какой-то символический смысл? Голова овцы является одним из атрибутов фракийского бога Сабазия. Данное божество известно в Северном Причерноморье и на Боспоре. Этот Бог уже как минимум с V в. до н.э. проникает в Грецию и почитается там как божество дионисийского круга. По мнению античных авторов, он является одной из ипостасей Диониса или одним из вариантов т.н. фракийского Диониса, божества очень близкого, но не идентичного Дионису греческому, имеющему ярко выраженные хтонические черты и черты бога воинов. Однако, голова овцы, козы является атрибутом и еще одного божества – Загрея. И это божество так же имеет фракийское происхождение, связывается с Дионисом, является одной из его ипостасей и

имеет черты бога умирающего и возрождающегося. Но эти же атрибуты (голова козлов и баранов, а так же быков) имеют отношение и к самому Дионису, причем в первую очередь к его фракийскому варианту. Причем, что важно, по мнению исследователей, само почитание Диониса восходит к догреческому периоду и связано своим происхождением именно с Фракией. Говоря о обезглавленном божестве нельзя не вспомнить еще об одном древнем фракийском культе, имеющем отношение, как к идеям возрождения и послесмертия, так и к божествам дионисийского круга. Речь идет об Орфее, которого Вячеслав Иванов считал одной из ипостасей раннего Диониса. Посетивший Аид и вернувшийся обратно Орфей был растерзан фракийскими менадами (или по другому варианту мифа – убит фракийскими женщинами). Его голова была брошена в воду, доплыла до о. Крит (по другому варианту до о. Лесбос). При этом она оставалась живой и продолжала пророчествовать. Дабы избежать обрушившихся на Землю бедствий она была помещена под землю, при этом продолжая пророчествовать. По разным сведениям святилища Орфея с его головой и прорицалищем находились на о. Лесбос и о. Крит.

Отметим, что в данных тезисах мы только ставим вопрос об «акефальных» погребениях Боспора, в связи с очень интересным погребением из Фанагории. В дальнейшем мы планируем развить и расширить данную тему.

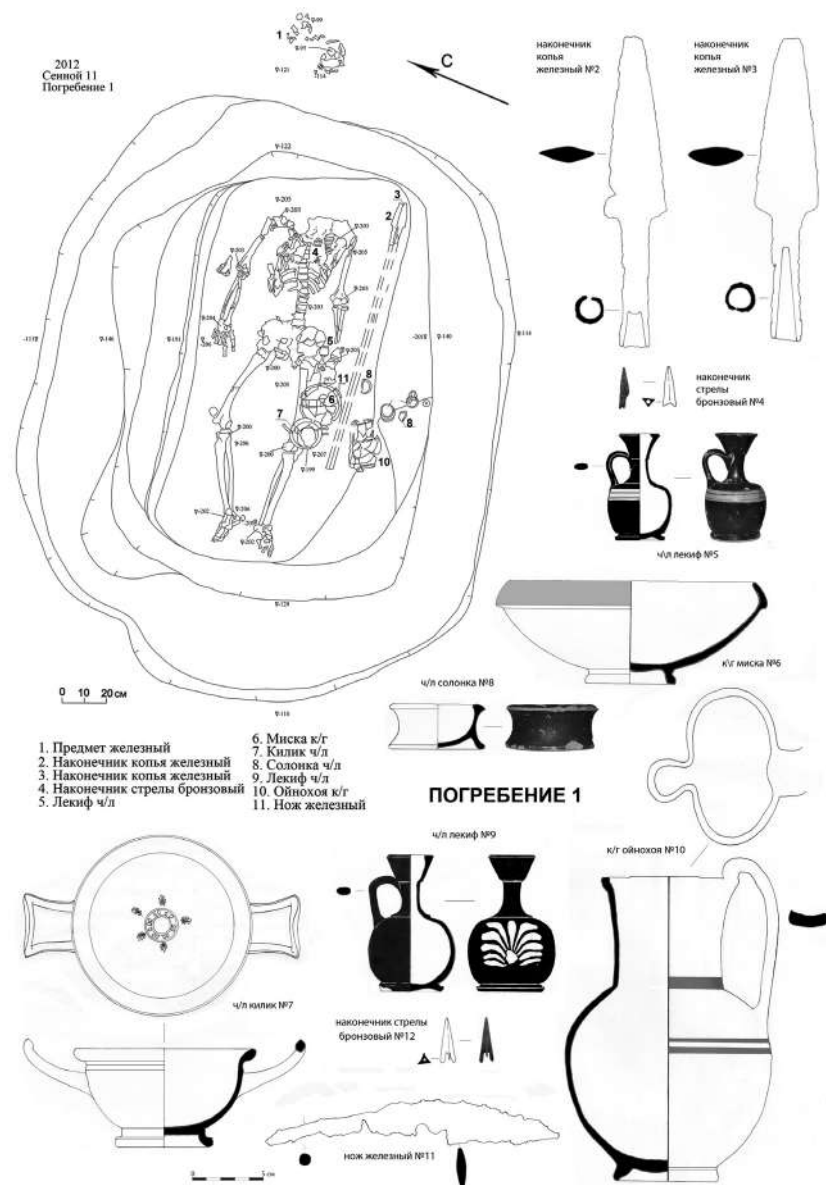

Рис.1. План погребения 1 и находки

КАЗАНСКИЙ М. М.

(Национальный Центр Научных Исследований, Париж)

ГУННСКАЯ ДИАДЕМА С ГОРЫ МИТРИДАТ И ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Здесь будет рассмотрен один из немногих артефактов, свидетельствующих о присутствии гуннов на Боспоре Киммерийском - диадема с горы Митридат. История Боспора Киммерийского в гуннское время (последняя треть IV- вторая треть V вв.) остается во многом неизвестной. До сих пор неясно, где проходил путь продвижения гуннов в Северное Причерноморье. Евнапий (347 - после 414 г.) указывает, что в его время существовали разные версии появления гуннов в Европе, которые он и изложил в несохранившейся части своей «Истории» (Продолжение истории Дексиппа, фр. 41, цит. по Латышев 1890. С. 726). По свидетельству Аммиана Марцеллина (около 330 - после 395 гг.), записанному скорее всего в 390е гг. (Римская история XXXI, 2.12,21) гунны, появившись в восточноевропейских степях, в первую очередь нападают на алан-танаитов, что явно свидетельствует о вторжении через регион Нижнего Дона. В то же время некоторые позднеантичные авторы утверждают, что экспансия гуннов сопровождалась переходом через Боспор Киммерийский и первыми под удар попали «скифы» - готы. Впервые следы этой версии появляются у Созомена (около 400-450 гг.), согласно которому гунны сначала жили за огромным озером (несомненно Меотида), и однажды, преследуя потерявшегося быка, или лань, за которой они охотились, прешли вброд это озеро, открыли новую для себя страну и напали на живущих там готов (Созомен, Церковная история, VI.37, цит. по Латышев 1890. С. 763). Отметим впрочем, что Боспор Киммерийский в данной легенде прямо не упоминается. Однако Зосим в своей «Новой истории», написанной между 450 и 502 гг., указывает, что где-то нашел известие о переходе гуннов через Боспор Киммерийский, занесенный илом «из Танаида». За перхо-

дом Боспора у Зосима следует нападение гуннов на «скифов» живущих у Истра, т.е. на готов (Зосим, Новая история, IV.20.3,4, цит. по Латышев 1890. С. 800, 801). Позднее эта версия повторяется историками жившими в эпоху Юстиниана. А.А. Васильев полагал, что рассказ о переходе гуннов через Боспор Киммерийский отражает некую реальность, при этом гуннские орды могли двигаться на Запад одновременно и через Нижний Дон и через Керченский пролив (Васильев, 1921. С. 315 - 321).

В целом, указания письменных источников позволяют предполагать реальное присутствие гуннов на территории Боспоа Киммерийского. Рассматриваемая здесь диадема из Керчи подтверждает эту гипотезу. Она принадлежит к числу типичных женских украшений степных кочевников гуннского времени, таких диадем сейчас известно более двух десятков (подробно см. Kovrig 1985; Засецкая 1994. С. 50-58). Диадема вроде бы была найдена на северном склоне горы Митридат, предположительно в районе улицы Константиновской (« rue de Constantinople », сейчас улица 23 мая 1919 г.), в склепе (« Katakombe »), вместе с другими вещами - пряжками, фибулами и пр. Вещи были куплены в 1907 г. А. Мерль де Массонё и попали в коллекцию И. фон Диергардта. Сейчас диадема находится в Римско-Германском музее в Кёльне (Damm, 1988. S. 85-92; Damm 1996. S. 82-84; Eger, 2017).

Диадема составлена из трех пластин прямоугольной форм, как и некоторые другие диадемы (Шипово, Канаттас: Засецкая 1994. С. 52,53) на бронзовой основе, покрыта золотым листом и украшена гранатовыми и стеклянными вставками в изолированных гнездах Ее длина - 34,2 см (рис. 1,8). По типологии И. Ковриг, в основе принятой и И.П. Засецкой (Засецкая 1994: 56), керченская диадема принадлежит группе 2б. Это венцы без гранулированного декора, вся поверхность которых покрыта плоскими камнями потреугольной, ромбической и прямоугольной, редко округлой форм, близко посаженными, в несколько прямых рядов (Kovrig 1985. S.124, 126). В число диадем этой подгруппы входят находки в Бухэни (Buhăieni), Енджиховице (Höchricht - Jędrzychowice), Будапеште, Дульчанке (Dulceanca), Геразени (Gherăseni), может быть в Совхозе Калинина (Kovrig 1985. Abb. 7). Плоские вставки камней имеются также на диадемах из Черны (Csorna) и Шурбанца (группа Ковриг 2с) (Засецкая 1993, С. 56) (рис. 2).

Мне уже приходилось отмечать немногочисленность вещей степной гуннской традиции, найденных на Боспоре (Казанский 2019б. С.

258). К их числу могут быть отнесены «персидские» парадные мечи (рис. 1,1-4), явно занесенные с востока (о них см. Bóna, 2002. P. 199, fig. 104; Казанский 2019а. С. 118-120) (тайник склепа 145.1904 г., склеп на Тарханской дороге 1914 г.: Засецкая, 1993. Табл. 17, № 47; 62, № 364), трехлопастные стрелы (рис. 1,6) (склеп 154.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 47, № 217; склеп 176.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 57, № 330), костяные накладки на лук т.н. гуннского типа, с расширенными концевым накладками, хорошо представленные в древностях гуннского времени в Европе (о них см.: Моисеев и др., 2015. С. 22, табл. 3) (рис. 1,5) (склеп 154.1904 г., погр. 3: Засецкая, 1993. Табл. 49, № 229), крестовидные уздечные бляхи (рис. 1,7) (контекст находки неизвестен: Damm 1988. S. 177, 178, Abb. 183,184, ср. Засецкая 1994. Табл. 1,1, 11,4, 22,6, 26,2,). К числу заимствований из степного гуннского мира можно отнести обычаи помещения в боспорские погребения седел (склеп 165.1904 г., погр. 5: Засецкая, 1993. С. 97) и уже упоминавшихся луков луков с костяными накладками (склеп 154.1904 г., погр. 3: Засецкая, 1993. Табл. 49, № 229), При этом в Керчи до сих пор не нашли следов нашествия гуннов. Разрушения и пожары позднего IV - первой половины V вв. на территории Боспора Киммерийского засвидетельствованы, насколько мне известно, в Фанагории, возможно в Батарейке I, Кепях, Генеральском. В Кепях и Батарейке I в слоях разрушений также были найдены характерные «степные» наконечники стрел из кости (продобнее Kazanski, 2009. P. 182, 183). К сожалению, значительная часть археологического материала Боспора гуннского времени пока не введена в научный оборот (о памятниках этого времени см. Айбабин, 1999. С. 79, 80; Айбабин, 2003. С. 14,15; Kazanski, 2009. P. 181-216), поэтому пока трудно говорить о реальности следов гуннского нашествия - пожаров, разрушений и пр. Кстати, захват гуннами Боспора мог произойти и без разрушения городов, например, если исход дела был решён в полевом сражении или путем переговоров.

Неизвестно, подчинялся ли Боспор Киммерийский в это время гуннам, прямых свидетельств об этом нет. Некоторую информацию можно получить из рассказа Приска Панийского об экспедиции «царских» гуннов Васиха и Курсиха в 420е-430е гг. против Ирана. «Царские» гунны Васиха и Курсиха выступили в поход из степей Скифии, подчинявшихся в это время царям Руе и Аттиле. Они пересекли пустынные земли, затем какое-то озеро (Меотиду, по мнению информаторов Приска, но это могут быть и Сиваш, и заболоченная дельта

Дона и Керченский пролив) и через 15 дней, перейдя горы, видимо Кавказский хребет, вторглись в Иран. Приск уточняет, что благодаря этой экспедиции гунны впервые узнали о возможном пути в Мидию из Скифии (Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев 1890. С. 830, 831, см. подробнее Казанский, Мастыкова, 2009. С. 123, 124). Из данного рассказа можно заключить, что к 420 гг. гунны Руи-Аттилы не владели Боспором Киммерийским, да и вообще степи Северо-Восточного Причерноморья, и даже не имели о них достоверной информации.

Однако, гуннская диадема с горы Митридат явно «западная» и связана по происхождению именно с зоной, контролировавшейся Руей и Аттилой, поскольку практически все находки венцов группы Ковриг 2б (за исключением Керчи и Совхоза Калинина), и вообще диадем украшенных плоскими камнями, локализуются к западу от Днестра (Kovrig 1985. Abb. 13). При этом больше всего находок отмечено в бассейне Нижнего Дуная и Днестра (рис. 2). Эта территория, если верить Приску Панийскому, была завоевана Руей (погиб около 434 г.), при этом в его подчинение попали местные варвары - амилзуры, итимары, тоносуры, воиски (Приск Панийский, Готская история, фр. 1. цит. по Латышев 1890. С. 810)¹. Зато один декоративный элемент керченской диадемы - центральная композиция с двумя птичьими головами, имеет параллели только в восточной части степи - в погребении пост-гуннского времени (вторая треть V - вторая треть VI вв.) в Шипово, на Южном Урале (Kovrig 1985. Abb. 6; Засецкая 1994. Табл. 42,1). Иными словами, сделанная в «западной» гуннской технике диадема в то же время несла символику, понятную «восточным» кочевникам. Представляется, что данная находка отражает ситуацию, сложившуюся к 448 г., когда Аттила разгромил гуннов-акацир, занимавших степи «припонтской Скифии» (Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев 1890. С. 829) к востоку от Днепра (подробнее Казанский, Мастыкова 2009) и назначил им в правители своего сына Эллака (Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев 1890. С. 823; см. Артамонов 1962. С. 55-57). Именно в это время Боспор Киммерийский мог войти в орбиту власти Аттилы, что и обусловило попадание сюда гуннских вещей из Подунавья.

¹ Интересно, что этот список народов практически полностью совпадает с перечислением племен, попавших под удар гуннов сразу после перехода Меотиды, перечисленных Иорданом *Alpidzuros, Alcidzuros, Itimaros, Tuncarsos, Boiscos* (*Getica* 126).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., 1990. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар.

Айбабин А.И., 2003. Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука. С. 9-145.

Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae). Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму. Часть 1 // Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры. Т. 1. С. 247-326

Засецкая И.П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV- первой половины V вв // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. III С. 23-105.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб: Эллипс, Лтд.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.

Казанский М.М., 1994. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Т. IV. С. 238-256

Казанский М.М., 2019а. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С.В. Белецкий, Санкт-Петербург: Институт Истории Материальной Кулльтуры. С. 113-124.

Казанский М.М., 2019б. Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Симферопол- Керчь: Крымский Федеральный Университет - Фонд «Деметра». С. 256-265.

Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2009. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А.Г. Фурасьев, Сакт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 114-126.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Греческий текст, перевод и комментарии В.В. Латышева. СПб. 1890, Т. 1. С. 787-818.

Моисеев А.В., Козмирчук И.А., Обломский А.М., 2015. Поселение и могильник Ксизово-16 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский, Москва: ИА РАН, 2015. С. 15–29.

Bóna I., 2002. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris : Errance.

Damm I.G., 1988. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus demNördlichen Schmarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. S. 65-210.

Damm I.G., 1996. Goldschmuck des 5. Jahrhunderts aus eem pontischen Raum im Römisch-Germanischen Myseum Köln // Reitervölker aus em Osten. Hunnen = Awaren / Hrsg. F. Daim, Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregizerung. S. 82-89.

Eger C., 2017. Die Hunnen kommen : die « Krone » aus Kerč // Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit / Hrsg. F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH. S. 98, 99.

Kazanski M., 2009. Archéologie des peuples barbares. București – Brăila: Editura Academiei române.

Kovrig I., 1985. Das Diadem von Csorna // Folia Archaeologica. Tom XXXVI. S. 107 - 145.

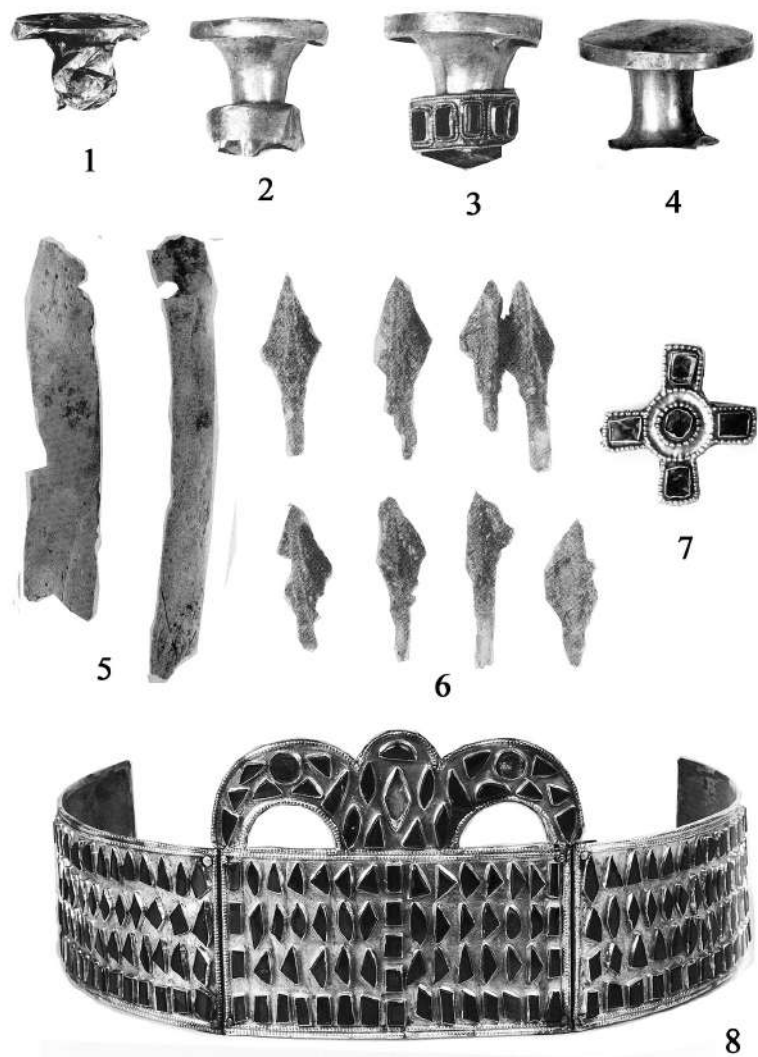

Рис. 1. Вещи гуннской традиции из Керчи.
 1-3: тайник склепа 145.1904 г.; 4: склеп 1914 г. у Тарханской дороги; 5,6: склеп 154.1904 г.;
 7: контекст находки неизвестен; 8: склеп 1907 г., г. Митридат.
 1-6: по Засецкая, 1993; 7: по Дамт 1988; 8: по Eger, 2017

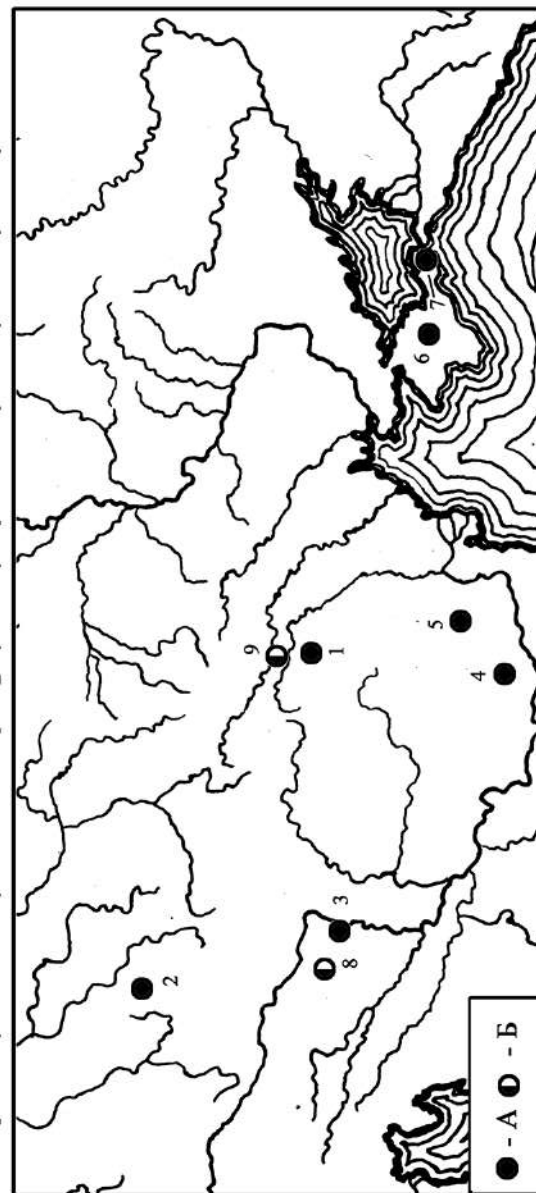

Рис. 2. Распространение гуннских диадем групп А и В (А) и близких им диадем, украшенных плоскими камнями (Б).
 1: Бухзэни; 2: Енджиховице; 3: Будапешт; 4: Дульчанка; 5: Геразени; 6: Совхоз Калинина; 7: Керчь; 8: Черна; 9: Шурбанец

КАМЫШЕВ К. Д.
(Пермский ГНИУ, Пермь)

СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Музейные коллекции учебных заведений, даже удаленных от основных центров античной цивилизации в Северном Причерноморье могут содержать материал, связанный с историей данного региона. Среди таких учреждений нами рассматривается музей истории Пермского университета. Рассматривается происхождение и состав античной части коллекции музея, связанной с Северным Причерноморьем.

Пермский государственный университет был учрежден актом Министерства народного просвещения России 1 (14) октября 1916 г. как Пермское отделение Императорского Петроградского университета. Таким образом, став последним, открытым в Российской империи университетом. С 1 (14) июля 1917 г. был преобразован в самостоятельный университет.

Официально музей истории Пермского государственного университета создан приказом ректора от 6 января 1973 г. Тем не менее, сама коллекция начала формироваться со времен его официального учреждения.

Уже в 1917 г. открылся Музей древностей и искусств. В музей древностей и искусств Пермского университета только за первые два года деятельности поступило более 4500 единиц хранения. Огромная заслуга в этом принадлежит Б.Л. Богаевскому, известному антиковеду, специалисту по крито-микенскому периоду.

Источниками формирования музейной экспозиции послужили частные коллекции. Самые интересные в контексте рассматриваемой про-

¹ Доклад подготовлен участником «Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ» на базе Факультета гуманитарных наук на основе данных, полученных в период стажировки.

блемы частные коллекции А.Ф. Эльтермана, генерал-майора А.А. Пальникова, В.В. Святловского.

Коллекция петербургского антикара (часовых дел мастера) А.Ф. Эльтермана в значительной степени была частью более знаменитой коллекции И.К. Саручана. Предметы его коллекции из Северного Причерноморья (известно по оставленным им этикеткам), происходят с территории Керченского полуострова, территорий между Днепровским и Днестровским лиманами, – из тех, что оказались в Пермской коллекции. В одной из таких этикеток написано следующее: «1893 года июня 30-го купил в Кишиневе от Недея за 1 руб. Найдена была в Керчи в мае сего 1893 года. Подробности, что я еще купил у него смотри в середине терракотового ящичка» (цит. по Колпаков И.С., Стабровский А.С. Утро исторической легенды. С. 11). Помимо указанного выше торговца древностями И.М. Недея у его этикетках упоминаются Бугзель, Вайнштейн, Нахманович и др. В связи с указанным документом стоит упомянуть, что большой сегмент Северопричерноморской части античной коллекции музея истории ПГНИУ представлена именно изделиями из терракоты.

Если коллекция А.Ф. Эльтермана досталась музею путем добровольной покупки. То коллекция генерал-майора А.А. Пальникова попала в фонды в результате национализации. Значительная часть его коллекции была посвящена сбору античного материала из Северного Причерноморья. Причем в качестве основного поставщика в документах генерала фигурирует известный керченский антиквар Р. Запорожский. Сначала коллекция А.А. Пальникова оказалась в Москве, Музее изящных искусств. В дальнейшем по распределению Наркомпроса в Музей древностей и искусства Пермского университета.

В.В. Святлавский, известный, прежде всего, как экономист и историк профсоюзного движения, также направил в Пермский университет свою коллекцию. По всей видимости, передача предметов в фонды музея происходила под влиянием принципиальных разногласий в вопросах автономии искусства и независимости его от государства, приведшего к распаду существовавшего тогда Союза деятелей искусств, членом которого являлся В.В. Святлавский. Сведений о покупке данной коллекции в архиве музея ПГНИУ нет. О том, что данная коллекция представляет огромный интерес, говорит успешный сбор Австралийско-Океанийскую коллекции (Герваш А. Об отдельных фактах из жизни Владимира Святловского...).

В составе музейной коллекции ПГНИУ представлены различными керамическими изделиями. Изготовление гончарных изделий атрибутируются «Керченским стилем», который рассматривается в последнее время как несколько устаревший и не соответствующий в полной мере исторической реальности (Васько Д.С. Понятие «Керченской стиль» как терминологическая проблема в изучении античной вазописи...).

К данному стилю относится, к примеру, ойнохоя. В частности, с сюжетом праздника молодого вина. Сцена символической продажи молодого вина девушкой юноше, характерное для отправления празднеств, посвященных Дионису Анфистерии. Также, скифос, изображающий двух участников дионисийских мистерий. Или, Аск с причерноморским сюжетом погони собаки за зайцем.

Особое место в коллекции музея истории Пермского университета занимает коллекция мелкой пластики (терракота). Терракотовые статуэтки, в различных формах в статике, динамике. Культового («Сидящая на троне богиня», Деметра и Персефона, Дионис, Эроты, Гермес и др.) и светского назначения (Воины, всадники, атлеты, задрапированные женские фигуры).

Весьма интересна терракотовая статуэтка в форме головы юноши (предположительно, Апполон) из коллекции В.В. Святловского – инв. № 598. Наиболее вероятно, данный объект произведен в метрополии. Характерна прямыми чертами лица, прямым носом (илл. 1).

В составе терракотовой коллекции особняком стоят маски. Поскольку их клали в захоронения, имевшие сакральное значение. В фондах музея истории ПГНИУ представлены: маска Сатира, с отверстием в верхней части головы, маска Сатира в короне (сохранилась не полностью). Особо интересна маска Диониса, подтверждение принадлежности в виде бороды - виноградной лозы.

Необходимо указать, что последняя систематизация античного материала, проходила середине 2000-х гг. и проводилась И.С. Колпаковым. На данный момент руководство музея планирует дальнейшую работу по систематизации и выделению Северопричерноморской части в составе античной коллекции музея истории ПГНИУ. В свою очередь это может способствовать развитию как научной, так и образовательной работе в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

Васько Д.С. Понятие «Керченской стиль» как терминологическая проблема в изучении античной вазописи. «Архитектон: известия вузов» № 2 (50), Июнь 2015. С. 20.

Герваш А. Об отдельных фактах из жизни Владимира Святловского журнал «Единство» рассказывало в разные годы. // <https://web.archive.org/web/20170327060701/http://www.torgedin.ru/sviatoslavski.html>

Колпаков И.С., Стабровский А.С. Утро исторической легенды. Учебное пособие по курсам – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2006. 96 с. илл.

Рис.1. Голова Аполлона. Инв. 598. Кол. В.В. Святославского

Рис.2. Маска из кол.музея истории ПГНИУ

КАШАЕВ С.В.
(ИИМК РАН, С-Петербург)¹

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2²

Особым типом находок при раскопках погребений античного времени являются сосуды из финикийского стекла. В древности они являлись продукцией массового производства, а в настоящий момент их уже можно рассматривать как своеобразные «произведения искусства».

В некрополе Артющенко-2 [Кашаев, 2009. С.188; Кашаев, 2019. с. 230] найдено пять таких стеклянных сосудов, четыре амфориска и один алабастр. Рассмотрим подробнее, какие это сосуды, в каких погребениях они были найдены, и что входило в инвентарь этих захоронений.

Погребение 6 расположено в кв. Б-3. [Кашаев, 2009. С.194] Размер могильной ямы примерно 2,0 x 1,0 м. Костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток. Погребение принадлежало девушке 15-18 лет. Сохранность костей средняя. Череп раздавлен просевшим грунтом.

Погребальный инвентарь был положен вдоль южной стенки могилы, ещё несколько одиночных предметов находились среди костей скелета.

В погребении найден стеклянный амфориск (Рис. 1.1; 2.1)

Высота – 7,8 см; диаметр тулова – 5,0 см.

Амфориск находился к югу от костяка, под перевернутым вверх дном чернолаковым киликом. Благодаря этому сохранился целым, и не

¹ Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербурге, 191186, Россия.

² Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0184-2019-0005. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

был раздавлен грунтом. Сосуд изготовлен из стекла синего цвета, по тулову выполнен орнамент из белой и желтой пасты.

Аналогии: [Кунина, 1997. С. 27; 57, Рис. 13; 58, Рис. 14, 15; Сорокина, 1957. С.50, Табл. III.1; Vickers, Kakhidze, 2004. P. 368, F. 133].

Остальной инвентарь составляли:

1. Килик чернофигурный
2. Зеркало бронзовое
3. Лекиф цилиндрический
4. Колечко бронзовое
5. Чаша на ножке чернолаковая
6. Ойнохоя красноглиняная
7. Две спиральные серебряные подвески
8. Скелет змеи
9. Костяные пластинки, 3 шт.
10. Бусины разные
11. Скифос миниатюрный (котила)
12. Игла бронзовая
13. Деталь игольницы (крышечка) бронзовая
14. Кость животного

Погребение 6б обнаружено на стыке кв. Д-3', Д-4', Г-4' [Кашаев, 2010. С.96]. Погребальное сооружение представляло собой склеп прямоугольной формы, стены которого сложены из сырцовых кирпичей.

От костяка, ориентированного головой на восток, сохранились фрагменты черепа и костей ног, все они имеют темно коричневый цвет. Останки принадлежат девушке предположительно 17-20 лет. Инвентарь в основном располагался вдоль южной стенки камеры.

После разборки костяка и инвентаря было продолжено исследование сырцовых конструкций. Внешние размеры сооружения 1,90 x 2,35 м, размеры внутренней погребальной камеры 1,10 x 1,80 м.

В полу склепа вдоль восточной и западной стенок были зафиксированы небольшие прямоугольные углубления. Эти канавки были сделаны для помещения ножек деревянного ложа, на которое укладывали покойного.

В погребении найден стеклянный амфориск (Рис.1.2; 2.2).

Высота 8,0 см, диаметр тулова 4,4 см.

Амфориск финикийского стекла находился около северной стенки погребальной камеры, на уровне головы костяка. Сосуд раздавлен грунтом, склеен. Сосуд изготовлен из стекла темно-коричневого цвета, по тулову выполнен орнамент из белой, желтой и голубой пасты.

Аналогии: [Кунина, 1997. Рис. 16; Сорокина, 1957. С.50, Табл. III.4].

Остальной инвентарь составляли:

1. Тулово ойнохои или кувшина
2. Миска красноглиняная
3. Мисочка с ручкой
4. Бусины золотые, 20 штук
5. Бусины серебряные, 4 штуки
6. Пряслице свинцовое
7. Пряслице керамическое
8. Кость животного

Погребение 102 находилось в кв. 3-17'. Размеры могильной ямы примерно 2,00 x 1,20 м, при зачистке было обнаружено могильное пятно. Зафиксированная глубина могилы 60-65 см. Всё ее внутренне заполнение было очень плотным и состояло из разрушенных сырцовых кирпичей.

Скелет женщины 30-35 лет лежал примерно по центру могилы, вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Сохранность костяка средняя: сохранился череп, длинные кости рук и ног, таз и крестец, фрагменты позвонков и ребер. В целом анатомический порядок костей не нарушен, но череп смещен к южной стенке могилы.

Большая часть инвентаря была сосредоточена у западной стенки могильной ямы, другая - у северной стенки.

В погребении найден стеклянный амфориск (Рис.1.3; 2.3).

Высота 12,0 см; диаметр тулова 6,5 см.

Амфориск находился рядом с чернолаковым кубком около северной стенки погребения. Раздавлен грунтом на множество мелких фрагментов, склеен, имеются утраты, одна ручка отсутствует. Стекло сильно патинировано, молочно белого цвета, не прозрачное, матовое. Возможно, первоначальный цвет изменился от времени. По тулову выполнен орнамент из белой пасты.

Аналогии: [Кунина, 1997. Рис. 18].

Остальной инвентарь составляли:

1. Кувшин сероглиняный
2. Миска сероглиняная
3. Килик чернолаковый
4. Кубок чернолаковый
5. Бусины серебряные, 6 шт.
6. Нож железный
7. Пряслице керамическое

8. Пряслице свинцовое

9. Бусина пастовая

10. Бусина из лигнита

11. Подвеска серебряная

12. Зуб животного

13. Кость животного

Погребение 157 обнаружено на границе в кв. Ж-23' и Ж-24' [Кашаев, 2017. С.102]. Примерные размеры могильной ямы 1,65 x 0,60 м.

Предположительно скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на северо-восток. Костяк очень плохой сохранности, принадлежал женщине 50-55 лет. Сохранились фрагменты длинных костей рук и ног, таза и черепа.

В погребении найден стеклянный алабастр (Рис.1.5; 2.5).

Высота 11,0 см; диаметр венчика 3,0 см; диаметр тулова 2,5 см.

Алабастр находился у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, около чернолаковой солонки. Горлышко раздавлено грунтом, склеено. Часть венчика отсутствует, утрачена в древности. На тулове с двух сторон, выполнены стеклянные стилизованные петлевидные ручки.

Аналогии: [Кунина, 1997. Рис. 18; Сорокина, 1957. С.50, Табл. III.4; Vickers, Kakhidze, 2004. P. 373, F. 177].

Остальной инвентарь составляли:

1. Миска красноглиняная
2. Солонка чернолаковая
3. Пряслице керамическое
4. Пряслице свинцовое
5. Бусина серебряная
6. Кость животного.

Погребение Г13 находилось на границе кв. К17'-Л17'. Погребение уничтожено грабительским шурфом в 2009 г. В процессе расчистки стало понятно, что Погребение Г13 представляет собой склеп, стены которого сложены из сырцовых кирпичей. По аналогии с уже раскопанными склепами, можно предположить, что инвентарь в основном располагался в ногах погребенного и вдоль южной стенки могилы. Именно эта часть склепа была уничтожена прокопом, и большая часть инвентаря унесена грабителями.

В ходе расчистки dna примерно в центре склепа были обнаружены фрагменты бедренной кости. У северной стенки склепа располагался сохранившийся инвентарь – стеклянный амфориск и кусочек пемзы.

Внешние размеры сооружения 2,2 x 2,8 м, внутренние размеры погребальной камеры 1,4 x 2,0 м. Сырцовую кладку удалось проследить на высоту около 0,55 м. Дно склепа ровное, без канавок и ямок, образовано материковым суглинком.

Судя по обнаруженному фрагменту кости, скелет лежал вытянуто, на спине, головой ориентирован на восток. Костяк очень плохой сохранности, предположительно принадлежал женщине 20-25 лет. Сохранились фрагменты длинных костей рук и ног.

В погребении найден стеклянный амфориск (Рис.1.4; 2.4).

Диаметр венчика 2,8 см, диаметр тулова 5,0 см, высота 9,5 см

Находился на дне ямы, у северной стенки могилы. Амфориск лежал на боку, горлом на запад. Сосуд целый, небольшие сколы на венчике. Тулово амфориска выполнено из синего стекла, орнаментировано волнами зеленоватого и желтого цвета.

Аналогии: [Кунина, 1997. Рис. 16; Vickers, Kakhidze, 2004. P. 368, F. 133].

Остальной инвентарь похищен грабителями, сохранился лишь:

1. Кусок пемзы, округлый, диаметр около 4 см.

Все четыре стеклянных амфориска выполнены из стекла разного цвета и качества. Возможно, это связано с центром их производства. Первый изготовлен из стекла синего цвета с орнаментом из белой и желтой пасты. Второй - из коричневатого стекла с орнаментом из белой, синей и желтой пасты. Третий сохранился хуже всех, стекло молочно-белого цвета, орнамент из желтой и синей (?) пасты. Возможно, что цвета стекла и пасты изменились в процессе коррозии и патинирования стекла. Алабастр выполнен из темно-синего стекла с орнаментом из голубой и желтой пасты.

Разнообразные сосуды финикийского стекла находили и находят во многих некрополях Северного Причерноморья [Древний город Нимфей, 1999. С. 81; Козуб, 1975. С.80, Рис.34; Мимоход, Сударев, Успенский, 2017а. Рис 11; Мимоход, Сударев, Успенский, 2017б. Рис 9; Скуднова, 1988. С. 157; Сорокина, 1957. Табл. III.1; Tsetskhladze, 1999. Fig.59.3, 71].

В широких рамках такие сосуды датируются VI – IV вв. до н.э. [Кунина, 1997. С.28]. Для находок из некрополя Артющенко-2 датировку можно попробовать немного сузить, основываясь на датировках чернолаковых сосудов.

Наиболее древним, как представляется, является амфориск из Погребения 102 его можно отнести к концу VI в. до н.э. (Рис.1.3; 2.3). Чернолаковый килик из этого погребения датируется 525 г. до н.э. [Sparkes,

Talcott, 1970. № 398], а чернолаковая «рюмочка» 500 г. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970. № 991].

Амфориск из Погребения 6, датируется примерно второй четвертью V в. до н.э. на основании даты чернофигурного килика с изображением человека танцующего с поднятыми руками, предположительно менады. По стилю росписи килик очень близок сосудам, производство которых связывают с мастером Хаймоном [Горбунова, 1983. С. 181. № 154, Коровина, 2002. С. 39. Рис. 12, Табл. 9.9].

В Погребениях 66 и Г13 чернолаковые сосуды не обнаружены. На основании других находок, скорее всего, их можно датировать в пределах первой половины V в. до н.э.

Наиболее поздним может быть алабастр (Погребение 157), который относится к третьей четверти V в. до н.э. по датировке 450-425 гг. до н.э. чернолаковой солонки из этого комплекса [Sparkes, Talcott, 1970. №№ 817].

На основании анализа данных о погребениях, в которых найдены стеклянные сосуды, можно сделать следующие выводы:

- Все стеклянные сосуды найдены в женских захоронениях.
- В трех из пяти случаев там захоронены молодые женщины 15-25 лет.
- В трех случаях захоронения совершены в могилах, где присутствуют сырцовые конструкции, в двух других в грунтовых могилах.
- В трех случаях из пяти помимо стеклянного сосуда положен довольно значительный инвентарь, включающий чернолаковые сосуды, а также золотые и серебряные украшения. В одном случае (Погребение 157) инвентарь был скромным. В пятом случае (Погребение Г13) про инвентарь сказать что-то сложно.

- Местоположение стеклянного сосуда в погребении в трех случаях – у северной стенки могильной ямы, и во всех трех случаях это амфориски.

- Все погребения со стеклянными сосудами датируются в пределах конца VI – третьей четверти V вв. до н.э.

Из представленных выводов можно заключить, что в V в. до н.э., стеклянные сосуды, как правило, клали в погребения молодых женщин из достаточно состоятельных семей, которые могли себе позволить траты на сооружение могил с сырцовыми конструкциями.

ЛИТЕРАТУРА

Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб. 1999. ГЭ. 158 с.
Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л. 1983. 226 с.
Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Боспорские исследования. Т. XXII. Симферополь; Керчь. 2009. С. 188–267

Кашаев С.В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2. Исследования 2015-2016 гг. // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Материалы конференции Архонт-2017. Севастополь. 2017. С.101-104.

Кашаев С.В. Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V-II вв. до н.э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб. 2019. 420 с.: илл. С. 230-254.

Козуб И.Ю. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.э. Київ. 1974. 182 с.

Коровина А.К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М. ГМИИ. 2002. 146 с.

Кунина. Н.З. 1997. Античное стекло. СПб. ГЭ. 360 с.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. «Волна 1» – Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и таманского терминала навалочных грузов. Краснодар. 2017а. С.4-31.

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. М. 2017б. С.295-310.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л. 1988. 184 с.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М. 1957. 64 с.

Tsetskhladze G. Pichvnari and Its Environs 6th c BC – 4th c AD. Presses Universitaires Franc-Comtoises. 1999. 232 p.

Vickers M., Kakhidze A. 2004. Pichvnari 1998-2002. Greeks and colchians on the east coast of the Black sea. Oxford. 457 с.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. New Jersey. 1970. Vol. XII.

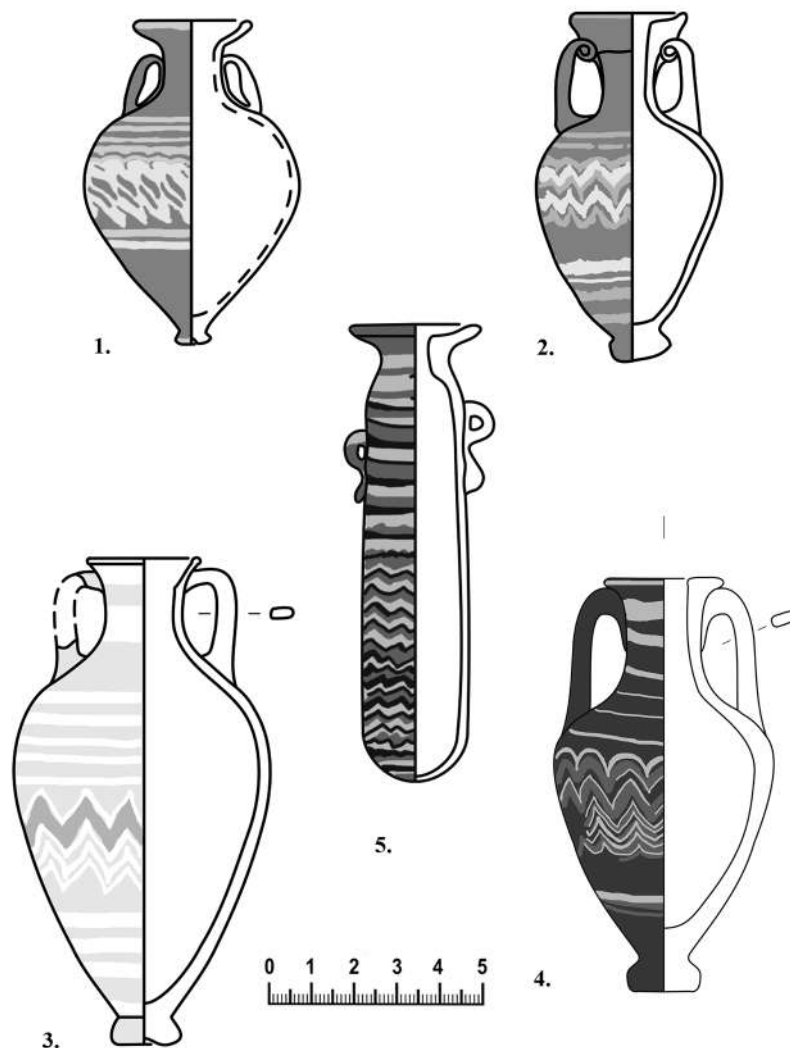

Рис. 1 Некрополь Артющенко-2. Стекланные сосуды.
1- погребение 6; 2- погребение 66; 3- погребение 102;
4- погребение Г13; 4- погребение 157

КОЛТУХОВ С.Г., СМЕКАЛОВА Т.Н., ГАВРИЛЮК А.Н.
(ИАК РАН, КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

НОВОЕ СКИФСКОЕ ИЗВАЯНИЕ В КУРГАНЕ У ОЗ. ДОНУЗЛАВ

В 2020 г. во время проведения разведок в Северо-Западном Крыму в опаханном кургане, в скоплении камней, лежавших на его поле, был обнаружен обломок каменной стелы скифского времени (рис. 1, 2). Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ-Комфи № 18-00-00563 К (18-00-00486). Курган, в котором найдено изваяние, расположен на возвышенном южном берегу оз. Донузлав, в его верховьях в 3 км от к югу от уреза воды и в 1 км к юго-западу от бывшего с. Снежное. Трехметровая насыпь входит в группу из пяти курганов и расположена в средней части гряды из многих распаханых курганов, вытянутых цепочкой с северо-запада на юго-восток вдоль гребня степного водораздела (рис. 1, 1).

Курганы с погребениями раннего железного века, расположенные в верховьях Донузлава, достаточно хорошо изучены археологами нескольких поколений. Впервые, исследования скифских памятников этой части Крыма были начаты в 1896 г. Н.П. Кондаковым. Над верховьями сухой Донузлавской балки севернее современного с. Березовка были проведены раскопки кургана Кара-Меркит (он же Акмечетский), разрушенном при добыче камня [Сенаторов, Колтухов, 2018; Колтухов, 2012, с.67-70] и содержавшем воинское захоронение V в. до н.э. В 1988 г. в этой же курганной группе было исследовано женское погребение V-IV вв. до н.э. [Колотухин, 2000, с.18-19, Колтухов, 2012, с.69-70]. В 1894 южнее кургана Кара-Меркит Ф.Ф. Лашков произвел раскопки двух курганов в экономии Тавкель-Нейман. В одном из них было обнаружено скифское погребение VI-V вв. до н.э., во втором погребение V – IV вв. до н.э. [Колтухов, 2012, с. 70 – 72]. Оба захоронения были совершены в каменных могилах.

Рис. 2 Некрополь Артющенко-2. Стекланные сосуды.
1- погребение 6; 2- погребение 66; 3- погребение 102;
4- погребение Г13; 4- погребение 157

В 1983 г. у одного из южных ответвлений другой большой балки - Каймачинской близ сел Солдатово – Шалаша Северо-Крымской экспедицией были раскопаны впускные скифские погребения в четырех курганах эпохи бронзы, узкая датировка которых затруднена и один скифский курган IV в. до н.э. с каменной гробницей [Колотухин, 2000, с.41-42; Колтухов, 2012, с. 46-49].

В 1993 г. под руководством С.Г. Колтухова и А.Е. Кислого на северном берегу Донузлава у с. Красноярское раскопано 7 скифских курганов и несколько впускных погребений в курганах эпохи бронзы [Колтухов, 2012, с. 65-66]. Курганы с каменными гробницами относились к IV в. до н.э. Среди впускных погребений в курганах эпохи бронзы встречены могилы V в. до н.э.

Ограничимся этим перечнем памятников, из которого следует то, что первые скифские погребения в верховьях оз. Донузлав появились не позднее VI – V вв. до н.э. Наиболее широко скифские курганы с каменными гробницами: склепами и ящиками распространились на этой территории, равно как и во всем Северо-Западном Крыму в IV в. до н.э. Западнее по Донузлаву, по направлению к морю, наблюдается та же картина, но там намного заметнее признаки эллинизации варварского населения [Колтухов, 2010]. Для нас же, вывод, который следует сделать, заключен в том, что изваяние найдено в зоне широкого распространения скифских погребальных памятников V – IV вв. н.э. и его находка не может быть случайной.

В 1983 г. Северо-Крымская экспедиция ИА АН УССР провела работы у сел Наташино-Чернушки, где были исследованы скифские курганы с каменными гробницами [Колотухин, 2000, с. 41-42] IV в. до н.э. [Колтухов, 2012, с. 50-52]. Работы охранно-археологического характера тогда же произведены у с. Снежное, в самой непосредственной близости от кургана с изваянием. Здесь раскопано центральное погребение небольшого кургана, представлявшее собой разграбленный каменный ящик с находками V в. до н.э. [Колотухин, 2000, с. 42-43; Колтухов, 2012, с.52]. Восточнее, у бывшего с. Белоглинка в центре маленького кургана расчищены два каменных ящика [Колотухин, 2000, с. 43]. Из-за невыразительности остатков погребального инвентаря, эти могилы отнесли к раннему железному веку [Колтухов, 2012, с. 52-53]. Следовательно, на обширной территории, примыкающей к оз. Донузлав и в непосредственной близости от кургана с обломком изваяния, располагались и располагаются мно-

гочисленные курганы со скифскими погребениями, датируемыми как V, так и IV вв. до н.э.

Сама находка представляет собой верхнюю часть каменного изваяния, вероятно стоящего (рис. 2; 3). Высота обломка 56 см, ширина 46 см, толщина плиты 21 см. Если говорить о морфологии изделия, то перед нами полноценный антропоморф, имеющий мало общего с «мировыми» столбами предскифского и раннескифского времени. Материал крупный обломок известняка – ракушечника сарматского яруса. Поверхность камня разрушена, есть следы многочисленных современных повреждений, характер которых нами не определен. Голова имеет форму полукруга, в поперечном сечении скошена к спине. Четко выделены горизонтальные плечи, верхняя часть туловища прямоугольная. Правая сторона обработана, но изображения на ней отсутствуют. Тыльная сторона стелы не обработана. Немногочисленные изображения выполнены в низком рельефе, они прослеживаются на лицевой поверхности и левой стороне изваяния. К сожалению, отсутствует средняя и нижняя часть находки, на которой должны находиться изображения атрибутов, связанных с поясом и признаки мужского пола.

Иконографические особенности скульптуры (рис. 2). На голове нечеткое рельефное изображение шлема или башлыка. Лицо персонажа должно было располагаться в округлом углублении, с рельефным краем, однако детализация отсутствует, очевидно, за счет разрушения поверхности камня. Типичные для евразийских степных изваяний изображения глаз, носа, рта, усов стертые или сбиты. Немногим лучше ситуация с рельефом на внешней стороне туловища. Под головой заметно сохранившееся лишь отдельными участками изображение одновитковой гривны. Четко прослеживается левая рука, согнутая в локте, кисть ее охватывает сосуд. Судя по профилю, здесь был изображен ритон, наконечник которого находился на утраченной части изваяния. Изображение правой руки сохранилась до локтя, остальная часть рельефа утрачена. К сожалению, этим исчерпывается вся информация об изваянии.

Памятник, безусловно, относится к крымской группе изделий скифского времени, выделенной В.С. Ольховским, в которую исследователь включил 29 находок. Внутри нее Валерий Сергеевич выделил Донузлаво-Сасыкские стелы и базы, датируемые IV – началом III в. до н.э. и составляющие 80% группы [Ольховский, 2005, с. 104 – 105]. Подгруппа прямо связана с Керкинитидой и с дальней хорой Херсонеса раннеэллинистического времени.

Территориально наша находка входит в Донузлаво-Сасыкскую подгруппу. В этой выборке, как и в Причерноморской группе известны, хотя и не столь часты гривны, соответственно они не являются территориальным или хронологическим репером, хотя могут играть роль надежного этнокультурного признака. Не менее показательно левостороннее изображение ритона. Расположение сакрального предмета в левой руке, очевидно, указывает на заупокойный характер культа, его можно видеть на стелах из Плавней, Калининского, Золотой Балки, Васильевки, двух стелах из Томаковки, изваяниях из Эрделевки, Кировограда, Крыловки к. 18, Суворовского к. 11, Ковалевского, Предградной [Ольховский, Евдокимов, 1994, с.92, илл. 4, с. 104, илл. 16, с. 116, илл.21, 24, с. 113, илл. 25, 48, с.124, илл.36, 65, с. 125, илл. 37,66, с. 130, илл. 42,75, с. 131, илл. 43,76, с.145, илл. 57, 97, с. 148, илл.60, 101, с. 161, илл.73, 121, с. 163, илл.75, 124]. На изваяниях, являющихся существенной частью погребального обряда скифов, такая позиция ритона распространена чаще, чем правосторонняя. Следовательно, этот признак является одним из основных в Причерноморской, Крымской и Северокавказской группах скифских антропоморфов. Интересно и то, что в Сасык-Донузлавской группе индивидуализация образа зашла достаточно далеко и изображение фалла, как атрибута родоначальника на всех этих изваяниях уже отсутствует. Из числа изваяний Крымской группы, как варварских, так и выполненных античными мастерами¹, новой находке ближе всего происходящие из одной мастерской изделия из курганов Крыловка 18 и Суворовское 13. Памятники исследованы В.А. Колотухиным в 1983 г. и В.С. Ольховским в 1985 г.[Колтухов, 2012, с. 42-43, с. 61-62]. Находки из кургана 18, позволяют отнести его изваяние ко времени не ранее IV в. до н.э. Судя по амфорному материалу из кургана 13, он и его стела относятся ко второй – третьей четверти IV в. до н.э. Видимо публикуемая нами стела, варварская по происхождению, является одной из наиболее ранних в Донузлаво-Сасыкской² подгруппе. До уточнения даты погребений кургана, в котором она найдена, вполне уместна ее широкая датировка в рамках V - IV вв. до н.э.

¹ Присутствие в этой группе объемных статуй, выполненных античными мастерами в античной традиции и с античной паноплией, позволяет поставить вопрос о том, не заходит ли собственно греческая серия скульптур в III – II вв. до н.э.

² Или, Акмечетско – Сасыкской подгруппе, что точнее в историко-географическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкрганные погребения Степного Крыма начала железного века). Симферополь, Сонат, 2000. 120 с.

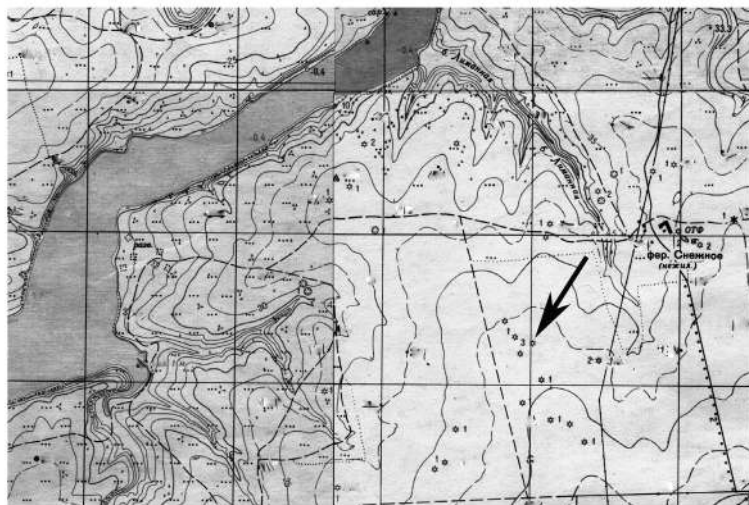
Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Отв. ред. А.В. Колесников. Донецк: Донбасс, 2012. 268 с. (Археологический альманах. № 27).

Колтухов С.Г. Курганы и курганные погребения скифского времени южного берега оз. Донузлав // Археологический альманах. № 22. Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: Донбасс, 2010. С. 71 – 98.

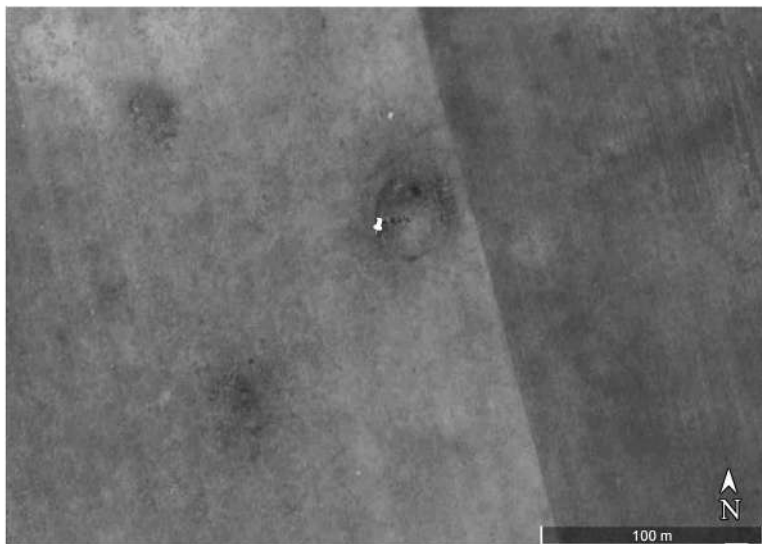
Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. Отв. ред. М.Г. Мошкова, Е.А. Попова. Москва: Наука. 299 с.

Ольховский В.С., Евдокимов В.Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н.э. Ред. В.С. Ольховский. Москва, 1994, 188 с.

Сенаторов С.Н., Колтухов С.Г. Курган Кара-Меркит 1885 г. История изучения и находки (По материалам РО АН ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа // История и археология Крыма. Под ред. В.В. Майко. Вып. VII. Симферополь: Колорит, 2018, С. 73- 118.

1

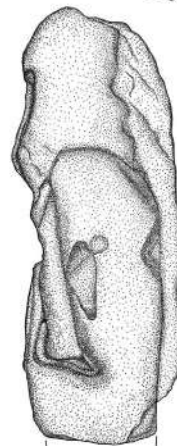

2

Рис. 1. 1 - местоположение трехметрового кургана на южном берегу Донузлава (на основе карты м 1:25000). 2 - локализация стелы на поле кургана

1

2

0 10 cm

Рис. 2. Рисунки и фотографии изваяния. 1 – Вид с лицевой стороны. 2 – Вид с левой стороны

КОНКИН Д. В.

(Симферополь, КФУ им. В.И. Вернадского)

ОБ ИСТОЧНИКАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА В П.П. XIX В.: ТАТАРСКИЙ СБОР

4 июля 1822 г. императором Александром I было утверждено положение Комитета министров «О сохранении памятников древности в Крыму» (ПСЗРИ-1, т. 38, № 29105). Важность данного указа для региона доказывает тот факт, что именно он был включен в число законов, вошедших в 1-е собрание ПСЗРИ, изданных в 1830 г. Как известно, подготовкой и подбором сборников ежегодных законов занималась особая Комиссия под руководством М.М. Сперанского, в правление которой было не включено в итоговое собрание неактуальные или не особо значимые указы. По утверждению исследователей в данном указе впервые на законодательном уровне предусматривалось «целевое бюджетное финансирование» для сохранения конкретных памятников старины (Шаманаев, Зырянова, 2018, с. 41). Основой для указа стал отчет Е.Е. Кёлера для Конференции Академии наук по результатам его командировки совместно с архитектором Э. Паскалем в Крым в 1821 г. (Труды Архива АН СССР, с.165). В документе Кёлер определил ряд объектов в Крыму, которые можно было с небольшими издержками восстановить на долгое время. Это мечеть в Евпатории, мавзолей при Эски-Юрте, укрепления Балаклавы, Мангупа, Судака, турецкие бани в Феодосии, там же мечеть, в которой располагалась армянская церковь, и крепость и мечеть в Эски-Сарае. Всего на реставрацию этих памятников, по расчетам Кёлера, требовалось 41 000 руб. асс. и еще 3000 руб. ежегодно для Паскаля, которого планировали оставить в Крыму для контроля за выполнением намеченных работ (см. Тункина, с. 80-81).

Но в императорском указе, означенная сумма была значительно сокращена (до 10 000 руб.), равно как и уточнены приоритетные объекты, подлежащие реставрации и охране. Коррективы внес министр внутрен-

них дел В.П. Кочубей, после консультации с таврическим губернатором Н.И. Перовским (по другим данным переговоры с губернатором вел министр народного просвещения А.Н. Голицын (см. Тункина, с. 81)). Первоочередными для «сбережения» были признаны греческие и генуэзские древности, в то же время турецкие и крымскотатарские памятники, как «ближайшие к нашему времени», посчитали менее значимыми и не получили прямого госфинансирования из столицы.

В сложившейся ситуации несомненной удачей для региона стало назначение на должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, который с особым вниманием относился к Крыму, его истории и находил возможность финансировать не только объекты античного или византийского наследия, но и памятники крымскотатарской архитектуры, мусульманские культовые сооружения.

Одним из таких источников финансирования стал т.н. «татарский сбор» – введенный по инициативе Воронцова с 1829 г. ежегодный обязательный налог в размере 1 руб. 50 коп. (с 1832 г. – по 3 руб. (ПСЗРИ-2, т. 7, с. 10)), которым облагались исключительно крымские татары. Этот сбор изначально задумывался для улучшения инфраструктуры полуострова: устройство городов, дорог, мостов, почт, водопроводов и т.д. Но благодаря своему влиянию Воронцову удалось пролоббировать ряд исключений. И, например, в течение 1830-1832 гг. на ремонтные работы Джума-Джами в Евпатории и ханских гробниц в Бахчисарае было выделено более 40 000 руб. (см. РГИА, ф. 1152, Оп. 2, 1832 г., д. 33).

Согласно планам Воронцова из татарского сбора должны были финансироваться и археологические раскопки. В 1834 г. генерал-губернатор предложил ежегодно выделять из отчислений крымских татар по 3000 руб. на «содержание Керченского Музеума и на ежегодное производство археологических розысканий...» (ПСЗРИ-2, т. 9, ч. 1, № 7350). Но здесь против выступил министр внутренних дел, который посчитал, что правильнее будет означенные средства брать из керченских городских налогов, татарский же сбор уже имел свое целевое назначение и тратить его на музей не стоило.

Тем не менее, деньги, собираемые от крымских мусульман, стали источником появления еще как минимум двух объектов культурного наследия, причем культового назначения. Речь идет о первых возведенных русских православных церквях в Ялте и Алуште. В проекте по введению татарского сбора Воронцов планировал траты на постройку «грекороссийских церквей» в казенных селениях и городах Крыма. Обосновыва-

лось это тем, что православные храмы практически полностью отсутствовали на полуострове, в связи с чем возникала угроза, что живущие среди местных мусульман русские поселенцы «легко могут утратить священную привязанность к религии». Но чтобы расходы средств, собираемых с мусульман на цели по укреплению православия, не вызывали возмущения в крымскотатарском обществе, решено было «для благовидности и справедливости» параллельно направить часть средств на постройку нескольких мечетей или поддержку «лучших из ныне существующих» (РГИА, ф. 1152, оп. 1, 1827 г., д. 114, л. 3об., 4).

В итоге только в 1830 г. «на постройку церквей в Алуште и Ялте» было потрачено 20 000 руб. из татарского сбора (ф. 1152, Оп. 2, 1830 г., д. 24, л. 2об.). В 1831 г. на эти цели было выделено еще 24 701 руб. 75 коп. (РГИА, ф. 1152, оп. 2, 1832 г., д. 33, л.2об.). Работы были выполнены в течение десятилетия. В 1840 г. на ограду при уже возведенных церквях было дополнительно запланировано 571 руб. 12 коп. (РГИА, ф. 1152, оп. 3, 1840 г., д. 4, л. 5) и 537 руб. на эти же цели в 1841 г. (РГИА, ф. 1152, оп. 3, 1841 г., д. 10, л. 5об.). А в 1843 г. из татарского сбора потребовалось выделить 427 р. 05 коп. «на уплату за приобретенные в 1842 г. разные вещи и утварь для Ялтинской церкви». Причем в смете в особом примечании отмечалось, что «постройка Ялтинской церкви произведена на счет сумм сбора с крымских татар» (РГИА, ф. 1152, оп. 3, 1844 г., д. 7, л. 8).

Таким образом, принцип распределения государственных субвенций в п.п. XIX в., объем средств, источники финансирования с одной стороны демонстрировали вовлеченность имперской власти, высших государственных деятелей Российской империи в процесс сохранения культурного наследия Крыма, с другой – обозначал актуальную и по сей день проблему недофинансирования мероприятий по охране и восстановлению памятников старины, перекладывание обязанностей по их сохранению на региональные администрации и местное население. Отдельным аспектом следует отметить слабую заинтересованность на данном этапе столичных чиновников, исследователей к изучению исторических объектов мусульманского наследия в Крыму, все обязанности по восстановлению и охране которых, а также поиск средств на выполнение необходимых мероприятий были перекинута на местных жителей. Что, в целом соответствовало векторам культурной инкорпорации Крыма после 1783 г., когда полуостров осмыслился на ментальной карте России прежде всего как территория античности, затем византийского христианства, но не как источник восточной, мусульманской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПС-ЗРИ-1). СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПС-ЗРИ-2). СПб., 1830-1881.

Труды Архива Академии наук СССР. Вып. 4: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева. М.-Л.: АН СССР, 1940. 311 с.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 132 с.

КОТИНА А. В.
(ЦАИ БФ «Деметра», Керчь)

МАСКА САТИРА ИЗ ТИРИТАКИ¹

В ходе многолетних раскопок античного города Тиритака исследователями периодически обнаруживаются интересные, хорошего качества, подчас уникальные артефакты. К этому можно отнести и разнообразие предметов искусства, археологический контекст которых может повлиять на тот или иной вариант их интерпретации. К числу подобных находок, привлекших наше внимание, относится терракотовая маска (рис. 1), обнаруженная в ходе исследований Боспорской охранно-археологической экспедиции под руководством В.Н. Зинько центральной части городища в 2005 году². Маска была найдена на раскопе № XXVI, в заполнении винодельческой цистерны, которая получила условное название ЦВ III. Объем цистерны составлял не менее 6,56 куб. м. Борты цистерны были сооружены из хорошо отесанных прямоугольных каменных блоков (их толщина – 0,20 – 0,22 м), покрыты, как и дно, четырьмя слоями цемяночного раствора розового цвета [Зинько, Пономарев, 2005, с. 91]. Кроме маски в заполнении цистерны среди значимых находок следует отметить набор краснолаковой керамики понтийской сигиллаты, представленный практически целыми сосудами: одно блюдо, одна миска, шесть тарелок, три кубка (один из

¹ Выражаю глубокую благодарность начальнику Боспорской охранно-археологической экспедиции В.Н. Зинько за возможность опубликовать представленный ниже материал и ценные замечания.

² Рассматриваемая маска была опубликована в 2007 г., однако авторы не уделяют ее рассмотрению специального внимания [Бейлин Д.В., Зинько А.В. Сакральный (?) комплекс из цистерн первой половины III в. на городище Тиритака // Боспорские чтения. Вып. VIII. Керчь, 2007. – С. 14 - 18].

них с граффито), восемь чаш, один кувшин³. Авторы первой публикации комплекса ЦВ III датируют краснолаковый материал – II – пер. пол. III вв. [Бейлин, Зинько, 2007, с. 15]⁴. По актуальной классификации краснолаковой керамики, разработанной Д.В. Журавлевым [Журавлев, 2010], материал из цистерны следует датировать, скорее, I – II вв. Важным обстоятельством можно считать то, что рассматриваемая винодельческая цистерна, судя по стратиграфии и характеру расположения фрагментов сосудов была засыпана, по всей видимости, за очень короткий промежуток времени, возможно, за один прием.

Перейдем к описанию маски. Судя по иконографии, это молодой Сатир. Маска представляет лицо молодого безбородого мужчины, с характерной для Сатиров торжествующей усмешкой. Волосы персонажа густые, волнистые, первоначально были черного цвета (остатки черной краски сохранились над правым ухом и выше). Голову украшает узкая лента с ягодами и листьями плюща, характерная для изображений дионисийского круга. Надо лбом – два небольших рожка. Экспрессию и эмоциональность Сатира передает очень хорошо моделированная пластика лица: мышцы напряжены, лоб нахмурен, рельефно выделена складка на нем. Также выделены упругие, мясистые щеки. Ярко выражены высоко поднятые, дугообразные широкие брови, сведенные к переносице. Глаза большие, с рельефно выделенными веками, широко раскрытые, с просверленными круглыми отверстиями (D=1,4 см). Нос прямой, небольшой. Рот приоткрыт, верхняя губа тонкая, нижняя – толще, хорошо очерчены. Подбородок маленький, округлый, выступающий. По краям маски, сверху и слева сохранились небольшие круглые отверстия (D=0,7 см) для крепления, сделанные по сырой глине. Такое же (третье) отверстие было и справа, но оно не сохранилось. Внутренняя поверхность и края изделия тщательно заглажены, есть небольшое углубление в центре (его расположение соответствует носу персонажа). Маска состоит из

³ Из целых форм также присутствовал боспорский двуручный кувшин. Помимо целых сосудов были обнаружены фрагменты столовой керамики: верхние части аналогичных целому, боспорских кувшинов, красноглиняные кубки, верхняя часть сероглиняной ойнохой, горла одноручных кувшинов. Лепная керамика представлена горшками, мисками, кружкой, а также двумя ладьевидными светильниками. Кроме того, были обнаружены два закрытых сероглиняных светильника, три изделия из стенок амфор (фишки?), крышка для амфоры, изготовленная из стенки пифоса, миниатюрная амфора с отверстиями в горле, предназначенными, по всей вероятности, для подвешивания, керамическое пряслице и известняковый камень с прямоугольным углублением (авторы полагают, что это каменная ступа) [Зинько, Зинько, Пономарев, 2005, с. 92 – 93].

⁴ Авторы отчета основывались на классификации И.С. Каменецкого [Зинько, Зинько, Пономарев, 2005, с. 92].

восьми фрагментов, семь из которых склеены между собой, а восьмой (нижняя губа и подбородок) приклеить не представляется возможным ввиду крайне малой площади соприкосновения с основной частью. Изделие сохранилось не полностью: имеются утраты в нижней части (слева и справа), так же есть скол в верхней части маски и мелкие сколы на поверхности. Размеры изделия: ширина – 15,5 см, высота – 18,6 см. Маска сделана в форме, затем доработана стеклом, обожжена. Глина местная, боспорская, в изломе серая, содержит мелкие редкие блестки; цвет по Munsell: 2.5YR 6/6 (light red).

Местное боспорское производство изделия сомнений не вызывает, однако, точных аналогий автору обнаружить не удалось. Возможно, тиритакская маска была выполнена в привозной форме. Иконография, как уже упоминалось выше, передает тип Сатира. Близкие по стилю маски происходят из Пантикапея, Гермонассы, Амиса [Силантьева, 1977, табл. 40, 4; Ермолин, 2007, с. 104; Krogulska, 2006, s. 106; Коровина, 1974, табл. 47, 4; Summerer, 1999, M I 17]. Эти маски передают облик молодого Сатира с присущими ему чертами и усмешкой, но тем не менее все они отличаются от нашей какими-либо деталями. Еще одним близким по стилю изображением является терракотовая голова молодого Сатира (которая, вероятно, являлась частью фигурного сосуда конца IV в. до н.э.) [Ильина, 2017, с. 349]. Маски из Пантикапея и Гермонассы датируются рубежом I в. до н.э. – I в. н.э.; из Гермонассы – I в., амисские – эллинистическим временем. Комплекс, в котором были обнаружены маски Сатириков, исследованный в Пантикапее в 2007 г., автор раскопок датирует концом II – началом III вв. [Ермолин, 2007, с. 105]. Что касается датировки рассматриваемой маски из Тиритака, то, исходя из иконографии и особенностей исполнения, а также стилистически близких масок Сатириков, ее следует датировать, вероятно, I – II вв. Эту дату предложила М.Б. Муратова, допустив, что тиритакская маска вполне могла быть изготовлена в этот период⁵. На наш взгляд, учитывая (кроме всего прочего) дату комплекса, с предложенной датировкой можно согласиться.

Каково же было значение маски Сатира из Тиритаки? Известно, что маска как сакральный объект появляется еще в глубокой древности [Новикова, 1990, с. 16]. «Маски — древнейший способ отказаться от собственного «я», приняв новый, необычный облик — перешли к грекам из

⁵ Автор выражает глубокую благодарность Доктору в Университете Адельфай (Нью-Йорк, США), сотруднику Музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) Майе Борисовне Муратовой за консультацию и ценные замечания.

различных традиций. Налицо связи с культурой неолита, связи с Востоком. Наряду с процессией и танцем одетых в маски людей существовало также почитание маски как таковой — ее помещали на видное место и в отдельных случаях почитали как кумир божества» [Буркерт, 2004, с. 185]. Как отмечает Т.И. Ильина, маски играли весьма важную роль в культе Диониса, так как он, кроме прочего – божество вина и опьянения. Все, кто приобщаются к нему, могут потерять свой привычный облик и стать другим существом. Таким образом, маска – это символ и инструмент подобного превращения [Ильина, 2017, с. 243]. Культу Диониса посвящено большое количество исследований. Это – божество умирающей и воскресающей природы, вина, виноделия, пиров и плодородия [Сапрыкин, 2009, с. 94 – 95]. Маска, как уже отмечалось, играла большую роль в его культе, она могла выступать простейшей формой воплощения бога. Маски могли надевать люди, исполняя танец и «неистовствуя», они изображали Диониса, например, во время праздника Анфестерий [Пантелеев, 2015, с. 106]. Сатиры в числе прочих персонажей (силенов, менад) являлись спутниками Диониса. Поэтому в их изображениях иногда присутствуют атрибуты этого бога – венок из ягод и листьев плюща, виноградные грозди [Финогенова, 1990, с. 195]. Во время праздников, посвященных Дионису, люди переодевались в костюмы силенов и сатириков, которые состояли из плосконосых масок со звериными ушами вместе с одеянием из звериной шкуры или передника с лошадиным хвостом и фаллосом [Пантелеев, 2015, с. 107]. Сатиры являлись духами плодородия, и, как полагают некоторые исследователи, происходят из народных верований [Нильссон, 1998, с. 19].

В первые века нашей эры виноградарство и виноделие в Северном Причерноморье распространяется в больших, чем прежде, масштабах [Винокуров, 2007, с. 357]. В это время «Дионис выступал в главной своей функции — покровителя виноделия, виноградарства и производительных сил природы» [Сапрыкин, 2009, с. 99]. В представлении древних греков вино выступало средством перемещения из мира реального в мир ирреальный. Поскольку все ирреальное, так или иначе, связывалось с чем-то божественным, то и употребление вина превращалось в некое ритуальное действо [Винокуров, 2007, с. 329]. Таким образом, для греков все, что было связано с вином – было священным и требовало почитания. Это относилось и к виноградарям, и к винодельческому оборудованию, и к винодельям. Тем более, что, как считали древние виноградары и виноделы, бог присутствует там, где есть его атрибуты (винодавильня,

резервуар и т.п.) Желание задобрить бога различными подношениями, жертвами и обрядами в надежде получить и от него материальные и духовные блага и приводило к тому, что различные votivные изделия оставляли вместе с предметами винодельческого инвентаря в винодельнях, хранилищах или рядом с ними, то есть именно там, где и находился бог [Винокуров, 2007, с. 328 – 329]. На наш взгляд, именно в этом ключе можно рассматривать комплекс винодельческой цистерны из распок боспорского города Тиритака. Маска Сатира, набор краснолаковой (и не только) столовой посуды, миниатюрная амфора с отверстиями для подвешивания, светильники, тарапан – оказались в цистерне в результате совершения неких ритуальных действий, которые, возможно, имели место непосредственно перед тем, как ее засыпали. Археологические свидетельства определенных обрядов, связанных с виноделием, имеются и на других городищах Северного Причерноморья. Так, А.С. Русяева приводит описания двух небольших масок Сатиров⁶, найденных в цистерне ольвийского теменоса и датирующихся III в. до н. э. [Русяева, 1982, с. 101 – 102]. На городище Артезиан в Крымском Приазовье, при исследовании винодельческого комплекса первой половины III в. до н. э., в пифосе винохранилища была обнаружена терракотовая статуэтка быкаб [Винокуров, 2007, с. 321]. Статуэтка быка была найдена на городище «Белинское», при исследовании ритуального комплекса (яма № 8), датированного позднеантичным временем. Среди находок, относящихся к данному комплексу были и другие votivные предметы: модели давлен разных размеров (всего 21), статуэтка оленя или козла, миниатюрный сосудик для возлияний, лепные чаши, однорожковые светильники, алтари. Яма № 8 определяется автором исследования как «типичная фависса» [Зубарев, 2003, с. 141]. Таким образом, состав находок позднеантичного ритуального комплекса городища «Белинское» напоминает состав находок из винодельческой цистерны Тиритаки (светильники, миниатюрные сосуды, сосуды для возлияний, амфорные горла, терракоты). Пример археологических свидетельств ритуальных действий, связанных с виноделием, мы видим и в Восточном Причерноморье. Так, на Ванском городище маска Диониса была обнаружена между резервуаром для вина и крепостными воротами. Кроме того, там же были свыше 40 моделей колхидских пифосов [Винокуров, 2007, с. 331].

⁶ В той же самой цистерне найдена голова Сатира, возможно от большой статуэтки [Русяева, 1982, с. 102].

Таким образом, тиритакская маска Сатира, как представляется, оказалась в винодельческой цистерне в качестве сакрального объекта, который, вероятно, был связан с определенными ритуалами, относящимися к культуре виноградарства и виноделия. Тем более, по мнению автора исследований Тиритаки, рассматриваемая винодельческая цистерна была связана с достаточно большим святилищем, находившимся в непосредственной близости от нее.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин Д.В., Зинько А.В. Сакральный (?) комплекс из цистерны первой половины III в. на городище Тиритака // Боспорские чтения, Керчь, 2007. Вып. VIII. С. 14 – 18.
- Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб., 2004.
- Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь – Керчь, 2007.
- Ермолин А.Л. Мастерская коропластики II в. н. э. в Пантикапее // Боспорский феномен. СПб, 2007. С. 101 – 106.
- Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. Симферополь, 2010.
- Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Отчет об охранно-археологических исследований на городище Тиритака и Южно-Чурубашском поселении в 2005 г. Керчь, 2005.
- Зубарев В.Г. Некоторые особенности сакральной жизни сельской территории Европейского Боспора в первых веках н. э. (по материалам городища «Белинское») // Древности Боспора. М., 2003, № 6. С. 138 – 151.
- Коровина А.К. Терракотовые статуэтки Гермонассы. – Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Ч. IV. Г1 – 11. М., 1974.
- Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Новикова Л.А. Феномен маски в культуре (К методике реконструкции древних представлений на межкультурном уровне // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Л., 1990. С. 15 – 17.
- Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 2017. С. 85 – 94.
- Пантелеев А.Д. Маска в религиозных обрядах и зрелищах // Маска и театр в зрелищной культуре античного мира. СПб., 2015. С. 101 – 118.

Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI – I вв. до н.э.). Киев, 1982.

Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва-Тула, 2009.

Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. САИ. Ч. III. Г1-11. М., 1974.

Финогенова С.И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА, 1990, № 2. С. 189 – 203.

Krogulska M. Terakoty z północnych wybrzeży Morza Czarnego // Studia i Materiały Archeologiczne, Tom 13, Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. S. 59 – 118.

Summerer L. Hellenistische Terrakotten aus Amisos. Stuttgart, 1999. Но в императорском указе, означенная сумма была значительно сокращена (до 10 000 руб.), равно как и уточнены приоритетные объекты, подлежащие реставрации и охране. Коррективы внес министр внутрен

0 1cm

Рис. 1. Маска Самура

КОТИНА А. В, СИМОНОВ В. В.
(ЦАИ БФ «Деметра», ВКЦВИИ, Керчь)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ЖИВОТНЫХ НА ТИРИТАКЕ¹

Религиозная жизнь древних боспорян привлекает постоянное внимание исследователей. Источником, поддерживающим этот интерес, кроме всего прочего, являются новые открытия, совершаемые в ходе археологических исследований античных памятников Боспора. В связи с тем, что данных, необходимых для реконструкции религиозных представлений боспорян, недостаточно, эти открытия имеют большое значение в качестве источников, которые могут пролить свет на отдельные стороны религиозной жизни жителей боспорских городов.

В ходе археологического сезона 2019 г. Боспорская охранно-археологическая экспедиция под руководством В.Н. Зинько продолжила исследования боспорского города Тиритака. В ходе раскопок на западном участке городища (раскоп XXVII), в восточной части квадрата № 32, под слоем каменных развалов была обнаружена стена № 59 – западная стена помещения №1 СК X, образованного стенами № 59, № 58 – на севере, № 61 – на востоке. Южная стена не сохранилась или не выявлена на настоящий момент.

Стена № 59 двухрядная, ориентирована север-юг, кладка постелистая регулярная, с восточной стороны сохранилось два-четыре ряда камней, с западной – один. Заполнение помещения – рыхлый глинисто-золистый грунт с большим количеством средних и крупных бутовых камней, попавших в слой, видимо, в результате разрушения стен помещения и части вымостки № 10 (нивелировочные отметки +15,93; +15,82), выявленной в юго-восточной части квадрата № 31. Подстилающий слой

¹ Авторы выражают глубокую благодарность начальнику Боспорской охранно-археологической экспедиции В.Н. Зинько за возможность опубликовать представленный ниже материал.

– грунт глинистый, плотный, светло- и темно-коричневый с включением пятен желто-коричневого цвета (сырца). Судя по керамическому материалу, происходящему из рассматриваемого помещения, время его функционирования можно отнести к первым векам нашей эры.

В северо-западном углу помещения №1, между стенами № 59 и № 58, вплотную к стене № 59, на уровне основания второго ряда камней (нивелировочная отметка +15,68) обнаружено захоронение животного. Захоронение было произведено в небольшом каменном ящике размерами (в плане) 0,37x0,25 м, сделанном из трех, стоящих на ребре плоских камней размерами 0,22x0,20x0,06 (западный), 0,20x0,18x0,07 (восточный) и 0,08x0,11x0,05 м (северный). Камень, выполняющий роль южной стенки ящика *in situ* не сохранился.

В ящике находился практически полный скелет небольшого животного, лежащего головой на север, большая часть костей которого сохранилась в анатомическом порядке. Заполнение ящика представляло собой рыхлый серо-коричневый золистый грунт с включением мелких фрагментов обгоревшего дерева. Захоронение безынвентарное. Под каменным ящиком выявлено пятно кострища (нивелировочные отметки +15,66; + 15,59) размерами примерно 0,82x0,69 м, с характерным изменением цвета и структуры глинистого грунта под воздействием высокой температуры и большим количеством золы и фрагментов обгоревшего дерева. Аналогичные пятна кострищ, лежащие на том же уровне, обнаружены у южного конца стены № 59 и южного торца стены № 61.

Остановимся подробнее на самом захоронении животного. По заключению старшего научного сотрудника ИИМК РАН А.К. Каспарова², скелет принадлежит поросенку, возрастом около 7 – 8 месяцев. Место и характер захоронения, дают основания предполагать его культовый характер. Отметим, что культовые захоронения животных на Боспоре не редки, но, чаще всего, это собаки, причем их захоронения встречаются как в городах, так и на некрополях (в качестве примеров можно привести Китей [Молева, 2001, с. 97 – 99], Мирмекий, Белинское [Зубарев, Ярцев, 2012, с. 275 – 289], Нимфей, Порфмий [Фролова, Савостина, 1998], поселение Голубицкая 2 [Журавлев, Саблин, Строков, 2016, с. 34 – 37] позднеантичные поселения Генеральское Восточное, Зеленый Мыс, Салачик [Масленников, Емец, 1990, с. 88 – 91] и др.) и мелкий рогатый скот. Сви-

² Авторы выражают глубокую благодарность старшему научному сотруднику Института Истории Материальной культуры РАН (С-Петербурга) А.К. Каспарову за определение и консультации.

нии встречаются гораздо реже. Хотя на Тиритаке захоронение поросенка было открыто в так называемом «Доме рыбака» на участке XV еще В.Ф. Гайдукевичем [Гайдукевич, 1952, с. 112]. В помещении 1, непосредственно над полом, в стене была открыта культовая ниша, которую, по словам автора, не сразу удалось обнаружить, т.к. снаружи она была замазана глиной. В нише был слой морского песка, перекрытый обломками стенок амфоры, сверху располагался сероглиняный светильник. Под слоем песка лежали кости животных, большая часть из которых принадлежала одной особи – поросенку. Так же присутствовали часть ребра ягненка и кость рыбы. Автор уверенно интерпретировал данное захоронение как культовое, точнее – строительную жертву, которой стремились обеспечить успех постройки дома и благополучие его обитателей. Датируется «Дом рыбака» также первыми веками нашей эры.

Захоронение поросенка в единичном случае присутствует и на одном из позднеантичных поселений Крымского Приазовья [Масленников, Емец, 1990, с. 89], правда, в работе не указано, на каком именно. Авторы отмечают однотипность культовых захоронений животных, а именно: почти все «захоронения совершены внутри помещений в каменных ящиках, напоминающих лари» [Масленников, Емец, 1990, с. 89]. Останки животных лежали на подсыпках из морских раковин, сверху были посыпаны слоем золы и глины. Погребения сопровождалось инвентарем – лепная посуда, светильники, иногда встречаются фрагменты амфор, краснолаковая керамика, медные монеты и кости рыб. Подсыпка, светильники, фрагменты амфор, зола – напоминают захоронение поросенка, описанное В.Ф. Гайдукевичем. В захоронении поросенка, обнаруженного на Тиритаке в 2019 г. также присутствует зола. Сходным элементом является и помещение жертвы в специально сооруженную конструкцию, хотя никаких следов подсыпки нами обнаружено не было. А.А. Масленников и И.А. Емец предполагают, что в основе обряда такого рода захоронения животных лежит местная, негреческая традиция, а связан он с культом Верховного женского божества, который со временем становился более синкретичным и изменялся, но существовал на Боспоре до конца античного периода [Масленников, Емец, 1990, с. 90].

Так же единичное захоронение свиньи присутствует на городище «Белинское». Скелет располагался со стороны внешнего фаса оборонительной стены, вблизи ее фундамента. Ориентирован, как и тиритакский, головой на север, и, так же, как в нашем случае – не сопровождался каким-либо инвентарем. Авторы раскопок интерпретируют данное захоронение свиньи

как ритуальное, отводя этому животному так же, как и собаке, роль важного посредника между богами и людьми [Зубарев, Ярцев, 2012, с. 278].

Как известно, свинья фигурирует в религиозных представлениях древних греков, прежде всего, в связи с культом Деметры. Дж. Фрэзер описывает ритуал, который проводился во время празднования Фесмофорий, особенностью которого являлось то, что он был чисто женским. Фесмофории были широко распространены в Греции и свиньи играли в нем очень важную роль [Ходза, 1997, с. 64]. Участницы данного действия бросали в «пропасти Деметры и Персефоны» (в пещеры) лепешки, поросят и еловые ветки. На следующий праздник Фесмофорий женщины «извлекали останки свиней, а затем на алтарях смешивали их с зерном [Фрэзер, 1998, с. 490]. Затем, это разбрасывали по полям, что гарантировало высокий урожай [Ходза, 1997, с. 64]. Нильссон отмечает, что это простой и очень древний обряд плодородия, хорошо известный как в Афинах, так и в других областях Греции [Нильссон, 1998, с. 36].

Таким образом, свиньи фигурировали в качестве священных животных Деметры, и были связаны с культом плодородия. Об этом также могут свидетельствовать терракоты свиней [Ходза, 1997, с. 63 – 73] и находки костей этих животных в различных святилищах [Завойкин, Добровольская, с. 118]. Кроме того, свиньи могли выступать в роли «строительной жертвы» (как в случае с поросенком из «Дома рыбака»), которая необходима, для того, чтобы обеспечить прочность постройки, охранить дом и его обитателей [Зеленин, 1937, с. 12; с. 25]. Характер строительной жертвы мог основываться на разных представлениях: «В одних случаях имеется жертва в узком или собственном смысле – духам земли, служащая как бы для примирения с духами по поводу повреждения строителями матери-земли. В других – целью ее служит приобретение духа-охранителя для постройки. В третьих случаях это апотропеическая чара против враждебных надземных сил. Или, наконец, это вид симпатической магии — через приношение предметов, которых сила и благотворное действие переходит на дом и на людей» [Jesse, 1930, № 1, 3. Цит. по: Зеленин, 1937, с. 16].

Что касается истоков происхождения практики жертвоприношений животных на Боспоре, И.Ю. Шауб отмечает, что в них можно предполагать варварскую основу³ [Шауб, 2007, с. 107]. Сходной точки зрения

³ Автор рассматривает известное святилище из Кития. Кроме многочисленных жертвоприношений собак, в нем присутствуют черепа коров, лошадей, спленные коровьи рога, рыбы кости, а также кости человеческого черепа.

придерживаются и уже упоминавшиеся выше А.А. Масленников и И.А. Емец [Масленников, Емец, 1990, с. 90]. С этим вполне можно согласиться, тем более, что период постройки тиритакского помещения, в углу которого было совершено ритуальное захоронение свиньи, с точки зрения развития религии на Боспоре характеризуется синкретизацией культов различных божеств и проявлением их местных особенностей. Вероятно, можно предположить, что захоронение могло быть связано с культом богинь плодородия, а также выполнять апотропеическую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935 – 1940 гг. // МИА. Боспорские города Л., 1952, № 25.
- Журавлев Д.В., Саблин М.В., Строков А.А. Захоронение собак на поселении Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время, М., 2006.
- Завойкин А.А., Добровольская Е.В. Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове // Боспорские чтения. Керчь, 2007. Вып. VIII.
- Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. – Л., 1937.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища «Белинское» // Боспорские исследования, Керчь, 2012. Вып. XXVI.
- Масленников А.А., Емец И.А. Культовые захоронения животных на позднеантичных поселениях Европейского Боспора // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Л., 1990.
- Молева Н.В. Жервоприношения собак в Китейском святилище // Боспорские чтения, Керчь, 2001. Вып. II.
- Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Фрэнсер Дж. Золотая ветвь. М., 1998.
- Ходза Е.Н. К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство античного мира. Т. XXVIII. Л., 1997.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII – IV вв. до н. э. СПб., 2007.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г., СЕЙДАЛИЕВ Э. И.
(Гос.Эрмитаж, Санкт-Петербург; КИПУ им. Ф. Якубова, Симферополь)

СЕРЬГИ ИЗ РАСКОПОК НОВОГО МАВЗОЛЕЯ НА ОКРАИНЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЛХАТА

В ходе разведок, проводимых Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, совместно с КИПУ имени Февзи Якубова и Институтом археологии Крыма РАН в 2018 году к юго-востоку от восточной окраины плотины Старокрымского водохранилища был локализован объект археологии, предположительно определенный как средневековый мусульманский мавзолей (дюрбе). В литературе он обозначен как дюрбе с «плинфовым сводом» (Гаврилов, Майко, 2014, с. 5, 8-10).

После проведенных разведок (объект ушел под слой дерна и зарослей кустарника) нами заложен раскоп под номером XLVII (по общей нумерации объектов СКАЭГЭ). Раскоп расположен в 200 м. к юго-востоку от восточного края плотины Старокрымского водохранилища (см. отчет СКАЭГЭ за 2018 г.). Обнаруженный в ходе раскопок объект (Рис.1) представляет собой руины прямоугольного строения ориентированного по оси сев-вост – юго-запад. Длина стен: западной – 12,9 м., северной – 8,1 м. Ширина траншеи под фундамент 1-1,1 м. Толщина сохранившихся кладок фундаментов стен: северного объема (в т.ч. поперечные стены) 1,1 м., южная стена южного объема – 0,95 м. Размеры объемов строения по внутреннему периметру траншей: северный объем: 6,1x6,1; южный объем: 6,х3.

Северную и южную часть строения разделяет стена, кладка которой частично сохранилась в центральной части. Стена сложена из местного бутового камня на известковом растворе. Здесь сохранились фрагменты кирпичной кладки, вероятно, обрамление входа в северный объем. Кирпичи и их отпечатки в растворе фиксируются в 0,6 м. от центра этой по-

перечной стены. Толщина поперечной стены ок. 1,1 м., ширина траншеи под стену 1,2 – 1,3 м., глубина траншеи ≈ 0,35 – 0,4 м.

Поскольку пространственный ориентир строений такого типа чаще всего выстроен по оси север-юг с небольшим сезонным отклонением, для удобства мы условно называем стены по сторонам света. Короткие стены: северная и южная; длинные: восточная и западная соответственно.

Общая площадь сооружения ок. 104,5 кв. м.

В центральной части северного объема (в кв. Б-3) (Рис. 2) на поверхности пола мавзолея фиксируется контур двух (?) погребальных сооружений, впущенных под уровень пола. Пол представляет собой плотную известковую поверхность, лежащую на темно-коричневом стерильном суглинке. Погребальные сооружения нумеровались по мере вскрытия.

Погребение 1 (Рис. 3) расположено в северной части дюрбе. Северная стенка погребения отстоит на 0,3 м. от южного края траншеи северной стены. Погребальная камера ориентирована по линии северо-запад - юго-восток – длинной стеной, параллельно северной стене. На полу дюрбе сохранилась лишь южная кладка напольной части погребения, с остальных сторон контур прослеживается условно. Стенки и пол погребальной камеры выложены из квадратного плоского кирпича размерами 20x20x3,8(4) см. Кладка выложена ровно, на известковом растворе, в стенках кирпичи стыкуются достаточно плотно, горизонтальные промежутки м/у кирпичами до 2 см., так же заполнены раствором. Вертикальная кладка стенок выполнена в 13 рядов. Пол вымощен строго по горизонтали; кирпичи уложены плотно, швы между ними не более 1 см. и так же заполнены раствором. Пол выложен кирпичами в соотношении 4x10 кирпичей. Размер погребальной камеры по внутреннему периметру кладки, верхняя линия стенок: северная стена 2,13 м., южная стена – 2,2 м., западная стена – 0,74, восточная 0,73. По дну северная – 2,13, южная – 2,18, западная – 0,8, восточная – 0,79. Глубина: 0,75 – 0,78 м. Ширина конструкции по поперечной оси 0,82 м., длина по продольной 2,22 м. Площадь погребальной камеры 1,8 кв.м.

Перекрытие над погребальной камерой не сохранилось, но с восточной и западной стороны примыкая к стенкам камеры на известковом растворе уложены кирпичи под углом ок. 60°, что указывает на несохранившееся коробовое (?) перекрытие. Заполнение склепа, ограбленного, возможно, в эпоху Средних веков или в Новое время, представляет собой рыхлый светло-серый грунт, насыщенный известью, фрагментами раствора, штукатурки и кирпичей. Среди находок выделим глазуро-

ванный кирпич и зеленую плитку размерами 20x20x2 см., фрагменты панелей ганчевой облицовки с оттиснутым рельефным орнаментом в виде шестиконечных звезд, ромбов, косых линий и арабграфическими надписями. Наибольший интерес представляют две парные золотые серьги, фрагменты бронзового зеркала, подвеска из желтого металла, две бусины, фрагмент проволоки в желтой фольге (?) и монета. В заполнении так же были обнаружены перемещенные кости человеческого скелета (без черепа).

Среди перечисленных находок особо выделяются золотые серьги (Рис. 4) с полупрозрачной подквадратной вставкой из белого стекла (?), покрытой сеткой кракелюр. По форме вставка серьги, в виде обращенного книзу усеченного конуса, близка к элементу браслета XIV в. из Северного Причерноморья [Spink 2013, pp. 22-423]. Вставка 1,4x1,54 см. закреплена в ажурном касте высотой до 3 мм., составленном из петлевидных элементов, выгнутых из тонкой плющеной проволочки. По верхнему краю каст украшен зернью. Подобные касты можно видеть в декоре парных золотых серег конца XIII- начала XIVвв. из Сирии или Египта, найденных в Центральной Азии [Spink 2013, p.415, № 309], или миниатюрных золотых нашивных бляшек, выполненных в технике филигрании, из числа находок Симферопольского клада (1-ая пол. XI) [Крамаровский 2001, с.327, № 476-478; общую характеристику клада см.: Крамаровский 2019, с. 195-209]. Вставка удерживается в гнезде каста четырьмя трехлепестковыми розетками из тончайшей витой проволочки. С тыльной стороны каст напаян на крупную S-образную дужку из толстой золотой проволоки, составляющей конструктивную основу серьги. На эту же дужку напаяна и семилепестковая розетка из витой проволоки, в центре которой укреплена полусферическая вставка (утрачена); нижняя часть серьги заканчивается небольшой петлей. Петля служила для крепления статусных подвесок, обильно украшенных жемчугом. Подобные подвески можно видеть на портретах юаньских императриц из собрания музея Гугун на Тайбее [Wang Yao-T'ing 2005, pp.298-303. Kat.-Nr. 348 -352] и скульптурах из белого фарфора с бело-голубой глазурью изображений Бодхисаттвы милосердия Гуаньинь (мастерские Цзиндэчжэнь, 1-я пол. XIV в.) [Меньшикова 2015, с. 478]. На Руси статусные подвески с жемчугом, пришедшие из юаньского Китая с монгольскими женами потомков Джучи в период ок. сер. XIII - 1-ой трети XIV вв., известны как *рясы*. Подобные подвески украшают икону Богородицы из Благовещенского собора

Московского Кремля [Стерлигова 2018, с.219-223; Стерлигова 2019/1, с.47, ил.1]. По наблюдениям московской исследовательницы, рясы, заимствованные из Золотой Орды, первоначально служили статусными украшениями венцов русских княгинь, откуда были перенесены на храмовые моленные иконы богородичного цикла.

Таким образом, неприметная петля, завершающая композицию S-видной серьги, является существенной деталью дизайна, указывающей не только на дальневосточное происхождение данного типа украшений, но и время их прихода в Восточную Европу на рубеже XIII- XIV вв.

Сережки с основой в виде S-образно изогнутой петли редко встречаются в женских украшениях Золотой Орды, где подавляющее распространение получил иной тип - серьги в форме знака вопроса [Федоров-Давыдов 1966, тип 6 а – 6 ж; ср. с серьгой типа VIII (2 экз., с.39 рис.6. с.39); Каримова 2013, с. 28-35].

Серьги с плавно изогнутой S-видной основой восходят, по-видимому, к китайской традиции, но характерны и для находок в Монголии юаньской эпохи (1271-1368 гг.) [Тэнгэрийн сулд 2014, с. 187-188; см. еще фрагмент серьги из захоронения Мааму толгой к юго-востоку от Каракурма [Цэвээндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг 2008, с. 221, рис.110, 6].

Подводя итоги отметим следующее: 1) Благодаря наличию в заполнении могилы серег, следует предположить, что погребение принадлежало женщине.

2) Сооружение погребальной камеры №1 можно отнести ко второму периоду, сопровождавшемуся ремонтом, хронологически оно могло быть построено позже *погребальной камеры № 2*, расположенной в центре северного объема дюрбе.

3) На территории раскопа в основном выявлены джучидские монеты конца XIII – начала XV в. Одна монета периода Крымского ханства обнаружена на уровне первого штыка на участке за пределами дюрбе. Большинство золотоордынских монет, датируемых в пределах XIV- начала XV в., позволяет отнести к этому времени и сам объект. Большинство из них принадлежало заполнению внутренней части мавзолея.

4) Обращает внимание, что еще в период перехода к периоду Крымского ханства статусное захоронение в исламском мавзолее сопровождается погребальным инвентарем, противоречащим традиции исламского погребального обряда.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилов, Майко 2013 - Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: «Бизнес-Информ», 2014.

Каримова 2013 - Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань, 2013.

Крамаровский 2001 – Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. Санкт-Петербург, 2001.

Крамаровский 2019 – Симферопольский клад (первые владельцы и гипотеза стоимости в XIV в.) // Античная древность и средние века». Екатеринбург. 2019.

Меньшикова 2015 – Меньшикова М. Бодхисатва. В каталоге: «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты». Каталог выставки. СПб., 2015.

Стерлигова 2018 - Стерлигова И.А. Новгородский след в истории древнерусских золотых ряс // Нескончаемое лето; Сб. ст. к юбилею Е.А. Рыбиной. М.; Великий Новгород. 2018.

Стерлигова 2019 - Стерлигова И.А. К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской тюреники // Вестник сектора дреинерусского искусства. Журнал по истории древнерусского искусства. № 1/2009. М.: Государственный институт искусствознания, 2019.

Тэнгэрийн сулд 2014 - Тэнгэрийн сулд (The Banner of Heaven). Эзэнт гурний эд Өлгийн соел (Material culture of The Great Mongol Empire). Пурэвжавын Эрдэнэчулууны цуглуулга (Collections of Erdenechuluun Peregijav). 2014.

Федоров-Давыдов 1966 - Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского университета, 1966.

Цэвээндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг 2008 – Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., ОчирхуягЦ. Археология Монголии. Уллаанбаатар, 2008.

Spink 2013 – Spink, Michael. Golden Horde, Mamluk and Ilkhanid jewellery //The Nasser D. Khalili collection of Islamic Art. Vol. XVII. General Editor Julian Raby. The Nour Foundation in association with Azimuth Editions.

Wang Yao-T'ing 2005 - Wang Yao-T'ing. Die Darstellung der mongolischen Herrscher in der chinesischen Materrei der Yuan – Dynastie // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen.

Рис. 1. Общий вид раскопа XLVII

Рис. 3. Погребальная камера захоронения 1

Рис. 2. Контур погребальных сооружений 1 и 2 на участке Б-3

Рис. 4. Серьги из заполнения погребального сооружения 1

КРАСНОДУБЕЦ Е. М.

(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

ИНТАЛИИ НИКОЛО И САРДОНИКСЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Локализация центров изготовления остается одной из главных задач в изучении предметов античной глиптики. В 30-е и 50-е годы прошлого столетия М.И. Максимова определила две группы инталий местного производства, а затем в 1979 г. О.Я. Неверов выделил группу итальянских гемм из находок в Северном Причерноморье. Основными типологическими критериями служили выбор материала, формы, стилистические характеристики и сюжеты изображений [Неверов, 1979: с. 104–115; Неверов, 1983: с. 117–119].

Для большинства гемм из Херсонеса Таврического вопрос о месте изготовления остается открытым. Стоит принять во внимание унификацию наиболее популярных образов, возможность долгого периода бытования украшений, а также мобильность самих мастеров-геммариусов и возможности широкого ареала транспортировки камнерезного сырья (особенно в I–III вв. н.э., когда спрос на произведения глиптики максимально возрастает, а качество широко доступных изделий заметно снижается) [Tassinari, 2008: p. 255–257; Ribarević-Nikolić, 2018: s. 21]. Кроме того, для глиптики периода Римской империи свойственно единообразие технико-стилистических приемов резьбы в одновременно функционировавших мастерских, даже в очень отдаленных провинциях [Tassinari, 2008: p. 258], что заметно снижает результативность анализа стилистических «особенностей».

Мода на двухслойные инталии, вырезанные из агатов (николо) либо сардониксов с плоской резной поверхностью в форме усеченных конусов или биконической огранки приобретает широкое распространение с Августовского времени [Неверов, 1983: с. 117–119; Ribarević-Nikolić,

2018: p. 14–17; Richter, 1956: p. 36]. Столь же характерный для итальянской группы материал – имитирующие поперечно-полосатый сардоникс двухцветные литики [Furtwängler, 1900: s. 218; Ribarević-Nikolić, 2018: p. 15, 18; Guiraud, 1996: p. 37]. Изготавливались они не только лишь в крупных центрах, таких как Рим, Аквилея. Весьма вероятно, что провинциальные граверы, пользуясь импортированным сырьем, подражали предметам, стилю и техническому исполнению имперской глиптики. Многие геммы первых веков н.э. из Херсонеса, так или иначе, связаны с римской военной пропагандой либо солдатскими культурами. Некоторые из них, визуально обладающие итальянскими признаками, могли быть изготовлены в западнопонтийских мастерских либо местными резчиками [Dimitrova-Milcheva, 1980; Tassinari, 2008: p. 288].

Тем не менее, находки гемм никола и сардониксов в Херсонесе очень редки¹. Две инталии возможно с уверенностью отнести к продукции итальянских мастеров. Первая хранится в Государственном Эрмитаже (Инв. № X.1905.67) – это сардоникс с изображением скульптора перед гермой [Косцюшко-Валюжинич, 1908: с. 53; Неверов, 1979: № 27]. Вторая – никола с изображением сидящего на дифросе Юпитера (ИКАМ 37425/46): правой рукой опирается на длинный скипетр, в левой, вытянутой вперед, держит два пшеничных колоса (Рис. 1,1). Согласно А. Димитровой-Милчевой, это редкий тип изображения Юпитера-Плутона, отражающий ипостась верховного божества как покровителя земледелия и плодородия, имеющий аналогии в монетной чеканке и глиптике [Dimitrova-Milcheva, 1980: № 8, p. 11, 30, 31]. Двухслойный агат усеченно-биконической формы с овалами в основаниях (12 x 9 x 3 мм). Верхний слой – голубой, нижний – темно-синий с голубыми вкраплениями. Резьба четкая, с мелкой детализацией; большая часть изображения не заглублена до темного слоя, что считается характерным для ранних никола [Ribarević-Nikolić, 2018: p. 16, 17]. Камень происходит из «грунта с черным пеплом» в средневековом погребении (мог. 5), исследованном Л.В. Седиковой в 2005 г. (Квартал к северу от водохранилища в Южном районе Херсонеса). Время его изготовления возможно отнести к II в. н.э. [Dimitrova-Milcheva, 1980: № 8, p. 30, 31; Bounegru, 2011: № 143; Platz-Horster, 1984: № 11, 12; Spier, 1992: № 261].

Три резных сардоникса также хранятся в фондах ГМЗ «Херсонес Таврический»:

Изображение стоящего фронтально Асклепия, опирающегося на посох, обвитый змеей (ИКАМ 37006/2), повторяет образ, широко извест-

¹Выражаю глубокую признательность авторам находок, Седиковой Л.В. и Ушакову С.В.

ный в скульптуре, монетной чеканке и других произведениях глиптики. Камень усеченно-биконической формы с овалами в основаниях (19 x 12 x 2,5 мм). Резьба без мелкой детализации, но глубокая и четкая. Верхний слой – молочно-желтый, нижний – темно-оранжевый (Рис. 1,2). Случайная находка у северного склона Девичьей горы в 1963 г. II–III вв. н.э.

Две инталии мы склонны предварительно отнести к местному производству.

Тонкий бронзовый перстень (D 16–18 мм) с усеченно-биконической вставкой (6,5 x 5 x 1,5 мм), на которой изображена Изида-Фортуна (ХМ КП-6328). Увенчанная модиусом богиня в правой руке держит рог изобилия, в левой – уздечку (Рис. 1,3). Верхний тонкий слой желтовато-белый, нижний – полупрозрачный, желто-оранжевый. Резьба схематичная и неглубокая. Находка из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича депаспортизирована, однако перстень имеет аналогии среди находок из херсонесского некрополя и могильников округа I–II вв. н.э.

Изображение пантеры (женской особи) с дионисийским тирсом в пасте (ИКАМ 37603/14). Камень неровной усеченно-биконической формы (7,5 x 6 x 3 мм). Верхний слой – молочный, нижний – оранжевый (Рис. 1,4). Для подобной огранки эта инталия выделяется необычно малыми пропорциями. Резьба глубокая, но суммарная, без детализации. Происходит из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» С.В. Ушакова в 2012 г. Время образования комплекса относится к середине V в. н.э., однако в средней части засыпи подавляющее большинство находок относится к первым векам новой эры.

Дополняют исследуемый ряд столь же немногочисленные находки имитаций агатовых и ониксовых инталий из пастового стекла:

Изображение Афины Промахос [Davidson, №1768; Gerke, 1970: №85; Maaskant-Kleibrink, 1978: № 829, 976] в профиль влево в короткой тунике и развевающейся накидке, с копьем и щитом; у ног – корабельный руль (№ ХМ КП-22793, ИКАМ 808/1). Пережженная бело-серая паста усеченно-биконической формы (9,5 x 7 x 2 мм). Рельеф изображения, доработанный тонким резцом, глубокий и четкий (Рис. 1,5). Вставка была найдена (вместе с несохранившимся до нашего времени перстнем) в вырубной могиле №24 (урна 806) Р.Х. Лепером в 1910 г. Материал из погребения (фрагмент шарнирной фибулы-броши с щитком ромбической формы, стеклянные бальзамарий и ручка кувшина, светильник Loeschcke type VIII/ Bussière form DX6 и железные фрагменты) датируется в пределах второй половины I – второй половины II вв. н.э. [Лепер, 1927: с. 225; Ко-

стромичев, 2012: с. 63, 65, №29; Bussière, 2017; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998: p. 104, 105, № 55, 56; Loeschcke, 1919: s. 237].

Изображение бегущей собаки влево (ИКАМ 37006/6). Двухслойная паста, имитирующая никола (Рис. 1,6), в форме усеченного конуса (10 x 7,5 x 2 мм) с овалами в основаниях. Нижний слой пасты черный, верхний – голубовато-серый. Центральная часть изображения заглублена до нижнего слоя черного цвета, мелкие детали изображения прорезаны в верхнем голубовато-сером. Место находки неизвестно. По аналогиям и стилистике изображения, литик возможно отнести к I–II вв. н.э.

Поврежденное изображение сидящей на троне фигуры, по-видимому, Юпитера (ХМ КП-6243). Двухслойная паста (нижний слой – черный, верхний – пудрово-голубой) усеченно-конической формы с овалами в основаниях (15 x 13,5 x 3 мм). Поверхность сильно повреждена, покрыта сколами (Рис. 1,7). Происходит из склепа № 2137 некрополя в Карантинной балке, раскопанного К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1906 г. [Косцюшко-Валюжинич, 1909: с. 55]. II – начало III вв. н.э. [Краснодубец, 2019: с. 145].

Изображение крылатого льва влево (ХМ КП-6245). Двухслойная паста овальной формы (8 x 6 мм): нижний слой – желтовато-белый, верхний – черный (Рис. 1,8). Вставка обрамлена высоким кастом, припаянным к обломку перстня с широкой уплощенной шинкой (11 x 10 мм). Депаспортизирован, происходит из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. Находки подобных перстней как правило связаны с местами дислокаций римских войск. Датируется первой половиной III в. н.э. [Riha, 1990: s. 33, taf. 6, 106; Краснодубец, 2019a: с. 150–151].

ЛИТЕРАТУРА

1. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОИАК за 1905 год. 1908. С. 38–57.
2. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году // ИИАК. 1909. Вып. 33. С. 50–67.
3. Костромичев Д.А. Римские фибулы Херсонеса // ХСб. Вып. XVII. 2012. С. 47–154.
4. Краснодубец Е.М. Геммы из склепа № 2137 Херсонесского некрополя // АРХОИТ. Материалы международной научной конференции. 2019. С. 144–148.

5. Краснодубец Е.М. Перстень с астральной символикой из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе Таврическом // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Материалы конференции. Т. 1. 2019. С. 149–153.
6. Лепер Р. Х. Дневник раскопок херсонесского некрополя / под ред. К. Э. Гриневича // ХСБ. Вып. II. 1927. С. 187–209.
7. Неверов О. Я. Итальянские геммы в некрополях северопонтийских городов (К вопросу об итальянском импорте в Северное Причерноморье) // Из истории Северного Причерноморья в Античную эпоху. Сборник статей. Ленинград, 1979. С. 104–115.
8. Неверов О.Я. Геммы античного мира. М., 1983.
9. Bounegru G. Lux, util și estetic la Apulum. Podoabe și accesorii vestimentare / G. Bounegru, R. Ciobanu, R. Ota, D. Anghel. Alba Iulia, 2011.
10. Bussiere J. Ancient lamps in the J. Paul Getty Museum / J. Bussière, B. L. Wohl. Los Angeles, 2017.
11. Chrzanovski L. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum. / L. Chrzanovski, D. Zhuravlev. Moscow – Roma, 1998.
12. Dimitrova-Milcheva A. Antike Gemmen und Kameen aus dem Archaologischen Nationalmuseum in Sofia. Sofia, 1980.
13. Furtwängler A. Die Antiken gemmen geschichte der Steinschneidekunst im klassische Altertum. Leipzig, 1900.
14. Gercke P. Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen / P. Gercke, V. Scherf, P. Zazoff. Bd. III. Braunschweig, Göttingen, Kassel, Wiesbaden, 1970.
15. Guiraud H. Intailles et camées romains. Picard, Paris, 1996.
16. Loeschcke S. Lampen aus Vindonissa. Ein beitrag zur geschichte von Vindonissa und des antiken beleuchtungswesens. Zürich, 1919.
17. Maaskant-Kleibrink M. Catalogue of the engraved gems in the Royal coin cabinet, the Hague: the Greek, Etruscan and Roman collections. Wiesbaden, 1978.
18. Marshall M. Catalogue of the finger rings Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities, British Museum. L., 1907.
19. Platz-Horster G. Die antiken Gemmen im Rheinischen Landesmuseum Bonn. Köln, Rheinland-Verlag GmbH. 1984.
20. Richter G. Catalogue of Engraved Gems, Greek, Etruscan and Roman. Rome, 1956.
21. Ribarević-Nikolić I. Nikolo intaglio kao primjer značenja i važnosti dragoga kamena i njegove imitacije u staklu u antičkom periodu // Hercegovina. № 4. 2018., S. 7–30.
22. Riha E. Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst / E. Riha, B.W. Stern, C.W. Beck, A.R. Furger // Forschungen in Augst. Band 10. Allschwil. 1990.
23. Spier J. Ancient gems and finger rings: catalogue of the collections, the J. Paul Getty Museum. Malibu, 1992.
24. Tassinari G. La produzione glittica a Roma: la questione delle officine nel mondo romano in epoca imperial // Rivista di Studi Liguri. № LXXIV. 2008. P. 251–318.
25. Zwierlein-Diehl E. Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Vol. III. München, 1991.

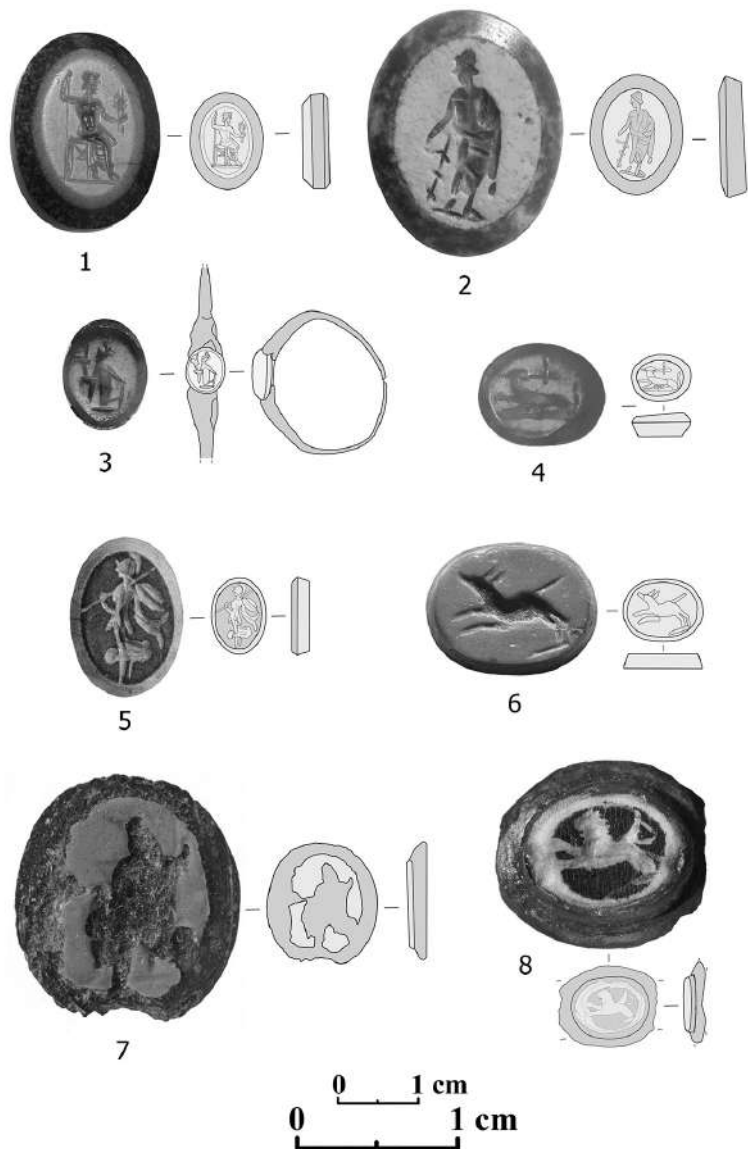

Рис. 1. 1–8. Инталии, хранящиеся в фондах ФГБУК ГМЗ «Херсонес Таврический»

КРОПОТОВ В. В., АНТИПЕНКО А. В.
(ИАК РАН, НИЦИАК КФУ, г.Симферополь)

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ МАТЕРИАЛА ФИБУЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА СОВХОЗ 10 (СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ)

Одним из аспектов изучения древних металлических изделий, в частности застёжек-фибул, является определение элементного состава материала (сплава), из которого они изготовлены. Накопление этой информации и ее систематизация позволяют собрать важные сведения об уровне развития древнего металлообрабатывающего производства, характере сырьевой базы, направлениях торгово-экономических связей и проч. К сожалению, малочисленность инструментальных материаловедческих исследований пока не позволяет достаточно обоснованно сделать обобщенные выводы, однако необходимость сбора первичных данных сомнения не вызывает.

Цель данного сообщения – введение в научный оборот кратких предварительных результатов анализа материала фибул из могильника Совхоз 10 (Севастопольский), проведенного неразрушающим рентгено-флуоресцентным методом.

Указанный некрополь расположен на территории города федерального значения Севастополь, примерно в 10 км к востоко-юго-востоку от его центра, на юго-восточной окраине современного поселка Сахарная Головка (быв. с/х Севастопольский) и исследовался экспедицией Херсонесского государственного музея под руководством С.Ф. Стрелецкого в 1954 – 1967 гг. Всего было изучено 214 подбойных могил, 71 грунтовая могила (в том числе с "запличиками"), 13 плитовых могил, 19 склепов, а также 30 каменных ящиков с урнами, содержащими остатки трупосожжений, и 357 урн вне ящиков. Все комплексы датируются в пределах второй половины/конца I – начала V вв. н.э. Этнокультурная атрибуция могильника дискуссионна [подробнее см.: Стрелецкий и др., 2003-2004, с.27-

277]. Собранные материалы хранятся в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике "Херсонес Таврический" (коллекции №№ 36360, 36443, 36444, 36562, 36572, 36574, 36576)¹.

Рентгено-флуоресцентные исследования проводились А.В. Антипенко с помощью прибора Bruker M1 Mistral по единой методике. Процедура предусматривает отбор предметов, очищенных от патины и других оксидных загрязнений; проведение на их поверхности от 2 до 5 проб/замеров (в зависимости от общих размеров предмета), при этом площадь каждого измерения составляет 1,5 × 1,5 мм; при проведении сравнительного анализа использовались осредненные данные для каждого изучаемого предмета.

В результате, в соответствии с перечисленными требованиями, для первого предварительного анализа было отобрано 45 образцов, тщательно очищенных от поверхностных загрязнений. В типологическом плане эти застёжки представлены следующими разновидностями.

1. **Фибулы с завитком на конце приемника** (№№ 1 – 2) – небольшие застёжки с плавно изогнутым, сужающимся к ножке корпусом, короткой пружиной с верхней или нижней тетивой и сплошным приемником, украшенным на конце завитком; завиток на фибуле из могилы 84 – S-видный (группа 8, серия I, форма 2)² [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл.12,82], на фибуле из урны 180 он не сохранился (группа 8, серия I, форма 5) [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл.47,16].

2. **Смычковые фибулы** (№№ 3 – 23) – небольшие проволочные застёжки с высоким и узким пластинчатым приемником, прямой спинкой и короткой пружиной с нижней тетивой (группа 7). К анализу привлечены образцы из могил 3а, 23, 24, 39а, 48, 97, 110а-б, 115, 116, 127, а также урны 3 ящика II и урны 376 [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл.1,39, 4,55-59, 5,10,77, 7,45, 13,89, 15,29,45,54, 16,58-60,85, 18,2, 53,24].

3. **Одночленная лучковая фибула "основной" серии** (№ 24) – проволочная застёжка с резко изогнутой спинкой, покрытой фигурной обмоткой, и 4-витковой пружиной с верхней тетивой (группа 4, серия 1, вариант 4, форма 1). находка происходит из могилы 113а [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл.15,77].

¹ Авторы выражают признательность за помощь в работе с материалом заместителю директора по научной работе ГИАМЗ "Херсонес Таврический" Л.В. Седиковой и главному хранителю Н.Л. Демиденко.

² Здесь и далее используется классификация В.В. Кропотова [Кропотов, 2010].

4. **Одночленные лучковые фибулы "инкерманской" серии** (№№ 25 – 36) – к анализу привлечены экземпляры с проволочной или узкопластинчатой спинкой, украшенной сплошной обмоткой или накладной проволочной "змейкой", и длинной (№25) или короткой (№№ 26 – 36) пружиной с нижней тетивой (группа 4, серия II, вариант 4, форма 2 – 4), происходящие из могил 16, 24, 40, 42а, 110а-б, 114, 115, а также урны 12 ящика I (VII) и урн 17 и 356 [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл.3,74, 5,9, 6,9,32, 15,42,59, 16,45,66, 37,31, 38,17, 52,31].

5. **Двучленные лучковые фибулы** (№ 37 – 40) – застёжки, корпус которых изготовлен из массивного стержня, пружина и игла скручены из отдельного куска проволоки и соединены с корпусом с помощью оси, пропущенной сквозь головку фибулы (группа 4, серия III). В работе использованы образцы из могил 76а и 145, а также урны 8 ящика I (VII) [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл. 11,45, 19,53, 57,5].

6. **Провинциально-римская коленчатая фибула** (№ 41) – фибула с высоким сплошным приемником, гладким корпусом и полукруглой пластиной над пружиной; пружинный механизм также изготовлен из отдельного куска проволоки и прикреплен к головке с помощью оси (группа 17, форма 4). находка обнаружена в урне 12 ящика I (VII) [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл.38,16].

7. **Провинциально-римская шарнирная брошь с эмалью** (№ 42) – застёжка с плоским шестиконечным щитком, украшенным на углах дисками; вся внешняя поверхность щитка покрыта узором из белой, красной, зеленой и черной эмали; к обратной стороне прикреплен шарнир из двух стоек (группа 16, форма 71). Образец происходит из могилы 12 [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл.3,31].

8. **Прогнутые подвязные фибулы** (№№ 43 – 45) – включенные в работу образцы, обнаружены в могилах 55 и 148, а также в урне 16 ящика I (VII) [Стржелецкий и др., 2003-2004, табл. 8,23, 20,9, 38,43]. Все они имеют небольшие размеры, изготовленный из узкого уплощенного стержня корпус и скрученные из отдельного куска проволоки пружину и иглу; одна из застёжек (№ 43) украшена гладкими проволочными кольцами.

Общие результаты рентгено-флуоресцентного анализа описанных изделий представлены в *таблице 1*, в которой, помимо порядкового номера образца, указаны его паспортные данные, номер хранения в фондах ГИАМЗ "Херсонес Таврический" и процентное соотношение выявленных элементов в массовых долях. К сожалению, рентгено-флуоресцентный анализ обладает достаточно низкой чувствительностью к

элементам с малой концентрацией в сплаве (менее 5%) – их долю он либо сильно искажает, либо совсем не замечает присутствия [см., например: Шайхутдинова и др., 2018, с.244]. Однако даже выявление основных компонентов материала позволяет указать на ряд интересных особенностей изучаемых изделий.

Так, оказалось, что большинство проанализированных образцов изготовлено из относительно чистой меди с незначительным количеством примесей (23 экз.: №№ 3 – 5, 7, 8, 10, 12 – 15, 18 – 22, 24, 27, 29, 31, 33, 34, 43, 44). Гораздо реже при производстве использовалась латунь – медно-цинковый сплав (8 экз.: №№ 1, 2, 6, 11, 16, 17, 32, 35), еще реже – бронза оловянная (4 экз.: №№ 23, 30, 36, 45) и свинцовая (1 экз.: №25). В нескольких случаях отмечены многокомпонентные сплавы на основе меди: медно-оловянно-цинковые (№9), медно-свинцово-цинковые (№26), медно-свинцово-оловянные (№41), медно-свинцово-цинково-оловянные (№42). Наличие серебра выявлено в материале пяти фибул: в трех случаях это сплав меди и серебра (№№ 28, 39, 40), в двух – сплав меди, серебра и цинка (№№ 37, 38).

Любопытно указать на связь различных материалов/сплавов с тем или иным типом фибул. Например, из относительно чистой меди было изготовлено большинство смычковых фибул (15 из 21 привлеченного к анализу образца), а из сплава с высоким содержанием серебра – все двучленные лучковые фибулы. Сложный состав материала выявлен у импортных провинциально-римских фибул (сплавы медно-свинцово-оловянный и медно-свинцово-цинково-оловянный). Фибулы с завитком на конце приемника оказались изготовленными из латуни, а из меди или низко-оловянной бронзы – прогнутые подвязные фибулы. Напротив, чрезвычайно разнообразным по составу оказался материал одночленных лучковых фибул "инкерманской" серии – чистая медь, разнообразные сплавы на ее основе: свинцовая и оловянная бронзы, латунь, медно-свинцово-цинковый сплав и сплав меди с серебром.

Из-за ограниченности выборки пока преждевременно делать окончательные выводы о хронологическом распределении указанных материалов. Лишь два образца из привлеченных к работе (№№ 1 – 2) датируются второй половиной I – началом II вв. н.э. [Кропотов, 2010, с.183-185], четыре (№№ 37 – 40) – второй половиной III в. н.э. [Кропотов, 2010, с.150-151] и три (№№ 43 – 45) – последующим временем [Кропотов, 2001, с.183]. Абсолютное же большинство находок (№№ 3 – 36, 41, 42) относится ко

второй половине/ концу II – первой половине III вв. н.э. [Кропотов, 2010, с.77, 170, 136, 315, 330].

Безусловно, дальнейшее накопление сведений о составе материала фибул, как и других категорий металлических изделий, с помощью рентгено-флуоресцентного анализа и иных физико-химических методов со временем составит серьезную источниковую базу для проведения последующих фундаментальных исследований в области изучения древней металлургии и металлообработки, что в свою очередь, возможно, приведет к важным научным открытиям.

Работа выполнена в рамках выполнения фундаментальных научных исследований по теме Института археологии Крыма РАН «Особенности развития материальной культуры античной Таврики. Социальные, культурные и этнические процессы» и Гос. задания Министерства науки и высшего образования РФ №FZEG-2020-0027.

ЛИТЕРАТУРА

Кропотов В.В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац // Археологические вести. 2001. Вып.8. С.175-187.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД "АДЕФ-Украина", 2010. 384 с.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия нашей эры (по материалам некрополя "Совхоз 10") // Stratum plus. 2003-2004. №4. С.27-277.

Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Бакиров Б.А. Сравнительный анализ результатов исследования химического состава средневековых серебряных монет методами СЭМ, РФА и ОЭС // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С.242-247.

Таблица 1. Элементный состав материала (сплава) фибул из могильника Совхоз 10

№ п/п	комплекс	Инв. №	Элементный состав (мас.%)								
			Cu	Sn	Pb	Ag	Ni	Zn	Fe	Sb	Sr
Фибулы с завитком на конце приемника											
1.	могила 84	36572/224	92.55	–	–	–	–	7.45	–	–	–
2.	урна 180	36576/104	87.34	0.04	0.10	–	–	12.21	0.18	0.13	–
Смычковые фибулы											
3.	могила 3а	36443/32	96.27	0.08	1.69	–	–	1.73	0.23	–	–
4.	могила 23	36443/213	91.09	3.75	2.71	0.08	–	2.09	0.27	–	–
5.	могила 23	36443/214	97.84	0.31	0.98	0.04	–	0.57	0.26	–	–
6.	могила 23	36443/216	90.68	0.13	0.95	0.16	–	7.95	0.12	–	–
7.	могила 24	36443/232	90.91	2.79	2.11	0.06	–	3.83	0.30	–	–
8.	могила 24	36443/233	89.92	4.24	3.82	0.14	–	1.36	0.20	0.32	–
9.	ящик II, урна 3	36444/101	83.01	8.91	1.75	0.33	–	5.55	0.19	0.27	–
10.	могила 39а	36562/25	93.20	4.08	1.52	0.14	–	0.69	0.15	0.23	–
11.	могила 39а	36562/34	83.70	1.20	0.41	0.06	–	13.89	0.51	0.22	–
12.	могила 48	36562/134	92.52	1.06	0.90	0.08	–	2.81	0.62	0.28	1.74
13.	могила 97	36572/296	98.75	0.19	0.63	0.05	0.07	0.31	–	–	–
14.	могила 110а	36572/350.1	98.46	0.53	0.25	0.27	–	0.23	0.26	–	–
15.	могила 110а	36572/350.2	97.63	0.14	1.57	0.17	–	0.49	–	–	–
16.	могила 110б	36572/361	92.86	0.14	0.45	–	–	5.97	0.58	–	–
17.	могила 110б	36572/361	79.81	0.78	0.80	–	–	17.78	0.83	–	–
18.	могила 115	36572/426	96.09	0.58	1.38	0.09	–	0.96	0.89	–	–
19.	могила 115	36572/428.1	95.16	1.17	2.82	0.12	–	0.39	0.34	–	–
20.	могила 115	36572/428.2	94.22	3.95	0.47	0.10	–	0.82	0.44	–	–
21.	могила 116	36572/438	95.85	2.78	0.74	0.08	–	0.29	0.25	–	–
22.	могила 127	36572/510	95.46	2.65	1.25	–	–	0.49	0.15	–	–
23.	урна 37б	36574/35	82.15	14.72	2.46	0.13	–	0.53	–	–	–
Одночленные лучковые фибулы "основной" серии											
24.	могила 113а	36572/382	95.0	0.07	0.42	0.06	–	4.24	0.12	0.10	–
Одночленные лучковые фибулы "инкерманской" серии											
25.	ящик I (VII), урна 12	36360/68	83.42	3.90	10.64	0.06	–	1.53	0.44	–	–
26.	ящик VI	36360/105	63.00	1.88	20.01	0.12	–	14.99	–	–	–
27.	могила 16	36443/168	96.43	0.04	0.14	–	–	3.10	0.29	–	–
28.	могила 24	36443/231	53.28	2.95	3.27	39.61	–	0.89	–	–	–
29.	урна 17	36444/35	93.76	0.67	0.22	–	–	4.97	0.28	–	–
30.	могила 40	36562/59	90.73	7.21	1.06	–	–	0.71	0.28	–	–
31.	могила 42а	36562/75	94.57	0.83	1.83	0.08	–	2.38	0.31	–	–
32.	могила 110а	36572/349	87.17	–	–	–	–	12.83	–	–	–
33.	могила 110б	36572/362	94.52	2.05	1.05	–	–	1.81	0.57	–	–
34.	могила 114	36572/404	94.37	0.20	0.43	0.13	–	4.87	–	–	–
35.	могила 115	36572/427	94.31	–	0.38	–	–	5.18	0.13	–	–
36.	урна 35б	36576/206	92.65	6.38	0.55	0.07	–	0.23	0.12	–	–

Двучленные лучковые фибулы											
37.	ящик I (VII), урна 8	36360/34	76.07	0.29	0.50	13.10	–	10.04	–	–	–
38.	ящик I (VII), урна 8	36360/35	56.26	1.93	1.96	28.91	–	10.68	–	0.26	–
39.	могила 76а	36572/168	51.31	3.59	0.38	39.99	–	4.73	–	–	–
40.	могила 145	36572/590	57.66	3.45	0.53	38.19	–	0.17	–	–	–
Провинциально-римская коленчатая фибула											
41.	ящик I (VII), урна 12	36360/67	78.22	9.69	10.75	0.12	–	0.83	0.39	–	–
Провинциально-римская шарнирная брошь с эмалью											
42.	могила 12	36443/143	58.83	7.95	22.27	0.08	–	9.79	0.64	0.43	–
Прогнутые подвязные фибулы											
43.	ящик I (VII), урна 16	36360/105	93.77	0.96	22.27	0.18	–	4.49	0.54	0.07	–
44.	могила 55	36572/21	94.48	1.50	22.27	0.09	–	3.20	0.28	–	–
45.	могила 148	36572/611	84.70	8.09	22.27	0.07	–	3.64	0.21	–	–

КУЗИНА Н. В.
(ННГУ, Нижний Новгород)

ТЕРРАКОТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕЛЬСКИХ СВАТИЛИЩ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Среди терракотовых статуэток и их фрагментов из сельских святилищ Крымского Приазовья примечательна группа терракот с изображением детей. В основном – это изображения мальчиков, которые представлены полуобнаженными в широко распахнутом плаще, в венке на голове в сопровождении птицы (гуся, лебедя, петуха), собаки. В некоторых случаях их атрибутом выступает щит. Встречаются изображения мальчиков в плаще, сидящих верхом на спокойно идущем коне. Изображения девочек среди сохранившихся статуэток редки – одна из таких статуэток происходит из святилища на поселении Полянка (помещение 11). Девочка, одетая в хитон, представлена с виноградной кистью в руке, к которой тянется гусь. [Масленников, 2007, с. 21–22, 25, 27, 146, 227, 260, 266, 268, 272, 303, 321]. Сюжеты с детьми хорошо известны в боспорской коропластике, и все статуэтки находят аналогии среди боспорских терракот и датируются в рамках II–I вв. до н.э [Силантьева, 1974, с. 13]. Вместе с тем интерпретация сюжетов весьма неоднозначна. Долгое время такого рода статуэтки считались жанровыми, воплощавшими бытовые сцены [Денисова, 1981, с. 70; Силантьева, 1974, с. 13]. Обстоятельства находок статуэток в сакральных комплексах: святилищах и некрополях позволяет интерпретировать их как вотивы с изображениями мифологических персонажей или участников мистерий, адорантов.

Тема рождения и детства представлена в мифологических биографиях почти всех эллинских богов, кроме, пожалуй, богов старших поколений, которые известны только взрослыми. Обращаясь к боспорским реалиям духовной жизни эпохи эллинизма, отметим особую популярность в это время сюжетов, связанных с Дионисом, Афродитой и

Эротом, культурами малоазийских богов Кибелы и Аттиса, Митры, Мена, получивших распространение в период правления Митридата Евпатора [Сапрыкин, 2009, с. 318 и далее].

В образе юноши или ребёнка в античной традиции часто изображали умирающих и воскресающих божеств растительности и природы, имеющих хтоническое значение. К числу таких персонажей принадлежали божества, покровительствующие вегетации растений – Дионис и близкий ему по сути Аттис, фригийское лунное божество, содействовавшее плодородию земли – Мен. Для каждого из упомянутых божеств был свойственен набор специфических атрибутов или иконографических черт. Для Диониса – пышный венок из плюща, виноградная гроздь; для Аттиса – сиринга и восточная одежда, непременным элементом которой был фригийский колпак, штаны, оставляющие открытым низ живота; Мен нередко изображался в одеждах Аттиса, сидящим верхом на петухе или на лошади [Кобылина, 1978, с. 14–19]. Особое место среди изображений божественных детей принадлежит Эроту. Эрос – одна из космических стихий, стоящая у истоков мироздания, первоначально был лишен антропоморфного облика. В классическое время он стал изображаться в виде подростка, в эпоху эллинизма он становится капризным и шаловливым ребенком, сыном и спутником Афродиты. В эллинистический период в число спутников Афродиты, Диониса входит Гарпократ – божество египетского происхождения, воплощаемое в образе обнаженного мальчика. Нередко его изображения входили в единую группу с Афродитой и гермой Приапа (Гарпократ занимает место Эрота) или образовывали композиционное единство с гермой Диониса. Гарпократ воплощался в виде мальчика, стоящего с пальцем у рта и рогом изобилия в левой руке [Кобылина, 1978, с. 118–119]. Отмеченным божествам, представляемым в детской ипостаси, нередко сопутствовали общие атрибуты. Например, с петухом мог изображаться Дионис, Эрот, Мен; водоплавающие птицы (гусь, лебедь) сопутствовали изображениям Эрота, Аттиса, Гарпократа. В сопровождении собачки могли изображаться Дионис, Аттис, Мен. Виноградная гроздь – дионисийский символ, часто встречается в иконографии божеств, связанных с темой возрождения [Кобылина, 1978, с. 14–17, 118–119; Сапрыкин, 2009, с. 145, 149]. Щит, как атрибут, нередко сопутствовал изображениям Эрота, Аттиса и, вероятно отражал апотропеические и сотерические функции этих божеств [Сапрыкин, 2009, с. 380]. Отмеченные элементы были присущи и статуэткам детей из боспорских святилищ (в том числе и приазовских) и некрополей. В этом

можно видеть, как проявление синкретизма, свойственного религиозной жизни эпохи эллинизма, так и предполагать наличие у сопутствующих изображений определённого символического значения, указывающего на определённые характеристики персонажей. Нельзя исключить и влияние популярных в скульптуре жанровых сюжетов, в сакральной сфере, очевидно, получивших иное толкование.

Однако, обращаясь к трактовке значения рассматриваемых изображений в контексте сакральной практики святилищ, стоит обратить внимание не столько на конкретную персонификацию статуэток, а сколько на семантику античного образа ребёнка и его атрибутов в мифологии и античной религии. Отметим в этой связи, что образы детей в сакральном контексте имеют целый комплекс значений. Божественный младенец предстаёт как лиминальное существо, помещаемое в сакральном пространстве на границе земного и потустороннего миров, не относящегося ни к области живых, ни к миру мёртвых, связанного с тремя из четырёх выделяемых в античной мифологии стихий: землей, водой и огнём, тесно связанное с дикой природой. Ребёнок выступает как символ обновления [Рыбакова, 2008, с. 26–56]. Особое отношение к теме детства демонстрируют материалы боспорских некрополей. Отметим отличие погребений детей (особенно младенцев) от взрослых [Тульпе, 1998. С. 47], что, видимо, было обусловлено иной функцией умершего ребёнка в погребально-поминальном обряде. В архаической мифоритуальной системе ребёнок (младенец) имел особый семантический статус. В воззрениях древних ребёнок, воплощая плодородное жизненное начало, символизируя потенциальную жизнь, был синонимичен зерну или яйцу. Вместе с тем, младенец воспринимался, как принадлежащий другому миру, и, будучи ещё не включенным в социум, находясь в состоянии перехода, приобретал статус лиминального существа, становясь медиатором, связующим звеном между мирами в непрекращающемся цикле смертей и возрождений. В сакральной сфере в ребёнок мог быть осмыслен как хтонический образ, имеющий отношение и к миру мёртвых, и к миру живых, но не принадлежащий полностью ни одному из них, наделённый представлениями о плодородии, воплощающий идею жизни, скрытой в недрах земли и выходящий из них [Тульпе, 1998. С. 53].

В сакральных комплексах Крымского Приазовья терракоты детей в основном сопутствовали изображениям богинь плодородия – Деметры, Керы, Афродиты и их спутников – Эрота, Аттиса, Диониса, божеств в об-

разе воинов и всадников. С хтоническими идеями в культах плодородия согласуется и семантика атрибутов, сопутствующих детским образам.

Так виноградная гроздь в эллинском сакральном мировоззрении, в первую очередь, ассоциировалась с дионисийской символикой. Среди памятников боспорской коропластики хорошо известны маски Диониса-Винограда, выражающие отождествление Диониса с виноградом и виноградной лозой. Дионисийская символика, связанная виноградом широко представлена в памятниках искусства, происходящих из погребальных комплексов северопонтийских городов. На фресках, украшавших стены склепов и на расписных саркофагах, присутствуют стилизованные виноградные лозы с плодами [Ростовцев, 1914, табл. ХСVII; CVI, 1; ХСVIII, 2, 4; CVIII; Ернштедт, 1955, с. 263, 284]. Гирлянды из фруктов и крупных виноградных гроздьев представлены в сочетании с вакхическими масками на рельефах мраморного саркофага из Херсонеса [Белов, 1966, с. 24–28]. Неслучайны, видимо, и находки в погребениях позднеэллинистических терракотовых статуэток женщин и детей с виноградными гроздьями в руках в сопровождении собак и птиц [САИ, ч. II, табл. 18, 4; ч. III, табл. 27, 1; 32, 2, 8; 33, 3; 34, 1; 38, 6; 39, 1, 3–6; ч. IV, табл. 6, 1–2, 4, 6, 8; 9, 12; 11, 2; 28, 1; 52, 5], некоторые из них аналогичны статуэткам из приазовских сельских святилищ. Возможно, помещенные в могилу фигурки имели символическое значение, связанное с представлениями о цикличности жизни и смерти. В представлениях древних виноград, вино, тесно связанные с образом умирающего и воскресающего бога виноградной лозы, имело ярко выраженную хтоническую сущность. Дар лозы – виноградная гроздь, ягоды в процессе приготовления вина повторяли судьбу бога вина. Сначала они «терзались» во время сбора, а затем в давальне во время отжима расщеплялись, теряли свою целостность и погибали, и возрождались в новом качестве в виде вина. Вероятно, семантикой возрождения наделялась виноградная кисть, изображенная в руках участников «загробных трапез» на надгробных рельефах и фресках. Таким образом, виноградная лоза, виноградная кисть, вино имели ярко выраженное хтоническое значение. В позднеэллинистический период виноградная гроздь, будучи символом хтонического умирающего и воскресающего бога, стала сопутствовать изображениям божеств, тесно связанных с загробным миром, Деметры [САИ, 1974, ч. IV, табл. 14, 3], Сабазия, Гора-Гарпократа [САИ, 1974, ч. IV, табл. 14, 1, 2], что отражает процесс синкретизма религиозных культов.

Особое место в религиозных верованиях боспорян занимала собака, которая воспринималась как лиминальное существо, находящееся на границе освоенного и неосвоенного пространства, земного и хтонического миров [Молева, 2002, с. 113–116; Bourbou, Themelis, 2010, p. 116–117; Gräslund, 2004, p. 168–176; De Grossi Mazzorin, Minniti, p. 62–66]. Образ собаки был связан с представлениями о модели мира, воплощающей единство и противоположность земной и хтонической сферы, жизни и смерти. В этом смысле собака – маркер переходного состояния из верхнего мира в нижний и наоборот, символ неотвратимости и взаимосвязи жизни и смерти [Молева, 2002, с. 115]. Особый семантический статус этого животного демонстрируют материалы некрополей и святилищ Крымского Приазовья. Амулеты из зубов и кости собак встречаются в детских могилах некрополя Золотое [Корпусова, 1983, с. 101, 106]. Практика принесения в жертву собак при погребении детей известна в Греции. Так, например, в колодце в районе Агоры в Афинах было обнаружено массовое захоронение II в. до н.э. останков 450 недоношенных и новорожденных младенцев и 150 собак. Присутствие костей этих животных ассоциируют с очистительными жертвами в обрядах, связанных как с рождением, так и этапом перехода от жизни к смерти [De Grossi Mazzorin, Minniti, p. 63]. Лиминальный статус собаки в религиозном мировоззрении местного населения Крымского Приазовья подчеркивают находки костей этих животных в домашних жертвенниках, которые маркировали углы помещений, и так или иначе были связаны со стенами строений: либо примыкали к ним, либо находились в основании или, по сути, внутри них в специальных нишах. Такого рода комплексы (жертвенники) зафиксированы на поселениях «Генеральское-Восточное», «Зелёный мыс», «Золотое Восточное – в бухте», на мысе Зюк и «Салачик» и датируются первыми веками нашей эры. Само местоположение жертвенников отражало общеиндоевропейские представления о доме, как своего рода модели земного мира [Масленников, 2007, с. 521], и упомянутые жертвоприношения, вероятно, были частью символических действий, конституирующих взаимосвязи между уровнями мироздания, маркирующих границы между мирами и несущих охранно-магический смысл. В общественных святилищах Крымского Приазовья среди вотивов известны изображения собак [Масленников, 2007, с. 82–83, 442]. Собаки посвящались богествам, имеющим хтоническую природу и связанным как с жизнью, так и смертью – Асклепию, Гекате, Деметре, Персефоне, Артемиде, Кибеле, а также Митре. Известен обычай приношения собак Афродите. Так, жерт-

воприношения собак совершались в святилище Афродиты Колиады, где богине поклонялись вместе с богинями Генетиллидами – покровительницами брака и рождения (Павс. I, 1, 5). Случаи жертвоприношения собак Афродите отмечены в Великой Греции, например в святилище Локри Эпизефири, где кости этих животных были обнаружены в 56 ямах-ботроцах [De Grossi Mazzorin, Minniti, p. 64]. Собак приносили в жертву Илифии – богини родовспоможения [Ibid, p. 63]. В приазовских сакральных комплексах терракотовые изображения собак сопутствуют изображениям Деметры, Кору, женского божества на троне, который ассоциируется с образом Великой Матери. И.Ю. Шауб связывает практику жертвоприношения собак на Боспоре с культом местного Великого женского божества [Шауб, 2007, с. 104–108]. Изображение собаки, гонящей зайца – символ земной жизни, представлен в сценах божественной охоты, на боспорских терракотах, воплощающих конное хтоническое божество.

Птицы также принадлежали к числу зооморфных кодов уровней мироздания и выражали идею перехода, взаимосвязи миров. Образ птицы также ассоциировался с представлениями о смерти и переходе в загробный мир. Птица считалась вместилищем душ умерших [Маковский, 1996, с. 107–108, 142]. Чертами птиц нередко наделялась душа человека [Ходза, 1998, с. 74]. Связь, как с небом, так и с водной стихией (эквивалентом хтонического мира), землём воплощали водоплавающие птицы (лебедь, гусь). Водоплавающие птицы единственные представители земной фауны, обладающие способностью передвигаться во всех трех стихиях — по земле, по воде и под водой и, наконец, по воздуху [Раевский, 2006, с. 85]. Водоплавающие птицы (лебедь, гусь) чаще всего ассоциировались с Афродитой Уранией – богиней, обладавшей универсальными, космическими чертами. Реплики терракот с изображением Афродиты, сопровождаемой птицей (гусем, лебедем) известны статуэток, происходящих из приазовских святилищ. Сюжеты с водоплавающими птицами нередко встречаются на росписях сосудов, входивших в набор погребального инвентаря в северопонтийских некрополях [Шауб, 2007, с. 239], может служить еще одним свидетельством характерных для населения Северного Причерноморья (как греков, так и варваров) представлений о связи водоплавающих птиц с потусторонним миром.

Среди птиц, связанных с хтонической символикой, отметим петуха. С одной стороны, являясь солнечной птицей, он посвящался Зевсу, Аполлону и Гермесу, как вестнику богов. С другой стороны – приносился в жертву хтоническим богествам Дионису и Персефоне. В силу сво-

ей природной плодovitости он не только изображался на бронзовых зеркалах вместе с Афродитой, но и считался любовным даром. Петух был одной из наиболее частых жертв кабирам, а также обладал апотропеическими функциями: своим кукареканьем петух распугивал демонов темноты [Ильина, 2017, с. 372]. В эпоху эллинизма, когда получили широкое распространение восточные культы, петух ассоциировался также с Меном, а также считался священной птицей Митры [Сапрыкин, 2009, с. 149].

В сакральном мировоззрении древних кони (лошади) также мыслились связующими космические зоны и наделялись медиационной функцией [Шауб, 2007, с. 101]. Кони, как в западной, так и в восточной традициях, считались животными, способными свободно переходить границы всех трех миров: небесного, земного и подземного [Иванов, 1994, с. 666], исполняли роль перевозчика душ умерших в царство предков и, в то же время, заключали в себе идею плодородия и возрождения [Маковский, 1996, с. 105–106]. В эллинской сакральной традиции лошадь была связана с Деметрой, как её териоморфное воплощение, конь – с Посейдоном, Дионисом–Загреем [Сорокина, 1997, с. 19; Русяева, 1979, с. 79]. Особое место принадлежало образу коня в религиозных верованиях (мифологических и космогонических представлениях) иранских народов, это животное – один из популярных образов скифского bestiария, связанное с солярной символикой [Кузьмина, 2002, с. 48–65]. Конь выступал атрибутом солнечного божества – Митры, воплощавшегося на колеснице, что аллегорически отражало функцию божества, как посредника между земным и небесным мирами [Там же, с. 49]. В образе юного конного всадника выступали Митра, Мен [Сапрыкин, 2009, с. 149, 158].

Таким образом, терракотовые статуэтки детей, происходящие из святилищ Крымского Приазовья, имели ритуальное значение и были связаны с культами богов производительных сил природы. Терракоты детей с атрибутами могут быть интерпретированы как воплощение полисемантического образа божественного ребёнка, символизирующего плодородное жизненное начало, потенциальную жизнь, обновление, возрождение, в то же время заключающего в себе характеристики лиминального существа, помещаемого в сакральном пространстве на границе земного и потустороннего миров, наделённого функциями медиатора, связующего космические зоны.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. 206 с.
- Ильина Т.А. Мальчик с петухом // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства / Под ред. А.А. Завойкина. М., 2017. С. 371–372.
- Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978. 216 с.
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев, 1983. 183 с.
- Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М., 2002. 288 с.
- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. 416 с.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М–Тула, 2007. 564 с.
- Молева Н.В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Нижний Новгород, 2002. С. 113–116.
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. 600 с.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Том. II. СПб., 1914. 537 с., XVII л. илл.
- Рыбакова А.А. О семантике божественных детей в древнегреческой религии // Из истории античного общества: сборник научных трудов. Выпуск 11 / Под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2008. С. 26–56.
- Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва–Тула, 2009. 426 с.
- Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности (фигурные соуды из собрания ГИМ). М., 1997. 88 с.
- Тульпе И.А. Некрополе для детей // Боспорское царство как историко-культурный феномен / Под ред. В.А. Хршановского. СПб., 1998. С. 46–54.
- Bourbou C., Themelis P. Child Burials at Ancient Messene // L'enfant et la mort dans l'Antiquité I, Nouvelles recherches dans les nécropoles grecques: Le signalement des tombes d'enfants, Table ronde, Athènes, Ecole française d'Athènes, 29–30 mai 2008 / A.-M. Guimier-Sorbets, Y. Morizot (eds.). Paris, 2010. Pp. 111–128.
- Gräslund A.-S. Dogs in graves – a question of symbolism // PECUS. Men and animal in antiquity. Proceedings of the conference at the Swedish

Institute in Rome, September 9–12, 2002 / B. Santillo Frizell (ed.). Rome, 2004. Pp. 167–176.

De Grossi Mazzorin J., Minniti C. Dog Sacrifice in the Ancient World: A Ritual Passage? // Dogs and People in Social, Working, Economic or Symbolic Interaction. Proceedings of the 9th Conference of the International Council of Archaeozoology, Durham, August 2002 / Snyder L.M., Moore E.A. eds. Oxford, 2006. Pp. 62–66.

МАЙКО В. В.
(ИАК РАН, Симферополь)

ФРЕСКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА XIII-XV ВВ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

К археологическому материалу, получаемому во время раскопок и требующему специального искусствоведческого анализа, относятся фрески. Относительно указанного средневекового периода практически все их находки связаны с культовыми христианскими сооружениями. Не является исключением и территория юго-восточного Крыма. На сегодняшний день в этой части полуострова известно 28 храмов, датирующихся в широких хронологических рамках XIII-XV вв. Из них раскопано 19 храмов, 9 – в той или иной степени сохранности дожили до наших дней. На стенах двух раскопанных храмов сохранились фрагменты фресковой росписи *in situ*, крупные фрагменты фресковой росписи, позволяющие восстановить сюжет, до недавнего времени присутствовали и на стенах двух сохранившихся храмов, а на стене т.н. «Храма с аркадой» фреску можно наблюдать и сейчас. Во время раскопок всех 19 культовых сооружений в их заполнении и в примыкающих стратиграфических горизонтах были обнаружены фрагменты фресок. Отметим, что при раскопках 14 культовых объектов фрагменты фресок были настолько малочисленны и малы, что какие-либо выводы о реконструкции сюжетов пока сделать невозможно. На остальных случаях, только частично проанализированных в литературе [Майко, 2010, с. 55-62; Майко, 2015, с. 86-87], остановимся подробнее.

Фреска «Храма с аркадой» является до сего дня единственной фреской этой части полуострова, сохранившейся, по крайней мере, на половину первоначального размера. Она достаточно полно проанализирована в литературе, что избавляет от повторений. Напомним, что, по мнению первооткрывателя фрески, ее появление связывалось с традициями ита-

льянской живописи XIV - первой половины XV вв., а фигура трактовалась, как изображение Николая Мирликийского [Домбровский, 2005, с. 70-73]. Тем не менее, реставрационными работами 1997 г. удалось зафиксировать фрагмент латинской надписи, которая позволила атрибутировать сохранившееся изображение, как образ Святого Иоанна [Майко, 2010, с. 55-62]. Был объяснен и «загадочный» герб, помещенный на фреску, как принадлежащий геноуэзской семье Гоано [Яровая, 2010, с. 88].

До конца 1920-х гг. сохранялись остатки фресковой росписи часовни на первом ярусе Георгиевской башни цитадели Сугдеи-Солдайи. Сейчас они почти не различимы. Е.Ч. Скржинской еще во второй половине 1920-х гг. удалось доказать изображение на фреске Деисуса с изображением Христа в центре на троне, а по бокам фигур Богоматери и Иоанна Предтечи. Были зафиксированы и контуры фигур Предстоящих с нимбами справа и слева от окна в северной стене часовни [Скржинская, 2006, с. 68], что подтверждает информацию Д.М. Струкова 1871 г., относительно недавно опубликованную [Ромушин, 2009, с. 170-171]. Датировать фреску сложно, тем не менее, следует отметить, что раскопками 1927-28 и 2009 гг. установлено, что наиболее ранний слой в заполнении часовни и погребальные сооружения, с ней связанные, можно датировать в рамках середины XII – начала XIII вв. Укажем, что во время проведения археологических исследований в 2009 г. на уровне фундамента куртины между Георгиевской и Консульской башнями в части, которая примыкает к Георгиевской башне, были найдены большое количество мелких фрагментов фресок, в том числе с граффити в виде креста в круге. Не исключено, что они относятся к росписям часовни.

Еще один крупный фрагмент фресковой росписи в первой половине XX в. еще сохранялся в часовне Дозорной башни. На ее восточной стене была изображена фигура, давно атрибутированная как изображение *Madonna della Misericordia*, грудь которой пронзают семь мечей [Скржинская, 2006, с. 71].

Среди сохранившихся культовых сооружений юго-восточного Крыма особое место занимает храм 12 Апостолов, расположенный в портовой части средневековой Сугдеи-Солдайи. Эта фреска неоднократно становилась предметом специальных исследований, что так же избавляет от повторений. Напомним только основные моменты. Первый из них связан с тем, что в 1871 г. фреска с изображением Тайной Вечери в алтарной части была уже не видна. Однако, изображения на южной, западной стене и юго-западном угле храма зарисованы были Д.М. Стру-

ковым достаточно четко [Ромушин, 2009, с. 167-168]. В предшествующих работах нами было сделано предположение о том, что все рисунки Д.М. Струкова надо рассматривать в качестве эскизов, имеющих рабочий характер, а фигуры Пророка Даниила, Святого Пахомия и Ангела, можно рассматривать как собственное виденье путей возможной реставрации [Майко, 2010, с. 55-62]. Вместе с тем, интересное дополнение получено в последние годы после публикации на сайте Госкаталога РФ фотографии внутреннего вида храма из архива Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева, сделанной, вероятно, во второй половине 1920-х гг. (номер в Госкаталоге: 7999886). На ней четко просматривается фигура Святого расположенная на южной стене возле юго-восточного плеча. Она полностью совпадает с зарисовками Д.М. Струкова.

Как уже отмечалось, фрески, зафиксированные *in situ* при раскопках христианских храмов, сохранились в двух случаях. Во-первых, это храм, расположенный на юго-западном склоне мыса Ай-Фока, в 100 м к от берега моря, полностью раскопанный И.А. Барановым в 1988/90 гг. В основании стены у юго-восточного плеча объекта сохранился фрагмент штукатурки с фресковой росписью. Установить сюжет сложно, но хорошо различимы камни, образующие кладку монументального здания [Майко, 2015, с. 273, рис. 5, 4]. Предварительно время сооружения храма датируется второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. Второй случай – это храм, раскопанный в 2016-17 гг. у подножия горы Килиса-Кая. Здесь в верхней части северной апсиды сооружения справа от конхи сохранились остатки фресковой росписи, для атрибутирования которой требуется специальное исследование. Помимо этого небольшие остатки штукатурки со следами росписи сохранились на юго-восточном подпорном столбе и на восточном откосе бокового входа в северной стене.

Остальные фрески найдены в заполнении и культурном слое христианских сооружений юго-восточного Крыма. Прежде всего, следует упомянуть монастырь в урочище Димитраки, датируемый второй половиной XII-XV вв. Здесь при первоначальных работах 1909-10 гг. студентом фон Эдингом были зафиксированы и собраны многочисленные фрагменты фресок, сданные, впоследствии, в ГИМ [Виноградов, Джанов, 2004, с. 417]. Отметим, что в ГИМе присутствует коллекция фресок, сданных Эдингом, но связь их с храмом в урочище Димитраки необходимо еще доказать. В 1981-82 гг. при раскопках данного монастырского комплекса, проведенных И.А. Барановым, были собраны фрагменты фресок

[Баранов, 2010, с. 608, рис. 9], в том числе с остатками орнаментальной росписи (рис. 1: 5), но реконструировать какой-либо сюжет не представляется пока возможным.

Важные находки фрагментов фресок были сделаны и при раскопках двухапсидного храма на г. Перчем в 1993 г. автором данных строк и А.В. Джановым. На квадре стены (рис. 1: 2) сохранились окончания слов строительной надписи, ограниченные живописной рамкой, позволившие предположить посвящение храма Святому Пантелеимону [Виноградов, Джанов, 2004, с. 402-404]. Датировать храм можно пока в широких хронологических рамках второй половины XIII – первой половины XV вв. Фрагменты окончания еще одной многострочной греческой надписи были обнаружены при реставрационной расчистке первого яруса башни Якобо Торселло, который использовался в качестве часовни. Опубликованные два ее фрагмента [Виноградов, Джанов, 2004, с. 405-406], в 2019 г. были успешно соединены (рис. 1: 6), что и предполагали публикаторы. Определенный интерес представляют и крупные фрагменты фресок, обнаруженные при проведении реставрационных работ в 2007 г. в храме Параскевы на посаде средневековой Сугдеи. До этого в литературе было лишь упоминание об остатках фрагментов фресковой росписи храма [Домбровский, 1966, с. 70].

Четыре крупных блока с остатками фресковой росписи, вероятно использованных вторично, были обнаружены в районе «Храма с аркадой» в фундаменте примыкающего к храму здания, остатки которого использовались в качестве субструкции для установки куртины генуэзского времени. Эти блоки пока не опубликованы и не проанализированы. Не исключено, что они связаны с расположенным поблизости христианским храмом.

Представляется, однако, что наибольшее значение будут иметь находки фресок, сделанные при раскопках храма у подножия горы Килиса-Кая. Все они, помимо находившихся *in situ*, происходят из верхнего яруса заполнения плитовой могилы, расположенной у юго-западного угла храма и представляют «закрытый» комплекс. В общей сложности их насчитывается около 1500 экземпляров. Работа над фресками продолжается, но уже сейчас можно говорить о возможности воссоздания крупных фрагментов большого сюжета (рис. 1: 1,3,4).

Помимо этого на участке куртины между башнями Якобо Торселло и Безымянной непосредственно под ее фундаментами были раскопаны остатки здания, в заполнении которого обнаружены многочисленные

фрагментированные остатки фресок [Майко, Джанов, 2015, рис. 198, 3,5]. Они так же не стали еще предметом специального изучения.

Еще один крупный фрагмент фрески, не связанный непосредственно с культовым сооружением, сохранился на арке входа во двор на участке примыкания к башне Донжону. Напомним, что во время реставрации второй половины 70-х гг. XX ст. здесь были зафиксированы остатки штукатурки, на которых сохранились остатки фресковой росписи, изображавшей фигуру Христа, сидящего на троне [Скржинская, 2006, с. 68].

Изучение фресок юго-восточного Крыма позднесредневекового времени активно продолжается и нас ожидает в будущем еще не одна выдающаяся находка.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов И.А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев-Судак, 2010. С. 601-617.
- Виноградов А.Ю., Джанов А.В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. Вып. I. Киев-Судак, 2004. С. 402-424.
- Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. К., 1966. 112 с.
- Протоиерей В. Ромушин. Судак православный. Симферополь, 2009. 320 с.
- Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История-археология-эпиграфика. Киев-Судак-Санкт-Петербург, 2006. 380 с.
- Майко В.В. Середньовічні фрески Сугдеї-Солдаї // Бюлетень: Номер 11(грудень). – Львів, 2010. С. 55-62.
- Майко В.В. Фресковое искусство средневековой Солдаи: обзор источников // Актуальные проблемы теории и истории искусства VI Международная конференция. Тезисы докладов. М., 2015. С. 86-87.
- Майко В.В. Христианский храм на мысе Ай-Фока у с. Морское в юго-восточном Крыму // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 264–274.
- Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.
- Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб., 2010. 208 с.

МАСТЫКОВА А. В.
(ИА РАН, Москва)

ПРЯЖКИ ТИПА МИТИЛЕНА В КРЫМУ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИЛИ ВИЗАНТИЙСКО-САСАНИДСКАЯ МОДА?

Пряжки типа Митилена получили название по находке великолепной золотой шарнирной застежки с удлиненным ажурным вазообразным щитком (рис. 1, 1; 2, 24), обнаруженной в кладе в г. Митилена (или Митилини) (Μυτιλήνη/Mytilene/Mitileni) на греческом острове Лесбос, в составе которого имелось 30 монет, в том числе Фоки (602 – 610 гг.) и Ираклия (613 – 629/630 гг.) (Vavritsas, 1954. P. 327. Fig. 1; Yeroulanou, 1999. P. 288. Abb. 207; Schulze-Dörrlamm, 2009. S. 79; см. также: *Everyday Life in Byzantium*. 2002. P. 391. N° 479).

В Восточной Европе такие пряжки были рассмотрены В.Б. Ковалевской, которая выделила их в тип 30. Ею были учтены, как шарнирные, так и цельнолитые, всего одиннадцать экземпляров с Северного Кавказа и один – из Казахстана (Ковалевская, 1979. С. 30–31. Табл. 2: 616–627. Табл. XIII, 8, 9). В.Б. Ковалевская датирует пряжки этого типа концом VI – VIII вв., или скорее VII – VIII вв., и, по ее мнению, они являются местной северокавказской продукцией по «западным» образцам (Ковалевская, 1979. С. 31).

Наиболее полно пряжки такого типа были изучены М. Шульце-Дёррлам, которая отнесла их к типу E24 своей классификации. Исследовательница полагает, что эти пряжки относятся к «восточным формам» и шестнадцать находок (в это число вошли и экземпляры из свода В.Б. Ковалевской), учтенные ею на 2009 г., происходят из Греции, Митилена (1 экз.), из Ирана (3 экз.), из «Византии» (1 экз.), с Северного Кавказа (8 экз.), из Крыма (1 экз.), из Среднего Поволжья (1 экз.), Казахстана (1 экз.) (Schulze-Dörrlamm, 2009. S. 77, 78. Abb. 36). На основании закрытых комплексов с монетами М. Шульце-Дёррлам относит появление пряжек

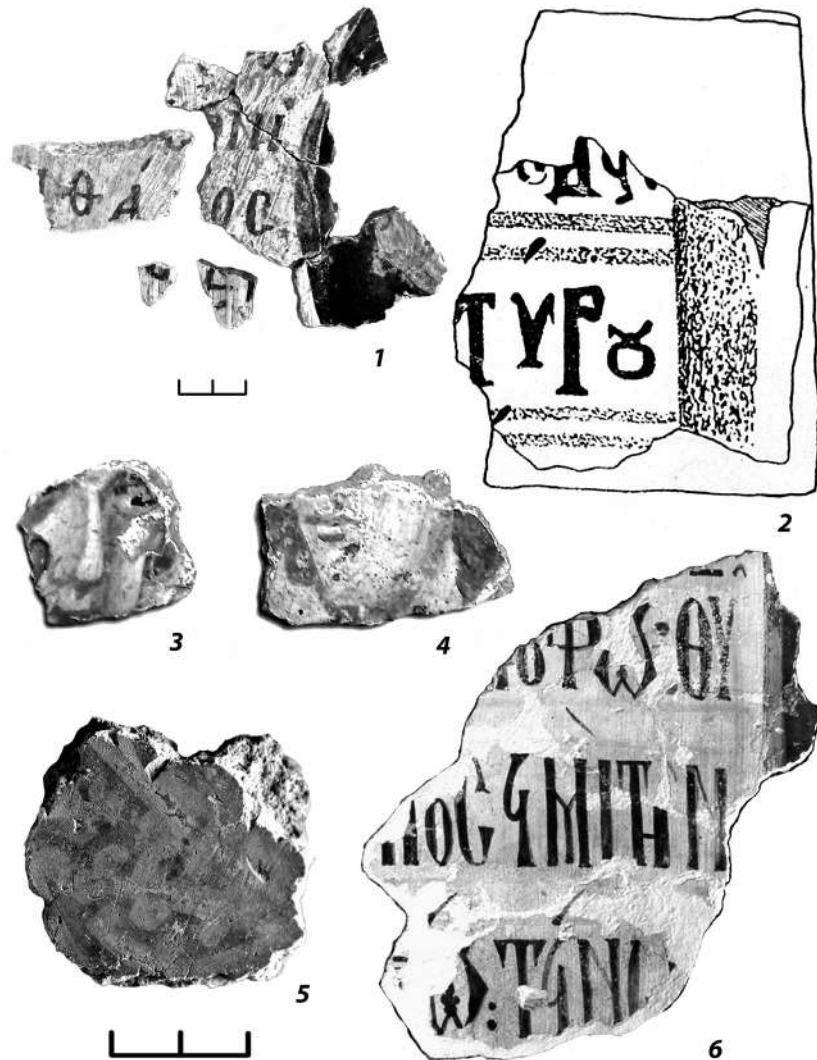

Рис. 1. Фрески юго-восточного Крыма второй половины XIV – первой половины XV вв. 1, 3, 4 – храм у горы Килиса-Кая; 2 – двухапсидный храм на г. Перчем; 5 – монастырь в урочище Димитраки; 6 – часовня Башни Якобо Торселло

типа E24 к концу VI – началу VII в., как пример ранних образцов приводит погребение сасанидского воина в Тал-и Мальян (Tal-i Malyan) в Иране, с монетой Хосрова II (591 – 628 гг.) (Balcer, 1978. Abb. 9. Taf. Id; II). Поскольку датированные находки середины или второй половины VII в. ей были неизвестны, то исследовательница пришла к выводу, что бытовали пряжки этого типа короткое время – к середине VII в. они выходят из моды, а роскошный экземпляр застёжки из клада Митилена М. Шульце-Дёррлам, с учетом контекста находки, датирует первой третью VII в. Она также выделяет серию паннонских цельнолитых пряжек, форма которых соответствует моделям византийских пряжек типа E24. Это, по ее мнению, является надежным доказательством того, что изначально, то есть в конце VI – начале VII в., данные изделия появились в соседней Византии, а не в Сасанидской империи (Schulze-Dörrlam, 2009. S. 79).

Наиболее представительная серия пряжек типа Митилена происходит с Северного Кавказа, где на сегодняшний день известно 22 находки этих застёжек и их дериватов, происходящих из 16 памятников (рис. 2, 6–21). Недавно группа российских исследователей изучила эту северокавказскую серию и наметила этапы эволюции данной группы изделий (Гавритухин, Кадиева, Торгоев, 2018. С. 303–306). По их мнению, некоторые пряжки данного типа могли поступать на Северный Кавказ через Иран, или же производиться в местных ателье. Что же касается датировки северокавказских пряжек, то по находкам в Мокрой Балке и Чир-Юрте (рис. 1, 6, 9, 16) они, вопреки мнению М. Шульце-Дёррлам, продолжают существовать и во второй половине VII в. (Гавритухин, Кадиева, Торгоев, 2018. С. 305). Об этом же свидетельствуют и находки в Едысе (Дзаттиаты, 2006. Рис. 11) (рис. 1, 8), Даргавсе (Дзаттиаты, 2014. Табл. LVI–LIX) (рис. 1, 7), Чми (Хайнрих, 1995. С. 193) (рис. 1, 18) с характерным набором вещей второй половины VII – начала/первой половины VIII в. (о хронологии см., например: Афанасьев, Рунич, 2001. С. 40–53, там же библиография).

В Крыму пряжек близких типу Митилена зафиксировано не много (рис. 2, 1–4). Мне известно только четыре подобных находки в Юго-Западном Крыму: в мужском погребении 8 могильника Горзувиты на Южном берегу (Мастыкова, 2019. С. 373) (рис. 1, 2), на Эски-Кермен в склепе 249 (Айбабин, 1990. Рис. 44, 7) (рис. 1, 3), на могильнике Лучистое в склепе 122А (Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 62. Рис. 30, 9) (рис. 1, 4), в склепе 7 могильника Садовое в Бельбекской долине (Омелькова, 1990. С. 76–78. Рис. 2, 41) (рис. 1, 5). Закрытые комплексы из Лучистого и

Эски-Кермена пока полностью не опубликованы, по имеющимся данным их можно предварительно отнести к VII – первой половине VIII в.

За пределами Кавказа и Крыма находки таких пряжек единичны (рис. 2). Они известны в Среднем Поволжье, в контексте не ранее середины VII в. (Гавритухин, Кадиева, Торгоев, 2018. С. 305) (рис. 2, 23), на Нижнем Дону (рис. 2, 5), а также в Северном Казахстане (рис. 2, 22), в Иране (рис. 2, 25–27), на островах Эгейского моря (эпонимный клад в Митилене) (рис. 2, 24), а также в Западном Причерноморье (Трайкова, 2017. С. 70. Табл. 46, 403) (рис. 2, 28), на территории Франции, в погребении 200 некрополя Мон-Сан-Жермен (Mont-Saint-Germain), департамент Мозель, вместе с дисковидной фибулой конца VI – середины VII в. (Escher, 2014. P. 314. Fig. 9, 1) и наконеч в Испании, в Коскохуэла де Фантова (Coscojuela de Fantova) в провинции Уэска (Zeiss, 1934. Taf. 13, 5), где М. Шульце-Дёррлам их выделяет в отдельный иберийский вариант (Schulze-Dörrlam, 2009. S. 79). В Паннонии отмечена серия находок цельнолитых пряжек типа Болы-Желовце (Boly-Želovce) (Ibler, 1992. S. 138. Abb. 3, 1–3), имеющих такую же ажурную вазообразную форму щитка как у шарнирных пряжек Восточного Средиземноморья. Однако они изготовлены скорее всего в других мастерских.

Как отмечает М. Шульце-Дёррлам в погребальном контексте изученных ею комплексов пряжки типа Митилена чаще всего соотносятся с мужскими могилами, в то время как в кладах Митилена доминируют женские украшения (Schulze-Dörrlam, 2009. S. 79). Византийское происхождение этих пряжек представляется вполне вероятным по целому ряду причин. Во-первых, самый роскошный экземпляр происходит из надежного византийского контекста клада в Митилене. Во-вторых, если искать общий источник распространения этого типа и его дериватов в византийском Крыму, аварском Подунавье (тип Болы-Желовцы), меровингской Галлии и визиготской Испании, то логичнее всего предположить, что он находился в Византии. Смущает, однако, полное отсутствие этих пряжек на территории собственно Византии – на Балканах, в Малой Азии, на Ближнем Востоке, в Египте, Южной Италии и Северной Африке. Разумеется, в VII веке некоторые из этих регионов находились под прямым ударом врага – авар и славян на Балканах, сасанидов, а затем арабов на Ближнем Востоке, в Малой Азии и Египте, но это, тем не менее, не помешало появлению и распространению в указанных регионах целого ряда общевизантийских типов, таких как Сиракузы, Коринф, Балгота и пр. Необходимо учесть и еще одно обстоятельство – это наличие пря-

жек типа Митилена в Иране (рис. 2, 25–27), и их особая концентрация в центральной части Северного Кавказе (рис. 2, 6–21), то есть, там, где проходили торговые пути из Закавказья и Среднего Востока в Восточную Европу. Поэтому в виде рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что пряжки типа Митилена отражают распространение общей византийско-сасанидской моды VII века. Такая мода проявляла себя также и в появлении в Иране пряжек типа Сиракузы (Schulze-Dörrlamm, 2002. Abb. 62), пряжек типа Шульце-Дёррлам D14 (например: Schmidt 1934, Pl. VI, A; ср.: Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 181–184), пряжек со щитком в виде пальметты (Ghirshman, 1979. Pl. 6, 2; ср.: Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 207–209), пряжек типа Шульце-Дёррлам E22 (Ghirshman, 1979. Pl. 7, 8; ср.: Schulze-Dörrlamm, 2009. S. 70, 71), пряжек типа Шульце-Дёррлам E28 (Schulze-Dörrlamm, 2009. S. 89–91), фибул-брошей в виде павлина (Ghirshman, 1964. Pl. 28, 9, 10; ср.: Мастыкова, 2018; Mastykova, 2018), некоторых типов так называемых геральдических поясов с прорезным и растительным декором (Bálint, 1992. Taf. 2, 54, A; ср.: Schulze-Dörrlamm, 2009. S. 265–268).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин, 1990. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 271 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008. Могильник у с. Лучистое. Том I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь-Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского; Центр археологических исследований БФ «Деметра». 336 с.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001. Мокрая Балка. Выпуск 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир. 252 с.

Гавритухин И.О., Кадиева А.А., Торгоев А.И., 2018. Кавказская серия подражаний пряжкам типа Митилена // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские Чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: ИА РАН; Карачаево-Черкесский гос. Университет им. У.Д. Алиева. С. 303–306.

Дзаттиаты Р.Г., 2006. Царциатские памятники: Едыское городище и могильники. Владикавказ: Ир. 15 с.

Дзаттиаты Р.Г., 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир. 239 с.

Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки. САИ. Вып. E1-2. М.: Наука.

Ковалевская В.Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.; Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН. 398 с.

Мастыкова А.В., 2018. Ранневизантийские фибулы в форме павлина в женском уборе древнего населения Закавказья // Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого кавказоведа Ю.Н. Воронова (20-24 ноября 2016 г. г. Сухум). Сухум: Дом печати, 2018. С. 154–161.

Мастыкова А.В., 2019. Итоги исследования могильника Горзувиты в 2018 г. // XX Боспорские Чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, ЦАИ БФ «Деметра». С. 370–376.

Омелькова Л.А., 1990. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // Античная древность и средние века. Византия и сопредельный мир. / Отв. ред. М.А. Поляковская. Свердловск: Уральский государственный университет. С. 73–94.

Трайкова Л.А., 2017. Коланът южно от Долен Дунав – края на III – началото на VII в. Дисертация. Том 10. София: Национален археологически институт с музей; Българска академия на науките. 556 с.

Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Alanica. III. Владикавказ: СОИГИ. С. 184–258.

Balcer J. M., 1978. Excavations at Tal-i Malyan. Part 2: Parthian and Sasanian Coins and Burials. 2. Iran 16. P. 86–94.

Bálint C., 1992. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkucasus und das Grab von Üc Tepe // Awarenessforschungen. Band I / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte. S. 378–380.

Escher K., 2014. Plaques-boucles byzantines et apparentees de la periode Vie – VIIIe siecle trouvees en France // Revue Archeologique de l'Est. T. 63. № 186. P. 301–336.

Everyday Life in Byzantium. 2002. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Catalog of exhibition / ed. D. Papanikola-Bakartzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture. 600 p.

Ghirshman R., 1964. Fibule en Iran. II // *Iranica Antiqua*. T. 4/2. P. 90–107.

Ghirshman R., 1979. La ceinture en Iran // *Iranica Antiqua*. T. 14. P. 167–196.

Ibler U. G., 1992. Pannonische Gürtelschnallen des späten 6. und 7. Jahrhunderts / *Arh. Vestnik*. 43. S. 138–148.

Mastykova A., 2018. Early Byzantine Peacock Brooches in the Southern Caucasus in the Early Medieval Period. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, № 69 (2018). P. 339–346.

Schmidt J.H., 1934. L'expédition de Ctésiphon en 1931–1932 // *Syria*. T.15. P. 1–23.

Schulze-Dörrlamm M., 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römischen-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 258 S. Farbtafeln.

Schulze-Dörrlamm M., 2009. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römischen-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Schnallen mit Scharnierbeschläg und Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 404 S. Farbtafeln.

Vavritsas A.K., 1954. 'Ανασκαφή Κρατήγους Μυτιλήνης'. ΠΑΕ. P. 317–329.

Yeroulanou A., 1999. Jewellery in the Byzantine World / Greek Jewellery. Athens: Benaki Museum P. 281–329.

Zeiss H., 1934. Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit, II. Berlin: W. de Gruyter & Co. 205 p.

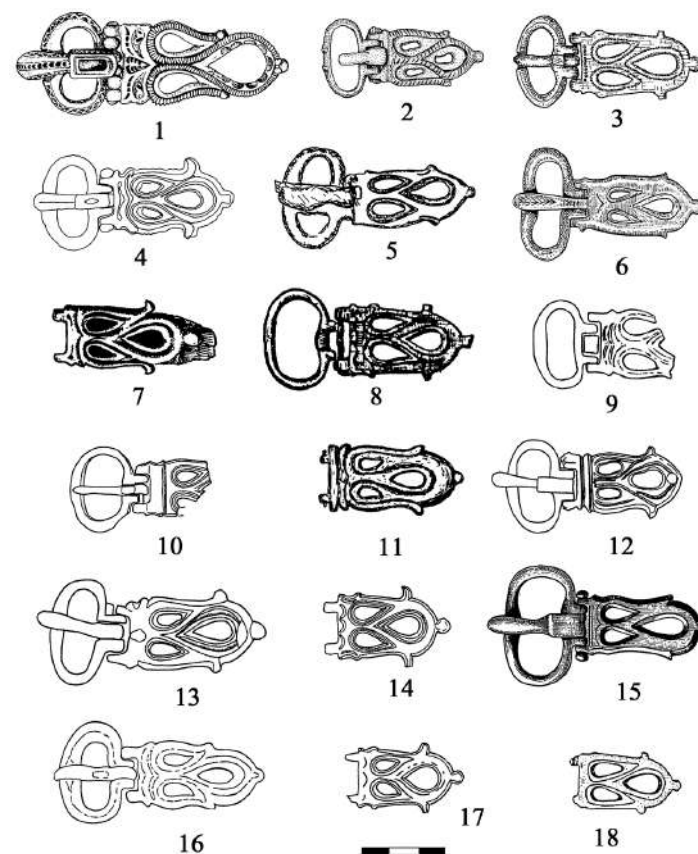

Рис. 1. Пряжки византийского круга, тип Митилена

1. Митилена, о. Лесбос;

Крымские находки: 2. Горзувиты, погребение 8; 3. Эски-Кермен, склеп 249; 4. Лучистое, склеп 122А; 5. Садовое, склеп 7; Северокавказские находки: 6. Мокрая Балка, катакомба 113; 7. Даргавс, катакомба 27; 8. Едыс, погребение 8; 9. Чир-Юрт I, погребение 53а; 10. Кумбулта, покупка у Дзелихова; 11. Луначарка 1, погребение 32; 12. Хасаут, склеп 5.1979 г.; 13. Чми (Верхний) из коллекции Филимонова; 14. Чегем, покупка у Вырубова; 15. Гунделен; 16. Чир-Юрт I, погребение 56б; 17. Камунта, покупка у Комарова; 18. Чми, катакомба Г.
1 – по: Schulze-Dörrlamm, 2009. Abb. 37; 2 – Рисунок С.Л. Богаченко; 3 – по: Айбабин, 1990. Рис. 44, 7; 4 – по: Айбабин, Хайрединова, 2008. С. 62. Рис. 30, 9. Без масштаба; 5 – по: Омелькова, 1990. С. 76–78. Рис. 2, 41; 6 – по: Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 125, 4; 7 – по Дзаттиаты, 2014. Табл. LVII, 25; 8 – по Дзаттиаты, 2006. Рис. 11, 10. Без масштаба; 9 – по: Ковалевская, 2005. Рис. 52, 7; 10–14, 17 – по: Гавритухин и др., 2018. Рис. 1, 16, 18, 26, 31, 27, 10; 15 – по: Ковалевская, 1979. Табл. XIII, 8; 16 – по: Ковалевская, 2005. Рис. 55, 4. Без масштаба; 18 – по: Хайнрих, 1995. Табл. XVI, 4

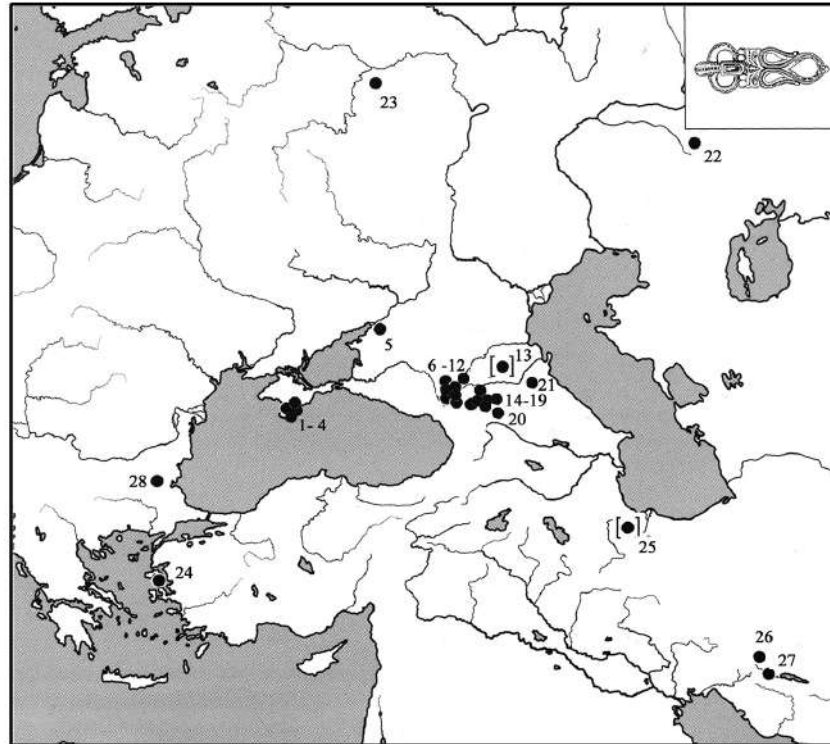

Рис. 2. Карта распространения пряжек типа Митилена
Карта составлена по М. Шульце-Дёррламм (Schulze-Dörrlamt, 2009. Abb. 36) с дополнениями.

1–4 – Горзувиты, Эски-Кермен, Лучистое, Садовое (Крым); 5 – Красный Маяк (Ростовская область); 6–12 – Мокрая Балка, Лермонтовская Скала, Луначарка, Джагинский, Хасант, Даргавс, Чегем (Сев. Кавказ); 13 – «Северный Кавказ»; 14–19 – Камунта, Кумбулта, Чми, Архон, Нальчик, Гунделен (Сев. Кавказ); 20 – Едыс (Сев. Кавказ); 21 – Чир-Юрт (Сев. Кавказ); 22 – Жаман-Каргалы, (Казахстан); 23 – Второй Старобадиковский (Мордовия); 24 – Митилена (Греция); 25 – регион Амлаш / Amlash (Иран); 26 – Тал-и Мальян / Tal-u Malyan (Иран); 27 – Каср-и Абу Наср, Старый Шираз / Qasr-i Abu Nasr, Old Shiraz (Иран); 28 – Аксаково (Болгария)

МАНДРЫКИНА А. В.^{1,2}, АНТИПИН А. М.¹, КВАРТАЛОВ В. К.¹, ХМЕЛЕНИН Д. Н.¹,
ЧЕРНОБАХТОВА Е. В.³, ВАСИЛЬЕВ А.Л.^{1,3}, МОНАХОВ С. Ю.⁴,
ТЕРЕЩЕНКО Е. Ю.^{1,3}, АЛЕКСЕЕВА О. А.¹
(1 Институт кристаллографии им. А. В. Шубникова ФНИЦ «Кристаллография
фотоника» РАН; 2 МГУ им. М. В. Ломоносова; 3 НИЦ «Курчатовский институт»;
4 Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского)

ПРИМЕНЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ КЕРАМИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

Керамические изделия представляют собой один из важнейших источников информации о материальной культуре древнего человека, истории торговых и культурных связей, развитию ремесел. Зачастую археологам удаётся обнаружить не только отдельные керамические фрагменты, но и целые изделия с клеймами. Такие находки несут важную информацию о месте и времени их производства. Традиционно, археологи определяют место производства массовой гончарной продукции методами сопоставления формы сосудов различных мастерских, цвета и пористости глины, наличию и виду включений. В последнее время всё чаще исследователи прибегают к использованию современных естественно-научных методов физического и химического анализа материалов. Такие исследования особенно важны для поиска отличий среди схожих по внешнему виду изделий, изготовленных в территориально и культурно близких центрах или в течение одного исторического периода. Для достижения поставленных целей объекты культурного наследия надо рассматривать с точки зрения материаловедения, одной из самых высокотехнологичных областей современной науки. Керамика – это сложная многокомпонентная система, состоящая из глиняной основы, природных и искусственных примесей, что определяет широкие возможности для применения различных методик и подходов к его изучению. С их помощью получают количественные данные о минералогическом и химическом составе артефактов, с высокой точностью определяют состав, количество и форму включений, и другие характеристики керамического материала. Большинство физических методов диагностики основано на использовании особенностей взаимодействия различного

типа излучений (рентгеновского, синхротронного, нейтронного и электронного пучков) с веществами и позволяет характеризовать образцы с учётом особенностей каждого типа излучения.

Кроме того, применение физико-химических методов исследования позволяет выявить маркерные элементы, характерные для определенных групп изучаемых объектов, тем самым выделяя использование сырья из разных месторождений.

Важно отметить, что ни одна из методик по отдельности не даёт исчерпывающей информации об объекте, а применение всех известных методов диагностики материалов трудоемко и времязатратно. Полученные естественно-научными методами данные приобретают значимость только при обязательной археологической интерпретации, соединяющей их с историческим контекстом. В связи с этим, ключевая задача археологов, историков и учёных – разработка комплексного подхода, способного с достаточной точностью охарактеризовать керамические материалы, задействовав минимальное количество ресурсов.

В рамках настоящей работы предложена уникальная для отечественной практики междисциплинарная стратегия исследований, включающая применение комплекса современных физико-химических методов интегральной и локальной диагностики материалов. Методы интегральной диагностики – рентгенофазовый анализ (РФА) рентгенофлуоресцентный анализ (РФЛА) и масс-спектрометрия в индуктивно-связанной плазме (МС-ИСП), позволяют получить данные о минералогическом (фазовом), общем элементном и микропримесном составе всего фрагмента керамики. Методы локальной диагностики – оптическая (ОМ), растровая (РЭМ) и просвечивающая (ПЭМ) электронная микроскопия направлены на независимое изучение глиняной основы и отдельных включений. Комплементарность и возможность взаимопроверки подобранных методик позволяет получить наиболее точные и достоверные экспериментальные данные для последующей классификации клейменных образцов. В дальнейшем совокупность физико-химических характеристик керамики известных центров глиняного производства будет использоваться для локализации мест производства керамических материалов не установленного происхождения. (Антипин, 2019; Мандрыкина, 2018)

Для демонстрации чувствительности нашего подхода к ключевым характеристикам керамик различного происхождения мы рассмотрели фрагменты амфор различных производственных центров из коллекции

С.Ю. Монахова, которые были локализованы по клеймам: Синопа (73с, 145с), Гераклея (149г, 150г), Фасос (105ф, 108ф, 146ф), Кос (140к, 142к).

Для исследования глиняной основы и включений методом РЭМ/ЭРМ были подготовлены шлифы исследуемых образцов и получены их оптические изображения.

Вариация содержания элементов в области глиняной основы может быть обусловлена тем, что часть электронов рассеивается в внутренних приповерхностных особенностях образца, таких как включения минералов или пор, невидимых на поверхности, вследствие чего меняется выход флуоресценции. Для минимизации вклада таких особенностей в экспериментальный результат, ЭРМ анализ выполнялся в нескольких точках, полученные данные затем усреднялись (таблица 1). Отметим, что при обработке флуоресцентных спектров ЭРМ, сумма элементов автоматически приводится к 100%, поэтому, сопоставление состава глиняной основы для различных образцов выполнялось по содержанию элементов в массовых процентах, а также их отношениях: Si/Al, Na/Mg, Na/K, Mg/K, Ca/K, Na/Ca, Ti/Ca, Ti/Mg, Fe/Mg, Ca/Mg, которые отражают особенности алюмосиликатной матрицы, а также кислотности почвы, что позволяет более детально рассмотреть образцы и выявить специфику их группировок. (Т. Такеучи и др. 2009)

Таблица 1 Элементный состав глиняной основы в масс.%, полученный методом РЭМ/ЭРМ

Обр.	105ф	108ф	146ф	73с	145с	149г	150г	140к	142к
Na	1,0	0,7	1,2	0,9	1,4	1,4	1,1	0,0	0,5
Mg	3,6	6,6	4,0	2,0	3,2	1,0	1,2	3,0	6,8
Al	16,5	16,0	16,5	15,3	14,9	10,5	11,3	17,0	15,9
Si	33,9	31,8	33,5	38,1	39,8	40,5	44,4	47,4	44,2
P	0,1	0,1	0,1	0,3	0,2	0,0	1,0	0,4	0,4
S	0,0	0,1	0,5	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	0,2
Cl	0,2	0,8	0,4	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,7
K	6,3	6,0	8,2	3,6	3,5	5,5	2,1	6,0	5,6
Ca	24,8	19,8	20,8	23,3	23,5	33,6	30,6	14,7	14,6
Ti	1,8	1,0	0,9	0,8	1,1	0,5	0,8	0,8	0,6
Fe	13,0	17,1	15,7	15,6	12,1	7,1	7,3	10,5	10,5
Si/Al	2,1	2,0	2,0	2,5	2,7	3,9	3,9	2,8	2,8
Na/Mg	0,3	0,1	0,3	0,5	0,4	1,4	0,9	0,0	0,1

Na/K	0,2	0,1	0,1	0,3	0,4	0,3	0,5	0,0	0,1
Mg/K	0,6	1,1	0,5	0,6	0,9	0,2	0,6	0,5	1,2
Ca/K	3,9	3,3	2,5	6,5	6,7	6,1	14,6	2,5	2,6
Na/Ca	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Ti/Ca	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Ti/Mg	0,5	0,2	0,2	0,4	0,3	0,5	0,7	0,3	0,1
Fe/Mg	3,6	2,6	3,9	7,8	3,8	7,1	6,1	3,5	1,5
Ca/Mg	6,9	3,0	5,2	11,7	7,3	33,6	25,5	4,9	2,1

Обработка полученных данных проводилась с привлечением статистического анализа с использованием программы Statistica. Выполнялся анализ главных компонент методом К-средних и кластерный анализ. При этом проводилась стандартизация данных для сбалансированного учета вклада всех элементов. Кластерный анализ показывает распределение образцов по группам исходя из их общих свойств (рис.1а,б).

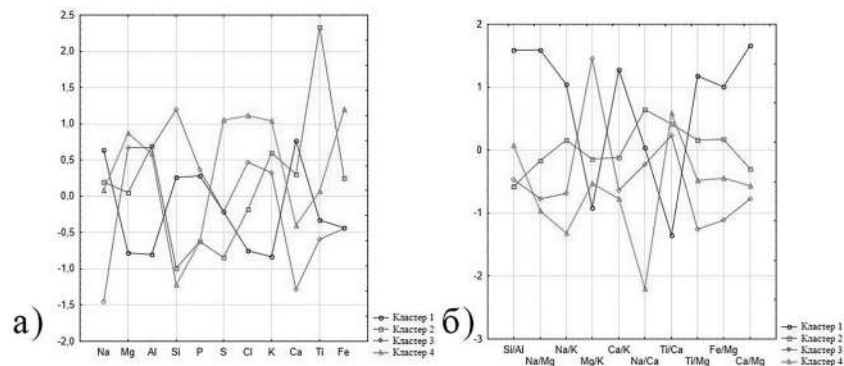

Рисунок 1 График средних отклонений содержания элементов (а) и их отношений (б) для каждого кластера по данным элементного состава глиняной основы, полученный методом РЭМ/ЭРМ. (а) Кластер 1: 73с, 145г, 149г, 150г; кластер 2: 105ф; кластер3: 140к, 142к; кластер 4: 108ф, 146ф. (б) кластер 1: 149г, 150г; кластер 2: 105ф, 146ф, 73с, 145с; кластер 3: 108ф, 142к; кластер 4: 140к

Исходя из кластерного анализа можно сделать вывод, что гераклейские изделия выделяются в кластер по всем показателям. Синопские образцы по содержанию элементов схожи с гераклейскими, а по отношениям элементов – схожи с некоторыми фасосскими образцами. Образцы из Коса в соответствии с подписью к рисунку выделяются в кластер по

элементам, в отличие от анализа по их отношениям. Фасосские изделия также меняют группировку в зависимости от использования элементов или их отношений. Это показывает неоднозначность кластерного анализа и подчеркивает необходимость введения в рассмотрение другого вида статистической обработки данных о элементном составе глиняной основы – главных компонент.

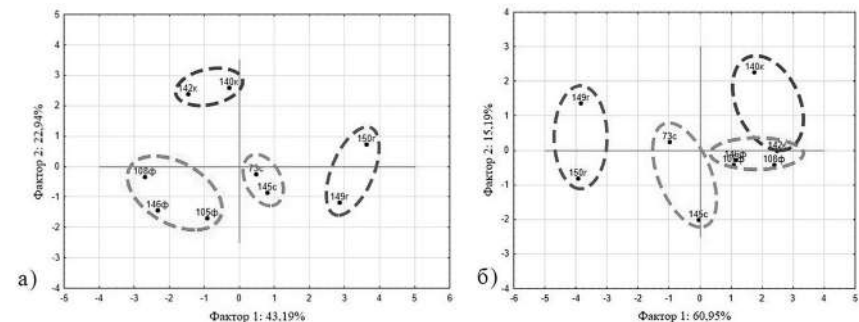

Рисунок 2 Анализ главных компонент по значениям элементов (а) и их отношений (б) элементного состава глиняной основы, полученным методом РЭМ/ЭРМ

Анализ главных компонент позволяет выделить факторы, которые объединяют характерные особенности образцов (рис.2а,б). При этом вклад фактора 1 определяется содержанием Al, Mg, Fe, Ca, Cl и составляет 43,19%, а фактора 2 – содержанием Si, Na, Ca, P и составляет 22,94%. В случае с отношениями элементов вклады определяются для первого фактора отношениями: Na/Mg, Ti/Mg, Ca/Mg, а для второго – Na/Ca, Ti/Ca, Na/K, Mg/K, соответственно.

Для исследования включений был проделан ЭРМ в области включений и построены карты распределения элементов на шлифе, которые обрабатывались при помощи программы ImageJ. Это позволило оценить процентное содержание нескольких типов наиболее часто встречающихся включений: с высоким содержанием Si, Ca, Ti, Fe, а также сложносоставные включения, соответствующие Ca+Mg+Fe, Ti+Fe (табл.2), которые могут быть идентифицированы как кварц (Si), диоксид (Ca+Mg+Fe) и ильменит (Ti+Fe). Также по повышенному содержанию K, Na были выделены темные чешуйчатые включения, которые предположительно соответствуют полевым шпатам и/или слюде: + много, +/- среднее количество, – мало или практически отсутствуют (табл.2). Однако, по дан-

ным элементного анализа мы не можем однозначно разделить полевые шпаты (например, ряда альбит-анортит) и слюду. Данный вопрос решают методом РФА.

Таблица 2 Содержание включений по данным ОМ и РЭМ/ЭРМ

Обр. Включения	105ф	108ф	146ф	140к	142к	73с	145с	149а	150а
Si	3,17	2,35	2,42	2,74	2,7	1,24	1,4	1,67	0,49
Ca	1,44	3,95	1,27	1,73	2,1	4,43	0	2,49	6,87
Ca+Mg+Fe	0	0	0	0	0	0,84	6,98	2,91	6,78
Fe	0,3	1,06	0,98	0,39	0,18	0	0,4	0	0
Ti	0,13	0,58	0,46	0,17	0,12	0	0,38	0,9	0
Ti+Fe	0	0	0	0,08	0,09	1,09	1,2	1,73	0,91
Темные чешуйчатые включения	+	+	+	+/-	+/-	-	-	-	-

Исходя из полученных данных методом РЭМ/ЭРМ можно сделать ряд выводов. В синопских и гераклейских изделиях кварц (Si) содержится в меньшей концентрации относительно других образцов, также в них присутствуют диопсид (Ca+Mg+Fe) и сложносоставные включения (Ti+Fe), которые могут соответствовать ильмениту. Изделия из Коса и Фасоса характеризуются отсутствием диопсида, высоким содержанием кварца, низким содержанием или отсутствием ильменита. Это находится в соответствии с данными РФА: синопские и гераклейские изделия отличаются высоким содержанием диопсида и мусковита, фасосские изделия характеризуются высоким содержанием слюды и кальцита.

Для идентификации образцов по следовым количествам маркерных элементов методом МС-ИСП. Во всех образцах было отмечено высокое содержание таких элементов как Fe, Ti, Mg, Ba. Сравнительный анализ результатов показал значимое содержание Ti, однако в образцах фасосской группы оно более высокое (порядка 0,6%), в то время как керамике косского, гераклейского и синопского происхождения характерно содержание этого элемента на уровне 0,27-0,4%. Это может быть связано с присутствием в образцах региона Фасос фазы минерала анатаза (TiO₂) в большей степени, относительно остальных образцов. Fe является самой многочисленной примесью во всех образцах керамик и варьируется от 2,2 до 5%. Содержание этого элемента достаточно стабильное. Образцы косского региона отличает повышенное содержание Ni (0,22-

0,25%), Zr (0,1-0,12%), Ba (0,47-0,54%), что в 4-10 раз больше относительно образцов других регионов. Редкоземельные элементы в наименьшем количестве присутствуют в образцах Синопы и Гераклеи.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ ОФИ-м №17-29-04201.

ЛИТЕРАТУРА

Такеучи Т. и др. 2009. Электронно-микронзондовый анализ формовочных масс керамики с памятников дальнего востока // Археология, этнография и антропология Евразии 1 (37), С.39–51.

Антипин А.М. и др. 2019. Рентгеновские, синхротронные и масс-спектрометрические методы в исследовании керамических объектов культурного наследия. // Кристаллография. Т. 64, № 3, С.484–493.

Мандрыкина А.В. и др. 2018. Исследования античной крымской керамики методами электронной микроскопии // Кристаллография. Т. 63, № 5, С.832–841.

МОЛЕВ Е. А., МОЛЕВА Н. В.
(ННГУ, Н-Новгород)

КЕРАМИЧЕСКИЙ МЕДАЛЬОН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АСКЛЕПИЯ И АРТЕМИДЫ ИЗ КИТЕЯ

В полевом сезоне 2016 года среди других находок оказалась одна совершенно необыкновенная. Это фрагмент почти плоского дна краснолакового блюда с круглым рельефным медальоном на внутренней поверхности сохранившимся на три четверти (Рис. 1-2), найденный в жилом помещении "Г" раскопа IV в слое I-II вв. н.э. Верхняя часть рельефного медальона утрачена, однако надпись и изображения узнаваемы и поддаются идентификации. Он имеет широкую рельефную кольцевую окантовку. В центре его изображение двух фронтально стоящих фигур: слева – мужской, справа – женской, стоящих на горизонтальной линии; под ней идет двухстрочная надпись «ΠΕΡΓΑΜΗΝΩΝ ΕΦΕΣΙ».

Между фигурами в районе голов, размещено антропоморфное изображение, представляющее собой, судя по аналогичным изображениям на монетах Пергама и Эфеса времени Коммода, фигуру богини Ники (RPC IV,2. 3280). Глина изделия светлая, желто-бежевая, плотная, без заметных включений. Лак оранжево-красный, плотный. Судя по оборотной стороне фрагмента, медальон был сначала оттиснут в форме, а затем наложен на дно еще не просохшего готового сосуда. Аналогий изображенному на ней рельефу и надписи в опубликованных находках нами не обнаружено.

Рассмотрим характер изображений. Слева на рельефе – фигура мужчины в хитоне и гиматии с посохом в правой руке, увитым змеей, ползущей по посоху вверх. Голова его, повернутая к Артемиде, частично сколота. Левая рука свободно опущена и придерживает край свисающего гиматия; правая нога слегка отставлена, ступня ее развернута вправо; ступня левой ноги, на которую преимущественно опирается фигура – слегка развернута

влево. Под складкой гиматия у левой ноги стоит сосуд цилиндрической формы; вероятнее всего, циста со свитками, закрытая крышкой. Слева от этого персонажа сохранились еще какие-то не вполне ясные буквенные изображения. Просматриваются (снизу вверх) буквы Ε, Π, Ι(?), Ε (или Σ), Ο.

Посох, вокруг которого обвивается змея, является одним из самых распространенных символов медицины и атрибутом бога-врачевателя Асклепия. В античной скульптуре наиболее близкое по типу нашему изображение Асклепия представлено статуэткой из коллекции Эрмитажа, найденной в Сицилии (Waldhauer, 1928: 15, tabl. III. № 5) и статуей этого бога из окружного археологического музея Пафоса на Кипре (Daszewski, Michaelides, 1988: 56). Упоминание в надписи на сосуде пергамцев и, тот факт, что именно в их городе находился один из самых знаменитых храмов Асклепия (настолько знаменитых, что Асклепия здесь даже называли «пергамским богом»), можно предположить, что реальным прототипом нашего изображения могла быть эта статуя или реплика с нее.

В правой части медальона представлена Артемиды Эфесская. Она была совсем непохожа на греческих богинь и имела уникальный и особенный облик (Stephanie Lynn Budin, 2016: 22), что сразу делает ее достаточно легко узнаваемой. В эллинистический и римский период было создано множество копий этой статуи, а кроме того ее изображение чеканилось в ранний период на лидийских монетах, позднее – на кистофорах г. Эфеса со 133 г. до н.э. (Kleiner, 1972: 17-32) и монетах римского времени (времени Коммода – RPC IV.2. 1152; IV.2. 3277; IV. 2. 3280), где она изображена также с Асклепием.

Образ Артемиды Эфесской на фрагменте из Китея кажется стандартным и подчиненным схеме, но вместе с тем имеет свои особенности. В обеих руках, согнутых в локтях под прямым углом, богиня держит два длинных тонких тирса, увитых вьющимися побегами или, может быть, змеями. В любом случае такая деталь подчеркивает органистичность и хтоничность ее культа. Юбка узкая, разделена на восемь ярусов, также украшенных изображениями голов или полуфигур животных, которых из-за небольшого размера статуи практически невозможно идентифицировать. Внизу юбки находится широкая оборка, из-под которой выглядывают ступни. Несомненно, что на медальоне изображена хорошо узнаваемая статуя Артемиды из Эфесского храма.

В верхней части медальона между головами Асклепия и Артемиды также в невысоком рельефе размещено изображение богини Ники, увенчивающей Асклепия и Артемиду. Верхняя часть изображения сколота.

Наиболее близкая аналогия нашему изображению статуэтка Ники на монете Пергама времени Коммода (RPC IV,2. 3277).

И, наконец, под рельефными изображениями внизу имеется двухстрочная надпись – Περυασηνῶν Ἐφεσί. Первое слово представлено полностью: это генетивус плюралис от περυασηνός – пергамский, пергамец. Второе слово записано без окончания и связано с названием Эфеса. Вероятнее всего, это может быть форма Ἐφεσί(ων), присутствующая на монетах Пергама и Эфеса времени Коммода¹. И вся надпись, вероятнее всего, подразумевала тот же смысл, что и на этих монетах: (κοινὸν ὀμόνοια) Περυασηνῶν / (καὶ) Ἐφεσί(ων) – (союз) Пергамцев (и) Эфесян. Среди монет с аналогичной иконографией и легендой наиболее близкой является бронзовая монета RPC IV, 2. 3277 (<https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/4/3277>), датируемая 180-182 гг. н.э. Надпись свидетельствует о том, что в период изготовления нашего блюда Пергам и Эфес находились в очень тесных дружественных отношениях. Более того, мы можем говорить и об «определенном влиянии на пергамскую посуду эфесской керамической традиции» (Журавлев, 2009: 256). Изображение же на рельефе статуй, особенно статуи Артемиды Эфесской, свидетельствует о том, что «пергамская рельефная керамика не только продолжает линию развития произведений торевтики, но и связана с монументальным искусством, во всяком случае, опосредованно» (Журавлев, 2009: 258).

Сам сосуд (может быть, блюдо для подношений?) имеет ярко выраженное сакральное предназначение и свидетельствует о тесных, религиозных, политических и экономических связях между Пергамом и Эфесом. Изображенные на нем две статуи, являлись культовыми символами этих двух городов, имевших тесные и дружеские политические отношения с эпохи позднего эллинизма (Климов, 2010: 311).

В заключение отметим, что по материалам Афинской Агоры такие медальоны датируются II в. до н.э. (Rotroff, 1982: 285). Однако, надпись на медальоне из Китея, также как и характер рельефа, их почти полное соответствие изображениям на оборотных сторонах монет Пергама времени Коммода позволяют думать, что именно изображения на монетах стали прототипом нашего изображения, а следовательно датировать изготовление нашего медальона последней четвертью II в. н.э.

Когда и при каких обстоятельствах сосуд, украшенный этим медальоном, попал в Китей решить трудно. Он найден в перемешанном слое

¹ Наше внимание на соответствие нашей надписи надписям на монетах Пергама и Эфеса обратил А.В. Белоусов, которому мы выражаем искреннюю признательность.

в помещении, вероятнее всего, жиллом, с довольно стандартным для нашего города набором находок (фрагменты амфор, черепицы,-mortариев, краснолаковой, чернолаковой, красноглиняной и лепной посуды, фрагменты известняковых зертнотерок и тарапанов). Однако заметим, что помещение это примыкает к большому сакральному комплексу у восточной крепостной стены города (Молев, Молева, 2015: 264-270). Человек, который привез такую вещь на Боспор и далее в Китей, отдавал себе полный отчет в сакральной символике образов, воспроизведенных на нем. Культ именно Эфесской Артемиды известен на Боспоре еще с VI в. до н.э. Надпись на обломке бронзового треножника из Пантикапея с посвящением Артемиде Эфесской датирована Ю.Г. Виноградовым третьей четвертью VI в. до н.э. (Виноградов, 1974: 61). С IV в. до н.э. этот культ прослеживается особенно ярко. Он, несомненно, был перенесен на Боспор первыми переселенцами с их ионической Родины (Шауб, 2007: 347-348).

Что же касается культа Асклепия, то он также имел место на Боспоре. Страбон упоминает храм Асклепия в Пантикапее (Strabo., II, 1, 16), а В.Ф. Гайдукевич считает, что неподалеку от боспорской столицы существовало загородное святилище Асклепия с источником полезной воды (Гайдукевич, 1949: 162,170; Gajdukevič, 1971: 177). Так что вполне возможно, что даже фрагмент изделия с изображениями этих богов (сколы на нем старые) мог служить вотивом, использованном в домашнем святилище. Тем более, что этот фрагмент имел и определенную художественную ценность.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Ю.Г. Прохус Минииды из Пантикапея // ВДИ. 1974. № 4. С. 56-67.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1949. 624 с.

Журавлев Д.В. Эллинистический пергамский керамический импорт в Северном Причерноморье: мифы и реалии // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (отв. ред.). – Казань, 2009. С. 252-267.

Климов О.Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., Нестор-история, 2010. 400 с.

Молев Е.А., Молева Н.В. Святилище у восточной крепостной стены в боспорском городе Китее // Археология і давня історія України Вип. I. Київ, 2015. С. 264-270.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). СПб., 2007. 483 с.

Burnett A., Carradice I., Amandry M. Roman provincial Coinage. Oxford. Vol. IV. (From Antoninus Pius to Commodus AD 138-192). Database accessible online: <http://rpc.ashmus.ox.ac.uk>

Daszewski W. A., Michaelides D. 1988 – Daszewski W. A., Michaelides D. Guide to the Paphos mosaics. Nicosia, Cyprus: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 1988. – 73 p.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Riech. Berlin-Amsterdam, 1971.

Kleiner F.S. The Dated Cistophori of Ephesos // American Numismatic Society Museum. Notes 18. 1972. P. 17-22.

Rotroff S.L. Hellenistic pottery Athenian and imported moldmade bowls // The Athenian Agora. V. XXII. 1982. – 135 p.

Stephanie Lynn Budin, Artemis (Gods and Heroes of the Ancient World. London/New-York: Routledge, 2016. 184 p.

Waldhauer O. Die Antiken Skulpturen der Ermitage. Teil 1, Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen hrsg. V. B. Pharmakowsky, G. Bodenwaldt, O. Waldhauer, Tu. Wiegang, A.A Zacharow. Bd. I. Berlin und Leipzig. 1928. – P. 84; XLVIII plates and 17 illustrations in text.

Рис. 1.

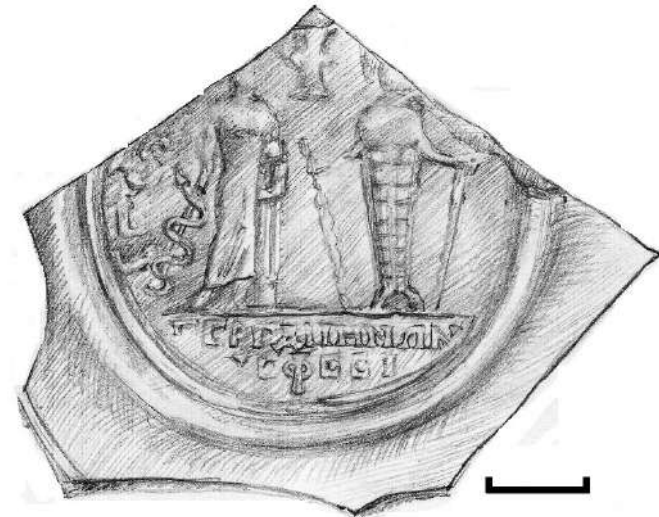

Рис. 1.

МУЛЬД С. А.

(НИЦИАК КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь)

ПОЯСНОЙ КРЮК ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Могильник находится в 6 км к юго-западу от г. Симферополя, на окраине дачного поселка у с. Левадки Симферопольского района Республики Крым. Здесь исследовано 191 погребальное сооружение: 22 катакомбы; 26 склепов; 94 подбойные могилы; 44 могилы в простых грунтовых ямах, из них 35 специальной конструкции для погребения коней; 2 могилы, устроенные в хозяйственных ямах; 3 недостроенных сооружения; 3 погребения собак. Кроме того, на территории памятника открыта 31 хозяйственная яма, раннего поселения. По погребальному инвентарю могильник датируется II в. до н.э. – III в. н.э. В этническом плане весьма четко определяются позднескифские и сарматские элементы погребального обряда.

За многолетние исследования в Левадках обнаружено большое количество артефактов - это предметы быта, вооружения, элементы одежды и украшения (Мульд, Кропотов 2015). Помимо нескольких ювелирных изделий, в собранной коллекции, обращают на себя внимание предметы нестандартные в ряду своих категорий. Их отличают форма, материал и орнаментация. Несомненно, такие предметы являются результатом наивысшего уровня мастерства ремесленников, что в свою очередь делает их объектами искусства и позволяет использовать в рамках темы конференции.

Речь пойдет о поясном крюке, обнаруженном в ограбленной могиле №25 (рис. 1). Он представляет собой трапециевидную, продольно вытянутую пластину, завершающуюся с узкой стороны стержнем с загнутым внутрь и заостренным концом - крюком. На тыльной стороне пластина имеет Т-образный штифт из овального в сечении стержня, с помощью которого крюк прикреплялся к ремню. Предмет сильно корродирован и

сломан грабителями. В ходе реставрации удалось установить, что лицевая сторона пластины украшена рельефным изображением. Хорошо видны два параллельных валика, украшающих бляху по краю. Внутри этой обводки, вероятно, нанесено изображение, детали которого скорее угадываются, чем имеют определенную трактовку. Центральная часть изображения утрачена из-за сколов, остальная поверхность вздулась в процессе коррозии. Размер поясного крюка 9,5x4,2x2,3 см (длина крюка 2,5 см, пластина – 7x4,2x3 см).

В археологической литературе подобные предметы называют по-разному: «пряжки», «поясные или защитные бляхи», «поясные крюки», «ременные пластины». Отчасти такое многообразие терминов связано с двумя типами крюков отличных по форме, но изготавливавшихся по одной функциональной схеме: сильно загнутый крючок на одном конце для сцепления со свободным концом ремня и Т-образный штифт с тыльной стороны для крепления к кожаной основе. О.Д. Дашевская разделила эти типы по форме на «широкие, пластинчатые» и «узкие» (Дашевская 1991, с. 35). Последние точнее было бы называть стержневидными, поскольку все они вытянутой формы и круглые в сечении по всей длине или в большей части своей длины. Не случайно первые находки этих крюков интерпретировались исследователями как ткацкие орудия (Троицкая 1957, с. 186, рис. 10). Видимо, еще одним типом следует считать фигурные крюки. К таковым можно отнести крюк в виде всадника, случайно найденный на территории могильника Неаполя Скифского (Веселовский 1891, с. 81-83).

Неожиданно однозначную интерпретацию рельефа и деталей поясного крюка из Левадков дает в одной из своих работ Ю.П. Зайцев (Зайцев 2009, с. 541-542). По его мнению, сам крюк выполнен в форме «стилизованной головы хищной птицы», а сцена на пластине изображает «хищную птицу, клюющую рыбу». Эти орнитологические мотивы исследователю подсказали находки из «клада» Веселой Долины в Северо-Западном Причерноморье, а также из курганных погребений в Чистенькое и Сары-Кая в предгорном Крыму. На щитке поясного крюка из Веселой Долины действительно довольно реалистично изображены две птицы, клюющие или несущие в когтях рыбу (Редина, Симоненко 2002, с. 84, рис. 1, 3). Оформлены ли окончания крюков из Чистенькое, Сары-Кая и Левадков в виде голов птиц, судить сложно, поскольку металл во всех случаях сильно деформирован. У наиболее сохранившегося за счет плакировки золотом поясного крюка из Нижних Серагоз окончание выпол-

нено в виде головы животного (кабана?), закусывающего шею лебедя (Ростовцев 1914, Табл. LXXXV, 3, 3а; Mordvinceva, Redina 2013, Abb.4с).

Еще на двух известных нам поясных крюках с изображениями на щитках нанесены различные сцены: поединок всадников (Нижние Серогозы) и крылатые кони с фигуркой человека между ними (Чистенькое). В последнем случае изображение прорезное и плакировано бронзой (Зайцев, Колтухов 2004, с. 246, рис. 7, 23). Изображения на щитке поясного крюка из Сары-Кая повреждены коррозией, видна лишь окантовка валиком и крестообразное разделение поверхности на четыре части (Зайцев, Мордвинцева 2010, с. 149, рис. 6, 2). Представляется, что поясные крюки могли изготавливаться по индивидуальным заказам и соответственно не повторялись в сюжетах изображений на их щитках.

Поясные пластинчатые крюки известны из раскопок погребальных комплексов Неаполя Скифского (Сымонович 1983, табл. XIV.5; XVI.3, 4, 7, 11, 19, 30), Беяуса (Дашевская, 1991, стр. 35), Талаевского кургана (Троицкая, 1957, с. 186, рис. 10). Э.А. Сымонович датирует погребения, в составе инвентаря которых есть поясные крюки довольно широко II-I вв. до н.э. – I в. н.э. (Сымонович 1983, с. 104, рис.19). Орнаментированные же экземпляры поясных крюков датируются III-II вв. до н.э. (Зайцев, Колтухов 2004, с. 248-249; Дзиговский 2003, с. 57). II в. до н.э. датируется находка из Беяуса (Дашевская 1991, с. 35). В этой связи наиболее приемлемой датой для поясного крюка из Левадков является II в. до н.э.

Конструкция погребального сооружения, в которой обнаружен крюк, необычная. В качестве входной ямы могилы использована хозяйственная яма, круглая в плане, слегка расширяющаяся ко дну. В ее западной стенке, практически с уровня дна, вырублена погребальная камера овальной формы в плане. Свод камеры в поперечном вертикальном разрезе стрельчатой формы, в продольном – плавно понижается к задней стенке. Вход в камеру закрывала вертикально стоящая каменная плита (0,95 x 0,9 x 0,15 м), частично поврежденная в верхней части. Судя по обнаруженным в грабительском заполнении костным останкам в камере было погребено два взрослых человека. В северной стенке ямы на высоте 0,7 м от ее дна вырублена небольшая ниша-подбой близкой к овальной форме в плане. Судя по размерам и костным останкам, здесь было совершено погребение ребенка.

Поясной крюк является единственным датирующим артефактом этого комплекса, что дает возможность приблизиться к пониманию датировки раннего поселения. Собственно поселение представляет собой

комплекс хозяйственных ям, наибольшая концентрация которых выявлена в северной части могильника. Здесь на площади 270 м² их раскопано 27. Еще шесть открыты на разных участках могильника, включая самый южный. Ямы не заполнены мусорным сбросом, как это обычно бывает на однотипных памятниках. Перекрывающий их слой абсолютно идентичен участкам могильника, где ямы отсутствуют. Нет выраженного поселенческого слоя, насыщенного артефактами и сколько-нибудь разнообразного в стратиграфическом плане. К сожалению, хозяйственные ямы крайне бедны на находки. Девять из них не содержали находок вовсе. Обнаруженный материал представляет собой небольшое количество фрагментов амфорной тары, гончарной и лепной посуды, костей животных. Из достоверно определяемых типов амфор преобладают экземпляры родосского производства.

Факт использования двух ям в качестве основы для устройства погребальных сооружений, говорит о том, что к этому времени ямы утратили свое функциональное предназначение. И произошло это во II в. до н.э. Эту дату подтверждают находки из этих комплексов, в том числе поясной крюк из могилы №25. Дальнейшие исследования памятника в Левадках позволили бы установить четкую хронологию и топографию могильника и поселения в контексте событий происходивших на полуострове в начальный период позднескифского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский Н.И. Скифский всадник (поясная пряжка) // ИТУАК. 1891. №14, С. 81-83.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д 1-7. М., 1991. 140 с.

Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гермес, 2003. 240 с.

Зайцев Ю.П. Художественные изделия из железа III-I в. до н.э. в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб: «Нестор-История», 2009. 556 с.

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в Предгорном Крыму // Боспорские исследования / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь-Керчь, 2004. Вып. VII. С. 242-259.

Зайцев, Ю.П., Мордвинцева В.И. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах 22 / (ред.) Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. С. 169-176.

Мульд С.А., Кропотов В.В. Позднескифский могильник Левадки в центральном Крыму (II в. до н.э. – III в. н.э.). Уфимский археологический вестник. Издательство: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа, 2015. С.117-129.

Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II – I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2002. Вып. 2. С. 78-96.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. I. Описание и исследование памятников. СПб, 1914. 537 с.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова Думка, 1983. 176 с.

Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // ИАДК / отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 174-190.

Mordvinceva V., Redina E. Der Depotfund von Veselaja Dolina. Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014. – Frankfurt a.M. 2013. S. 394-401.

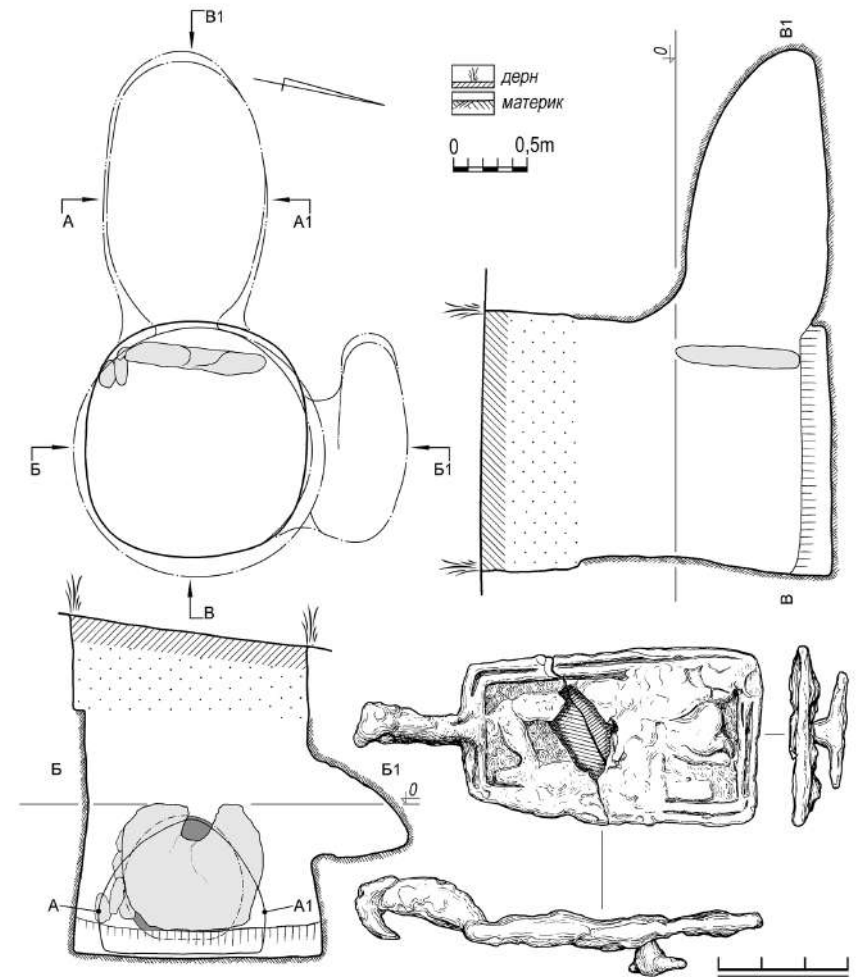

Рис. 1. Могильник Левадки. План, разрезы могилы №25 и железный поясной крюк

НАУМЕНКО В. Е.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИКОНКИ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА)¹

Важнейшим предметом исследований «церковной», «христианской» и «византийской археологии» является изучение материальных остатков церковно-монастырских комплексов и прихрамовых некрополей. Их проблематика в последнее время значительно расширилась. Помимо традиционных задач – установления хронологии, периодизации, композиции и планировки памятников, одновременно рассматриваются многие вопросы социальной и культурной истории, которые в литературе обозначены как «археология церковной утвари и реликвий», «археология предметов личного благочестия», «археология паломничества» и пр. [Беляев, 2004; Мусин, 2006, с. 164-166; Яшаева, 2017, с. 105-106; о содержании понятий «церковная», «христианская» и «византийская археология» см. также: Хрушкова, 2012].

Трудности изучения таких древностей, к которым, прежде всего, относятся памятники прикладного искусства, общеизвестны. Они зачастую не имеют ясного археологического контекста либо, в случае обнаружения в культурном слое, могут вступать в противоречия с датировкой сопутствующего археологического материала. Их изучение требует известной доли междисциплинарности, то есть использования в процессе анализа разнообразия методов археологии, искусствоведения и дисциплин

эпиграфики, лингвистики и др. При этом выбор приоритетной гипотезы из числа предлагаемых специалистами разных научных направлений всегда имеет авторское решение.

Мы попытаемся показать все известные сложности атрибуции предметов прикладного искусства, происходящих из раскопок археологических объектов, на примере только лишь одной находки – византийской костяной иконки с изображением св. Иоанна Богослова, обнаруженной в ходе исследований Мангупского городища. С учетом ее недавней публикации [Науменко, Душенко, 2019], в работе остановимся, главным образом, на методах искусствоведческого анализа иконки, слабость которых, в итоге, заставляет предпочесть археологическую датировку памятника.

Археологический контекст находки. Иконка происходит из раскопок так называемой «церкви 2015 г.», расположенной в верховьях мыса Елли-бурун Мангупского плато и исследованной полностью в 2015-2017 гг. Церковь представляет собой культовую постройку зального типа, ориентированную по оси северо-восток – юго-запад и состоящую из трех архитектурных компонентов – алтарной части, наоса и нартекса. Небольшая ширина стен (не более 0,50-0,60 м) и наличие в наосе двух симметрично расположенных колонн предполагают трехнефную композицию храма, с одним широким (центральным) и двумя узкими (боковыми) нефами. Памятник надежно датирован последней четвертью XIII-XIV вв., что позволяет рассматривать его как элемент городской застройки в золотоордынский период истории Мангупа, погибшей в 1390-х гг. [Герцен, Науменко, 2016]. После восстановления крепости в самом начале XV в. церковь уже не использовалась по своему назначению и была разобрана на строительный материал.

Интересующая нас иконка обнаружена в заполнении одной из скальных гробниц для многократных захоронений внутри храма (гробницы №4), которая, по-видимому, выполняла роль центрального, наиболее почитаемого, погребального комплекса во время богослужения и была вырублена одновременно с церковью. Находка происходит из нижнего (4-го, нетронутого позднейшими ограблениями) яруса захоронений гробницы, который датирован последней четвертью XIII в. или самым началом XIV в. Основания для датировки – древнерусский медный литой крест с эмалью и монета времени золотоордынского беклярибека Ногая (около 1280-1299 гг. выпуска). Иконка найдена при зачистке двух погребений молодых мужчин в возрасте от 20 до 40 лет [об условиях находки более подробно см.: Науменко, Душенко, 2019, с. 219-226].

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Основные этапы христианизации Мангупского городища в Юго-Западном Крыму: синтез исторических и архитектурно-археологических исследований» (проект №19-49-910007). Выражаем признательность А.Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В.И. Вернадского, за возможность самостоятельной публикации результатов раскопок памятника, а также А.Ю. Виноградову, А.А. Душенко, А.И. Набокову и В.Н. Чхаидзе – за разнообразную помощь в ходе исследования.

Таким образом, археологический контекст мангупской иконки не вызывает особых сомнений. Она относится к раннему этапу истории «церкви 2015 г.», который датируется в пределах конца XIII – начала XIV вв.

Описание иконки (Рис. 1). Иконка представляет собой костяную пластину подквадратной формы общими размерами 4,44 x 4,05 x 0,52 см. Выровненная, но грубо зашлифованная, тыльная сторона сохранила остатки губчатой структуры, характерной для рога оленя. На гладкой, местами полированной, лицевой стороне, в углубленном поле, окруженном по периметру бордюром высотой и шириной 1-2 мм, вырезано рельефное погрудное изображение святого, обращенное вправо. Иконка имеет удовлетворительную сохранность. Несмотря на фрагментированность (склеена из трех пластин) и утраты по краям, на поверхности нет следов сильной потертости в результате длительного использования. Хорошо сохранились все детали образа на лицевой стороне. По сторонам нимба святого – два не симметрично расположенных овальных отверстия диаметром около 2 мм. Они появились позднее изготовления иконы и предназначались для ее крепления к какой-то твердой основе. В верхнем правом углу пластины, вблизи внешнего бордюра, вырезана греческая буква «Α» в круге (от «Ἄγιος» – «святой»), в верхнем левом углу – две греческие буквы «Ιω» под горизонтальной чертой (от «Ἰωάννης» – «Иоанн»). Вместе с иконографическими деталями изображения и наличием Библии в руках святого это позволяет уверенно отождествить его с одним из евангелистов в христианской традиции – апостолом св. Иоанном Богословом.

На пластине представлен цельный, продуманный до деталей, иконографический образ св. Иоанн Богослова, общие черты которого известны в византийском искусстве, начиная со 2-й половины IX в. [Виноградов и др., 2010]. Он изображен как пожилой мужчина с крупной головой, округлым лицом, высоким выпуклым лбом с залысинами и небольшой курчавой бородой. Лицо проработано особенно тщательно: крупные, несколько выпуклые брови и глаза со зрачком посередине, окруженные морщинами, что придает взгляду выразительность и некоторую отрешенность; массивный расширяющийся книзу нос с выделенными ноздрями; пухлые губы; рельефные скулы; большой подбородок; волосы на голове короткие, курчавые, прядями падают вниз. Ощущается несоразмерность головы с короткой шеей и маленькой левой рукой с также короткими, без какой-либо детальной проработки, четырьмя видимыми пальцами, что придает фигуре, с одной стороны, массивность, а, с другой – укороченность и общую непропорциональность. Одежда евангелиста дана без

детализации. Она имеет свободный покрой с крупными складками, одна из которых образует «перевязь» через левую руку. Этой же рукой святой придерживает закрытую Библию, обложка которой орнаментирована по краю крупным рельефным пунктиром. Таким же пунктиром украшен нимб вокруг головы Иоанна Богослова. Правая рука фигуры или хотя бы ее пальцы не попали в поле изображения, что является некоторым отступлением от иконографического канона, но объясняется небольшими размерами иконки.

Искусствоведческий анализ находки: иконография, прототипы и возможные аналогии. В связи с поиском возможных аналогий и прототипов изображению Иоанна Богослова на мангупской иконке особый интерес представляют рельефные образы святого на византийских иконках, диптихах (триптихах) или ларцах-реликвариях, вырезанных из слоновой кости, костей животных или стеатита в технике мелкой пластики.

Ларцы и триптихи из слоновой кости. Большинство известных по публикациям предметов византийской мелкой пластики из слоновой кости собраны в фундаментальном каталоге А. Голдшмидта и К. Вайцмана еще в начале 30-х гг. XX в. Изображения св. Иоанна Богослова присутствуют здесь на ларцах или пластинах от триптихов (диптихов). Сопоставление их с образом святого на иконке из раскопок Мангупа позволяет обнаружить вполне надежные прототипы. Особенно близкими оказываются изображения на ларце-реликварии со «сценой Деисуса» из Метрополитен-музея в Нью-Йорке (США) (2-я половина X в.) [Goldschmidt, Weitzmann, 1979, Bd. I, S. 57, Taf. LX, №100] и створке триптиха с поясными изображениями четырех святых из музея в кафедральном соборе г. Аахен (Германия) (конец X в.) [Goldschmidt, Weitzmann, 1979, Bd. II, S. 66-67; Taf. LIV, LXIII, №155]. На них Иоанн Богослов изображен погрудно, с поворотом фигуры вправо, в виде пожилого мужчины с каноническими для византийской иконографии портретными чертами. Однако, полного сходства в деталях все-таки нет. Если указанные изображения св. Иоанна Богослова и использовались изготовителем мангупской иконки в качестве оригинала для своей копии, то они были им серьезно переработаны уже на стадии замысла изделия.

Однако, главная проблема атрибуции образов Иоанна Богослова на ларце и триптихе из Нью-Йорка и Аахена в качестве прототипов иконке из раскопок Мангупа заключается в их неопределенной дате. В историографии, следуя во многом традиции, подавляющее большинство византийских изделий из слоновой кости относится к периоду X-XI вв.

Считается, что они изготавливались в Константинополе и затем вывозились в византийские провинции, где местные ремесленники, в частности, в том же Херсоне, использовали их в качестве образцов для местного производства подобных изделий из подручного материала (кости и рога животных). К XII в. резьба по слоновой кости в Византии приходит в упадок; лишь немногие находки могут быть датированы более поздним временем [см., например: Банк, 1978, с. 82-88; Даркевич, 1975, с. 277-280; Cutler, 1994, р. 186-225]. Между тем, в каталоге А. Голдшмидта и К. Вайцмана, очевидно, определяющим эту хронологию, собраны в основном предметы византийского прикладного искусства, не имеющие ясных условий происхождения, купленные или переданные в дар музеям в разное время. Их датировки обоснованы лишь анализом художественного стиля изображений, что выглядит недостаточным для окончательных заключений и является предметом постоянной дискуссии. В любом случае, в своей работе мы рассматриваем образ св. Иоанна Богослова на ларце из Нью-Йорка и триптихе из Аахена как наиболее ранние сохранившиеся примеры изображений апостола на памятниках византийского прикладного искусства. Они свидетельствуют, что уже в X в. в мелкой пластике культового назначения сложился вполне определенный тип такого изображения, иконография которого находит близкие параллели, прежде всего, в византийской книжной миниатюре.

Стеатитовые иконы и диптихи. Наиболее важным исследованием византийских стеатитовых икон, на сегодняшний день, остается монография И. Калавресу-Максейнер. Ее главным результатом является два вполне обоснованных вывода: о заимствовании техники резьбы, композиции и содержания изображений из области обработки слоновой кости и длительном изготовлении икон из стеатита (от X до XV вв.). Для нашей работы наибольший интерес представляют два изображения св. Иоанна Богослова – на иконе XIV в. из Лувра и на пластине диптиха-реликвария XIII в. из кафедрального музея в г. Мдина (Мальта) [Kalavrezou-Maxeiner, 1985, р. 180-184, 215, pl. 51, 68, №102a, 146]. Поздняя дата обеих находок и практически каноническое изображение Иоанна Богослова на диптихе из Мдины свидетельствуют, что сложившаяся в византийской мелкой пластике еще в X в. иконография образа апостола продолжала оставаться востребованной и в поздневизантийское время. Неизменна общая композиция изображения, в то время как портретные черты святого практически всегда имели индивидуальное решение.

Костяные иконки с изображением святого (Рис. 2). В данном случае нас интересует группа икон из обычной кости или рога животных с образами византийских святых, которые рассматриваются в работе как «предметы личного благочестия». В то же время, судя по многочисленным, не всегда логичным, поздним отверстиям на внешнем бордюре и поле изображений, они могли на каком-то этапе иметь и другие функции – стационарные иконы, створки диптихов (триптихов), пластины-обкладки ларцов (шкатулок) и пр. К сожалению, специальных исследований таких христианских древностей в историографии, по-видимому, не существует. Это вынуждает ограничиться обзором опубликованных костяных иконок-образков с территории Крыма и Кавказа.

Наиболее известной среди них является икона с погрудным изображением евангелиста св. Луки, обращенным влево, из раскопок 1902 г. центрального района акрополя Херсонесского городища (прямоугольная пластинка из копыта коня размерами 5,8 x 5,2 см) (Рис. 2,1). Ее традиционно датируют XI в. [Яшаева и др., 2011, с. 580, №316], хотя условия находки остаются не надежными и, по сути, единственным аргументом в пользу этой хронологии является гипотеза о том, что она была изготовлена в Херсоне по высокохудожественному образцу из слоновой кости византийского происхождения.

Более определенны условия обнаружения другой иконки из Херсонеса – с погрудным изображением анфас св. Николая (пластина подквадратной формы размерами 3,3 x 2,9 см) (Рис. 2,3), найденной в слое разрушения 3-й четверти XIII в. усадьбы 3 квартала X-A [Византийский Херсон, 1991, с. 205, №219; о дате гибели квартала X в целом см.: Голофаст, Рыжов, 2003, с. 224]. Тем не менее, следуя традиции датировки таких предметов исключительно по прототипам и аналогиям из круга византийских изделий из слоновой кости, ее по-прежнему относят к более раннему времени – X-XI вв., игнорируя, таким образом, зафиксированный археологический контекст [Яшаева и др., 2011, с. 580, №315].

Еще одна костяная иконка с образом св. Никиты (?) происходит из раскопок храмового комплекса в пещере Иограф I (Рис. 2,4) [Турова, 2014, с. 115, рис. 36]. Она представляет собой прямоугольную пластину размерами 5,2 x 4,05 см. Изображение погрудное, почти анфас, немного повернутое влево, выполнено в низком рельефе, что напоминает технику резьбы на стеатитовых иконах. Остается не ясным археологический контекст находки; автором раскопок она датируется в широких пределах XI-XIII вв.

Наконец, наиболее территориально отдаленной находкой интересующего нас круга византийских икон является иконка с изображением св. Иоанна Богослова (Рис. 2,2), происходящая из дореволюционных раскопок Среднего Зеленчукского храма на территории Нижне-Архызского городища в Алании [Отчет Нарышкиных, 1877, с. 365, табл. VII; Кузнецов, 1971, с. 189-192, рис. 30,5]². Памятник был построен в два этапа – в 920-е и 950-960-е гг., и функционировал до XIII в., оставаясь кафедральным собором города и Аланской митрополии [Виноградов, Белецкий, 2011, с. 177-178]. К сожалению, условия обнаружения иконки, как и ее датировка, остаются не ясными. Однако, несмотря на низкое качество прорисовки, искажающей многие детали образа святого, можно с уверенностью сказать, что ее изготовитель, как и автор иконки из раскопок «церкви 2015 г.», очевидно, использовали близкий круг прототипов для изображения Иоанна Богослова в своей работе. Сходство проявляется не только в общей композиции изображений, но и в некоторых деталях, которые трудно объяснить простой случайностью, как в случае с одинаковым декором нимба святых с помощью крупного рельефного пунктира.

В целом перечисленные в нашем обзоре «личные» иконки с изображениями святых, несмотря на разные условия происхождения, демонстрируют приверженность сложившимся в Византии иконографическим канонам. Особо следует обратить внимание на вопрос хронологии данной категории предметов личного благочестия. Несмотря на то, что для большинства из них стратиграфические условия обнаружения, по сути, отсутствуют, маловероятной представляется априорная датировка по аналогии с подобными изображениями на изделиях из слоновой кости в пределах X-XI вв. Скорее всего, примеры иконок св. Николая из Херсонеса и св. Иоанна Богослова на Мангупе, которые были обнаружены во время раскопок в закрытых археологических комплексах соответственно 3-й четверти XIII в. и конца XIII – начала XIV вв., ясно свидетельствуют о приоритете археологических аргументов при установлении точной даты для такого рода культовых предметов. С учетом материала их изготовления (обычная кость или рог животных), также маловероятным кажется слишком длительный период использования иконок.

Как показывают приведенные в работе примеры, сложившаяся уже во второй половине IX-X вв. иконография образа Иоанна Богослова на памятниках прикладного искусства Византии существенно не менялась

² В первоначальной публикации 1877 г. материал иконки обозначен как слоновая или мамонтовая кость, что, конечно, ошибочно.

вплоть до XIII-XIV вв., что вызывает существенные трудности при датировке предметов с его изображениями исключительно на основе анализа их стиливых и художественных особенностей. В этой связи находка иконки св. Иоанна Богослова из хорошо датированного, в пределах конца XIII-XIV вв., археологического комплекса на Мангупе является исключительной редкостью для рассматриваемой группы византийских изделий. Для истории же городища ценность ее обнаружения еще более возрастает, с учетом крайней немногочисленности материальных источников, которые можно было бы надежно датировать этим периодом времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII веков. Очерки. М., 1978. 312 с.
- Беляев Л.А. Византийская археология // ПЭ. 2004. Т. VIII. С. 232–252.
- Византийский Херсон: каталог выставки. М., 1991. 256 с.
- Виноградов А.Ю., Королев А.А., Турилов А.А., Макаров Е.Е., Нерсесян Л.В., иером. Николай (Сахаров). Иоанн Богослов // ПЭ. 2010. Т. XXIII. С. 679-731.
- Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011. 392 с.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. №9. С. 247-258.
- Голофаст Л.В., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182-260.
- Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII вв. М., 1975. 352 с.
- Кузнецов В.А. Алания у X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971. 248 с.
- Мусин А.Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой. СПб., 2006. С. 163-222.
- Науменко В.Е., Душенко А.А. Уникальная византийская костяная иконка из раскопок Мангупского городища // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 217-249.

Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году // ИРАО. 1877. Т. VIII. Вып. 4. С. 325–368.

Турова Н.П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялта // МАИАСК. 2014. Вып. 6. С. 93-173

Хрушкова Л.Г. Христианская и церковная археология // Введение в историю Церкви. Часть 1: Обзор источников по общей истории Церкви. М., 2012. С. 569-576.

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011. 708 с.

Яшаева Т.Ю. Византийская археология Херсонеса Таврического // ИАК. 2017. Вып. VI. С. 101-136.

Cutler A. The Hand of the Master. Craftsmanship, Ivory, and Society in Byzantium (9th – 11th C.). New Jersey, 1994. 293 p.

Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.-XIII. Jahrhunderts. Berlin, 1979. Bd. I. Kästen. 75 S.

Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.-XIII. Jahrhunderts. Berlin, 1979. Bd. II. Reliefs. 96 S.

Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985. 252 p.

Речь пойдет о поясном крюке, обнаруженном в ограбленной могиле №25 (рис. 1). Он представляет собой трапециевидную, продольно вытянутую пластину, завершающуюся с узкой стороны стержнем с загнутым внутрь и заостренным концом - крюком. На тыльной стороне пластина имеет Т-образный штифт из овального в сечении стержня, с помощью которого крюк прикреплялся к ремню. Предмет сильно корродирован и

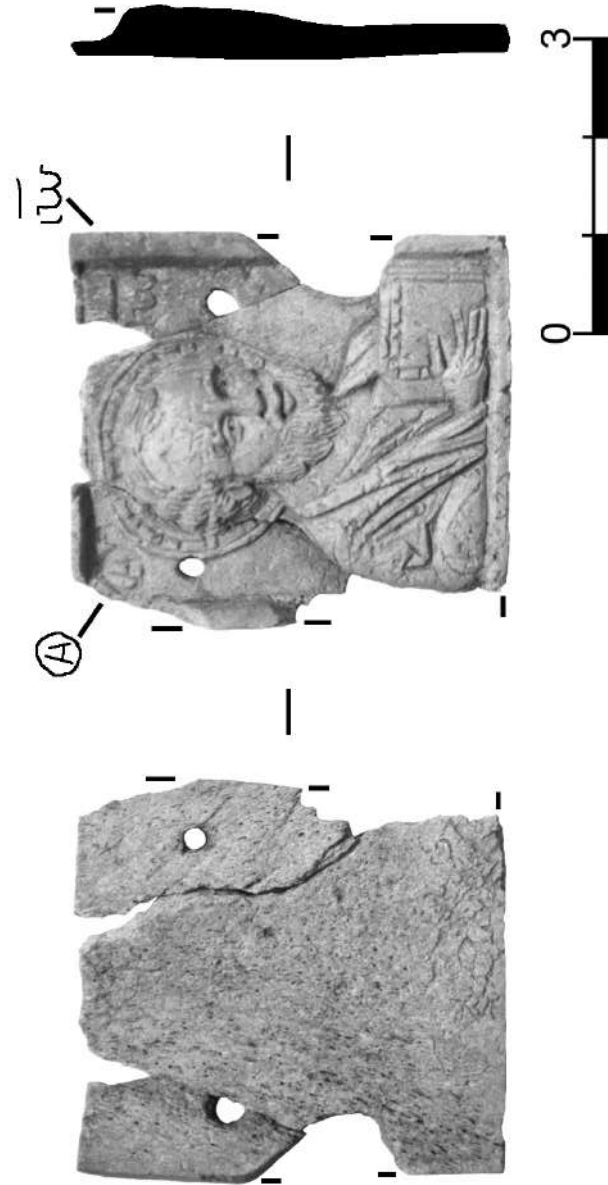

Рис. 1. Костяная иконка с изображением св. Иоанна Богослова из раскопок «церкви 2015 г.» Манупулского городища

ПАНКРАТОВА Е. Г.
(СПбФ АРАН, С.-Петербург)

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ КОНЦА XVIII-XIX СТОЛЕТИЙ (В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)

За всю историю изучения Фанагории, которая насчитывает более двух с половиной столетий, на территории городища и некрополей было открыто большое количество великолепных произведений искусства, которые украшают коллекции крупнейших отечественных музеев и в первую очередь, Государственного Эрмитажа, куда они начали поступать еще с конца XVIII в. В этой небольшой работе обратимся только к наиболее ярким находкам, наметив при этом дальнейшую перспективу научно-исследовательской работы с данной группой археологических находок.

В 1798–1799 гг. военный инженер, генерал гарнизона Фанагорийской крепости Г. Ван дер Вейде с целью поиска строительного материала, при помощи солдат раскопал один из самых больших курганов на берегу Таманского залива близ станции Сенной [Тункина, Застрожнова, Шаров, 2018, с. 142–155]. С восточной стороны насыпи кургана находился украшенный пилястрами вход в двухкамерный полуцилиндрический склеп [Герц, 1898, с. 73]. Найденный в этом кургане и чудом уцелевший золотой браслет был увезен после раскопок Г. Ван дер Вейде в ст. Тамань. Английский путешественник Э. Д. Кларк, бывший во время своего визита в Тамань в доме генерала, осмотрел и зарисовал браслет. Драгоценность удивила его мастерством исполнения и высоким качеством золота. Браслет был отправлен в Санкт-Петербург, где начальник всех инженерных и артиллерийских частей генерал А. И. Корсаков поднес браслет императору Павлу I. После этого драгоценность была помещена на хранение во II Отделение Императорского Эрмитажа, а в настоящее время браслет экспонируется в Галерее драгоценностей №1 ГЭ. В ходе

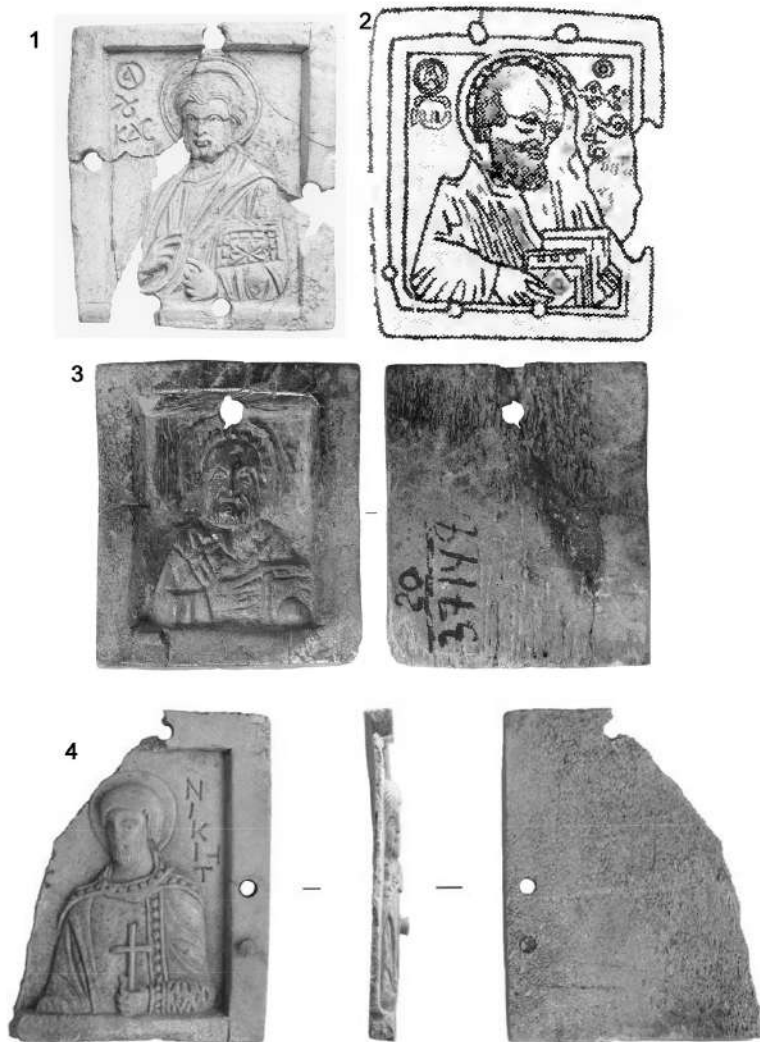

Рис. 2. Костяные иконки с изображениями византийских святых из раскопок в Крыму и на Северном Кавказе. 1 – икона св. Луки (Херсонес), по: Яшаева и др., 2011, с. 286, №316; 2 – икона св. Иоанна Богослова (Нижне-Архызское городище), по: Кузнецов, 1971, с. 192, рис. 30, 5; 3 – икона св. Николая (Херсонес), по: Яшаева и др., 2011, с. 286, №315; 4 – икона св. Никиты (Иограф), по: Турова, 2014, рис. 36

исследований по атрибуции фанагорийского погребения с браслетом, эта находка была изучена самым тщательным образом. Впервые были сделаны фотографии (фотограф Д.А. Боброва, ГЭ) и рисунок браслета с разных фасов и с рядом сечений (художники: С. Скиба, Р. Кецко). Украшение весом 239,26 гр. было выполнено в технике литья из круглого в сечении дрота. Концы моделированы в виде длинноухого чудовища-дракона [Засецкая, 1993, с. 52–53, № 82, табл. 22]. Звериные пасти оскалены, шерсть трактована косыми нарезками и запятыми со вписанным внутрь кружочками. Глаза, ноздри, уши и спины с внешней стороны оформлены гранатовыми и пастовыми вставками. С обратной стороны голов заметны технологические отверстия и потертости, полученные в ходе ношения украшения на руке. Браслет датируется последней четвертью IV – первой половиной V вв. н.э. и относится к подзахоронению периода Великого переселения народов в курган эллинистического периода [Виноградов, 2017, с. 192]. Важно отметить, что золотой предмет подобного уровня, ни разу не был зафиксирован в ходе последующих раскопок фанагорийских некрополей [Ворошилов, Ворошилова 2015, с. 277], что ставит новые задачи по интерпретации всего погребального комплекса в контексте истории Фанагории.

В 1852 г. К.Р. Бегичевым в присутствии графа Л.А. Перовского и А.А. Сибирского в одном из курганов на берегу Таманского залива было открыто женское погребение, в котором помимо наборов золотых и серебряных украшений и расписных сосудов, было открыто четыре фигурных полихромных сосуда в виде Крылатого божества, Диониса и двух вакханок. Весь набор фигурных лекифов из данного погребения связан с представлениями о загробном мире, с образом «освободителя душ» Дионисом и с идеями возрождения после смерти [Виноградов, 2007, с. 224]. Современными исследователями погребение датируется второй четвертью IV в. до н. э. [Паромов, 2004, с. 309; Виноградов, 2007, с. 224].

Погребение со схожим набором погребального инвентаря было открыто в ходе раскопок под руководством В.Г. Тизенгаузена в 1869 г. К большому сожалению, полевые рапорты этого ученого представлены лишь в виде полевой описи археологического материала. В сырцовой гробнице, перекрытой деревянными брусьями, раскопанной в кургане на берегу Таманского залива, было открыто женское погребение, судя по всему не ограбленное ранее и содержащее богатый набор погребального инвентаря. В описи В.Г. Тизенгаузена отмечены: 11 терракотовых статуэток (две изображающие Деметру с Корой; протомы Деметры;

Афродита с Эротом на плече; Афродита; Аполлон; юноша в плаще и четыре статуэтки танцовщиц) (№ 21–28 и 30–31 по: Кобылина, 1974), шесть краснофигурных сосудов (четыре небольших арибаллических лекифа, маленькая гидрия и ойнохоя), 4 сосуда с сетчатым орнаментом, два чернолаковых и пять простых глиняных сосудов, золотые украшения и бляшки от головного убора, бронзовое зеркало и шесть фигурных полихромных сосудов — арибаллических лекифов. Они были выполнены в виде статуэток Афродиты, Сфинкса, Сирены, женской фигурки, «танцующего божества» и птицы. Считается, что все шесть сосудов вышли из одной аттической мастерской, а Сфинкс и Афродита сделаны одним мастером [Паромов, 2004, с. 310].

Кроме перечисленных и широко известных предметов, в ходе раскопок на протяжении XIX в. было открыто еще множество уникальных и не достаточно изученных до настоящего времени находок. Среди них: золотые перстни, серьги, подвески, погребальные венки и гривны; серебряные браслеты и рельефные чаши; терракоты; расписные сосуды (гидрии, столовые амфоры, килики, лекифы, скифосы, пелики, ойнохойи) [Панкратова, 2019, с. 262-305]. Поскольку все эти находки происходят из раскопок курганов и были найдены совместно с такими группами археологических находок, как амфорная тара, столовая керамика, оружие, монеты, представляется крайне важным атрибутировать и совместить разрозненные ранее материалы, «собрать» археологические комплексы. Таким образом, совместив полученные данные с современным комплексом знаний о фанагорийском некрополе [Ворошилов, Ворошилова, 2013], станет возможным существенным образом дополнить и возможно скорректировать имеющиеся на настоящий момент представления о планиграфии некрополя и динамике распределения погребений по хронологическим периодам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов Ю.А. Культура боспорской элиты при Спартокидах, in: Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени (БИ 34). Керчь, 2017. – С. 112–216.
2. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2013. Об организации пространства некрополя Фанагории // Боспор киммерийский и варварский

мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения XIV. Керчь, 2013. – С. 111–116.

3. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Золото в некрополе Фанагории, in: М.Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория 2). М., 2015. – С. 29–76.

4. Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с кон. XVIII в. до 1859 года. — СПб., 1898. — 152 с.

5. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э., МАИЭТ III. - С. 23–104.

6. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки (Придонье и Таманский полуостров). САИ. — 1974.

7. Панкратова Е.Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII- середина XX в.) - М.; СПб., - 2019.

8. Паромов Я. М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. — 2004. — Т. 4.

9. Тункина И. В., Застрожнова Е. Г., Шаров О. В. Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории / под общей ред. В. Д. Кузнецова. Т. 7. Вып. 4. — М., 2018. — С. 142–155.

ПАНЧЕНКО В. В.

(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

РЕЛЬЕФ ДЕВЫ С БЛИЖНЕЙ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

Летом 2018 г. волонтером Гераклеяской экспедиции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» Д.В. Попадейкиным во время проведения археологических разведок на левом склоне балки Бермана была обнаружена небольшая известняковая плита с рельефом антропоморфной фигуры на лицевой поверхности¹. Рельеф был найден на поверхности земли при визуальном осмотре в непосредственной близости от усадьбы земельного участка № 386 хоры Херсонеса (по Г.М. Николаенко).

Памятник расположен на крутом южном склоне балки Бермана, на мысу, образованном балками Солты, и представляет собой крупный оборонительный комплекс неправильной формы. Комплекс имеет общие размеры около 50 x 30 м, основное сооружение (усадьба) — около 20 x 20 м. Стены усадьбы сложены из крупных обработанных известняковых блоков, в которых прорезаны пироны. По склону сохранилось 6 рядов блоков один на другом уступами, значительная часть камней скатилась вниз. Толщина видимых над поверхностью стен составляет около 1 м. Внутреннее пространство памятника засыпано толстым слоем натечной земли. Комплекс и его окрестности покрыты густой естественной растительностью (кизил, терновник и другие), рядом расположен источник пресной воды. По дну балки предположительно проходит линия древнего водопровода. На протяжении двух столетий памятник в силу своего монументального вида и наличия источника привлекал внимание многих исследователей. В разное время его описали: путешественник

¹ Благодарю руководителя работ А.Ю. Аржанова за любезно предоставленную возможность публикации материала.

и натуралист Дюбуа де Монпере, сотрудники Севастопольского музея краеведения под руководством П.П. Бабенчикова и К.Э. Гриневича, научные сотрудники Государственного Херсонесского Музея Н.М. Янышев, Е.В. Веймарн, С.Ф. Стржелецкий, В.В. Созник, Г.М. Николаенко. Исследователи составили краткие описания и схемы усадьбы, но археологические раскопки не производили (подробнее см.: Панченко, 2016). С.Ф. Стржелецкий отметил, что по сохранности башни усадьба является уникальным памятником среди подобных на Гераклеяском полуострове (Стржелецкий, 1955, паспорт 76). Относительно водопровода Г.М. Николаенко считает, что он, пересекая балку, выходит на ее правый склон и далее направляется к Херсонесу (Николаенко, 2001, с. 140). Среди подъемного материала на территории комплекса встречаются: чернолаковая и краснолаковая керамика, средневековая тарная и столовая керамика, а также черепица (в изобилии). Исходя из керамического материала, представляется возможным предположить существование памятника на протяжении античности и средних веков.

Находка представляет собой известняковую плиту размерами: высота – 20,2 см, ширина – 12,5 см, толщина – 7,9 см (рис. 1). Поверхность плиты сильно повреждена выветриванием, в нижней части лицевой поверхности на отдельных участках присутствуют локальные следы мха. Боковые и нижняя поверхности возможно грубо обработаны, задняя поверхность — неровная, верхняя часть боковой поверхности плиты сужается клином. На лицевой плоской стороне в конусообразной/закругленной нише вытесано изображение антопоморфной фигуры. Изображение размерами 13,8 x 9,2 см выполнено в высоком рельефе. Фигура в полный рост обращена анфас (рис. 2). Она облачена в длинное до пола неширокое одеяние, скрывающее ступни ног. Крупная голова (не исключено наличие головного убора) покоится на непропорционально длинной шее. Плечи фигуры узкие и покатые. Руки приподняты и распростёрты в стороны, правая рука сохранилась менее чем до локтя, левая сливается с выступом, и определить границу между ней и выступом не представляется возможным. Под левой рукой присутствует неярко выраженная бесформенная выпуклость рельефа естественного или искусственного происхождения. Мелкие детали лица, фигуры и одеяния не прослеживаются. Удлиненная шея, покатые плечи, хитон до пят свидетельствуют о том, что на рельефе представлена женская фигура. Принадлежность рельефа к надгробиям следует отклонить в силу отсутствия ряда характерных признаков. На херсонесских надгробиях женщина, как правило,

изображается в сидящей или возлежащей позе. В случае, если женщина стоит, ее правая рука согнута в локте и придерживает плащ, левая – опущена вдоль туловища (АСХ, 1976, с. 67-137).

На сегодняшний момент известны два подобных изображения в камне, найденные в Херсонесе и его округе. Первый – известняковый рельеф размерами 32 x 28 x 6 см неизвестного происхождения. Верхняя часть рельефа вместе с головой, частью груди и правой рукой изображенной фигуры утрачена. На рельефе представлена женская фигура в полный рост, в движении вправо. Она облачена в длинное до пят одеяние, скрывающее ступни ног. Складки одежды переданы однообразными параллельными врезанными линиями. Правая нога фигуры согнута в колене, в левой руке она держит продолговатый предмет, видимо, лук. Насколько позволяет судить сохранность рельефа, трактовка деталей схематична и лишена объема. По мнению авторов каталога «Античная скульптура Херсонеса», рельеф изображает богиню Деву, воспроизводит ее херсонесскую культовую статую и датируется II–III вв. н. э. (АСХ, 1976, с. 37, № 79).

Второе изображение было обнаружено в 1999 г. на территории усадьбы земельного участка № 340 (341). Это известняковый алтарик трапециевидной формы размерам 10,0 x 7,0 x 5,1 см, украшенный фронтоном. На лицевой поверхности помещено графическое изображение богини Девы в эдикуле, представляющей собой небольшой храмик. Дева, одетая в длинный хитон, изображена «в стремительном движении вправо» (если смотреть на нее). В правой, согнутой в локте руке богиня держит дротик, в левой, далеко отведенной от тела, лук. Правая нога согнута в колене, левая — тоже, но сгиб обозначен ниже. Голова богини повернута в фас, на лице прочерчены большие круглые глаза, над головой помещен высокий башенный венец. Алтарик выполнен из местного известняка местным мастером II–III вв. н. э. (Ковалевская, Шевченко, 2003, с. 89–91). Среди характерных черт помимо вышесказанного можно также отметить удлиненную шею и покатые плечи Девы.

Подобный образ богини Девы получил широкое распространение в монетном деле Херсонеса, начиная с I в. до н. э. и вплоть до прекращения чеканки в середине III в. н. э. (Анохин, 1977, с. 60–68, 80–88, № 199, 204–212, 215–216, 228–229, 233–249, 250–257, 261–265, 267–269, 273–276, 286–290, 296–308; Туровский, Горбатов, 2013, № 231, 236–243а, 245–249, 253, 255, 262, 263, 265–294, 297–303б, 306–308, 320–337а). Впервые Дева была изображена в аналогичной позе на оборотной стороне монет, отчеканенных во время правления царя Боспора Фарнака (63–47 гг. до н. э.)

(Анохин, 1977, с. 60, № 199; Туровский, Горбатов, 2013, с.22, № 231). Впоследствии этот тип реверса стал доминирующим как для золотых статеров, так и для медных тетрассариев (Туровский, Горбатов, 2013, с. 22–31). Богиня изображается в полный рост, с луком в левой руке и дротиком в правой. Она облачена в длинное одеяние, на голове — башенная корона. Предположительно в III–II вв. до н. э. в Херсонесе была установлена соответствующая статуя Девы в ипостаси защитницы города, которая воспроизводилась местными резчиками штемпелей в качестве одного из основных монетных типов (Зограф, 1922, с. 353–360; Анохин, 1977, с. 60). Согласно А.Н. Зографу ближайшие аналогии херсонесская статуя Девы находит в скульптурах пергамской школы, с которыми ее роднит стремительное движение и сложная трехмерная композиция (Зограф, 1922, с. 359). В качестве примера можно привести статую Артемиды Роспильози из Латеранского музея, стилистически близкую к фигурам большого фриза Пергамского алтаря. Лучшим по сохранности ее повторением является мраморная статуэтка с острова Самос (Герловица, 1963, с. 31–32).

Необходимо отметить, что в процессе чеканки композиция оборотной стороны не оставалась постоянной, она претерпевала незначительные, но заметные изменения. По мнению А.Н. Зографа изменения связаны с тем, что упомянутая статуя на различных сериях монет изображалась с различных точек зрения (Зограф, 1922, с. 353–360, табл. XXXI). Помимо этого иногда слева или справа от богини присутствует изображение лани. На большинстве выпусков верхняя часть тела Девы обращено анфас, ее голова несколько развернута влево, правая нога согнута в колене, левая – прямая, видимо, чуть отставлена назад (Туровский, Горбатов, 2013, № 237, 238, 246, 253, 255, 286, 287, 288, 292, 299, 301, 303б, 306–306б, 307, 320–326, 336). Известны монеты, на которых у богини правая нога прямая, а левая несколько согнута (Туровский, Горбатов, 2013, № 285). На ряде монет Дева находится в движении влево, ее пояс развивается, иногда одеяние чуть короче обычного и соответственно видны ступни ее ног (Туровский, Горбатов, 2013, № 263, 266, 271, 275). Этот ракурс часто чеканится на поздних тетрассариях, некоторые из них выделяются отменным качеством иконографии (Туровский, Горбатов, 2013, № 327, 328, 331, 335, 335а, 337, 337а). Вместе с тем на отдельных монетах и фигура и лицо богини расположены анфас, обе ноги прямые или почти прямые. Особенно характерен такой разворот для статеров (Туровский, Горбатов, 2013, № 243, 262, 268, 270, 274, 279, 281, 282, 290). Подобное изображение наиболее близко фигуре на рассматриваемом

рельефе (рис. 3, 1) (Туровский, Горбатов, 2013, № 274, 281). Из других отличительных деталей можно отметить крупную голову и непропорционально длинную шею.

Иконографический образ богини Девы сохранился на золотых ювелирных украшениях, изготовленных в Херсонесе в первые века н.э. На нашивных бляшках прямоугольной формы она представлена развернутой анфас с дротиком в правой руке, с луком или без в левой (рис. 3, 2) (Журавлев и др., 2017, с. 135–137, кат. 288, 289, 292). Барельефное изображение богини на золотом миниатюрном медальоне выполнено с несколько большим вниманием к деталям (насколько позволяли размеры изделия и мастерство ювелира) (рис. 3, 3) (Зограф, 1922, с. 355, табл. XXXI, 15). Дева облачена в длинный хитон и пеплос, задрапированный тяжелыми складками. В руках у нее присутствуют оба атрибута — дротик и лук. В целом изображения на украшениях выполнены в небрежной манере с грубым оттиском фигуры, без проработки мелких деталей. Из особенностей можно отметить отсутствие лани. «Общий характер постановки фигуры, передача костюма и предметов вооружения позволяют найти полные аналогии в изображениях на монетах и предположить, что они были изготовлены местным эллинским резчиком монетных штемпелей» (Русяева, Русяева, 1999, с. 149–150).

Некоторые особенности иконографии вытесанной на рельефе фигуры, как то: изображение в полный рост, разворот анфас, положение рук, длинное одеяние, скрывающее ступни ног, возможное наличие головного убора (короны?) – позволяют высказать предположение о том, что это изображение богини Девы (рис. 1). Отсутствие обычных атрибутов Девы (дротика, лука, лани) может быть связано как с качеством обработки камня, так и с ущербом, нанесенным памятнику временем и воздействием природных факторов (вероятно, плита продолжительное время находилась на дневной поверхности). Рельеф выполнен в местном известняке местным мастером и, исходя из аналогичных изображений на монетах и рельефах, может быть отнесен к широкому диапазону от I в. до н. э. до III в. н. э. Памятник обнаружен на хоре, на территории укрепленного комплекса земельного участка № 386. Местонахождение плиты является еще одним подтверждением (после трапезиевидного алтарика) существования культа Девы на хоре. На рельефе покровительница города представлена в ипостаси защитницы (в данном случае, видимо, границ сельскохозяйственной округи), что было особенно актуально на протяжении первых веков н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). К., 1977. 176 с.

Античная скульптура Херсонеса / общ. ред. С.Н. Бибилова. Киев, 1976. 342 с.

Герловина Ф.И. К вопросу о херсонесской статуе Девы // Сообщения Херсонесского музея. Вып. III. Симферополь, 1963. С. 30–32.

Зограф А.Н. Статуарные изображения девы в Херсонесе по данным нумизматики // Известия РАИМК. Т. II. Петербург, 1922. С. 337–360.

Журавлев Д.В. и др. Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М., 2017. 360 с.

Ковалевская Л.А., Шевченко А.В. Алтарик с изображением Девы с хоры Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь, 2003. С. 89–91.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н. э. Часть II. Севастополь, 2001. 164 с.

Панченко В.В. «Усадьба с источником» и ее исследователи // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. Зинько В.Н., Зинько Е.А. – Керчь, 2016. С.345–350.

Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. К., 1999. 208 с.

Стржелецкий С.Ф. Паспорта на памятники, находившиеся в ведении Херсонесского музея в 1949–1955 гг. // НА ГМЗ ХТ. Д. № 1392/V. 1955.

Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. Симферополь, 2013. 160 с.

Рис. 1. Известняковый рельеф

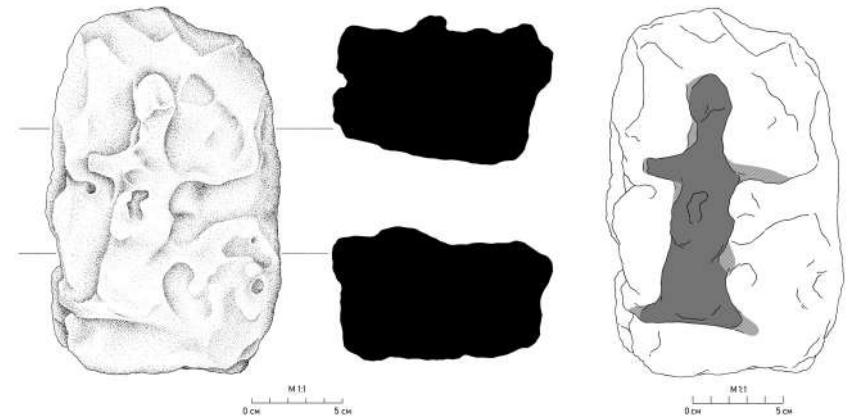

Рис. 2. Рельеф (прорисовка)

ПАРОМОВ Я. М.
(ИА РАН, Москва)

БОСПОРСКИЙ РЕЛЬЕФ СО СЦЕНОЙ СРАЖЕНИЯ И ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА В КУРГАНЕ У СТАРОНИЖЕСТЕБЛИЕВСКОЙ СТАНИЦЫ

Настоящая статья представляет собой поиски и попытку выявления возможных связей между выдающимся памятником античного искусства, происходящим с Таманского полуострова, и реальным явлением, зафиксированным при раскопках одного из курганов Правобережья Нижней Кубани.

Рассматриваемый нами известняковый рельеф со сценой сражения (рис. 1) был найден во время раскопок укрепленной усадьбы на античном и средневековом поселении Юбилейный 1, проводившихся археологической экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина в период с 1983 по 1993 г. под руководством А.К. Коровиной (1983) и Е.А. Савостиной (1984–1988, 1990, 1993). Само поселение было найдено и обследовано в 1981 и 1982 гг. Разведочным отрядом Таманской экспедиции ИА АН СССР, возглавлявшимся мной. Следует отметить, что археологические раскопки ГМИИ были предприняты в связи с открытием на поселении первого из трех замечательных памятников античной скульптуры – мраморного надгробия с фигурой воина, вывернутого из земли при плантажной пахоте зимой 1982–1983 г. Рельеф со сценой битвы, обнаруженный во фрагментах среди камней вымостки у восточной стены усадьбы, явился, таким образом, вторым памятником скульптуры, найденным на Юбилейном 1. Ему была посвящена отдельная книга «Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?)», вышедшая позднее [М., -СПб., 2001]. Ее редактору Е.А. Савостиной удалось объединить в коллективную монографию труды десяти ученых – международного коллектива археологов и историков искусства.

Рис. 3. Изображения Девы: 1 – золотой статер 95 г. н. э. (Туровский, Горбатов, 2013, № 274); 2 – нашивная золотая бляшка (Журавлев и др., 2017, кат. 288); 3 – золотой медальон (Зограф, 1922, табл. XXXI, 15)

Высота сохранившейся части известнякового рельефа 112 см, ширина 110 см, толщина 21 см (глубина рельефа до 5,5 см). Левый край камня обработан инструментом. Верхняя, нижняя и правая части утрачены. На плите из желтоватого керченского известняка изображена сцена ожесточенной битвы. По поводу сюжета рельефа единого мнения не существует. Наиболее взвешенным и авторитетным является, вероятно, предположение В.С. Ольховского, согласно которому перед нами так называемая амазономахия – изображение битвы легендарных воительниц-амазонок с мужчинами-варварами, условно названными скифами. На первый взгляд, изображение построено хаотично. Оно изобилует фигурами сражающихся, однако общая композиция битвы имеет три плана, идущих ярусами один над другим, от переднего (нижнего) – к заднему (верхнему). Среди фигур различимы три пары противников, сцепившихся в поединках. На переднем плане конный скиф или варвар схватил за волосы амазонку и замахнулся мечом для удара. Над ними пеший скиф вонзает меч в спину другой амазонки, падающей с коня. На третьем плане видны только части фигур пешего воина и всадника на вздыбленном коне. Они наиболее фрагментарны и труднее всего поддаются интерпретации. Все персонажи, изображенные на рельефе, одеты практически одинаково – в удлиненную куртку (так называемый скифский кафтан), стянутую широким и гладким портупейным поясом, шаровары (анаксириды) и мягкие короткие сапожки (скифики). Следует отметить, что на протяжении многих веков эта одежда составляла традиционный костюм кочевников-варваров. Воины, сражающиеся на переднем плане, выделены индивидуальными чертами. На шее амазонки изображена гладкая гривна, по мнению некоторых исследователей, определяющая ее как предводительницу. У ее противника волосы перехвачены налобной повязкой (диадемой) – характерным элементом мужского скифского костюма в IV в. до н.э. Оружие также характерно для указанного времени. Его сравнительно немного: три меча синдо-меотского типа, два горита и легкое копье-дротик. Особое внимание обращают на себя две отрубленные мужские головы на переднем плане, подвешенные в перевернутом виде на груди коня. Они свидетельствуют об обычае отчленения головы убитого противника и прикрепления ее к конской сбруе, известном у некоторых племен Северного Кавказа и Нижнего Прикубанья со времени появления в этом регионе скифов. По мнению ряда исследователей, рассматриваемый рельеф был выполнен на Боспоре местным мастером, хорошо знавшим греческую изобразительную традицию. Ему

были знакомы также детали быта, одежда и оружие местных племен, их обычаи, легенды и, вероятно, события реальной истории. Созданное им изображение ожесточенного сражения датируется серединой – второй половиной IV в. до н.э. Три основные части рельефа были найдены и реставрированы в 1983 г., в 1990 г. дополнены еще одним значительным фрагментом. В настоящее время памятник экспонируется в ГМИИ им. А.С. Пушкина [Савостина, 1986; 1987, с. 62–67; 1998, с. 32–35; 1999, с. 29–30; 2001, с. 41–45; 2001а; Коровина, 1987, с. 186–189, № 124; Паромов, 1992, с. 281–284; 2009, с. 127–128; Штупперих, 1999, с. 86–88; 2001; Данилова, 2001; Ольховский, 2001; Яценко, 2004; Savostina, 1987, p. 10–18].

В 1988 г. отдельный отряд Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР исследовал курганный могильник Старонижестеблиевская 1, находившийся около станицы, в 50 км к северо-западу от Краснодара и 20 км к востоку-северо-востоку от Славянска-на-Кубани, в междуречье реки Понуры и Ангелинского Ерика, на плоской низменной равнине, образованной пойменными отложениями Нижней Кубани [Паромов, 1988]. Все курганы могильника были распаханы. Погребения, найденные в них, совершались в течение долгого времени, от эпохи ранней бронзы до развитого средневековья. Высота рассматриваемого кургана составляла 0,8 м, диаметр 40 м. Его однослойная насыпь имела полого-сферическую форму без каких-либо следов нарушений и была возведена над единственным центральным погребением, которое относилось, предположительно, к сармато-меотскому кругу (рис. 2). Для его устройства на древней степи была очищена от растительности площадка, в центре которой выкопана яма, по форме близкая к прямоугольной с закругленными углами. Она имела размеры 2,05 x 2,85 м, глубину 0,6 м. Стенки ямы были вертикальны, дно тщательно выровнено. Длинными сторонами она была ориентирована по направлению север – юг.

В южной части ямы на черной органической подстилке (рис. 2. 19) в вытянутой позе, на спине, черепом к западу лежал скелет взрослого мужчины в возрасте 30–35 лет. Скелет имел хорошую сохранность, все его элементы были расположены в соответствии с общей позой погребенного. Череп лежал на затылочной кости, теменными костями к западу, лицевыми кверху и вперед, нижняя челюсть была фрагментирована. Правая рука погребенного была вытянута вдоль тела и немного отставлена в сторону (к югу). Дистальные концы лучевой и локтевой костей, а также правая кисть отсутствовали (предположительно, были измельчены грызунами или унесены). Судя по положению костей, кисть правой

руки была повернута ладонью вниз и лежала на рукояти меча. Левая рука была чуть согнута в локте, немного отведенном в сторону. Ее кисть находилась рядом с бедром и, судя по положению лучевых костей, лежала ладонью книзу. Вблизи западной стенки, у ее средней части на дне было зафиксировано пятно бурого тлена неправильных очертаний (18). Четыре меньших по размерам пятна такого же тлена (18) присутствовали: в изголовье погребенного, у южной стенки (два) и в северном секторе ямы, где находилась часть вещей, положенных в могилу.

Инвентарь погребения состоял из предметов вооружения и конской узды, сосудов для хранения жидкости, еды и питья, сосудов для приготовления пищи, а также имевших особое, ритуальное назначение. Железный меч (8) с прямым (?) перекрестием и брусковидным (?) навершием был положен на ноги погребенного, поперек бедер, рукоятью к правой кисти, острием налево. Длина меча с рукоятью 106 см, ширина лезвия 5 см. Два колчана со стрелами (11) находились справа, на уровне голени, и слева, на уровне бедра погребенного. В каждом насчитывалось около 200 железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел длиной от 2,7 до 4,7 см. В первом колчане присутствовал один такой же по форме бронзовый наконечник длиной 2,7 см. Два подобных железных наконечника длиной 3,7 см находились справа и слева от черепа (11), обозначая собой две стрелы, положенные крестом на грудь покойника. Под первым колчаном лежали фрагменты железного ножа длиной 14,8 см при ширине лезвия 2,4 см (9), под вторым – железный нож с костяной орнаментированной ручкой длиной 10,5 см, ширина лезвия 1,9 см (10). Между первым колчаном и южной стенкой ямы, у края пятна подстилки находился железный предмет, позднее определенный как сложившиеся удила (12). Бронзовый доспех или боевой пояс, состоявший из отдельных тонких пластин (13), был положен в северной части могилы, ближе к восточной стенке. На нем находилась костяная пронизь-ворворка из рога (14) диаметром 1,8, высотой 0,8 см; рядом с ним был найден фрагмент глазчатой бусины из синего стекла (15) диаметром 1,9, высотой 1,8 см. В той же северной части могилы, но в противоположной стороне, у западной стенки ямы был помещен гончарный кувшин на кольцевом поддоне (1) диаметром 24, высотой 35 см, найденный во фрагментированном состоянии. К югу от него лежала жаровня в виде нескольких кусков сероглиняного сосуда (2). В изголовье погребенного, за левым плечом находилась черноглиняная гончарная лощеная чаша на кольцевом поддоне диаметром 13, высотой 4,5 см (7); около нее, между плечевым суставом и чашей – три

куска белой глины (20), разложенные полукругом. В северо-восточном противоположном углу могилы стоял сероглиняный гончарный лощеный кувшинчик на кольцевом поддоне (5) размерами 12,7 см (диаметр) и 15,6 см (высота). В нескольких сантиметрах юго-западнее, между кувшинчиком и упомянутым ранее бронзовым доспехом был найден фрагмент венчика лепного сосуда (3). Около середины восточной стенки ямы был поставлен лепной горшок с четырьмя гальками внутри (4), диаметр сосуда 10,5 см, высота неопределима (дно распалось). Слева от колен погребенного, рядом со вторым колчаном лежала сероглиняная гончарная лощеная чашечка на высокой ножке (6) размерами 8,9 см (диаметр) и 7,4 см (высота). Эти небольшие сосуда известны как культовые чаши, в V–I вв. до н.э. встречающиеся во многих курганных и грунтовых могильниках Северного Причерноморья и Прикубанья в захоронениях с местными чертами погребального обряда [Зайцева, 1997; Паромов, 2013. с. 71]. Три деревянные плашки (16) находились в северной части ямы под большим кувшином (1), под доспехом (13) и посередине между ними, символизируя подобие помоста или легких носилок для названных предметов. Необычным явлением было присутствие в могиле еще одного деформированного («бинтованного») человеческого черепа (17). Его почти целая крышка находилась на рукояти меча и правой руке погребенного. Перекрытия могильной ямы не сохранились. От них остался лишь слой камки, широкой полосой лежавший на краях ямы, опускавшийся по стенкам и накрывавший почти все ее пространство. По комплексу вещей погребение было датировано второй половиной IV в. до н.э. или рубежом IV и III веков [Паромов, 1988, л. 3–6, 80–86, 95].

Обычай демонстрации головы убитого врага в качестве главного трофея пришел из глубокой древности. В разное время он существовал у многих народов. О широком распространении его у скифов рассказывает Геродот (Герод. IV, 64–65). Однако отражение этого обычая в произведениях древнего искусства встречается сравнительно редко. С этой точки зрения Таманский рельеф с изображением двух отрубленных мужских голов, укрепленных на груди коня, представляет особое явление. Анализируя фольклорно-дифференцирующие элементы изобразительного текста рельефа, В.С. Ольховский в качестве аналогии привлек изображение на золотом колпачке из Курджипского кургана IV в. до н.э. – богатейшего погребального комплекса меотской культуры, опубликованного в монографии Л.К. Галаниной, находившегося к югу от Майкопа. На этом колпачке изображена дважды повторенная фигурная группа из

двух воинов, ухватившихся одной рукой за древко воткнутого в землю копья или дротика. В другой руке у одного из воинов меч, а у другого – отрубленная мужская голова. На всех фигурках, отличающихся примитивизмом и грубостью исполнения, одеты типично скифские костюмы [Галанина, 1980, с. 93, № 51; Ольховский, 2001, с. 154–155]. В качестве аналогии к колпачку по мотиву отрубленной человеческой головы сама Л.К. Галанина, а вслед за ней и В.С. Ольховский, приводят бронзовый пояс из тлийского погребения VIII–VII вв. до н.э. из Закавказья (Южная Осетия), на котором, как и на Таманском рельефе, отрубленная голова изображена подвешенной к шее коня [Техов, 1963, с. 73, рис. 9; Галанина, 1980, с. 94; Ольховский, 2001, с. 155]. Сюжеты изображений на колпачке из Курджипского кургана и поясе из Тлийского могильника привели к выводу, что «обычай отделения головы убитого противника и подвешивания ее к конской уздечке был хорошо известен некоторым варварским племенам Северного Кавказа, начиная по крайней мере с VIII–VII вв. до н.э., со времени появления в регионе скифов» [Ольховский, 2001, с. 155].

Реальным отображением существования этого обычая в IV в. до н.э. в среде меотских племен является рассмотренное выше погребение воина из кургана у станицы Старонижестеблиевской. В данном захоронении голова врага (вероятно, сармата) была положена на символическое и знаковое место – на меч и правую руку покойника. Следует отметить, что с точки зрения исторической географии, рассматриваемый курган находился в самом восточном секторе Приазовской локальной группы меотских памятников, предположительно, на территории, принадлежавшей дандариям [Каменецкий, 1989, с. 226, карта 16]. С другой стороны, в этом районе степного Правобережья Нижней Кубани в 1970-е и 1980-е годы были найдены самые западные по месторасположению памятники сарматской культуры – курганные погребения сираков, относящиеся ко второй половине IV – III в. до н.э. и более позднему времени [Марченко, 1996, с. 220, рис. 1]. Возможно, этот регион являлся своего рода контактной зоной, где в указанное время протекали этнические процессы, приведшие в дальнейшем к интеграции сарматских и меотских племен [Марченко, 1996, с. 12–13]. В 1967 г. в этом районе, в станице Ивановской был разрушен курган, из которого уцелели лишь отдельные находки. Среди них, в русле нашей темы, особого внимания заслуживает золотая рельефная бляшка, служившая обивкой деревянного сосуда. На ней изображена женская фигура в образе змееногой богини с разведенными в стороны и приподнятыми вверх руками.левой рукой она держит за волосы бородатую голову, правой, пред-

положительно, сжимает кинжал. Разрушенный курган в станице Ивановской датируется IV в. до н.э. [Анфимов, 1987, с. 127–129; Хачатурова, 2010, с. 35, рис. 53 (в левом верхнем углу); Древнее золото, 2013, с. 12 (справа)]. Идентичные бляшки были найдены в 1830 г. на противоположной стороне Керченского пролива в кургане IV в. до н.э. Куль-Оба. По мнению М.И. Артамонова, изображенное на них фантастическое существо с головой и туловищем женщины и змееобразными ногами воплощало представление о божестве, одновременно близком и змееногой родоначальнице скифов, и почитавшейся на Боспоре Афродите Апатуре. В одной руке эта крылатая богиня держала кинжал, а в другой – бородатую голову неизвестного враждебного персонажа [Артамонов, 1961, с. 66–67, рис. 10]. По мнению Д.Б. Шелова, змееногая богиня держала за волосы голову сатира [Шелов, 1950, с. 64–65, рис. 18.4].

Подводя итоги, необходимо сказать, что при любом мифологическом толковании их сюжета, золотые бляшки из курганов Куль-Оба и станицы Ивановской изображают, прежде всего, акт демонстрации главного трофея – головы побежденного врага, закрепляя торжество победителя и утверждая его силу. Эту идею воплощают и головы на рельефе со сценой сражения из Юбилейного и ритуальные действия, совершенные при погребении воина в кургане у Старонижестеблиевской. Можно сказать, что язык искусства того времени, отображая реалии жизни, был понятен и доступен на большом пространстве, включавшем все Боспорское царство и прилегавшие к нему территории обитания меотских племен.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Л., 1961. С. 57–87.
- Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия ?) / Отв. ред. Е.А. Савостина. М. –СПб., 2001.
- Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.
- Данилова И.Е. Заключение // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М. –СПб, 2001. С. 324–327.
- Древнее золото Кубани и Черноморья из коллекций Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им.

Е.Д. Фелицына и Музея истории города-курорта Сочи. «Платонов». Краснодар–Сочи, 2013.

Зайцева К.И. Культовые чаши V–I веков до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. Т. XXVIII. 1997. С. 38–53.

Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224–251.

Коровина А.К. Скульптура Боспора // Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 1987. С. 181–218.

Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Ольховский В.С. Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия ?). М. –СПб., 2001. С. 144–163.

Паромов Я.М. Отчет о работе Красноармейского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г. // Арх. ИА РАН: Р-1. № 1413, 1988.

Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова // Деп. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10. 1992 г. М.

Паромов Я.М. Заметки о боспорском искусстве и периферии античного мира // БФ. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 125–128.

Паромов Я.М. Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 67–72.

Савостина Е.А. Античные рельефы. Уникальные находки археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина на Тамани [буклет выставки-презентации]. Л., 1986.

Савостина Е.А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения) // СА. 1987. № 1. С. 58–71.

Савостина Е.А. Исследование хоры Азиатского Боспора: усадьбы «Юбилейное» на Тамани // ТС. Вып. 1. 1998. С. 30–36.

Савостина Е.А. Стела с двумя воинами: археологический аспект // Таманский рельеф. М., 1999. С. 25–30.

Савостина Е.А. История и археология рельефа со сценой сражения // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия ?). М. –СПб., 2001. С. 39–48.

Савостина Е.А. «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия ?). М. –СПб., 2001. С. 284–303.

Техов Б.В. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // СА. 1963. № 1. С. 162–178.

Хачатурова Е.А. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына // АНК. Т. III. М., 2010. С. 12–55.

Шелов Д.Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 62–69.

Штупперих Р. Таманская стела и вопросы иконографии позднеклассических рельефов с воинами // Таманский рельеф. М., 1999. С. 78–95.

Штупперих Р. Рельеф с изображением битвы скифов, найденный на Таманском полуострове // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия ?). М. –СПб., 2001. С. 74–89.

Яценко С.А. Образы сармато-аланов в искусстве северопонтийских греков // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 312–324.

Savostina E. Trouvaille de reliefs antiques dans un établissement agricole du Bosphore Cimmerien (Taman) // RA 1. 1987, 3–24, p. 11–16.

Рис. 1. Рельеф из Юбилейного с изображением битвы. По: Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономехия?). М. – СПб., 2001. Табл. II

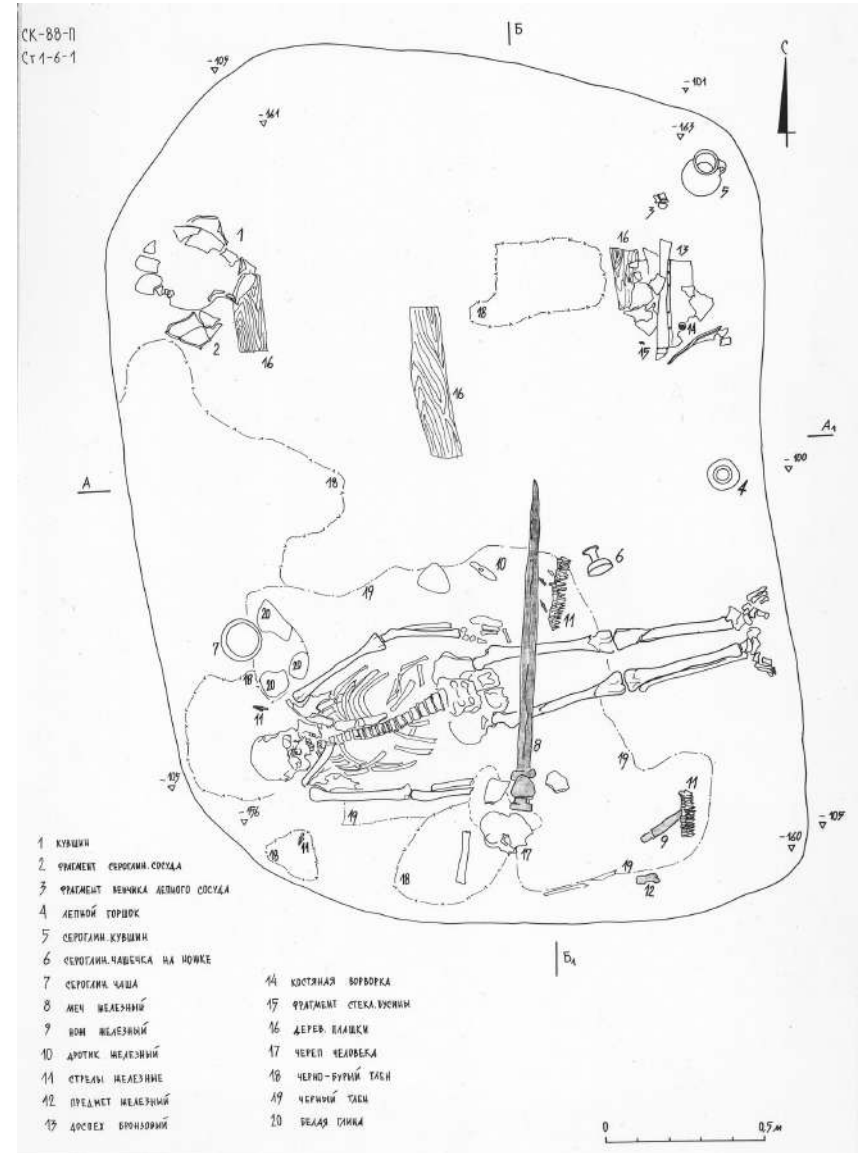

Рис. 2. Могильник Старонижестеблевская 1. Курган 6. Погребение 1. План

ПЕТРАКОВА А. Е.
(Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

ЧЕРНОФИГУРНЫЕ АТТИЧЕСКИЕ ВАЗЫ ИЗ РАСКОПОК АРХАИЧЕСКОЙ ТИРИТАКИ: ПРОБЛЕМЫ АТТРИБУЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ

Возобновившиеся в 2002 году после многолетнего перерыва и продолжающиеся по сей день раскопки позволили «впервые за 80 лет изучения Тиритакки открыть постройки эллинских колонистов, также на значительной площади исследовать слои и сырцово-каменные дома позднеархаического времени» [Зинько, 2014, с. 8]. Раскопки дали материалы, на основе которых были сделаны выводы об особенностях градостроительства, этносоциальном составе населения Тиритакки и множестве других, несомненно, важных, аспектов существования этого города.

Значительную роль при этом сыграли находки керамики, среди которых отдельное место занимают изделия аттических гончаров и вазописцев. Часть из них была опубликована как в контексте определенных археологических комплексов в качестве материала, помогающего при их датировке и интерпретации [Зинько, 2014], так и в обзорных статьях [Głuszek, 2014a; Głuszek, 2014b].

Однако помимо важности аттической керамики в деле археологов, она является также и материалом, крайне интересным для искусствоведов, причем, не только благодаря весьма широкому сюжетно-тематическому репертуару росписей, но и благодаря высокому художественному качеству рисунков. В то же время афинские расписные вазы архаики и классики – это предметы массового производства для продажи: «в Афинах [...] в то время как женщины все еще изготавливали сами одежду для членов семьи, керамика и предметы утвари – покупались» [Cohen, 2008, p. 2]. Будучи работой гончаров и вазописцев, которые буквально «набивали руку» на изготовлении тех или иных видов керамики, аттические черно- и краснофигурные вазы в ряде случаев позволяют находить к

ним крайне близкие аналогии. В случае с материалами археологических раскопок из городища, которые в большинстве случаев представляют собой мелко набитые фрагменты, эта особенность представляется особенно важной. Ведь благодаря близким аналогиям мы можем говорить о возможности восстановить форму, и даже – сюжет росписи целого сосуда по небольшому фрагменту.

В раскопках архаических слоев Тиритакки к настоящему моменту найдено более двухсот пятидесяти фрагментов чернофигурных аттических ваз разных форм. При этом почти целых сосудов всего несколько. Цель этого доклада – продемонстрировать ряд афинских чернофигурных ваз из раскопок архаической Тиритакки в таком виде, какой они могли иметь, будучи только изготовленными в мастерских афинского Керамика. Эти же реконструкции позволяют перенести фрагменты из археологического контекста в пространство некоего виртуального музея, в котором можно было бы восхищаться ими, как произведениями античных гончаров и вазописцев. Такие реконструкции помогают вынести суждение об атрибуции вазы, где важно все, вплоть до мельчайших деталей, а также сделать предположения о сюжете росписей, что особенно интересно, если это изображения мифологические (см. Букина, 2020). Но вазы, украшенные не мифологическими сценками и даже просто растительными орнаментами, также поддаются вполне убедительному виртуальному «восстановлению», хотя и с меньшей легкостью, чем вазы с изображением мифологических персонажей у которых есть хорошо узнаваемые атрибуты. В данном случае именно формально-стилистические особенности сосуда и его росписи становятся отправной точкой в работе.

Прекрасным примером может служить фрагмент чернофигурного килика (это чаша типа А), на котором сохранилось лицо бородатого мужчины вправо, голова и плечи юноши влево и часть плеча еще одного мужчины, вправо. Хотя фрагмент мал (3,1 x 2,6 см), характерные особенности его формы и росписи позволяют найти очень близкие аналогии среди аттических чернофигурных киликов, которые относят к Классу FP (The FP Class, от слов 'Floral' и 'Palmette' – характерных элементов декора у ручек), который датируют 540-530ми гг. до н.э., и к Группе чаш со сценами ухаживания (The Group of Courting Cups), которые датируют 535-520ми гг. до н.э. [ср. Głuszek, 2014a. Cat.1, Pl. 1,1a; Głuszek 2014b, P. 159-160, fig. 2a, определено, как чаша Сиана (?), 550-540 гг. до н.э.]. Основой для возможных реконструкций внешнего вида килика из Тиритакки стали килик из Лувра инв. СА 3096 [CVA Paris, Musee du Louvre 10, pl.(729) 94,3-

4; BAPD 350782] и килик из частного собрания в Восточной Вестфалии [Stahler, 1983, kat. 16; BAPD 9853]. Они оба имеют пальметты характерного для класса типа и роспись, в которой представлено, как бородатые мужчины ухаживают за безбородыми юношами (что, собственно, и дало название группе). На основе аналогий можно представить себе, как мог выглядеть килик из Тиритаки (Рис. 1). Луврский вариант украшен тремя парами обнаженных персонажей, каждая состоит из бородатого мужчины и юноши, к которому мужчина прикасается; на обороте – одна пара и еще один мужчина справа. Килик из частного собрания в Вестфалии украшен одной парой, а по сторонам от нее – по обнаженному мужчине и по женщине. Подобные сцены также могут украшать так называемые чаши с глазами [ср. CVA New Zealand 1, Pl. 31.5-9; BAPD 6712; Shapiro, 1981, no. 64; BAPD 7727 и др.], но там места обычно хватает лишь на две фигуры. Итак, фрагмент из Тиритаки – это часть типичной для своей группы чаши, на которых чаще всего эрос стоит перед эроменом и протягивает к нему руки (одну – к гениталиям, другую – к груди или подбородку). И, возможно, к этой же чаше имеют отношение несколько маленьких фрагментов с частями характерных горизонтальных пальметт и растительных завитков, какие бывают у чаш Класса FP по сторонам от ручек и под ними.

Другим примером может служить еще один небольшой (4,2 x 2,9 см) фрагмент, уже не чаши типа А, а Чаши Сиана (The Siana Cup) с частью головы коня влево [Зинько, 2014. С. 111, Рис. 105,9 – находки из заполнения помещения IV; Głuszek, 2014a. Cat. 2, Pl. 1,2; Głuszek 2014b. P. 158, 160, fig. 1,1, определено, как фрагмент Чаши Сиана, близко Мастеру С, 560-550 гг. до н.э.]. Эту чашу следует отнести к работам Мастера Тарас / Тарентинского мастера (The Taras Painter), которого Дж. Бизли назвал «Тенью Мастера С» (The Shadow of the C Painter), [Beazley, 1956. P. 51]. Мастер был выделен Х.А.Г. Брайдером, а имя он получил по месту находки: много чаш, впоследствии атрибутированных ему, было найдено в Тарасе (Тарент, совр. Таранто) [Brijder, 1983. P. 151]. Размеры и профиль фрагмента из Тиритаки, а также стиль росписи, наиболее близки тем, которые характерны для чаш вазописца конца среднего и позднего периода, то есть вторая половина 560х – 550е гг. до н.э. [см. Brijder, 1983. P. 151-168]. Композиция представляла собой, скорее всего, ряд всадников [ср. Brijder, 1983, Pl. 30a; Pl. 31c] или же всадников, чередующихся с пешими персонажами [ср. Brijder, 1983, Pl. 31a] – мы опять можем сделать

виртуальную реконструкцию (Рис. 2), чтобы представить себе, как могла выглядеть чаша из Тиритаки до того, как была разбита.

Подобные реконструкции помогают в вопросах атрибуции и интерпретации изображения, в деле соединения фрагментов, происходящих из раскопок разных лет или хранящихся в разных местах (КИКЗ, Фонд «Деметра»), что, в свою очередь, позволяет уточнять данные о количестве памятников того или иного типа (что всегда сложно в случае со значительно фрагментированной керамикой), делать выводы о сюжетно-тематическом репертуаре росписей ваз, дополнять сведения о широте распространения по Средиземноморью ваз, атрибутированных той или иной группе, мастерской, вазописцу.

ЛИТЕРАТУРА

Букина А.Г. Мифологические изображения на чернофигурной керамике из Тиритаки – тезисы в этом же сборнике, 2020.

Зинько В.Н. и др. Тиритака. Раскоп XXVI, том II, археологические комплексы VI-V вв. до н.э. (Боспорские исследования, Supplementum 11). Симферополь-Керчь, 2014.

Beazley J.D. Attic Black-figure Vase-painters. Oxford, 1956.

Brijder H.A.G. Siana Cups and Komast Cups I (Allard Pierson Series, vol. IV). Amsterdam, 1983.

Cohen B. The Colors of Clay: Combining Special Techniques on Athenian Vases // Papers on the Special Techniques in Athenian Vases. Proceedings of a symposium held in connection with the exhibition "The Colors of Clay" Special Techniques in Athenian Vases" at the Getty Villa, June 15-17, 2006. Los Angeles, 2008.

Głuszek I. Black-Figured Pottery from Tyritake // Зинько В.Н. и др. Тиритака. Раскоп XXVI, том II, археологические комплексы VI-V вв. до н.э. (Боспорские исследования, Supplementum 11). Симферополь-Керчь, 2014. P. 446-480.

Głuszek I. The collection of Black-figured pottery from Tyritake // Ancient Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27-28 November 2013. Warsaw, 2014. P. 157-178.

Stahler K. Eine Sammlung griechischer Vasen die Sammlung D.J. in Ostwestfalen. Münster, 1983.

Рис. 1. Два варианта виртуальной реконструкции килика из раскопок Тиритаки с изображением эрастов и эроменов. Чаша типа А, возможно – Класс FР, Группа чаш со сценами ухода, 540-530е гг. до н.э.

Рис. 2. Два варианта виртуальной реконструкции килика из раскопок Тиритаки с изображением коня. Чаша Сиана, Тарентинский мастер, 560-550е гг. до н.э.

ПРОХОРОВ Д. А.
(НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь)

«ЯКО ПОСЛЕДОВАЛО СЛОВО МОНАРШЕ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ СЫНОВЕЙ ИХ ОТ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ...»: МЕМОРИАЛЬНЫЕ СТЕЛЫ В БОЛЬШОЙ (СОБОРНОЙ) КАРАИМСКОЙ КЕНАСЕ ЕВПАТОРИИ

Комплекс евпаторийских кенас в составе Большой (Соборной) и Малой кенасы был построен в начале XIX в. по проекту братьев Бабовичей: архитектора Шамуила бен Бабакая (? – 1847) и гевира евпаторийской караимской общины Шломо (Сулеймана) бен Бабакая (? – 1812). По некоторым данным, дата постройки Большой кенасы относится к 1807 г.¹, однако по замечанию В.А. Кутайсова, более точной датой является 1804 г., когда состоялась собственно закладка здания для неё; первое богослужение прошло в 1805 г.² В 1815 г. на месте прежнего обветшавшего караимского молитвенного дома было сооружено здание Малой кенасы. В возведении кенас также принимал участие городской голова Евпатории Ильягу бен Бабакай Бабович (? – 1812). Евпаторийские кенасы являлись центром духовной и культурной жизни караимских общин не только Евпатории, но и всего Крыма – в них проводились собрания старейшин общины, совершались религиозные обряды (в том числе, и обряд посвящения в богословы выпускников караимских училищ) и т. п.³

Побывавший в Евпатории в 1836 г. профессор Ришельевского лицея и один из организаторов Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич так описывал комплекс караимских кенас: «После мечети примечательна Караимская синагога. Богатства Евпаторийских Караимов,

¹ Ельшевич Б.С. *Евпаторийские караимские кенасы: Краткое описание // Крымские караимы: происхождение, этнокультура, история. Симферополь: Доля, 2005. С. 57.*

² Кутайсов В.А., Кутайсова М.В. *Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. К.: Изд. дом «Стилос», 2007. С. 132.*

³ Опочинская А.И. *Молитвенные дома крымских караимов Чувфут-Кале и Евпатории // Архитектурное наследие. М., 1996. С. 153–161; Кутайсова М.В. *Караимские кенасы в г. Евпатории. С. 21–27; Ельшевич Б.С. *Евпаторийские караимские кенасы. С. 57–65.***

отправляющих торг с Константинополем и различными Анатолийским городами, проявляются во всей полноте в убранстве их синагоги. Красивый мраморный помост, ведущий к синагоге, потом колоннада, осеняемая виноградными ветвями, и наконец самая внутренность “дома молитвы”, с изысканностью украшенного, надолго оставляют приятное в посетителе впечатление. Тут же Караимы за особенную редкость показывают Библию, писанную на пергаменте in-folio и с добродушием придают ей древность, восходящую до нескольких тысячелетий, – и все это они основывают на сделанной к Библии приписке, которая показалась нам произведением позднейшего времени. Общество Караимов намерено открыть обширное при синагоге Училище, для чего уже многие из них сделали значительные взносы. Склонность к просвещению весьма заметна у Караимов: они для большего распространения религиозных книг, несколько лет тому назад, учредили у себя собственную Типографию»⁴.

Примечательно, что комплекс караимских кенас Евпатории в точности соответствует размерам двора скинии библейского периода (100 на 50 локтей, то есть 60 на 30 м). Сегодня он включает несколько внутренних двориков, а также ряд разновременных построек различного назначения. В их числе: портал главного входа, виноградный и мраморный дворики, двор ожидания молитвы, здания Большой (Соборной) и Малой кенас, монумент императору Александру I (который посетил Евпаторию 1 ноября 1825 г.), двор и здание религиозной школы, этнографический музей, библиотека, клубная комната, кафе караимской национальной кухни⁵. Что касается объектов комплекса, относящихся к концу XVIII – началу XIX в., то следует упомянуть Большую (Соборную) и Малую кенасы, а также Дворики с аркадами и здание начальной караимской школы – мидраша.

Указ императора Николая I о рекрутской повинности, по которому устанавливались нормы военного призыва для евреев, был подписан 26 августа 1827 г. – дабы «обратить евреев к отправлению рекрутской повинности в натуре»⁶. В соответствии с распоряжением верховной власти, с евреев должны были брать по 10 рекрутов с одной тысячи человек ежегодно при каждом наборе (для сравнения – у христиан брали по семь рекрутов с тысячи человек, раз в два года, в один из двух объявленных наборов). Если православных рекрутировали в армию в возрасте с 18 до 25 лет, то

⁴ Мурзакевич Н.Н. *Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. 1837. № 3, март. Отд. IV. СПб., 1837. С. 627.*

⁵ Тирияки Д.З. *Караимские кенасы Евпатории. Севастополь: Библикс, 2008. С. 15.*

⁶ ПСЗРИ. *Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. II. С. 727.*

еврейским общинам дозволено было заменять взрослых мужчин мальчиками в возрасте от 12 лет. Многие причины, по которым на призывном пункте отбраковывались рекруты-христиане, оставались для евреев «без рассмотрения». Совершеннолетних определяли сразу на действительную службу, а юношей в возрасте от 12 до 18 лет направляли в батальоны и в школы кантонистов «для приготовления к военной службе» (годы пребывания в кантонистах не засчитывали в военный срок)⁷.

От рекрутской повинности освобождались гильдейские купцы, цеховые мастера, механики на фабриках, земледельцы-колонисты, семьи раввинов и учащиеся казённых училищ на время их учёбы (впрочем, число последних в начале XIX в. было сравнительно невелико). Лица, освобождённые от личной повинности, уплачивали т. н. «рекрутские деньги» – одну тысячу рублей с человека⁸.

Действие данного указа первоначально распространялось и на караимов. В связи с этим будущий караимский гахам Симха бен Шломо Бабович вместе с караимским религиозным авторитетом Йосефом-Шломо Луцким сначала отправились в Одессу, после чего, заручившись поддержкой и рекомендательными письмами новороссийского генерал-губернатора князя М.С. Воронцова, продолжили свой путь в Санкт-Петербург. Этой делегации удалось добиться отмены действия указа в отношении караимов «...как малого племени, остающегося на лице земли».

По представлению М.С. Воронцова и по заключению Еврейского комитета «о Евреях Караимах в Таврической Губернии находящихся», Николай I повелел «набор рекрут из Евреев Караимов в Таврической губернии приостановить, ибо там не берут рекрут и из татар», о чём таврическому гражданскому губернатору Д.В. Нарышкину сообщалось в отношении Управления Новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабской области от 15 декабря 1827 г.⁹

В северной и восточной стенах Большой (Соборной) кенасы Евпатории устроены два арочных входа, порталы которых украшены искусной резьбой (на них присутствует геометрически-фитоморфная орнаментальная композиция: симметричные изображения кипарисов, цветов, фруктовых срезов, а также концентрических окружностей и розеток и шестиконечных звёзд). Причём гексаграмма из двух равносторонних

⁷ Там же. С. 728, 734.

⁸ Там же. С. 729.

⁹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

треугольников, так называемый «Маген-Давид» (щит Давида) имеет для караимов специфическое начертание: соединение вертикалью верхней и нижней вершин двух треугольников означают контакт между Богом и человеком. По мнению Д.З. Тирияки, элементы резного каменного декора позволяют выявить символические константы, используемые в караимской сакральной архитектуре¹⁰. С левой стороны от портала северного входа расположены: стилизованная фитоморфная фигура в форме восьмёрки (символ цикличности бытия), а с правой – рельефная розетка в виде плодового среза (указанные символы были продублированы при входе в Малую кенасу при её реконструкции в 1999 г.).

В 1827 г., в честь освобождения караимов от рекрутской повинности, в караимских общинах было принято решение: ежегодно, по субботам, во время службы в кенасе, когда читалась недельная 9 глава «Ки-Тиса» («Когда будешь делать») Книги Исхода (Исх 30:11–34:35), следовало вынимать свиток Торы и при этом произносить молитву, специально сочинённую по этому поводу Йосефом-Шломо Луцким. Тогда же в Большой (Соборной) кенасе Евпатории, по сторонам бокового, восточного входа в декоративно оформленных нишах были установлены две высокие мраморные стелы, украшенные двуглавыми орлами, со стилизованными изображениями фруктов и цветов. Надписи на этих стелах (начинающиеся с заглавной «Н», первой буквы имени императора), выполненные – одна на русском языке, другая на иврите – сообщают об освобождении караимов от рекрутской повинности Николаем I: «Евпатория, 1829 года. Свидетельствует сей столп в храме Божиим во век быть в память премногого благодарованного дому Израиля сонму Караимов, яко последовало слово Монарше об освобождении сыновей их от рекрутской повинности, милостию Все августейшего Великого Государя Императора Николая Павловича самодержца Всероссийского и проч.[ая] да поживет во век и престол Его пребудет яко дни неба, возвышится слава Его и превознесется Монархия Его так и буди буди. Аминь»¹¹. Венчают каждую стелу навершия, на лицевой стороне которых, внутри, в обрамлении стилизованного растительного орнамента – барельеф с изображением двуглавого орла, вокруг которого вырезана надпись, повторяющая стро-

¹⁰ Тирияки Д.З. *Караимские кенасы Евпатории*. С. 28.

¹¹ Русский текст мемориальной надписи на стеле в Большой кенасе Евпатории (за исключением цитаты из 20-го псалма Давида) был впервые опубликован М.Б. Кизиловым [Кизилов М. *Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: «Доля», 2011. С. 258*].

ки из 20-го псалма Давида: «Господи, силою твоею возвеселится Царь! Положил еси на главе его венец от камне честна» (Пс 20:1, 3)¹².

Во «Дворике ожидания молитвы» в комплексе Евпаторийских кенас, в стенах между колоннами арок также установлены 15 беломраморных орнаментированных мемориальных плит с резными надписями на иврите, среди которых две – с горельефным изображением имперской символики. Одна плита с инициалами «Е II» (императрица Екатерина II), «П I» (император Павел I) и «А I» (император Александр I) знаменовала присоединение Крыма к России и свидетельствовала о заслугах духовных и общественных лидеров караимской общины конца XVIII – первой половины XIX в. Вторая плита с инициалами «А I» (император Александр I), «Н I» (император Николай I) и «А II» (император Александр II) появилась в память о первом Таврическом и Одесском караимском гахаме Симхе бен Шломо Бабовиче. Помимо этого, во «Дворике с аркадами» комплекса Евпаторийских кенас, в нишах, расположены ещё 22 плиты из белого мрамора с резными надписями на иврите – в них отражены важнейшие события, отмечены имена караимов, внёсших значительный вклад в жизнь караимской общины¹³.

¹² Прохоров Д.А. «Отдали себя в покровительство Вашего Величества добровольно и усердно»: К вопросу о контактах крымских караимов с представителями династии Романовых в конце XVIII – 60-х годах XIX вв. // Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. Том II. Научные труды по иудаике; Под ред. Мочаловой В.В. и др. М.: Центр «Сэфер», 2013. С. 146.

¹³ Eastern European Karaites in the Last Generations / Ed. by Dan D.Y. Shapira and D.J. Lasker, with assistance of G. Akhiezer & M. Kizilov. Ben-Zvi Institute & The Center for the Research on the History of Polish Jews, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, 2011. (Pages 1–191 on English; pages 1–289 Hebrew). P. 196–219 (In Hebrew).

Рис. 1. Мраморная мемориальная стела справа у восточного входа в Большую кенасу Евпатории; надпись на иврите

Рис. 2. Мраморная мемориальная стела слева у восточного входа в Большую кенасу Евпатории; надпись на русском языке

ПОНОМАРЕВ Л. Ю.
(Керчь)

АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КЕРЧИ

В конце XVIII – первом десятилетии XIX вв. побывавшие в Керчи путешественники неизменно обращали внимание на одну из колоритных особенностей ее городских сооружений, а именно – массовое использование в качестве строительного материала античных изделий из мрамора и известняка – архитектурных деталей и декоративных элементов, надгробий, постаментов и обломков статуй. Так, в 1786 г. Жильберу Ромму весь город показался «сооруженным из обломков греческих зданий». Обломки мрамора, «порой очень ценные», он встречал везде, в том числе в «стенах крепости, и маленьких домиках, построенных солдатами для себя, и в античной церкви, возвышающейся посреди города» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 96-97]. Большим количеством, использованных в качестве строительного материала, античных древностей был удивлен и Э.-Д. Кларк, посетивший Керчь в 1800 г. По его словам, стены многих городских построек были «покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными», а некоторые из них использовались в качестве «ступеней перед дверьми домов» или служили их украшением, причем, зачастую, будучи установленными «наискось или в совершенно перевернутом виде» [Clarke, 1816, р. 118-119]. Изобилие мрамора среди «нетесаных камней... во многих униженных хижинах» Керчи отметил в 1802 г. и П. И. Сумароков [Сумароков, 1805, с. 109].

К сожалению, в 20–40-е гг. XIX в., в процессе генеральной реконструкции застройки центральной части города, многие из этих произведений античного искусства были утрачены. Сохранены и опубликованы, были лишь немногие из них, большей частью надгробия и посвячитель-

ные надписи, извлеченные из стен фортификационных, культовых и общественных средневековых построек.

«Многие мраморные обломки из развалин Пантикапеи взятые» были использованы при строительстве стен и внутренних построек генуэзско-турецкой крепости и в облицовке ее рва [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97; Тункина, 2002, рис. 11; Стемповский, 1827, с. 66; Дюбрюкс, 1858, с. 26]. В 1827 г. крепость «назначено было уничтожить», поэтому ради сохранения античных «драгоценных предметов» Керчь-Еникальский градоначальник И. А. Стемповский предложил найти людей «знающих им цену» и которые должны были находиться при «разрушении сих стен» [Стемповский, 1827, с. 66]. Спустя два года его предложение реализовали, в 1829 г. во время разборки крепостных сооружений был нанят надсмотрщик, который «безотлучно находился при разломке стен старых строений, осматривая все добываемые из оных камни, и наблюдая о сбережении и обращении в музей тех, кои окажутся с изображениями, надписями и проч.». Своевременно предпринятые керченским градоначальником меры позволили пополнить коллекцию керченского музея мраморными и известняковыми «украшениями древней архитектуры», «прекрасным фризом», хорошо сохранившимся карнизом, надгробиями, обломками посвященных и почетных надписей [Тункина, 2002, с. 222; Ашик, 1848, I, с. 46, 91, № 1; 27; КБН, 1965, №№ 17, 37, 41]. Наиболее же часто в путевых дневниках конца XVIII – начала XIX вв. упоминались барельефная плита с изображением грифона и мраморная скульптура льва, которые были установлены в восточных («морских») и западных воротах крепости не позднее 60-х гг. XVII в. [Челеби, 2008, с. 97; Петрова, Прохорова, 2011, с. 192, 195; Clarke, 1816, p. 122; Сумароков, 1805, с. 108; Тункина, 2002, с. 213-214, рис. 77; Федосеев, 2015, с. 377-378, рис. 1].

Обломки «античных мраморов» были использованы и в облицовке «главного керченского фонтана», сооруженного недалеко от западных крепостных ворот в османский период. Вплоть до первой четверти XIX в., возведенный на «родниковом месте» (в районе совр. здания главпочтамта) «прекрасный мраморный фонтан турецкой работы» или «большой бассейн, отделанный мрамором») обозначался на планах города [Дюбрюкс, II, 2010, рис. 37, 407; 408; 424]. Он же изображен на некоторых, сделанных в этот период рисунках Керчи [Зайончковский, 1908, с. 653; Соуп..., 1819; Famin, 1838] и неоднократно упоминался путешественниками – П. С. Палласом (1794 г.), М. Гатри (1795 г.), П. И. Сумароковым (1799 и 1802 гг.), Э.-Д. Кларком (1800 г.), Жаном де Рейи (1803 г.), Дюбуа де

Монпере (1832 и 1834 гг.) [Pallas, 1801, s. 279; Guthrie, 1802, p. 172; Clarke, 1816, p. 122; Сумароков, 1805, с. 109; Сумароков, 1800, с. 71; Reuilly, 1806, p. 141; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 20; Montandon, 1834, p. 264]. Его фасадная кладка была сложена из античных мраморных изделий, к сожалению, каких именно неизвестно, поскольку упоминался, обычно, только постамент с надписью, датированной 192 г. н. э. [Ашик, 1848, I, с. 102, № 35; КБН, 1965, с. 58, № 50]. Дальнейшая судьба фонтана прослежена В. Ф. Санжаровцем, им же приведено и более подробное его описание [Монтандон, 2011, с. 364-365, прим. 8].

Еще три посвященные надписи были найдены среди развалов стен средневекового трехапсидного храма (церкви Шевелева), обнаруженного в 1833 г. при строительстве дома купца П. В. Митрова в 50–100 м к западу от церкви Иоанна Предтечи (соврем. пер. Димитрова). Время его сооружения неизвестно, но судя потому, что рядом с ним находился плитовый могильник, он мог функционировать до XII–XIII вв. и, вероятно, был разрушен одновременно с городскими кварталами, раскопанными в 1963–1964 гг. Т. И. Макаровой [Ашик, 1848, I, с. 61, 53, 91-92. №№ 12, 7, 27; КБН, 1965, №№ 21, 11, 41; Дюбрюкс, 2010, с. 340, прим. 75; Науменко, Пономарев, 2013, с. 295-302].

В 1843 г. при разборке фундаментов «старинной турецкой бани» в «шагах шестидесяти от берега моря по левую сторону древнего Пантикапейского порта» (Генуэзского мола) были найдены 25 мраморных изделий, включая четыре постамента статуй с посвященными надписями [Бларамберг, 1850, с. 817-818; Шкорпил, 1914, с. 16, прим. 2; КБН, 1965, с. 31, 38-43, 62-63, №№ 25, 36, 55].

Наиболее полно изученными оказались антики церкви Иоанна Предтечи, в ее стены было вмонтировано несколько надгробий, а в ступени бокового входа и облицовку пола несколько архитектурных деталей и постаментов. В своеобразный лапидарий под открытым небом был превращен и двор церкви, на территорию которого к началу 20-х гг. XIX в. было свезено несколько десятков крупногабаритных античных изделий из камня, найденных в ближайшей округе церкви и за пределами города.

Впервые на античные древности церкви Иоанна Предтечи в 1786 г. обратил внимание Жильбер Ромм. Среди плит ее пола он обнаружил два фриза, в конструкции лестницы северного входа – два мраморных постамента, а в северной стене надгробную плиту с эпитафией «ΘΕΟΝΑ ΥΙΕ | ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ | ΑΜΑΣΤΡΙΑΝΕ, | ΧΑΙΡΕ» [КБН, 1965, № 610; Петрова, Прохорова, 2011, с. 97; Тункина, 2002, рис. 12]. Однако, Ж. Ромм так и не

смог определиться попали они в церковь «из построенной турками мечети» или «из развалин нескольких храмов или из какого-нибудь большого здания, которое было воздвигнуто в этой местности греками». Позднее, побывав в Бахчисарае, путешественник обратил внимание на мраморные украшения бани, часть которых были «такого же характера», как и некоторые фризы из керченской церкви. Благодаря этому обстоятельству, как пишет сам автор, он стал доверять услышанным им в Керчи рассказам о том, что большая часть мраморных украшений попала в церковь из мечети [Петрова, Прохорова, 2011, с. 118-119].

В 1794 г. о нескольких надгробиях в стенах церкви и доме священника (с надписью «ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ») упомянул П. С. Паллас. Причем, последнее, по его словам, было найдено в «облицовке фонтана, находившегося когда-то к западу от почтовой дороги, ведущей в Керчь» [Pallas, 1801, s. 279, fig. 2; Guthrie, 1802, p. 324; КБН, 1965, № 833]. В 1793–1794 гг. изучением лапидарных памятников Боспора занимался Ф. К. Маршал фон Биберштейн. Некоторые из них, включая надгробия из стен церкви и дома священника, были изданы им в статье «О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива» [Тункина, 2010, с. 595, рис. 18; 19; 21; 23; 28-30; КБН, 1965, № 285, 496, 610, 833]. В 1802 г. надписи, опубликованные Ф. К. Маршалом фон Биберштейном, были переизданы Мэтью Гатри. Он же упомянул о колоннах «коLOSSальной размера», лежавших рядом с храмом [Тункина, 2002, с. 50-52; Guthrie, 1802, p. 173, 309-327]. Краткое описание и изображения трех надгробий из стен храма опубликовал Л. С. Ваксель [Waxel, 1803, p. 8, №№ 8-10]. Множество «греческих барельефов», собранных для ремонта церкви, в 1800 г. увидел Э.-Д. Кларк [Clarke, 1816, p. 119]. Но чаще всего путешественники обращали внимание на надгробия в стенах храма, реже, в его полу. Их упомянули: П. И. Сумароков (1799, 1802 гг.), Н. А. Львов (1803 г.), Реджинальд Хебер (1806 г.), А. И. Михайловский-Данилевский (1818 г.), П. П. Свинын (1825 г.), Ф. Ф. Вигель и Хр. Штир (1827 г.), Н. Н. Мурзакевич (1836 г.) [Сумароков, 1805, с. 108-109; Тункина, 2002, с. 67-70, рис. 12-13; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 30-31; Храпунов, 2008, с. 668; Михайловский-Данилевский, 1897, с. 92; Свинын, 1826, с. 458; Вигель, 1864, с. 78; Дюбрюкс, 2010, I, с. 55-56; Мурзакевич, 1837, с. 682-683].

В 1820 г. «груды мраморных обломков» около церкви нашел И. М. Муравьев-Апостол. Особенно ему запомнился женский «торс колоссальный... греческой работы» [Муравьев-Апостол, 1828, с. 262]. В 1822 г., собранные во дворе церкви античные древности, кратко описал Роберт

Лайелл. Среди обломков карнизов, капителей и колонн он также отметил «обезглавленную статую женщины титанических размеров, выполненную из мрамора» [Layall, 1825, p. 376]. Очевидно, оба путешественника приняли за нее торс огромной статуи, в которой исследователи XIX в. видели Эскулапа или Асклепия [Ашик, 1849, III, с. 52, рис. СII]. Позднее О. Ф. Вальдгауер, атрибутировал ее как изображение «боспорского царя», а Б. В. Фармаковский увидел в ней Аполлония, младшего сына Левкона I. По мнению Н. Ф. Федосеева это изображение боспорского царя Перисада I [Федосеев, 2011, с. 385; Федосеев, Пономарев, 2016, с. 127-128].

В 1825 г. «женская колоссальная статуя отменно смелого резца» и «торс мужчины... гораздо низшей работы» привлекли внимание П. П. Свинына [Свинын, 1826, с. 458-459], а «великое множество надписей, барельефов, обломков от колонн, вмазанных в стены церкви и находимых вокруг ея» позволили ему предположить, что она была построена первыми «пришедшими сюда христианами, из развалин храма знаменитого Эскулапа Пантикапейского» [Свинын, 1828, с. 24].

В 1832 и 1834 гг. Керчь посетил Фредерик Дюбуа де Монпере. В своем сочинении он уделил внимание и церкви Иоанна Предтечи, попутно отметив, что «памятники Пантикапея» начинались «уже в стенах храма». По его мнению, многие из них были «привезены сюда» (на церковный двор), чтобы «убереечь от разрушения». Однако подробного их описания он не привел, поскольку, по его словам, они были опубликованы в сочинении П. С. Палласа [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 15].

Наиболее полная сводка античных лапидарных памятников из церкви приведена в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство», изданном в 1848 г. В их числе – посвятельная надпись на мраморной колонне, обнаруженная в 1839 г. внутри церкви или недалеко от нее, а также эпитафии на надгробиях Наны и Демостратеи, (южная стена), Лисимаха, сына Эвхарииона, (в алтарной части), Публия, сына Косса, и Феоны, сына Дионисия (северная стена) [Ашик, 1848, I, с. 87, № 25; II, с. 60-62, 64, №№ 4, 5, 6, 8, 15; 9, № 285, 610]. Помимо них он упомянул «колоссальный торс Эскулапа» (по его мнению, может быть и Юпитера), находившийся с «незапамятных времен» в ограде церковного двора и здесь же, якобы, обнаруженный в 1800 г. Э.-Д. Кларком [Ашик, 1848, с. 52-53].

В 1844 г. Н. Н. Мурзакевич опубликовал пьедестал с латинской надписью о постановке статуи царю Савромату I, обнаруженную в 1839 г. в церковном дворе [Мурзакевич, 1844, с. 286-287; КБН, 1965, № 46]. В 1840 г. в ограде церкви или при расчистке церковного двора был найден мрамор-

ный фриз с изображением Артемиды, Аполлона, Гермеса и нимфы Килле-ны. Эта находка была опубликована Н. П. Кондаковым [Кондаков, 1877, с. 16-25, табл. I, № 3; Тункина, 2002, рис. 85]. В этой же статье он упомянул о нескольких надгробиях, обнаруженных во время ремонта в стенах «новых частей церкви и... церковного амбара» [Кондаков, 1877, с. 25].

Помимо надгробий, барельефов и обломков архитектурных деталей, в качестве строительного материала в церковь попали два античных мраморных постамента. Один из них, благодаря сохранившемуся посвящению, получил широкую известность и неоднократно публиковался в XIX–XX вв. [КБН, 1965, № 23]. Другой постамент, надпись на котором практически не сохранилась, не привлек внимания эпиграфистов, но стал одной из почитаемых святыней храма.

Со слов Жильбера Ромма можно предположить, что изначально они были вмонтированы в лестницу северного входа [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97]. Однако, по сведениям Л. С. Вакселя и А. Б. Ашика, по крайней мере, один из них, а именно – постамент с посвящением Леострата, обнаружили среди плит мраморного пола [Waxel, 1803, p. 8; Ашик, 1848, с. 61]. Изготовлен он был из мраморного блока на верхней поверхности которого вырублены углубления в форме ступней для ног статуи, а на лицевой стороне вырезана посвятельная надпись: «В царствование Перисада, сына Спартока, Леострат, сын П... за своего брата... посвятил Матери (?)». Между 1811–1816 гг. он был передан Феодосийскому музею древностей, что подтверждает найденная в архиве А. Н. Оленина «Опись Феодосийского музеума, учрежденного в 1811 г.» [Латышев, 1889, с. 110-111]. В настоящее время место хранения постамента установить не удалось.

Второй постамент такой известности среди исследователей не получил, поскольку посвятельная надпись на нем не поддавалась прочтению. Керченские обыватели окружили его легендами и преданиями, согласно которым углубления в виде человеческих ног на поверхности камня оставил «некой Святой», стоявший на нем «многие годы кряду», а небольшая выемка рядом с ними трактовалась как отверстие «для оконечности посоха» [Сумароков, 1800, с. 71]. «Следы святого» приписывали Св. Иоанна Предтечи или апостолу Андрею Первозванному, а наполняемая в углубления «святая вода» считалась целительной [Зенкевич, 1894, с. 148-149]. Какое-то время постамент находился внутри церкви, но со временем, как отметил архиепископ Гавриил, посетивший Керчь в 1829 и 1835 гг., он был установлен в трех саженях от западного входа

в церковь [Сумароков, 1800, с. 71; Гавриил, 1844, с. 324]. Позднее постамент был помещен в стеклянный футляр, под которым находилась икона Св. Иоанна Предтечи с лампадой, а в начале XX в. он уже хранился в небольшой, построенной для него часовенке [Зенкевич, 1894, с. 148].

К сожалению, составить полный каталог, найденных в средневековых памятниках Керчи античных древностей, уже не представляется возможным. Большая часть из них безвозвратно утеряны и не получили должного описания. Из тех, что сохранились и опубликованы, одни хранятся в лапидарии Восточно-Крымского музея-заповедника, другие в Одесском музее и Эрмитаже. В изначальном месте находки сохранились только два надгробия – одно безымянное, второе – сестер Наны и Демостратеи [КБН 1965, № 285], оставленные реставраторами в южной стене церкви Иоанна Предтечи.

ЛИТЕРАТУРА

Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848–1849.

Бларамберг М. Археологические разыскания в Керчи // ЗООИД. 1850. Т. II.

[Вигель Ф.Ф.] Записка о Керчи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1864. Кн. 1. Январь-Март. Отд. 2.

Гавриил [Розанов] Остатки христианских древностей в Крыму: Уезд Феодосийский // ЗООИД. 1844. Т. I.

Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. IV.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред.: д.и.н. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010.

Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной и политической обстановкой. СПб.: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1908. Т. I.

Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типо-литография Х. Н. Лаго и К° (бывш. Холева), 1894.

Кондаков Н.П. Мраморный рельеф из Пантикапеи // ЗООИД. 1877. Т. X.

Латышев В.В. К истории археологических исследований в южной России. Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. 1889. Т. XV.

[Михайловский-Данилевский А.И.] Из воспоминаний Михайловско-го-Данилевского. Путешествие с императором Александром I по южной России в 1818 году / сообщ. Н.К. Шильдера // Русская старина. 1897. Т. XCI. № 7.

Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев: Издательский дом «Стилос», 2011.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Типография при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823.

Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. Ч. 13. № 3.

Мурзакевич Н.Н. О латинской надписи, с именем воспорского царя Савромата II // ЗООИД. 1844. Т. I.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // Нартекс. Byzantine Ucrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. С. 295-309.

Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.

Свиньин П.П. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 году, относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч. XXV. Кн. LXXI.

Свиньин П.П. Керчь, Древняя Пантикапея (Из живописного путешествия по России, издателя Отечественных записок) // Отечественные записки. 1828. Ч. 34. Кн. 96.

Стемпковский И.[А.] Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. Кн. 81. Январь.

Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: В Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1800. Ч. I.

Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.: В Императорской типографии, 1805. Ч. II.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002.

Тункина И.В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 2010.

Федосеев Н.Ф. Эллиническое и варварское в погребении кургана Куль-оба // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.

Федосеев Н.Ф. Боспорский грифон // Древности Боспора. 2015. Вып. 19.

Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 2.

Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Доля, 2008.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56.

Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. London, 1816. Vol. II.

Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale, par un voyageur francais qui les a visitées en 1818 // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire... publiées par mm. J. B. Eyriés et Malte-Brun. Paris: Librairie de Gide Fils, 1819. Т. 2.

Famin César M. Crimée // Chopin M. Russie. Paris: Firmin Didot Freres, 1838. Т. II.

Guthrie M. A tour, performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802.

Layall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. London, 1825. Vol. 1.

Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée: orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée. Odessa: imprimerie de la ville, 1834.

Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: Bey Gottfried Martini, 1801. Bd. II.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette mer, et des notes sur les principaux ports commerçans dédié à sa majesté l'empereur et roi. Paris: ches Bossange, Masson et Besson, 1806.

Waxel L. Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie. Dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798. Berlin: Ches J. Fr. Schüppel, 1803.

СОКОЛОВ П. М.
(ИТЦСР, г. Санкт-Петербург)

КОМПЛЕКС ТЕРРАКОТ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ «УСАДЬБА» В АНАПЕ

В полевом сезоне 2019 г. археологический отряд ООО «Инженерно-Технический Центр специальных работ» проводил раскопки в центральной части поселения Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина хутора) на площади 17935 кв. м в Анапском районе Краснодарского края на хоре античной Горгиипии. На раскопе было исследовано 219 хозяйственных ям, а также участок древней дороги, построенной, вероятно в IV в. до н.э. и часть усадьбы середины IV в. до н.э. – I в. н.э.

Среди множества находок выделяется небольшая коллекция терракотовых статуэток разной степени сохранности. В комплексе терракот представлены 3 фрагмента терракотовых статуэток, изображающих мужские фигуры (две из них – «Геракл отдыхающий», одна – «юноша с плащом»), 1 фрагмент статуэтки сидящей женщины в хитоне, 2 фрагмента нижней части задрапированных женских фигур, 2 фрагмента герма и 1 фрагмент фигурки птицы (петуха?).

Четыре терракотовые статуэтки (фигурка юноши с плащом и одно из изображений Геракла, а также сидящая женская фигура и нижняя часть женской фигуры) были найдены при раскопках внутренней части помещений 2 и 3 исследованной части усадьбы. Изображения Геракла и юноши с плащом, а также нижняя часть женской фигуры (кат. № 1, 2 и 9) были найдены в зольном выкиде из печи 1 в помещении 2, которое датируется в пределах III – I вв. до н.э. Сидящая женская фигура (кат. № 3) была найдена у стены 9 внутри помещения 3, которое датируется несколько более широко IV – I вв. до н.э.

Еще один фрагмент изображения Геракла (кат. № 7) был найден при разборке нижнего (самого раннего) слоя засыпки полотна дороги. Это

свидетельствует о том, что статуэтка использовалась вторично, в качестве материала для забутовки дорожного полотна. Сооружение дороги относится к IV в. до н.э.

Фрагмент нижней части статуэтки, изображающей задрапированную женскую фигуру в хитоне (кат. № 5) был найден в верхней части заполнения ямы 161, при сооружении которой было разрушено полотно дороги. Яма датируется II в. до н.э. – I в. н.э.

База герма (кат. № 4) была найдена в кв. АЦ34 в пласте 2. Материалы этого участка датируются IV – III вв. до н.э. Фрагмент фигурки птицы (кат. № 6) был обнаружен в кв. АУ32 в 4 пласте. По сопутствующему инвентарю фигурка может быть датирована II в. до н.э. – I в. н.э. Еще один фрагмент герма (кат. № 8) был обнаружен в кв. АР38 во 2 пласте. По сопутствующему инвентарю фрагмент может быть датирован II – I вв. до н.э.

Таким образом, как видно из приведенных выше датировок, весь комплекс терракот в целом датируется в пределах эпохи эллинизма, как, вероятно, и исследованные на раскопе каменные сооружения.

Вероятно, все обнаруженные терракотовые статуэтки являются произведениями местных мастеров-коропластов. На это указывает тот факт, что все фигурки изготовлены из местных глин. При этом они выполнены достаточно грубо, без проработки деталей. Мужские фигуры представляют собой односторонние, плоские с обратной стороны рельефы, фигура богини на троне оттиснута в односторонней форме.

Интерес представляет обнаружение сразу трех статуэток внутри одного из помещений и, к тому же, в зольном выкиде из печи. Возможно это свидетельствует об отправлении в данном помещении каких-то домашних культов. Как известно, очаг у древних греков использовался во многих обрядах: в нем сжигались бескровные жертвоприношения, вокруг очага обносили новорожденного ребенка вводя его в семью, у очага молились богам о защите и т.д. (Ленская В.С., 2017, с. 47 – 63) Возможно, домашние святыни также располагались возле очага.

Каталог терракот

1. Фрагмент терракоты «Геракл отдыхающий (?)».

Описание: терракоты фрагмент; фигура мужчины, стоящего опираясь левой рукой на палицу, дерево или камень (показано условно), оперев правую руку на бедро, левая нога скрещена с правой опорной, стоит с наклоном влево; на плечах видны завязки плаща или (если Геракл) лапы львиной шкуры голова утрачена, нижняя часть утрачена.

Размеры: 7,7x6,1x2,2 см.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, сооружение 2, помещение 2, кв. АУ37, пл. 3.

Материал и техника изготовления: глина светло-коричневая, с примесью мелкой слюды, задняя часть терракоты уплощённая, заглаженная инструментом. Оттиск в односторонней форме.

Дата: IV – II вв. до н.э.

Аналогии: Алексеева Е.М., табл. 195-165, 166. Раскоп на улице Ленина в Анапе.

2. Фрагмент терракоты «юноша с плащом».

Описание: терракоты фрагмент; фигура мужчины, опирающегося правой рукой на столбик, положив левую руку на бедро, правая нога скрещена с левой опорной, стоит с наклоном вправо; голова утрачена, нижняя часть утрачена; основание частично полое. Плащ откинут за спину, развивается с левой стороны.

Размеры: 9,1x7,3x2,8 см.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, сооружение 2, помещение 2, кв. АУ37, пл. 4.

Материал и техника изготовления: глина светло-коричневая, с примесью мелкой слюды и редких белых частиц; жёлто-бурый ангоб, задняя часть терракоты уплощённая, заглаженная инструментом.

Дата: IV – II вв. до н.э.

Аналогии: Алексеева Е.М., табл. 195-165, 166. Раскоп на улице Ленина в Анапе. САИ Г1-11, ч. IV, табл. 55-10 (Горгиппия, раскоп 1956 г., погр. 81).

3. Фрагмент терракотовой статуэтки «Изображение сидящей женщины в хитоне» или «Богиня на троне».

Описание: терракотовой статуэтки фрагмент; изображает женскую фигуру, сидящую на троне, в длинных одеждах; трон показан условно, работа грубая; голова, руки ниже локтей и часть основания с одной ногой от колена, утрачены; статуэтка полая, без задней части.

Размеры: 15,6x8,1x6,7 см.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, сооружение 2, у стены 9 помещения 3, кв. АЦ36, пл. 3.

Материал и техника изготовления: глина жёлто-оранжевая, мыльная, с примесью мелкой слюды и белых частиц, обратная сторона доработана инструментом, возможно оттиск в односторонней форме.

Дата: IV в. до н.э. – I в. н.э.

Аналогии: Алексеева Е.М., табл. 178-4, раскоп 1985 г. на территории музея-заповедника «Горгиппия», № п.о. 309. САИ Г1 – 11, часть IV, табл. 9-1 – Кепы, раскоп 1963 г. в районе святилища Афродиты. САИ Г1 – 11, терракоты Северного Причерноморья, табл. 28-7 (Нимфей, раскопки 1941 г в святилище Деметры), хранится в ГЭ, № НФ41.945.

4. База герма.

Описание: терракотовой статуэтки постамента, квадратного, фрагмент; постамент полый, основание частично сколото, на постаменте сохранились грубо исполненные стопы фигуры.

Размеры: 4,5x3,8x4,4 см.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, кв. АЦ34, пл. 2.

Материал и техника изготовления: глина жёлтая, с оранжевыми прослойками у поверхности и жёлтой поверхностью, мыльная, с примесью мелкой слюды.

Дата: по Е.М. Алексеевой – эпоха эллинизма. Из слоя IV – III вв. до н.э.

Аналогии: Алексеева Е.М., табл. 184 – 50-54. Раскоп 1979 г. на территории музея-заповедника «Горгиппия», № п.о. 26, усадьба хоры Горгиппии Джемете III.

5. Фрагмент терракотовой статуэтки «задрапированная женская фигура».

Описание: терракотовой односторонней статуэтки фрагмент; часть человеческой фигуры в длинных одеждах.

Размеры: 7x3,2x3,1 см.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, кв. АФ30, пл. 5.

Материал и техника изготовления: глина оранжевая, с серой серединой, плотная, мыльная, без видимых примесей, следы жёлтого ангоба (?).

Дата: по Алексеевой Е.М. – эпоха эллинизма.

Аналогии: Алексеева Е.М. табл. 185-60. Раскоп на территории музея-заповедника «Горгиппия», помещение 52.

6. Фигурка птицы (петух ?).

Описание: фрагмент декоративного керамического изделия (светильника?), в форме "птицы" на узкой ножке со сколотым кольцевым поддоном, с отколотым "хвостом" - плоским и "головой" - округлой, с "крыльями", приопущенными к ножке; поверхность частично сколото.

Размеры: 7,2x4,6x4,4 см.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, кв. АУ32, пл. 4.

Материал и техника изготовления: глина оранжево-бурая с мелкими белыми примесями; жёлто-оранжевый ангоб.

Дата: II – I вв. до н.э.

Аналогии: Алексеева Е.М., табл. 187-81. Раскоп «Центр» 1987 г., № п.о. 24.

7. Фрагмент терракоты «Геракл отдыхающий (?)».

Описание: терракотовой односторонней статуэтки фрагмент; часть человеческой фигуры, мужского пола, стоящей в расслабленной позе, с опорой на правую руку, левая рука упёрта в бедро, правая нога заложена за левую, на запястьях складки одежд (плаща?), фигура обнажена, голова и правое плечо отсутствуют, ноги ниже голени правой ноги отсутствуют.

Размеры: 7,9x5,8x2,4 см.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, кв. АХ29, пл. 5.

Материал и техника изготовления: глина оранжевая с серой серединой, лицевая поверхность жёлто-оранжевая, мыльная, с примесью мелкой слюды и отдельных белых частиц, оттиск в односторонней форме.

Дата: IV вв. до н.э.

Аналогии: Алексеева Е.М., табл. 195-165, 166. Раскоп на улице Ленина в Анапе.

8. Фрагмент герма.

Описание: фрагмент; вытянутой прямоугольной формы, прямоугольной в сечении, антропоморфная, с намеченными руками и головой (сколоты), задние стенки подрезаны по сырой глине, передняя декорирована шестью продольными валиками, два идут от скола "шеи", прочие начинаются на уровне "груди", символизируя ниспадающие одежды; до скола нижней части не доходят от 2 до 0,5 см;

Размеры: высота 106 мм, размер основания 27x22 мм, размер в плечах 37x20 мм, размер в месте скола шеи 12x23 мм

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, кв. АР38, пл. 2.

Материал и техника изготовления: глина оранжевая с серой серединой и жёлто-оранжевой поверхностью, мыльная, с примесью мелкой слюды и отдельных мелких белых частиц. Оттиск в форме, задняя сторона в районе плеч доработана инструментом.

Дата: II – I вв. до н.э.

9. Нижней части женской фигуры фрагмент.

Описание: терракотовой статуэтки лепной фрагмент; изображает фигуру человека в длинных, ниспадающих одеяниях; основание расширенное, покое, неровно; верхняя часть утрачена, передняя часть сколото в верхней половине; угадывается часть складок одежды.

Размеры: h - 87,5 мм, d основания - 44x47 мм, d верх - 21x15 мм, d середина - 31x26 мм.

Место находки: Усадьба, раскоп 1 – 2019, сооружение 2, помещение 2, выкид из печи 1, кв. АТ38.

Материал и техника изготовления: глина жёлто-оранжевая, мыльная, мягкая, с мелкими порами, с примесью мелкой слюды, гончарного шамота и включениями непромешанной глины, ракушки и т.п.

Дата: IV – II вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 1997.

Скуднова В.М. 1970. Терракоты из нимфея // САИ. Г1 – 11. Терракоты Северного Причерноморью. М., 1970.

Николаева Э.Я. 1974. Терракоты города Кеп // САИ. Г1 – 11. Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974.

Кругликова И.Т. 1974. Терракоты из Горгиппии // САИ. Г1 – 11. Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974.

Ленская В.С. 2017. Частные жертвоприношения в Древней Греции // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2017, № 4. С. 47 – 63.

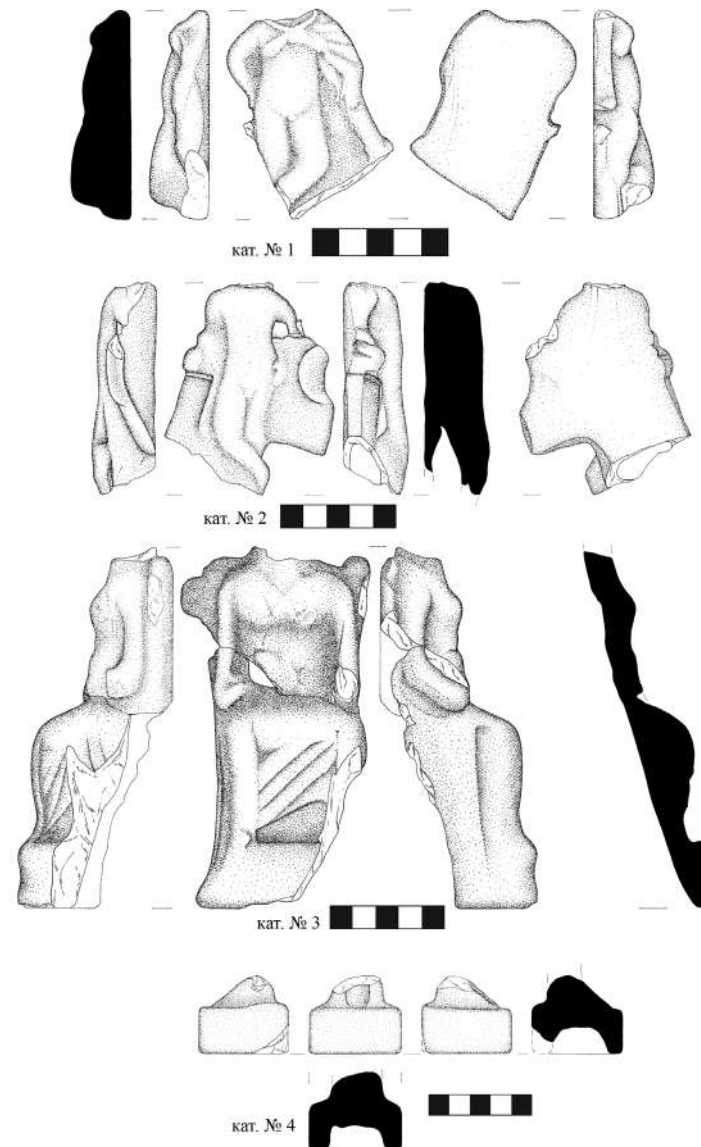

Рис.1. Терракотовые статуэтки. Номер по каталогу 1 – 4

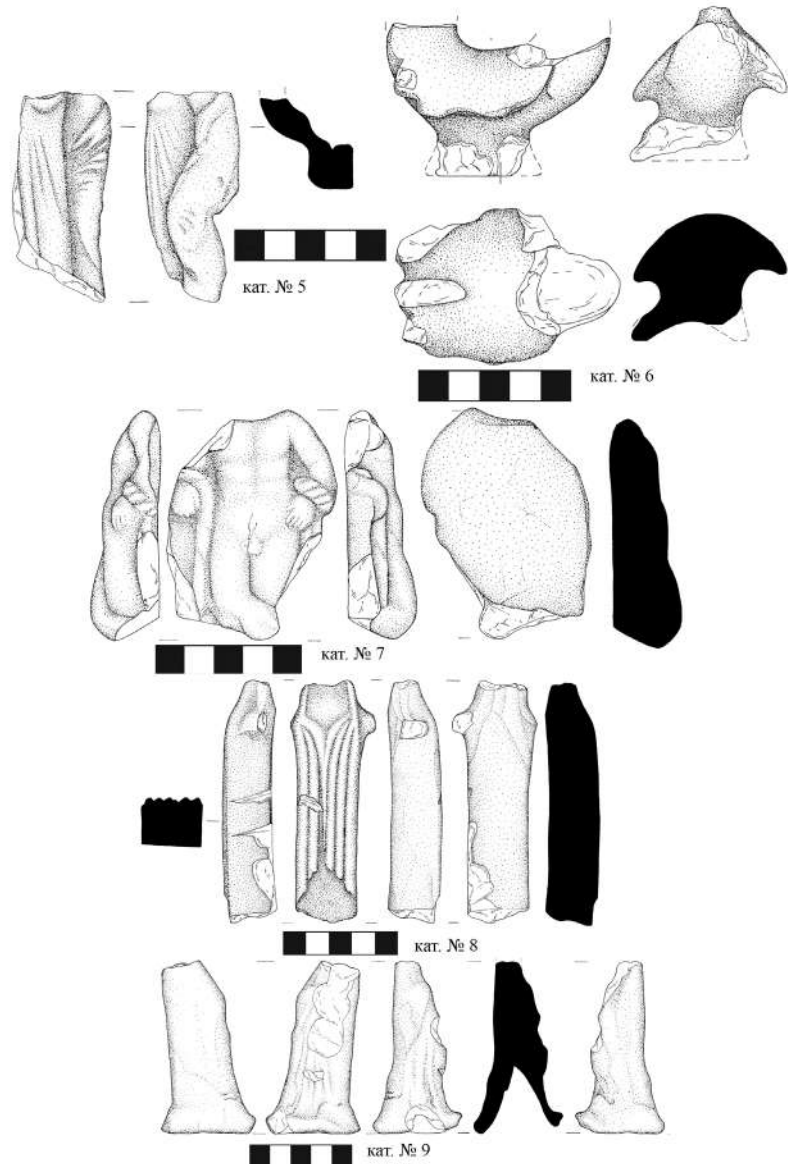

Рис. 2. Терракотовые статуэтки. Номер по каталогу 5 – 9

СТОЯНОВА А. А., ХРАПУНОВ И. Н.
(ИАК РАН, КФУ им. В.И.Вернадского, г.Симферополь)

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ¹

Среди материалов Нейзацкого могильника выделяется серия предметов, позволяющих получить представление об изобразительном искусстве жителей долины реки Зуя II – IV вв. н.э., оставивших этот памятник. Часть предметов выполнена в антропоморфном стиле, остальные украшены зооморфными изображениями.

В двух детских могилах обнаружены небольшие антропоморфные скульптурки. Одна из них (рис. 1, 1) сделана из слабообожженной глины, конусовидной формы, с плоской лицевой стороной, на которой рельефом показан нос, а с помощью точек и врезных линий изображены глаза, рот и руки. Второе изделие выполнено из меловой породы (рис. 1, 6). Антропоморфное изваяние в фас размещено на прямоугольном пьедестале, лицевая сторона изделия плоская, обратная – выпуклая. Оба изделия сопровождали погребения конца II – первой половины III в. н. э. Точные аналогии отсутствуют, но подобные миниатюрные меловые или алебастровые скульптурки известны в погребениях среднесарматской культуры. Во всех определимых случаях они изображают женщин, а их находки, там, где это удалось установить, связаны с захоронениями девочек 5-16 лет, совершенных в подбойных могилах.

С детским погребением в склепе IV в. н.э. обнаружено небольшое изделие из гагата в виде погрудного антропоморфного изображения (рис. 1, 3). Фигурка моделирована с трех сторон, тыльная сторона плоская. Черты лица отсутствуют. Первоначально эта находка была предположительно определена как подвеска, хотя следов отверстия или петельки

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты»

на ней не обнаружено, и описана как женский бюст (Стоянова, 2016, с. 128). Аналогичный экземпляр найден в могильнике Совхоз 10, также в комплексе IV в. н. э. И авторы публикации, и Е.М. Алексеева атрибутировали изделие как подвеску – в ее верхней части имелось отверстие, куда была продета проволочная петелька (Алексеева, 1978, с. 18, тип. 95; Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 179, табл. 8, 48).

Подвеска из бронзы в виде бородатого человеческого лица (рис. 1, 2) сопровождала детское погребение конца II – начала III в. н.э. Подобные, но не аналогичные изделия в виде личин (масок) из Усть-Альминского, Чернореченского и Неапольского могильников, по наблюдениям А.А. Труфанова, сопровождали исключительно детские погребения (Труфанов 2011, с. 239–240, табл. 1).

Все найденные в могильнике Нейзац литые бронзовые антропоморфные подвески (рис. 1, 7) сопровождали погребения II в. н.э. В двух случаях они связаны с захоронениями детей 2 и 6 лет, два раза найдены с женскими погребениями². Такие же предметы хорошо представлены и в других синхронных могильниках предгорного Крыма.

Значительную группу находок из Нейзацкого могильника составляют предметы, выполненные в зооморфном стиле. В подавляющем большинстве это браслеты и кольца с окончаниями в виде змеиных голов, украшенные врезным линейным и пуансонным орнаментом. Такие изделия многочисленны и в других синхронных крымских могильниках, поэтому мы не будем подробно останавливаться на их описании.

Второй относительно многочисленной серией предметов, декорированных образами животных, являются сосуды, главным образом – лепные. Некоторые лепные сосуды имеют ручки, украшенные скульптурными изображениями. Чаще всего фигурки эти очень схематичны, что сильно затрудняет определение образа: иногда это изображения птиц (рис. 2, 3, 4), иногда — каких-то пресмыкающихся, ящериц или змей (рис. 2, 5, 7). В некоторых случаях натуралистические изображения заменены рельефными выступами.

Особое внимание обращают на себя сосуды в виде баранов (рис. 2, 1, 2). Всего их найдено 4 целых экземпляра и 1 фрагмент, датируются они IV в. н. э. Сосуды имеют несомненное общее сходство, но каждый отличается особенностями формы и орнаментации. Этим находкам посвящена специальная статья (Храпунов, 2007). В ней высказано мнение о том, что уникальные сосуды позволяют говорить о локальной культуре

² Пол и возраст погребенных установлены В. Ю. Радочным.

ной специфике небольших коллективов, создавших, в целом, однородную культуру крымских предгорий в IV в. н. э. Малочисленность таких сосудов наталкивает на мысль о непродолжительности их производства. Может быть, все они принадлежали руке одного мастера. Неограниченной традицией или канонами, мастер подходил к делу творчески. Имея лишь общую идею, он, выполняя заказ или действуя по собственному усмотрению, воплощал образ каждый раз по-новому. С прекращением его деятельности прекратилось и производство фигурных сосудов.

Женское погребение в могиле №94 сопровождала краснолаковая кружка, тулово которой украшено процарапанным изображением оленя (рис. 2, 8). В отличие от граффити в виде имен, отдельных букв или символов, достаточно часто встречающихся на краснолаковой посуде, подобные нейзацкой композиции крайне редки. Из крымских находок можно выделить тарелку с изображением двух стоящих птиц из могильника Бельбек IV (Журавлев, 2001, с. 191). Стоит отметить, что из разных крымских предгорных могильников происходит серия пряслиц, украшенных изображениями животных, в том числе – оленей. Рисунки на пряслицах выполнены так же схематично, как и на нейзацкой кружке, аналогичным образом показаны рога и ноги животных. Большинство комплексов с такими пряслицами относятся ко второй половине II – первой половине III в. н.э. (Труфанов, 2019). Нейзацкий сосуд соответствует форме 1 краснолаковых кружек по классификации Д.В. Журавлева, бытовавших с последней четверти I/начала II до IV в. н.э. Нейзацкий комплекс можно датировать рубежом II и III столетий.

Изображением головы животного в профиль, вероятно, лошади, с прижатыми к голове длинными ушами, заканчивается костяная рукоять складного ножа (рис. 1, 5). Погребение датируется III в. н. э. Фрагменты аналогичных по конструкции ножей найдены еще в двух нейзацких могилах II и III вв. н.э. Точные аналогии в других памятниках не известны. Подобные костяные рукояти двух ножей с изображениями голов животных найдены в Подонье.

Необычный набор бронзовых деталей конской сбруи обнаружен в склепе первой половины III в. н. э. В его состав входили семь литых пронизей в виде голов животных (рис. 1, 9, 10). Они не имеют аналогий, но функционально, вероятно, играли ту же роль, что и литые массивные бусы, которые в количестве от шести до восьми экземпляров часто встречаются в позднесарматских уздечных наборах.

В одном из склепов IV в. н. э. найдена бронзовая ажурная плакетка. Она завершается кольцом, украшенным изображением ушастого животного (рис. 2, 6). Аналогии этому предмету присутствуют в Среднем Поднепровье и в культуре балтов позднеримского времени. У балтов такие плакетки входили в состав нагрудных украшений в виде цепей, которые часто завершались ажурными плакетками, крепившимися к одежде с помощью булавок и фибул. Изображение головы животного отличает нейзацкий экземпляр от северных аналогий. Ничего стилистически подобного ни у балтов, ни в ареале приднепровских племен не обнаружено.

Схематической фигурой животного украшен бронзовый колокольчик (рис. 1, 4) из женского погребения в могиле №392. Ажурные колокольчики достаточно часто встречаются в крымских комплексах II – первой половины III в. н.э., в степных сарматских погребениях Поволжья и Дона, на Кавказе, однако экземпляры с украшениями в виде фигурок зверей среди них отсутствуют.

Бронзовая фигурка животного с крупной головой, свисающими небольшими ушами, вытянутыми передними лапами (рис. 1, 8) найдена в женском погребении №59 конца II – первой половины III в. н.э. Судя по отверстию, скульптурка выполняла функцию подвески. Предположительно, в фигурке воплощен образ сидящей собаки. Аналогии этому изделию не известны.

Рассмотренные предметы искусства из Нейзацкого могильника разнообразны, отличаются стилистикой изображений, и, в большинстве своем, достаточно примитивны. Искусство людей, проживавших в центральной части крымских предгорий в римское время, носит декоративный-прикладной характер и связано, преимущественно, с вещами утилитарного назначения. Художественные образы использовались для украшения посуды, деталей одежды, конской упряжи, предметов культа. Лишь две антропоморфные скульптурки, на первый взгляд, не имеют практического значения, хотя нельзя исключить, что помимо удовлетворения эстетических потребностей они выполняли какую-то культовую функцию. В некоторых нейзацких находках прослеживается влияние сарматских традиций (оформление ручек сосудов в зооморфном стиле, характерный для среднесарматской культуры обычай класть в погребения миниатюрные статуэтки). Браслеты и кольца с концами в виде змеиных голов, антропоморфные бронзовые подвески, представленные не только в Нейзаце, но и в других могильниках предгорного Крыма, свидетельствуют о наличии общего для этого региона художественного стиля в оформлении определенных групп вещей. Очевидно, в коллективе, хо-

ронившем своих родственников в Нейзацком могильнике, были и свои мастера, способные создавать уникальные вещи, в которых воплощали собственные эстетические представления.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978.
- Журавлев Д. В. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001.
- Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. Симферополь, 2016.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003-2004. №4.
- Труфанов А.А. Металлические амулета-подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. // Stratum plus. 2011. №4.
- Труфанов А.А. Пряслица с изображениями животных из варварских могильников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху. V. Симферополь, 2019.
- Храпунов И.Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. №1.

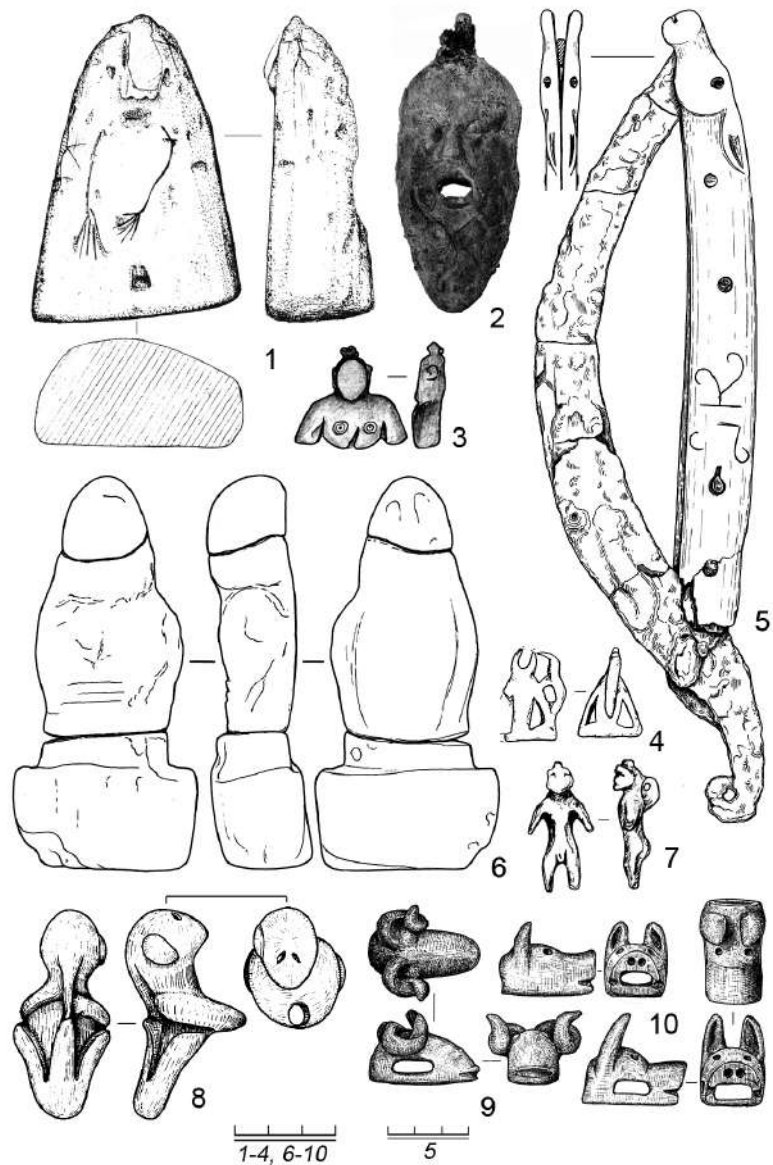

Рис. 1. Предметы искусства из могильника Нейзац

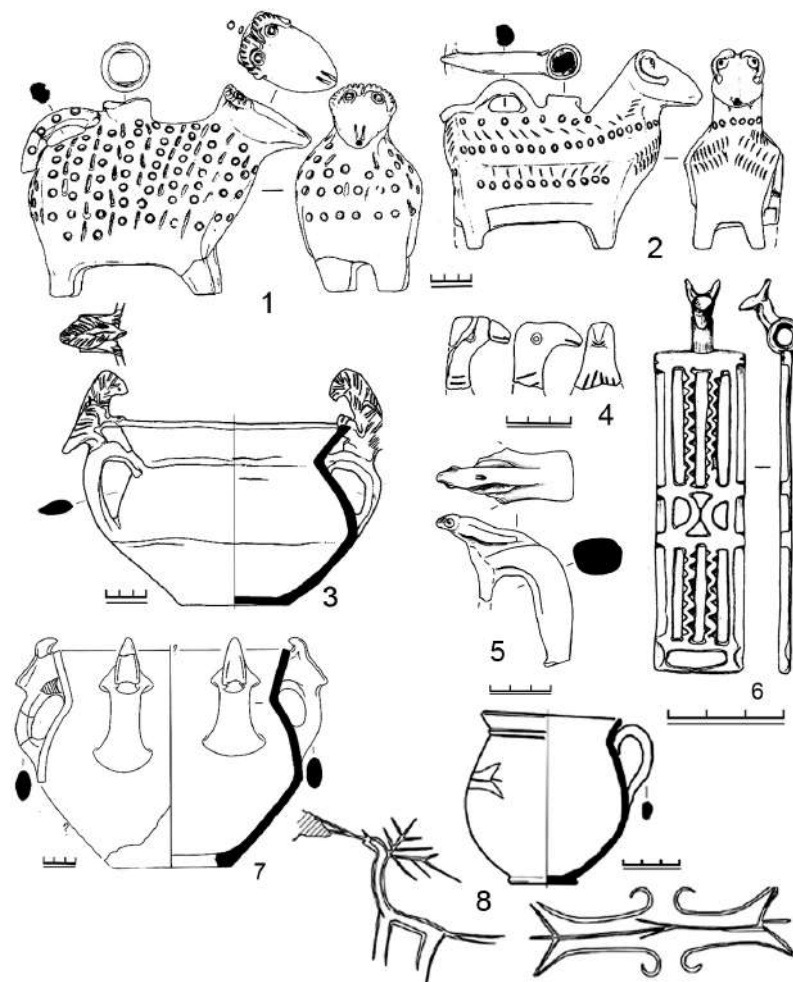

Рис. 2. Предметы искусства из могильника Нейзац

СУВОРОВА Н. И., ШИРОЧЕНКО Э. Б.
(Азовский музей-заповедник, Азов)

ОБРАЗ ЭФЕБА В БОСПОРСКОЙ КОРОПЛАСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ УНИКАЛЬНОЙ НАХОДКИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНИАРДИСА)

Крепостное городище (Паниардис) с некрополем расположено в северо-восточной части современного Азова, на высоком обрывистом берегу у слияния р. Дон и его притока р. Азовки. Также как и Подазовское городище, расположенное на западной окраине современного Азова, памятник относится к поселениям, составляющим сельскую округу Танаиса. В настоящее время вся территория Крепостного городища и его некрополя находится под плотной городской застройкой, помимо современного слоя, всю площадь памятника перекрывают напластования XVIII-XIX вв., а также культурный слой средневекового городища «Азака-Таны с некрополем» (XIII-XIV вв.). Площадь некрополя Крепостного городища составляет 159 га. Памятник датируется последней четвертью I в. до н.э. – серединой II в. н.э.

В 2013-2014 году проводились исследования восточной границы некрополя Паниардиса по адресу пер. Коллонтаевский, 65 (рис. 1). Участок располагался на СЗ склоне древней Кирсановой балки. За два полевых сезона было вскрыто 480 кв. м. Мощность культурных напластований, на участке, составляла от 0,2 до 1,5 м. В слое фиксировались фрагменты керамики I-II и XIV вв. Были исследованы две печи XVIII в. и 14 погребений античного времени. Некоторые погребения отличались богатством инвентаря [Гончарова, Широченко и др., 2016, с. 90]. Среди них погребение 4, в котором была найдена терракотовая статуэтка (рис. 2).

Погребение 4 было выявлено в ЮВ части квадрата ЗД. Могильная яма подпрямоугольной формы, углы подкруглены, по линии длинной оси вытянута в направлении СВ-ЮЗ. Стенки могильной ямы неровные, оплывшие. Длина могильной ямы – 2,5 м, ширина – 0,9 м. Костяк

погребенной женщины 25-30 лет¹, был вытянут на спине прямо, черепом ориентирован в ЮЗ направлении. Голова погребенной склонена к левому плечу. Руки вытянуты вдоль туловища, отсутствуют кисти обеих рук. Ноги вытянуты, сложены вместе, отсутствуют кости стоп обеих ног. Сохранность костей плохая. В погребении выявлен богатый инвентарь, датируемый первой половиной I в. н.э. Отметим предметы, являющиеся хроноиндикаторами в данном погребении:

1. Краснолаковый кувшин находился между южным углом могильной ямы и черепом. Венчик кувшина профилирован широким плоским воротничком. Горло цилиндрическое. Тулово биконическое. Дно, на низком кольцевом поддоне. Ручка, с верхним прилепом к горлу, уплощенно-овальной формы, слабо профилирована. Высота предмета 17,5 см. Подобный тип кувшинов из инвентаря погребений Крепостного городища датируется I в. н.э. [Горбенко, Косяненко, 2011, с. 34-36].

2. Бронзовая фибула была расположена у левого предплечья. Спинка фибулы прямая. Пружина четырёхвитковая. Приемник пластинчатый, сплошной. Размеры предмета 3,4x0,9 см. По морфологическим признакам, фибула относится к 4 группе (по классификации А.К. Амброза) - т.н. «воинские» фибулы, датируемые I в. н.э. [Амброз, 1966, с. 23-25].

3. Бронзовое зеркало обнаружено в заполнении могильной ямы, в ее ЮЗ части. Диск зеркала по краю оформлен рельефным валиком, в центре невысокий конусовидный выступ. Ручка прямоугольной формы, с остатками облоя на верхней части ручки. В нижней части ручки овальное отверстие. Диаметр диска 5,3 см; длина ручки 2,3 см. По классификации В.М. Косяненко подобные зеркала относятся к III типу, датируемому 1 половиной I в. н.э. [Горбенко, Косяненко, 2011, с. 47-49].

Помимо вышеуказанных предметов в СВ части могильной ямы располагались лепная курильница, серолощенный кубок на низкой ножке, серолощенный кувшинчик с полый ручкой и лепное пряслице. Гешировые подвески стрелковидной формы были расположены у темени, на правой лопатке и на груди. Ранее на территории некрополя Крепостного городища подобные подвески были обнаружены в погребении, которое датируется концом I в. до н.э. – рубежом н.э. [Горбенко, Косяненко, 2011, с.101]. Бусы из белой пасты лежали вдоль правой стороны нижней челюсти. С внешней стороны правого предплечья находилось бронзовое шило. В заполнении были обнаружены бронзовые накладки с остатками древесины (накладки на край деревянной посуды). Аналогичные изде-

¹ Определение костных останков было выполнено антропологом к.и.н. Е.Ф. Батиевой.

лия ранее были зафиксированы на территории некрополя в погребении I в. н.э. [Горбенко, Косяненко, 2011, с. 55-56]. Также в заполнении были найдены медные и стеклянные бусы, медные серьги, фрагменты медных и железных изделий.

В северо-восточной части могильной ямы, в районе берцовых костей левой ноги погребенной женщины, находилась терракотовая статуэтка. При обнаружении терракота буквально рассыпалась на множество крупных и мелких фрагментов, она расслаивалась (рис. 3). После проведенной реставрации на высоком профессиональном уровне произошло, поистине, второе рождение глиняной статуэтки². Теперь появилась возможность не только ее рассмотреть, но и изучить. Она представляла собой объемную статуэтку, изображающую юношу, опирающегося на герму (рис. 4)³. Сохранилось две части терракоты: фрагменты лицевой и оборотной стороны. Детали лица юноши не проработаны. Лицо округлое, нос прямой большой, рот маленький. Юноша чуть повернул и склонил голову влево. Он стоит на невысоком постаменте прямоугольной формы, слегка согнув левую ногу в колене и выставив ее вперед, опираясь локтем левой руки на герму. Правая рука опущена вдоль тела. На нем длинный хитон, драпирующийся вертикальными параллельными складками, и плащ, наброшенный на левое плечо и свободно опускающийся до середины голени. На правом плече плащ скрепляет круглая фибула-брошь. Герма на невысоком постаменте, прямоугольной формы, чуть расширяющаяся кверху. Герму венчает голова Гермеса, чуть смещенная к краю. Детали лица Гермеса не проработаны. Статуэтка была отлита в двух формах. На оборотной стороне в верхней части округлое отверстие. На внутренней поверхности сохранились следы стеки и многочисленные отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, красно-коричневого цвета с мелкими включениями извести и песка. Фрагменты терракоты склеены из множества расслаивающихся глиняных пластин, догипсованы. На поверхности сколы, поверхность заизвесткована. Высота сохранившейся лицевой части – 15,5 см, ширина – 6,7 см; высота сохранившейся оборотной части – 12,3 см, ширина – 6,7 см, диаметр отверстия – 1,7 см. Вероятно, статуэтка была изготовлена на Боспоре в I в. н. э.

Ближайшей аналогией вышеупомянутой статуэтки является боспорская терракота I в. н. э., обнаруженная в Мирмекии и хранящаяся

² Реставрация выполнена реставратором АМЗ II категории Шаповаловой Н.В.

³ АМЗ, КП 31169 А1Г 1128/31

ся в Государственном Эрмитаже (рис. 5)⁴. Она изображает стоящего у гермы эфеба [Денисова, 1981, с. 67]. Эфебом в древнегреческом обществе называли юношу, достигшего 16-18 лет, когда он обретал все права гражданина. С этого времени молодой человек объявлялся военнообязанным и привлекался к военной службе, которую проходил до 20 лет. В народном собрании эфебы торжественно получали по щиту и копью и проходили школу полевой и гарнизонной службы, в качестве гарнизонных солдат или блюстителей порядка в общественных местах. Как цвет гражданского населения, эфебы обязательно участвовали в религиозных процессиях и празднествах, при встрече послов, а также присутствовали в полном вооружении в народных собраниях. Не случайно, на многих статуэтках, изображающих эфебов, мы видим на голове венки, как символ участия в любом ритуале. В промежутках между служебными занятиями эфебы могли бывать где угодно и проводили время по своему усмотрению. Вне службы эфебы вели шумную, полную удовольствий жизнь: одни проводили время за игрой в кости или у флейтисток, другие посещали гимназии, служившие с IV века до н. э. местами собрания блестящего афинского общества. Таким образом, из эфебов состояла так называемая золотая молодежь афинских щёголей. Через два года службы молодые люди объявлялись совершеннолетними и самостоятельными гражданами. Они получали право являться в суде, жениться и т. д. [Любкер, 1885, с. 476]. В искусстве молодые люди этого возраста изображались с коротко подстриженными волосами, с венком на голове, в плаще-хламиде, опирающимися на герму.

Похожая статуэтка, изображающая юношу у гермы, хранится в экспозиции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника в г. Керчи (инв. № КТ-230)⁵. Она также изготовлена на Боспоре в I в. н. э. (рис. 6).

Аналогичный сюжет мы можем увидеть на более ранних боспорских терракотах II-I вв. до н. э. из Мирмекии и Пантикапея [Пругло, 1970, с. 99, Силантьева, 1974, с.31].

Семь статуэток с похожим сюжетом хранится в Анапском археологическом музее. Три из них, изображающие обнаженного юношу, опирающегося на столбик, были обнаружены при раскопках некрополя Горгиппии в 1956 году в погребении 81. Абсолютно аналогичные им фигурки обнаружены в 1965 году у хутора Рассвет и на раскопе «Город» в 1969

⁴ ГЭ, инв. № М.37-649

⁵ Выражаем глубокую признательность заместителю генерального директора ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» Н.В. Быковской за научную консультацию.

году. Близкая по типу терракота была случайно найдена в с. Супсех Анапского района в 1980 году [Хмара, 1987, с. 89]. При раскопках некрополя Горгиппии в 1979 году была обнаружена статуэтка, изображающая опирающегося на герму юношу в плаще и имеющая много общих черт с терракотой из некрополя Паниардиса. Все вышеперечисленные статуэтки из Анапского музея местного, горгиппийского, производства и датируются I в. до н. э.-I в. н. э.

Известно, что боспорские мастера вдохновлялись высокохудожественными терракотовыми статуэтками, изготовленными танагрскими мастерами в IV-III вв. до н. э. Они не только заимствовали у них сюжеты, но и делали оттиски с готовых терракот, так называемые матрицы, в которых в дальнейшем отминали свои статуэтки. Поэтому не случайно сюжеты «юноша, опирающийся на столбик» или «юноша, опирающийся на скалу» мы встречаем и среди изделий коропластов Танагры (рис. 7). Именно там, в IV в. до н. э. среди сюжетов мелкой глиняной пластики наряду с религиозно-мифологическими элементами впервые появляются образы реального мира, получает большое развитие бытовой жанр [Бритова, 1969, с. 61].

На терракотовую пластику IV-III вв. до н. э. большое влияние оказало творчество известных греческих скульпторов Поликлета, Праксителя и Лисиппа. Мотив боковой опоры, который мы видим на вышеупомянутых терракотовых статуэтках, можно рассматривать, как изобретение именно Поликлета, известного скульптора классического периода, мастера «движения в состоянии покоя» [Виппер, 1972, с. 186]. Примером тому может служить его знаменитая скульптура «Нарцисс» (рис. 8).

Терракотовая статуэтка эфеба, действительно, является уникальной. Это пока единственная терракотовая статуэтка, обнаруженная в некрополе Паниардиса, входившего в хору Танаиса в числе других десяти городищ. В 2011 году при исследовании некрополя Сухо-Чалтырского городища в погребении 19, принадлежащем девушке 15-25 лет, была обнаружена терракотовая протома Деметры. В некрополях других восьми нижнедонских городищ античного времени терракотовые статуэтки не встречались [Суворова, 2019, с. 171]. Да и в некрополе самого Танаиса подобные находки большая редкость. За все время исследования было обнаружено лишь 8 терракот [Суворова, 2016, с. 470].

Не случайно глиняная фигурка эфеба была найдена в погребении знатной молодой женщины 25-30 лет. Это может свидетельствовать о высокой степени эллинизации верхушки местного общества. Возможно,

данная статуэтка украшала жилище молодой женщины, была ее любимой безделушкой. А может быть, помещение ее в ногах усопшей отражало определенные религиозные верования местных жителей: она могла служить проводником в потусторонний мир. Ведь статуэтка изображает путника, остановившегося ненадолго отдохнуть у гермы со скульптурной головой Гермеса – проводника душ умерших. Венок на голове эфеба также может напоминать о погребальных эллинских традициях.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что среди жителей древнего Паниардиса, верхушки его общества, были люди, воспринявшие культуру и религиозные культы древних греков, которые ощущали себя частичкой общего эллинского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // САИ, Д 1-30. М. Наука. 1966.
- Бритова Н.Н. Греческая терракота. М.: Искусство. 1969.
- Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М.: Наука. 1972.
- Гончарова С.М., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013-2014 годах // ИАИАИАНД. Вып. 29. Азов, 2016.
- Горбенко А.А. Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса // Донские древности. Вып. 11. Азов. 2011.
- Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л.: Наука. 1981.
- Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб. 1885.
- Пругло В.И. Статуэтки из Мирмекия // САИ. Г 1-11. М.: Наука, 1970.
- Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. Г 1-11. Ч. III. М.: Наука, 1974.
- Суворова Н.И. Терракота Танаиса I-III вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- Суворова Н.И. К вопросу об элитарных погребениях античного времени на Нижнем Дону // БИ, XXXVIII. Керчь-Симферополь. 2019.
- Хмара Е.Б. Терракотовые статуэтки из Анапского историко-археологического музея // Тайны терракоты. Краснодар. 1987.

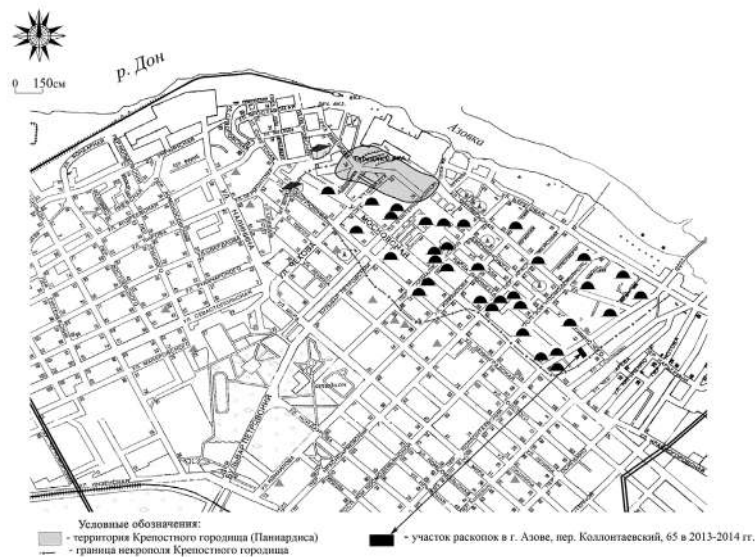

Рис. 1. Общий план г. Азова с территорией Крепостного городища (античного Паниардуса) и границей некрополя

1. Краснолаковый кувшин
2. Шило
3. Фр-г лепного сосуда
4. Фибула
5. Развал лепного сосуда
6. Терракота
7. Прялице
8. Серолощенный кувшин
9. Серолощенный кубок
10. Бусы

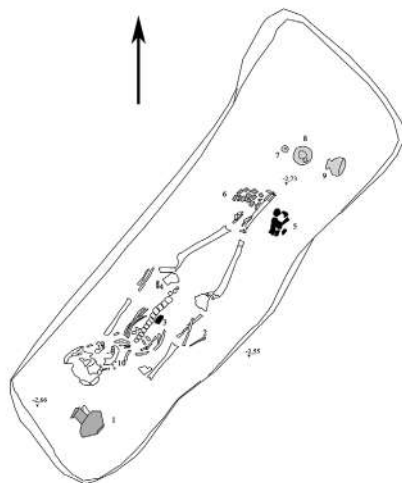

Рис. 2. План погребения 4. Аз-2014, Коллонтаевский, 65, кв. 3 д.

Рис. 3. Терракотовая статуэтка из некрополя Паниардуса до реставрации

Рис. 4. Статуэтка, изображающая эфеба, из некрополя Паниардуса

Рис. 5. Статуэтка из Мирмекия

Рис. 6. Статуэтка из экспозиции ВКИКМЗ г. Керчи

Рис. 7. Танагрская статуэтка из Берлинского музея

Рис. 8. Скульптура Поликлета "Нарцисс"

СУПРЕНКОВ А. А., РУКАВИШНИКОВА И. В., ТРЕБУХИНА Н. Ю.
(ИА РАН, г. Москва)

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА ИЗ РАСКОПОК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ГОРА ЧИРКОВА 1

Поселение Гора Чиркова 1 расположено на Таманском полуострове в 3,6 км к северо-востоку от посёлка Виноградный на северном берегу Цокурского лимана и в 3,2 км к югу от посёлка Приморский на южном берегу Таманского залива. Оно было открыто в конце XX в. Я.М. Паромовым, и изначально входило в состав более крупного поселения Виноградный 7 [Паромов, 1989. С. 77]. Позднее оно было выделено Н.И. Сударевым в отдельный памятник археологии [Сударев, Кашаев, 2016. С. 471-473]. В 2015 г. авторами проводились масштабные охранно-спасательные раскопки на его северном участке площадью 25 000 м². В результате было исследовано около сотни углублённых в материк объектов и получена огромная коллекция археологического материала. Проведённые работы позволили характеризовать раскопанный участок как периферийную часть сельского поселения. Что касается его культурно-хронологической атрибуции, то абсолютное большинство находок относилось к так называемой салтово-маяцкой культуре и датировалось VIII-X вв. Данный материал, во многом представленный амфорами «причерноморского» типа и салтово-маяцкими горшками, впоследствии был всесторонне исследован и описан нашими крымскими коллегами [Супренков, Науменко, Пономарёв, 2017-2019].

Однако ряд предметов «выбивался» из общего контекста, и наиболее выразительными находками такого рода стали два произведения древнего декоративно-прикладного искусства. Одно из них – серебряный перстень с сердоликовой инталией (рис. 1) – было опубликовано нами в соавторстве с Е.Н. Дмитриевой, которая предложила датировать эту находку рубежом эр [Супренков, Дмитриева, 2017. С. 364-360].

В данной статье мы остановимся подробнее на втором предмете – накладке из цветного металла в «зверином» стиле (рис. 2), атрибуция которой принадлежит И.В. Рукавишниковой.

Изделие представляет собой тонкую фигурную накладку из цветного металла (бронзового сплава или серебра), покрытого тонким слоем фольги из желтого металла. Двумя круглыми в сечении шпёнками длиной около 0,7 см она крепилась на декорируемом предмете из дерева или толстой кожи; вероятнее всего, эта накладка поясная.

На лицевой поверхности в низком рельефе изображены сонаправлено два зверя в сцене «терзания»: хищник – волк или собака – нападает на «припавшего» зайца. Пасть хищника перехватывает шею своей добычи в области загривка. Художником отражено мгновение нападения, которое как бы вмещает в себя и динамику погони, и драматизм победы зверя над достигнутой жертвой.

Хищник изображен опирающимся на все лапы. Задние показаны обе в широком шаге, одна передняя не видна, другая соприкасается с головой зайца. Длинный хвост струится вдоль задней лапы. Голова хищника развернута в фас, что усиливает впечатление объёмности сцены. Длинные острые уши, возможно, были украшены вставками в виде сегментов, так как просматриваются гнезда для вставок. Тело зверя рельефно показано с узнаваемыми анатомическими элементами, пропорции сохранены, показаны отделы ног. Внутри фигуры проработаны детали: выемки внутри крупных остроконечных ушей, ноздри в виде близко расположенных «каплевидных» впадин на узкой длинной морде. Глаза показаны неглубокими миндалевидными углублениями. Проработана шерсть зверя рядами выемок-насечек.

Образ зайца представлен в той же манере, но подан более статично: в замершей, припавшей на задние лапы позе. Вид животного узнается по длинному уху, изображенному перпендикулярно овальной голове. Ухо оформлено рельефно: присутствует выемка вдоль всей его длины. Округлый глаз показан обратным рельефом с углубленной точкой зрачка. Приоткрытая пасть изображена подтреугольной впадиной. Лапы крупные со схематически проработанным рельефом: изгиб задней ноги выполнен утопленной линией, отделяющей зону бедра от голени; короткими неглубокими линиями обозначены пальцы. Тело зайца крупное, соразмерное хищнику. Удлиненный хвост огибает заднюю часть туловища. В реалистично изогнутом верхнем контуре тела выделяются холмы лопатки и крупа. Шерсть проработана в той же манере, как и у нападающего образа.

Этот прием соразмерного и близкого по фактуре изображения противоположенных образов создает впечатление условной симметрии.

Пространство предмета в нижней части композиции между лапами образов не проработано. Лапы «стоят» на нижней условно горизонтальной линии абриса накладки, основная же линия её абриса совпадает с внешними контурами тел животных. Контур выпуклый, что указывает на то, что матрица для отливки была вырезана из твердого материала.

Изображение слабо стилизовано, передано в условно реалистичной манере. Сцена «терзания» зайца – основная идея изображения. Мастер, украшая накладку, которая, возможно, была либо центральная в наборном поясе, либо тиражированная, показывал этот важный для заказчика сюжет, напоминающий о зверином стиле кочевников, но в иных стилистических чертах образов.

Переходя к вопросу о датировке предмета и его культурной принадлежности, следует отметить, что как в скифском зверином стиле, так и в сарматском, в любых композициях используются стилизованные образы зверей с определенными наборами поз. Вариативность этого подхода в прикладном искусстве зависит от формы изделия, но также и от исполнения мастером другой традиции, например, в античных мастерских Боспора.

Наш же предмет по облику и технологии изготовления близок к раннесредневековым поясным накладкам. Однако в стиле изображения много индивидуального видения мастера, по сравнению с каноническим искусством ранних кочевников.

Приведём общие мнения наших предшественников по исследованию сюжета с погоней за зайцем, имеющего значимую роль в представлениях населения юга Восточной Европы как в скифо-сарматское время, так и в раннее средневековье. Широко известно, что значение охоты на зайцев для скифов подчёркивал ещё Геродот (Herod, IV, 134). Ю.Б. Полидович и Г.Н. Вольная отмечали, что сюжет погони за зайцем использовался как в эллинской, так и в скифской традициях, однако был более актуален для скифов. Несмотря на это сцены изображения зайцев для скифской среды достаточно редки, возможно, под влиянием неких табу. Сцена же «терзания» хищником, известная со скифского времени и берущая начало в искусстве Ближнего Востока, как правило, использовалась художником как финал истории погони за зайцем, также более характерной для эллинской культуры, в противовес скифской традиции изображения лишь погони за зайцем [Полидович, Вольная, 2005. С. 427].

Для сарматской же традиции, как отмечал В.Г. Луконин, сцена погони собаки за зайцем могла символизировать и триумф иранского оружия [Луконин В.Г., 1977. С. 184].

Касательно нашей накладки, точной её аналогии найти не удалось. В пользу её раннесредневековой датировки говорит схожесть предмета с изображением сцены «борьбы» зверей IX в. н.э. [Рукавишникова, Меньшиков, Воробьев, 2018, с. 363, Рис. 1, 5].

Учитывая, что контекст находки не имеет точной хронологической привязки – он носил случайный характер, – можно предположительно отнести ее к раннесредневековым изображениям с территории Северного Предкавказья. Но с учётом всего вышесказанного, нельзя отрицать и её более раннюю датировку¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Паромов Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984-1985 гг. // КСИА вып. 188. М., 1989. С. 72-78.
- Полидович Ю.Б., Вольная Г. Н. Образ зайца в скифском искусстве. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 415-436.
- Рукавишникова И.В., Меньшиков М.Ю., Воробьев И.И. Исследования нового биритуального могильника хазарского времени на северо-западном Кавказе. // Материалы международной конференции Крупновские чтения. Карачаевск, 2018. С. 361-365.
- Сударев Н.И., Кашаев С.В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 481-486.
- Супренков А.А., Дмитриева Е.Н. Серебряный перстень с инталией и другие античные находки из раскопок на поселении Гора Чиркова 1 в 2015 г. Древности Боспора 21. М. 2017. С. 364-370.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Комплекс хозяйственных сооружений на северо-восточной окраине поселения Гора

¹ Так в устной беседе В.И. Гуляев предположил возможность датирования этого предмета эллинистическим периодом, хотя и сделал своё предположение на основании не очень чёткого изображения предмета.

Чиркова 1 (по итогам раскопок Керченско-Таманской экспедиции в 2015 г.). // LAUREA 2. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Материалы. Харьков, 2017. С. 22-28.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Поселение Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.). // Хазарский альманах. Т. 15. М., 2017. С. 236-281.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Л.Ю. Пономарёв. Ритуальные Салтово-Маяцкие комплексы на поселении Гора Чиркова 1 (по материалам исследований Таманско-Керченского отряда). // Таврические студии № 12 (2017). Симферополь 2017 г. С. 136-144.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Раскопки на поселении Гора Чиркова 1. // АО-2015. М, 2017. С. 243-245.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Северо-восточный участок поселения VII-X вв. Гора Чиркова 1: Хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.). // Боспорские исследования XXXVII. Керчь, 2018. С. 263-302.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарёв Л.Ю. Поселение VIII-X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные ямы группы 4 (по итогам раскопок 2016 г.) // История и археология Крыма. Вып. X. Симферополь, 2019. С. 205-249.

Рис. 1. Поселение Гора Чиркова 1, раскопки 2015 г. Серебряный перстень с инталией

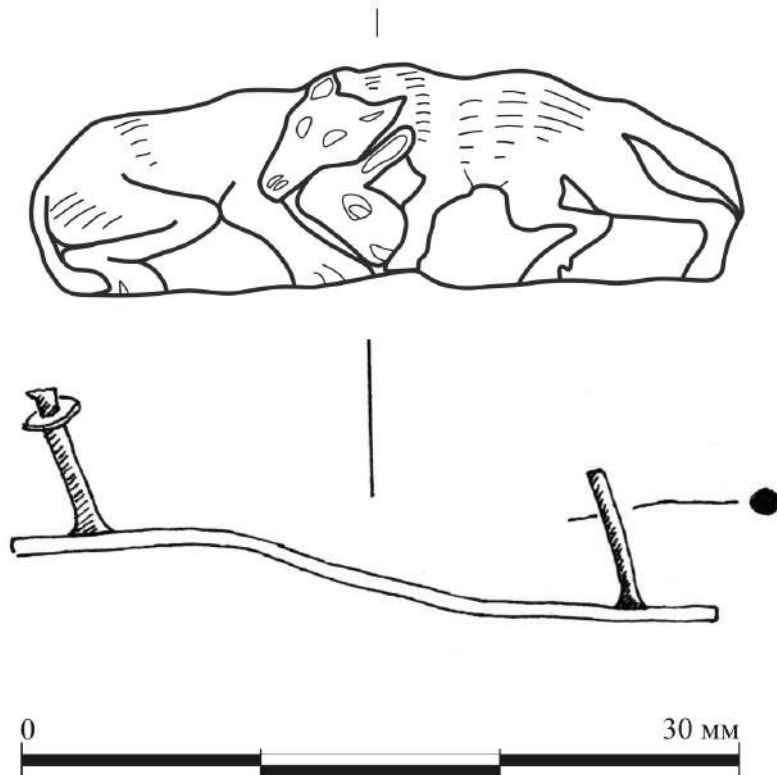

Рис. 2. Поселение Гора Чиркова 1, раскопки 2015 г. Фигурная накладка из бронзового сплава или серебра

ТИХОМИРОВ В. А.
(ИАК РАН, Симферополь)
АНТИПЕНКО А. В., СМЕКАЛОВА Т. Н.
(КФУ им. Вернадского, Симферополь)

СОСТАВ СПЛАВА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КРАСНОГВАРДЕЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

В Народном музее ордена Ленина колхоза "Россия", который находится в селе Восход (бывшее село Найлебен) и является филиалом Красногвардейского краеведческого музея, хранятся четыре металлических предмета, относящиеся к эпохе бронзы. Коллекция состоит из серпа, тесла и двух ножей. Эти предметы были найдены на пахотных полях около сел Чапаево, Новосельцы, Владимирово, находящихся к востоку от с. Восход в 63-65 км на ССВ от Симферополя (рис. 1, а, б), и переданы в музей в 2014 году. Недавно эти предметы были опубликованы В.А. Тихомировым (2018). В феврале 2020 г. представилась возможность исследовать состав сплава изделий с помощью неразрушающего метода рентгено-флуоресцентной спектроскопии. Измерения проводились на спектрометре Mistral M1 фирмы Bruker, непосредственно в музее, для чего прибор был доставлен из Симферополя и установлен в музейном помещении сотрудниками Отдела естественнонаучных методов в археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского С.К. Фридрихсоном и И.А. Живанюком. Работы проводились в рамках проекта РФФИ-Комфи № 18-00-00563 К (18-00-00486).

В связи со слабой изученностью сплавов изделий позднего бронзового века, найденных на территории Крыма, исследование предметов из музея с. Восход представляет большой интерес и дает вклад в общий банк данных по химическим анализам металлических изделий Северного Причерноморья эпохи бронзы.

Исследовался состав сплава по 10 элементам: Медь (Cu), свинец (Pb), олово (Sn), цинк (Zn), железо (Fe), серебро (Ag), мышьяк (As), золото (Au), марганец (Mn), сурьма (Sb). Время измерения 30 с.

Каждый предмет исследовался в нескольких точечных областях, расположенных в разных частях изделия. В таблице приводятся осредненные данные по всем измерениям. Цинка, золота и марганца в исследованных предметах в детектируемых количествах не оказалось, поэтому эти элементы не включены в таблицу.

Таблица. Состав сплава металлических предметов эпохи бронзы из с. Восход

№ рис.	тип изделия	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Fe, %	Ag, %	As, %	Sb, %
2, 4	серп	98,24	0,00	0,28	1,39	0,08	0,00	0,00
		98,48	0,00	0,30	1,14	0,09	0,00	0,00
		98,99	0,00	0,32	0,60	0,09	0,00	0,00
		98,84	0,00	0,32	0,75	0,09	0,00	0,00
		98,84	0,00	0,32	0,82	0,09	0,00	0,00
		97,27	0,00	1,21	0,50	0,32	0,38	0,00
		97,80	0,00	0,69	1,09	0,18	0,24	0,00
		99,08	0,00	0,42	0,39	0,11	0,00	0,00
среднее		98,44	0,00	0,48	0,84	0,13	0,08	0,00
2, 1	нож	99,05	0,00	0,06	0,72	0,10	0,00	0,07
		98,69	0,14	0,07	0,92	0,09	0,00	0,08
		99,34	0,16	0,07	0,27	0,09	0,00	0,08
		98,89	0,00	0,08	0,82	0,12	0,00	0,09
		99,08	0,13	0,08	0,54	0,09	0,00	0,09
среднее		99,01	0,08	0,07	0,65	0,10	0,00	0,08
2, 2	нож	98,72	0,14	0,10	0,29	0,13	0,51	0,11
		98,81	0,21	0,11	0,20	0,12	0,44	0,12
		98,53	0,24	0,11	0,24	0,13	0,60	0,14
		98,53	0,13	0,12	0,25	0,14	0,70	0,13
среднее		98,65	0,18	0,11	0,25	0,13	0,56	0,12
2, 3	нож	86,53	0,32	12,68	0,11	0,21	0,00	0,14
		87,22	0,30	11,98	0,16	0,19	0,00	0,16
		89,25	0,21	9,67	0,61	0,15	0,00	0,21
среднее		87,67	0,28	11,44	0,29	0,18	0,00	0,17

Далее приводим краткое описание исследованных предметов и обобщение полученных результатов.

Серп (рис. 2, 4) — дугообразный с относительно слабой степенью изгиба, состоит из двух фрагментов. Оба фрагмента имеют небольшие механические повреждения, а также различную степень деформации лезвия. Фигурная пятка - с откованным крюком для крепления рукояти. Край спинки утолщен до 5 мм. Максимальная ширина клинка — 35 мм, длина — 245 мм. Лезвие в сечении вытянуто-треугольной формы. Вес двух фрагментов 196 г. Изделие покрыто ровной зелёной патиной. Подобные предметы часто находят изогнутыми, и при попытке их распрямить, изделия ломаются. Возможно, то же самое произошло и с данным серпом.

По формальным признакам серп относится к типу С-14 по типологии Е.Н. Черных (Черных, 1976, с. 92–94, табл. XVII, рис. 6–8). По более современной типологии его можно отнести к Волго-Донскому варианту, типу Ибракаево, Волго-Уральской группы (Дергачев, Бочкарев, 2002, 59–70, рис. 14–20, табл. 19, 270; Бочкарев, 2017, с. 188, №38), и связать со срубной культурой- III группа по В.С. Бочкареву (2017, с. 171). Серпы подобного типа довольно широко распространены от Урала до Подунавья (Ахмеров, 1955, рис. 31, 1; Бороффка, Манту-Лазарович, 2012, с. 172–193; Поляков, 2017, рис. 2; Килейников, Крамской, Дущенко, 2009, рис. 10). Центр их производства связывается с приуральским металлургическим очагом срубной культуры (Черных, 1976, с. 94). Они относятся к самому распространенному типу серпов эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Их находки в погребениях крайне редки, а большая часть найдена на поселениях и в составе кладов (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 59).

По полученным данным исследуемый серп сделан из металлургически «чистой» меди, в которой на долю примесей (железа, олова, мышьяка и серебра) приходится всего 1,5%. Этот результат согласуется с нашими данными, полученными недавно для других серпов этого же типа, найденных в Крыму и на Тамани, а также с приведенными Е.Н. Черным сведениями для серпов срубной культуры (Черных, 1976, с. 284–285, табл. 18, №№ анализов 4254, 4255, 4292, 4488, 132).

Большинство серпов данной группы сделано из металла Левобережной группы по Е.Н. Черныху. Меньшая часть исследованных предметов – из металла, добытого из медных песчаников Донбасса; один предмет относится к Волго-Уральской химико-металлургической группе (Черных, 1976, с. 93).

Нож №1 (рис. 2, 1) — двулезвийный листовидной формы, с продольным ребром и перехватом на клинке, покатыми плечиками с плавно сужающимся к концу черешком, окончание которого обломано. Максималь-

ное расширение приходится на нижнюю (ближнюю к перехвату) часть клинка, боковые выемки притуплены, лезвия заточены. Размеры: общая длина 176 мм, толщина 3–4 мм; максимальная ширина 51 мм, ширина перехвата 24 мм. Вес 68 г. Изделие покрыто ровной тёмно-зелёной патиной. В лезвийной части имеются современные механические повреждения в виде перегибов. Возможно это результат «выпрямления», согнутого, для переплавки, в древности лезвия.

Морфологически этот нож довольно близок к обычным раннесрубным ножам с перехватом (Лесков, 1967, с. 173, рис. 17, 1, 2; Березанская, Чередниченко, 1985, рис. 127, 17). Е.Н. Черных относит подобные ножи к группе Н-28 и Н-30/32 (Черных, 1976, с. 118-119). По классификации В.С. Бочкарева данный нож относится к группе IV, не имеющей однозначной культурной привязки (Бочкарев, 2017, с. 171, 172). Нож аналогичной формы, но, если судить по рисунку, без ребра, был найден в кургане 10, погр. 1 у с. Филатовка в раннесрубном погребении (Бессонова, Черных, Куприй, 1984, рис. 14, 4). В работах В. И. Ключко аналогичные ножи относятся к так называемому лобойковскому типу (Ключко, Козыменко, 2017, с. 144, илл. 21; Ключко, 1998, рис. 11, 16). Схожий, в частности по общей форме и сечению лезвия, нож срубной культуры, но несколько больших размеров, чем наш экземпляр, найден в Каневском районе Черкасской области (Тереножкин, 1961, с. 149, рис. 98, 3).

Исследованный нами нож №1, также, как и серп, сделан из металлургически «чистой» меди, в которой доля примесей составила менее 1%. Подавляющее большинство аналогичных ножей имеет подобный состав металла, согласно сводке Е.Н. Черных (Черных, 1976, с. 268, табл. 10, №№ анализов 7546, 7549; с. 288-289, табл. 21, №№ анализов 4390, 4251, 152, 4549, 9004).

Ареал ножей данного типа очень широк: от Правобережья Украины, до Зауралья и далее на Восток. Вероятно, в связи с этим, металл, из которого они изготовлены, относится к различным химико-металлургическим группам: Волго-Камской, Волго-Уральской, Левобережной. Некоторые изделия изготовлены из металла, добытого из медных песчаников Донбасса (Черных, 1976, с. 119).

Нож №2 (рис. 2, 2) двулезвийный с удлинённым широким листовидным, плоским без ребра, клинком, покатыми плечиками и скругленным острием. Длина 215 мм, ширина 50 мм, толщина в лезвийной части 1–1,5 мм, черешка 2 мм. Вес 73 грамма. Возможно, одно из лезвий было заточено в большей степени, так как на нем имеются многочисленные мел-

кие выщерблины. Изделие покрыто ровной зелёной патиной с фрагментами грунтовой «корки».

Нож можно отнести к группе 1 по типологии С. Н. Кореневского (Кореневский, 1978, с. 34–36, рис. 4, 1–10), однако от приведенных в данной типологии ножей отличается более длинным черешком, а также тем, что оба лезвия абсолютно параллельны друг другу. По пропорциям и соотношению размера черенка с лезвием более всего схож с экземпляром с расширенным лезвием из позднеямного погребения 3/11 Батуриного могильника в Краснодарском крае. Указанный нож, однако, меньшего размера, чем публикуемый (Шарафутдинова, 1983, рис. 1, 27). В недавнее время было высказано предположение о том, что ножи подобного типа ямной культуры, с необычной формой клинка, представляют собой особый, полифункциональный тип изделий, использовавшихся и как боевое оружие, и как ножи-тёсла для резания, тесания, строгания и обтёсывания, что и отразилось на форме лезвия данных изделий (Кузнецов, Мочалов, 2014, с. 291–297).

В составе сплава данного ножа появляется заметное, хотя и небольшое, количество мышьяка (от 0,44 до 0,70%, в среднем, 0,56%). По классификации Е.Н. Черных, ножи подобного типа относятся к группе Н-8, некоторые экземпляры которых происходят из Лобойковского клада срубной культуры и поселения белозерской культуры Бабино IV. Некоторые из исследованных Е.Н. Черныхом экземпляров демонстрируют аналогичный нашему ножу №2 состав сплава (Черных, 1976, с. 268-269, табл. 10, №№ анализов 7559, 7561, 7562; с. 264, табл. 7, № анализа 7296). Большинство ножей изготовлено из металла Левобережной химико-металлургической группы, меньшее число – из Волго-Уральской, и единичные экземпляры – из Карпато-Трансильванской группы (Черных, 1976, с. 114).

У авторов есть сомнения, что исследуемый нож №2 принадлежит группе Н-8 (по Е.Н.Черныху), основанные на том факте, что лезвия у нашего ножа почти параллельны, а окончание ножа закруглено. Возможно, он все-таки относится к более раннему времени.

Топор-тесло (рис. 2, 3) длинное, узкое, плоское, с односторонней заточкой на краях — лезвия и «пятки». Размеры — длина 215 мм, ширина лезвия 41 мм, ширина «пятки» 18 мм. Толщина 4–5 мм. Вытянуто-прямоугольной формы со скругленными краями в сечении, средней части изделия. Вес 179 г. Изделие покрыто ровной ярко-зелёной патиной. Тесло можно отнести к типу «Рыбаковка» бабинской культуры, по В. И. Ключко. Однако длина тесла в целом превышает длину в указанных аналогиях

(Клочко, 2017, с. 109–110, илл. 1–7). По типологии Е. Н. Черных можно отнести к типу Т-8 — «плоские и удлиненные топоры-тесла без закраин» (Черных, 1976, с. 106), но от приведенных в таблице наш экземпляр существенно разнится. Приведенные в таблице Е. Н. Черных тесла отличаются от публикуемой находки, прежде всего, большей толщиной, меньшей длиной, а также трапецевидным и шестигранным сечением и наличием «углублений» в средней части (Черных, 1976, с. 106, табл. XXX, 5–7). По В.С. Бочкареву подобные топоры-тесла относятся к Ульяновскому типу и частично совпадают с разрядом Т-8 по классификации Е.Н. Черных (Бочкарев, 2017, с. 22, №52). Подобные изделия распространены в Поднепровье, но, по мнению Е.Н. Черных, за его пределами встречаются редко, например, в Волго-Уралье они практически неизвестны (Черных, 1976, с. 106). Мы должны отметить, что данный вид топоров-тесел часто встречается среди Крымских и Таманских находок.

Исследуемое тесло изготовлено из оловянистой бронзы, в которой олова содержится около 12%. Согласно Е.Н. Черных, это наиболее распространенная металлургическая группа сплавов, встречающихся в материалах Северного Причерноморья и Приазовья в эпоху поздней бронзы (Черных, 1976, с.25). Металл этих находок относится к Левобережной химико-металлургической группе (Черных, 1976, с. 106).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что найденные предметы относятся к различным культурно-хронологическим горизонтам. Наиболее ранним предметом является нож №2 который можно отнести к «ямно-катакомбным» древностям раннего и среднего бронзового века. Топор-тесло времени среднего периода бронзового века, входит в круг древностей бабинской (многоваликовой керамики) культуры. Нож №1 и серп можно отнести к срубной культуре позднего бронзового века. Следует также сказать, что поскольку для всех указанных находок археологический контекст неизвестен, то их отнесение к конкретным археологическим культурам и эпохам достаточно условно, и строится главным образом на приведенных аналогиях, а также общих представлениях развития древнейшей металлообработки Восточной Европы.

Полученные результаты, не выбивающиеся из общей канвы уже известных, войдут в общую базу данных по составу сплавов позднего бронзового века Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмеров Р. Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 81–90.

Березанская С. С., Чередниченко Н. Н. Срубная культура // Археология Украинской ССР. Т. 1: Первобытная археология. / Под ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 462–473.

Бессонова С. С., Черных Л. А., Куприй С. А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма: / Отв. ред. В. Н. Корпусова. Киев: Наукова думка, 1984. С. 41–68.

Бороффка Н., Манту-Лазарович К. М. Зимовка степных скотоводов и два уральских бронзовых серпа из Пойенешть // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 172–193.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // StratumPlus. 2017. №2. С. 159-204.

Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Килейников В. В., Крамской В. А., Дущенко С. Н. Орудия труда и изделия из окрестностей Черкасской стоянки // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13 / Ред. В. В. Килейников. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 71–82.

Клочко В. И. «Лобойківська металургія» (до проблеми східного кордону Східнотшинської культури) // «Trzciniec» — system kulturowy czy interkulturowy proces? Poznań: Wydawnictwo Poznanskie, 1998. С. 217–237.

Клочко В. И., Козьменко А. В. Древний металл Украины. Киев: Изд. дом САМ, 2017. 368 с.

Кореневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 2. С. 33–48.

Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д. Особый тип металлических изделий ямной культуры (по результатам работ в Самарской долине) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Том 16. № 3. С. 291–297.

Лесков А. М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР / Отв. ред. А. М. Лесков, Н. Я. Мерперт. Киев: Наукова думка, 1967. С. 143–178. ОАК за 1890. Спб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 151 с.

Поляков Ф. А. Клад орудий срубной культуры у с. Альфа Тамбовской области // РА. 2017. № 1. С. 116–123.

Скорый С. А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Издатель Олег Філюк, 2014. 180 с.

Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 248 с.

Тихомиров В. А. Находки эпохи бронзы из Красногвардейского района Республики Крым. ИАК VII. 2018. С. 38-42.

Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 304 с.

Шарафутдинова Э. С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в Степном Прикубанье // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 15–23.

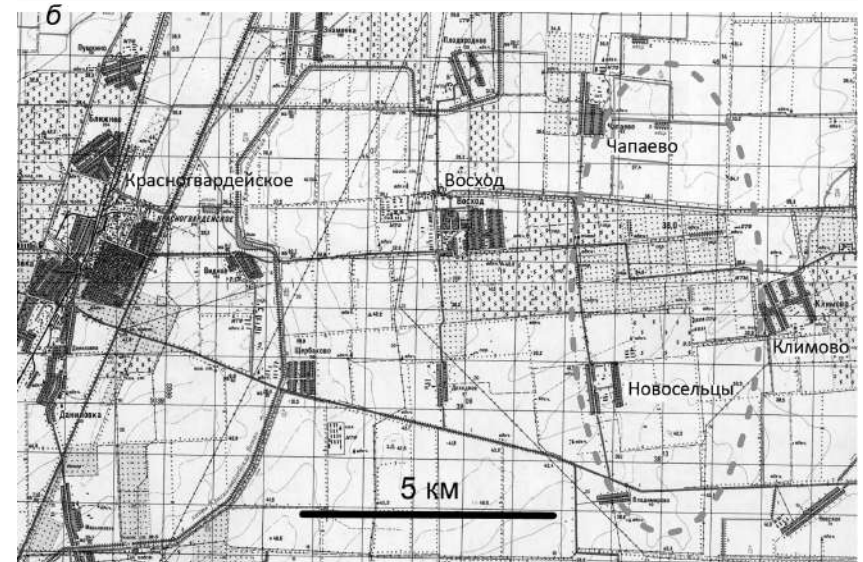
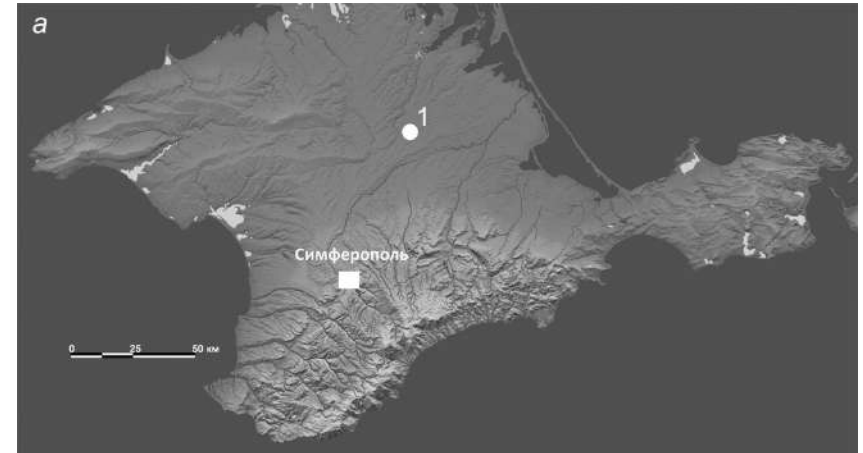

Рис. 1. а – Карта Крыма с указанием места находок металлических предметов бронзового века. б – Фрагмент карты Красногвардейского района с указанием пунктирной линией ареала находок

ТУРОВСКИЙ Е. Я.

(Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь)

О НЕКОТОРЫХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ, СТИЛИСТИЧЕСКИХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ ХЕРСОНЕСА И БОСПОРА ВО ВРЕМЕНА МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА

В отличие от собственно Понта, где, за исключением Амиса, города чеканили лишь медную монету, на Боспоре при Митридате VI был сохранен выпуск автономного серебра. Это положение можно легко объяснить, так как в пределах Северного Причерноморья высококачественные царские тетрадрахмы и статера, предназначенные, очевидно, для малоазийских владений понтийского царя, не получили распространения [Голенко, 1965, с.314].

В Херсонесе в отличие от Боспора чеканка серебра осуществлялась только в самом начале подчинения города власти Митридата VI. Речь идет о достаточно редкой драхме тип: л.с. голова Девы вправо, за головой лук в колчане – об.с. Дева убивает копьём лань, по кругу имя – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ (рис.1; №1) [Туровский, Горбатов, 2012, №224]. Легенда этой монеты выбивается из общей традиции предыдущей херсонесской чеканки тем, что не имеет в легенде имени города в сокращении. Однако характер монетного типа этого выпуска, безусловно, указывает на ее принадлежность Таврическому Херсонесу. Дело в том, что сюжет с изображением Девы, убивающей копьём свое тотемное животное (лань), известен только в херсонесской нумизматике. Сюжет, очевидно, воспроизводит скульптурную группу в храме верховной херсонесской богини Артемиды-Парфенос (Девы), который использовался в монетной чеканке Херсонеса на протяжении более 500 лет [Зограф, 1922, с.338-342]. Что касается изображения на лицевой стороне драхмы, то стилистически оно очень близко ко многим изображениям божеств на боспорских и понтийских монетах [Анохин, 1986, №№196;197;205; Price, 1993, NN 995;996;1248;1257]. Что касается личного имени в легенде монет, то, скорее всего, это имя принадлежало одному из последних магистратов,

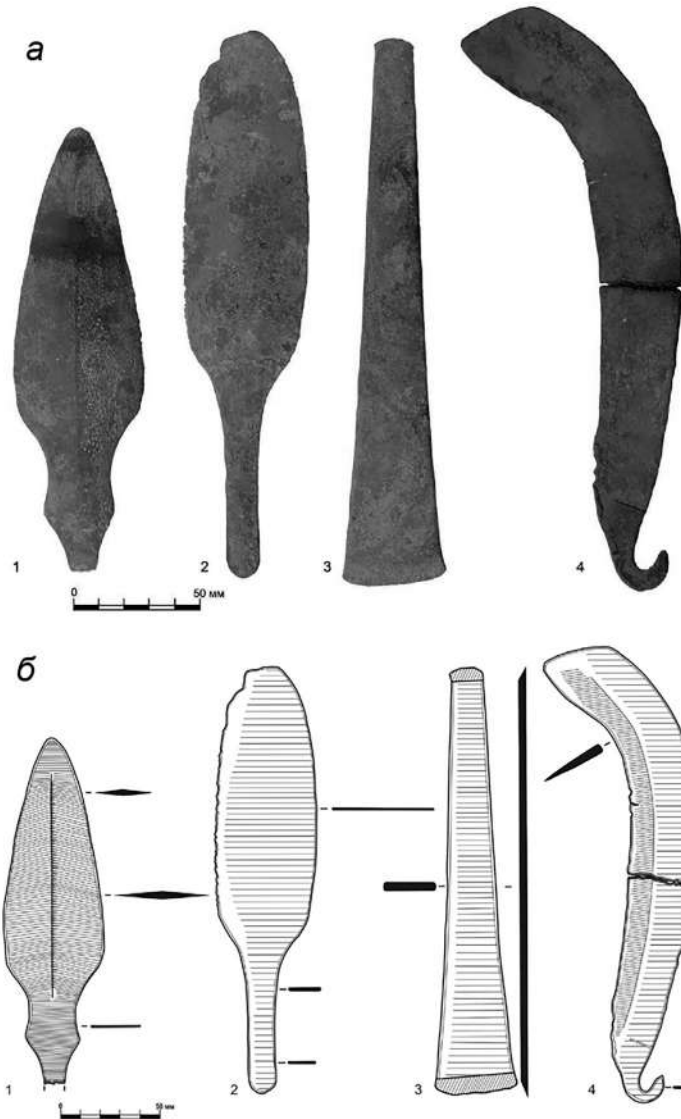

Рис. 2. Фотографии (а) и рисунки (б) находок эпохи бронзы с территории Красногвардейского района. 1- нож №1, 2 – нож №2, 3 – топор-тесло, 4 – серп

контролировавших выпуск монеты в Херсонесском полисе. Димитрий вместе со своим коллегой Агатом, контролировавшим выпуск тетраخالка [Анохин, 2011, №818], отправляли свои обязанности, по-видимому, в самом начале подчинения полиса власти Митридата Евпатора.

Очевидно, что в Херсонесе на этом этапе власть находилась в руках у демократов. На это однозначно указывает замечательный памятник лапидарной эпиграфики – почетный декрет в честь митридатовского полководца Диофанта сына Асклепиодора (IOSPE,I2,363), принятого от лица Совета и Народа, с упоминанием нескольких выбираемых и сменяемых магистратов.

Хочется особенно подчеркнуть и такой характерный момент, отличающий херсонесские выпуски митридатовского времени от синхронных боспорских. На Боспоре в митридатовское время наблюдается изменение монетной типологии. Впервые появляются изображения Мэна, Диониса и его атрибутов – божеств, связанных с династией царей Понта и Митридатом VI Евпатором Дионисом (Рис.1;№№2,3) [Голенко, 1965, с.314].

В Херсонесе понтийские власти старались идти несколько иным путем. Они не покушались на типологию лицевых сторон городских монет. На всех таких монетах имелось изображение головы Девы в венке. В то же время, начиная с тетраخالков с именем Агатон, обратная сторона херсонесских монет имеют типы, полностью повторяющие изображения понтийских монет: пасущаяся лань с опущенной головой или орлом, сидящем на молниях. В данном случае представляется не столь существенным, что на понтийских монетах чаще пасется пегас, чем лань.

Характерно, что около начала I в. до н.э. в Херсонесе меняется практика контроля над выпуском монеты, которая существовала в полисе с последней трети IV в. до н.э. Личное имя контролирующего выпуск монеты магистрата исчезает из легенды монеты навсегда. Вместо личного имени место в легенде занимает монограмма верховной богини-покровительницы Херсонесского полиса Партенос-Девы.

Известно пять выпусков херсонесской меди времени зависимости полиса от понтийского царя, выпущенных уже согласно новой практике чеканки: четыре из них имеют тип – л.с. голова Девы вправо, сзади лук в колчане; об.с. пасущаяся лань со склоненной головой вправо, отличаются эти выпуски расположением в поле монеты монограммы (над ланью, под туловищем лани, под чертой, на которой стоит лань); последний тип, относящейся к финальному этапу правления Митридата VI, имеет традиционное изображение Девы на лицевой стороне и изображение орла, сидящего на молниях на оборотной. Такой тип оборотной стороны известен

на монетах многих городов, входящих в состав держав Митридата: Пантикапея [Анохин, 1986, с.214], Амиса [Price, 1993, NN1144-1146], Синопы [Price, 1993, NN1559-1563] Тиры (рис.1;№4) [Зограф, 1957, №41; Анохин, 1989, №475; Туровский, Колесниченко Е.А., 2014, №53] и др.

Безусловно, трудно только по одному факту изменения практики чеканки монеты делать далеко идущие выводы. Тем не менее, просто так подобные изменения не происходили. Рискнем предположить, что перемены эти связаны с общей политикой понтийского царя, связанной с постепенным ущемлением суверенных прав полисов, входящих в его державу. Очевидно, что в монетной политике Митридат давил на Херсонес меньше, чем на соседней Боспор, где, например, на анонимных облогах с изображением Диониса вообще отсутствует упоминание названия города их чеканившего и отмечены только монограммы, по-видимому, содержащие сокращения личных имен чиновников, ответственных за выпуск монеты, возможно, присылаемых лично царем (рис.1,№2). Похоже, что и понтийской монеты привозилось в Херсонес гораздо меньше, чем на Боспор, хотя, по-видимому, она также участвовала в обращении.

Если говорить о монетном искусстве, следует подчеркнуть, что самобытные традиции резчиков монетных штемпелей в Херсонесе и на Боспоре сменяются эстетическими традициями, сложившимися в Понтийском царстве ко второй половине II в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка,
Анохин В.А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: ВД «Стилос».
Зограф А. Н. 1922. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики// ИГАИМК. Т. II. С.337-397.
Зограф А.Н. 1957. Монеты Тиры. М.: Наука,
Голенко К.В. 1965. Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре//Klio. №46. P.307-322.
Туровский Е.Я., Колесниченко Е.А. 2012. Хронология монет независимой (автономной) Тиры//Stratum plus. №3. С. 255-268.
Price M. 1993. The British Museum. Part 1: The Black Sea//SNG. Vol. IX. London,

ТЮРИН М. И.

(Музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь)

НЕСКОЛЬКО КНИДСКИХ РЕЛЬЕФНЫХ ЧАШ ИЗ ЗАКРЫТЫХ КОМПЛЕКСОВ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА

Рис. 1.

«Мегарские» чаши производства Книды как отдельная группа рельефной керамики были выделены относительно недавно, после обстоятельного анализа материалов раскопок древнего города, начавшихся в конце 60-х гг. прошлого столетия. Считается, что эта продукция не являлась предметом активного экспорта, а обеспечивала потребности самого города и его ближайших окрестностей [Kögler, 2010, p. 194].

Книдская рельефная керамика из материалов памятников Северного Причерноморья до сих пор не становилась предметом отдельного исследования. В настоящий момент сложно определить количество подобных находок в регионе. В статистике С.А. Коваленко книдский импорт не выделен в отдельную категорию [Коваленко, 2002, с. 87] и рассмотрен совместно с немногочисленной пергамской продукцией, с которой имеет общие орнаментальные мотивы [Коваленко, 1998, рис. 20, 21]. Один экземпляр книдской рельефной чаши происходит из раскопок нижнего города Ольвии [Bilde, 2010, p. 282, 283, №84].

Фрагмент чаши книдского производства из Херсонеса опубликован в составе комплекса цистерны 1949–1950 гг. из раскопок Г.Д. Белова и С.Ф. Стржелецкого в XIX квартале [Тюрин, 2016, рис. 6,5]. Одна находка книдской чаши известна на усадьбе 320 ближней хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове [Тюрин, 2019, с. 249, рис. 5,3]. Анализ коллекций, хранящихся в фондах историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» дает основание выделить еще несколько чаш, изготовленных в этом малоазийском центре. Ниже мы рассмотрим лишь некоторые из них, происходящие из закрытых комплексов Херсонесского городища.

1. Нижняя часть чаши (ХМ КП-485, ИКАМ 2510/08) (рис. 1,1). Каликс состоит из чередующихся побегов: пальметовидного, оканчивающегося соцветием, и «пальмовидного», с массивным каплевидным стволом, завершающимся двумя короткими ветвями. Между побегами расположены розетки из трех концентрических окружностей. Под каликсом невысокий валик, за которым расположен пояс «жемчужника» из пятнадцати выпуклых точек. Дно вогнутое, декорировано восьмилучевой розеткой, окруженной массивным выпуклым валиком. На валике частично отпечатались орнаментация из мелких точек. Черепок кирпично-красный, с тонким серым закалом. Лаковое покрытие красно-коричневое, с металлическим серым блеском. Чаша была отнесена С.А. Коваленко к пергамскому производству и датирована серединой – второй половиной II в. до н.э. [Коваленко, 1988, с. 381, №64]. Идентичный пальметтовидный побег присутствует на форме, обнаруженной при исследовании мастерской А1 в окрестностях Книда [Kassab Tezgör, 2003, p. 41, pl. 34,1], а также на фрагменте чаши из раскопок самого городища (очевидно, при создании форм для чаш применен один штамп) [Kögler, 2010, Taf. 6, № С.54]. Розетка из концентрических окружностей также является характерным декоративным элементом на квидских чашах [Kögler, 2010, Taf. 6, № С.55].

2. Нижняя часть чаши (ХМ КП-510, ИКАМ 255/10) (рис. 1,2). Каликс состоит из высоких продолговатых листьев-побегов, оканчивающихся соцветиями. Донце декорировано окруженной валиком восьмилепестковой розеткой с вогнутым центром. Черепок на изломе светло-оранжевый, с внутренней стороны – с серым закалом. Цвет лака варьируется от оранжевого до насыщенно-черного, с металлическим блеском; на внутренней поверхности лак имеет черный цвет. Чаша также отнесена С.А. Коваленко к пергамскому производству и датирована третьей четвертью II в. до н.э. [Коваленко, 1988, с. 381, №65].

Аналогичные элементы в виде побегов известны на чаше из комплекса второй – третьей четверти II в. до н.э., раскопанного к северу от военного порта Книда [Kögler, 2010, S. 66, Taf. 6, № С.54]. Интересно, что при изготовлении формы для этой чаши использованы те же штампы, что и на двух рассматриваемых чашах из Херсонеса, что подтверждает синхронность изготовления всех трех сосудов. Найденная при раскопках Книда чаша происходит из комплекса, в котором большинство находок относятся ко второй и третьей четвертям II в. до н.э. [Kögler, 2010, S. 66].

Контекст находок: чаши 1 и 2 происходят из раскопок Р.Х. Лёпера в V квартале Херсонеса: обнаружены 5 августа 1908 г. в «яме к юго-западу

от бассейна (фиалы перед Уваровской базиликой – М.Т.)» [Лёпер, 1930, с. 128]. Вместе с ними обнаружены фрагменты других рельефных чаш производства Афин и Эфеса, бортик чернолакового кратера пергамского производства [Рыжова, 2015, с. 92, рис. 7,2], стенка кувшина с растительным орнаментом и керамические грузила. Вероятно, этот же комплекс описывается в полевом дневнике Р.Х. Лёпера за предыдущие дни как «яма В» и «цистерна к юго-западу от бассейна» [Лёпер, 1930, с. 127], что позволяет добавить в его состав еще ряд находок. В целом, материалы из заполнения ямы не выходят за пределы II в. до н.э.

3. Фрагмент (№ п.о.1389-1941 г.) стенки рельефной чаши (4,5 x 2,7 см) (рис. 1,3). Сохранилась часть ограниченного двумя горизонтальными валиками пояса изображений, вероятно, разделяющего верхний бордюр и каликс. Пчела вправо, кузнечик влево. Черепок в изломе серый, цвет внешней поверхности варьируется от светло-коричневого до серого. Аналогичное изображение пчелы (идентичный штамп?) зафиксировано на верхнем поясе орнаментации чаши местного производства из раскопок террасы Круглого храма в Книде в 1971 г. [Kögler, 2010, S. 66, Taf. 59, № Кн.330].

Контекст: раскопки Г.Д. Белова в Северном районе Херсонесского городища, квартал XVIII, квадрат XXXI. Фрагмент обнаружен 19 июня 1941 г. при расчистке «эллинистического» слоя помещения γ. Ввиду начала Великой Отечественной войны отчет о произведенных полевых работах составлен не был. Однако из полевой описи видно, что речь идет о комплексе находок эллинистического времени: здесь представлены фрагменты амфор и столовой керамики III–II вв. до н.э., рельефных чаш производства Эфеса и Кимы (мастерская Кирбея).

4. Фрагмент верхней части чаши (ИКАМ 37102/19) (рис. 2,1). Венец отогнут (D 14 см), профилирован неглубоким широким желобком. Орнаментация: листья аканта (?), между ними – маска бородатого мужчины. Черепок в изломе серый, цвет внешней поверхности варьируется от светло-коричневого до серого. Фрагмент ранее публиковался [Хлыстун, 1997, с.155], но был ошибочно отнесен к пергамскому производству.

Сосуд следует отнести к продукции керамической мастерской А1, исследованной в окрестностях Книда, где обнаружены формы и фрагменты чаш с идентичным мотивом [Kassab Tezgör, 2003, p. 41, pl. 34,3]. Аналогичный штамп с изображением мужской головы использован при изготовлении формы чаши из раскопок Книда [Kögler, 2010, S. 594, Taf. 60, №Кн.342].

Контекст: раскопки С.Г. Рыжова на Херсонесском городище в 1985 г., VII квартал, помещения 6–7а, подвал. Заполнение подвала содержа-

ло материалы широкого хронологического диапазона от III в. до н.э. до середины – третьей четверти II в. до н.э. Наиболее поздними в засыпи являются ручки родосских амфор с клеймами фабрикантов Ἀφροδίσιος 2 IV ХГ [Doğer, Cankardes-Senol, 2005, p. 40, №8], Βρόμιος IVa–Va ХГ (150-е — середина 30-х гг. II в. до н.э.) [Finkielsztejn, 2001, p.131, 155], Δρακοντίδας IV-V ХГ [Кац, 2007, с. 422]. В состав комплекса также входит ряд фрагментированных рельефных чаш кимского и эфесского производства.

5. Полный профиль рельефной чаши (ИКАМ 36910/130) со слегка отогнутым венцом (всего 9 фрагментов, догипсована, D 16,8 см) (рис. 2,2). На двух фрагментах имеются узкие (1 мм) отверстия – следы древнего ремонта. Верхняя часть сосуда профилирована тремя широкими горизонтальными желобками, под которыми расположен состоящий из пальметт фриз (рис. 2,2а). Нижняя часть чаши содержит сложную композицию из растительных элементов: от восьмилепестковой розетки в центре донной части расходятся побеги «папоротника» (рис. 2,2б) и узкие загнутые вправо листья с детализированными прожилками. Выше находится пальметта, снова побеги «папоротника» и загнутые листья. Между ними расположены гирлянды и соцветия. Цвет черепка на изломе серый. Лак темно-оранжевый, местами переходит в коричневый, на внутренней поверхности лак имеет темно-серый окрас, видны включения частиц слюды.

Контекст: раскопки М.И. Золотарева в 1975 г., засыпь помещений 8 и 9 в I квартале Херсонесского городища. Помещения интерпретированы автором раскопок как святилище Латоны, Аполлона и Артемиды [Золотарев, 1985, с. 270, 271]. Материалы засыпи составляют единовременный комплекс: фрагменты одних и тех же сосудов были обнаружены в обоих помещениях. Всего было найдено порядка двух тысяч фрагментов керамических изделий эллинистического времени. Позднейшей надежно датированной находкой в комплексе является ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Ἀνδρόνικος [Золотарев, 1979, с. 71, №19] ок. 132–131 гг. до н.э. [Finkielsztejn, 2001, p. 195]. Предлагаемая дата закрытия комплекса – конец третьей – возможно, последняя четверть II в. до н.э.

Таким образом, три чаши (№ 1, 2 и 4) несомненно относятся к производству мастерской А1, известной по исследованиям Д. Касса-Тезгёр. Вероятная датировка большинства сосудов укладывается в пределы середины – третьей четверти II в. до н.э. Дальнейшие исследования материалов раскопок Херсонеса и других центров позволят прийти к объективным выводам о месте кидского импорта на рынке рельефной керамики Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII.

Коваленко С. А. О структуре и динамике импорта позднеэллинистической рельефной керамики в Северное Причерноморье // Археология. 2002. № 3.

Коваленко С. А. Античная рельефная керамика III-I вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.06 / МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1989.

Лёпер Р.Х. Дневник раскопок 1908 г. // ХСб. Вып. III. 1930.

Золотарев М.И. Керамические клейма из раскопок Северо-Восточного района Херсонеса в 1974-1975 гг. // КСИА. 1979. Вып. 195.

Золотарев М.И. Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982. Тбилиси: Мецниереба, 1985.

Рыжова Л. А. Пергамские эллинистические кратеры // Причерноморье: История, политика, культура. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2015. Вып. 16 (5). С. 89–104.

Тюрин М.И. Материалы из цистерны в XIX квартале Херсонеса Таврического (раскопки 1949–1950 гг.) и вопросы хронологии города позднеэллинистического периода // Записки ИИМК РАН. 2016. № 14.

Тюрин М.И. Круглая постройка эллинистического времени из раскопок усадьбы участка 320 на Гераклеяском полуострове // Херсонесский сборник. 2019. Вып. XX.

Bilde P. G. Mouldmade bowls // The Lower City of Olbia. BSS. 13. Aarhus, 2010.

Хлыстун Т. Г. Мифологические образы в рельефах мегарских чаш Херсонеса // Хсб. 1996. Вып. VII.

Doğer E., Cankardeş-Şenol G. Bati Anadolu'da Bulunan Bir Grup Amphora Mühürü // Arkeoloji Dergisi, 1997.

Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C- environ: premier bilan (BAR International Series 990). Oxford: Basingstoke Pr. 2001.

Kassab Tezgör D., La Ceramique fine de l'Atelier A1 de Cnide, in: Varia Anatolica.1997.

Kögler P., Hellenistische Reliefkeramik aus Knidos, in: E. Kypraiou, Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Αθήνα. 2000.

Kögler P., Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit (ca. 200 v. Chr. Bis 150 n. Chr.). Weisbaden. 2010.

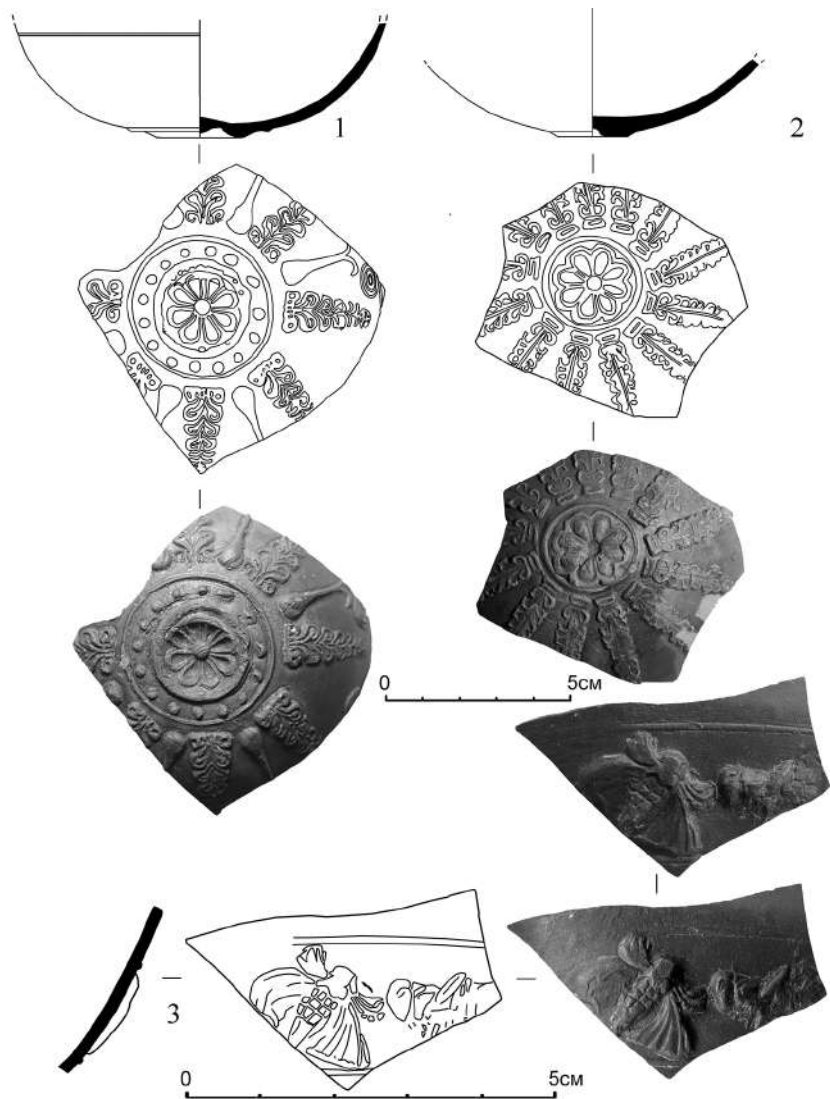

Рис. 1. Рельефные чаши кийского производства из раскопок Р.Х. Лёпера (1, 2) и Г.Д. Белова (3) на Херсонесском городище

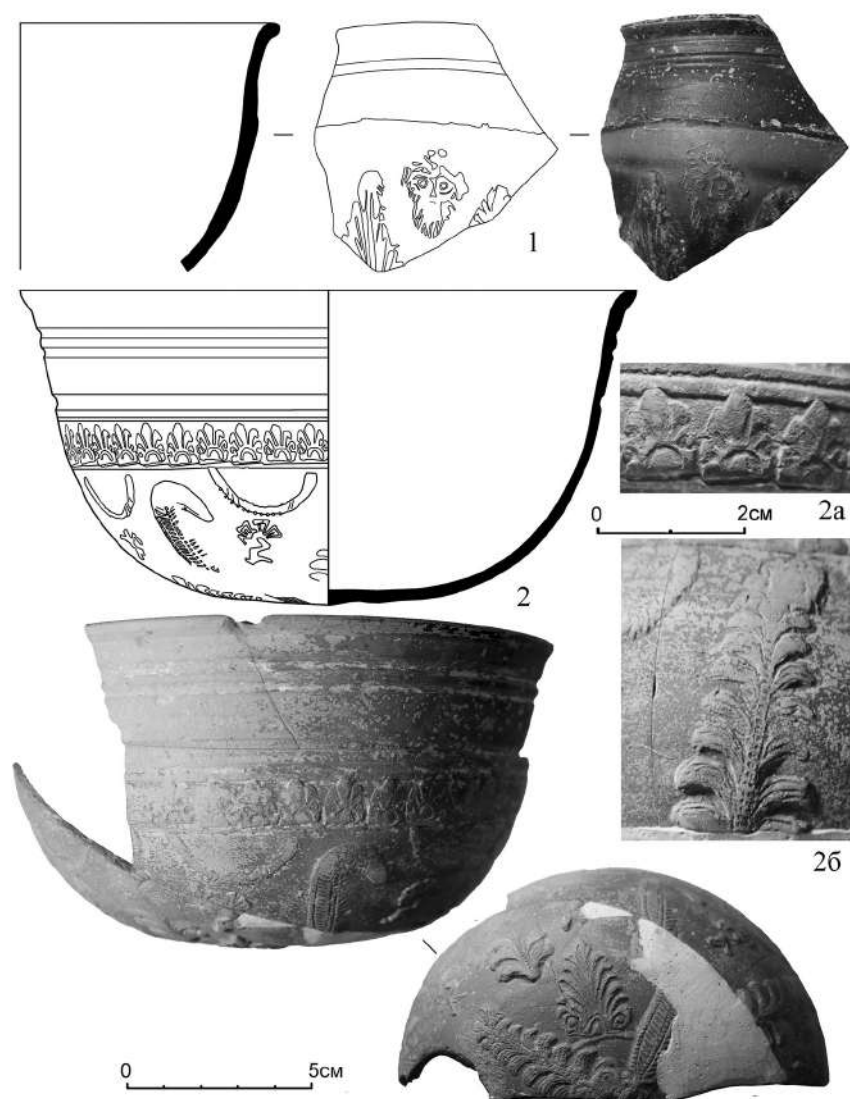

Рис. 2. Рельефные чаши кийского производства из раскопок С.Г. Рыжова (1) и М.И. Золотарева (2) на Херсонесском городище

ХАЙРЕДИНОВА Э. А.
(ИАК РАН, г. Симферополь)

ПРЕДМЕТЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КРЫМСКИХ ГОТОВ

Во второй половине VI-VII вв. жители Юго-Западного Крыма хоронили умерших в парадной одежде с металлическими аксессуарами одежды, многие из которых представляют собой яркие образцы прикладного варварского искусства. Местные ювелиры, взяв за образцы восточно-германские изделия из Подунавья и Северной Италии, выработали свои формы фибул, пряжек и украшений, декорированных в своеобразном стиле. Особенно выделяются женские большие серебряные пряжки, предназначавшиеся для широких поясов.

Большие пряжки состоят из овального кольца, язычка и щитка, между пластинами которого вставлялся ремень. Пряжки делали с щитками прямоугольной формы (рис. 1), с выступом в виде головы орла на завершении (рис. 2, 1,2) и в виде ромба (рис. 2, 3-5). По декору большие пряжки с прямоугольным щитком представлены пятью вариантами. Пряжки 1-го варианта второй половины VI в. с геометрическим декором, выполненным в технике литья или штамповки (рис. 1, 3,4), копируют сложный кербшитный декор более ранних изделий из Подунавья, Северной Италии и Херсона. Пластинчатые кольца перечисленных пряжек по форме и декору аналогичны кольцам орлиноголовых застежек.

Щитки пряжек 3-го варианта, датированных второй половиной VI – первой половиной VII вв., орнаментированы схематичным изображением вьющегося стебля и S-видными завитками (рис. 1, 1). Прототипы названных пряжек также были привезены из Подунавья или Северной Италии. К таковым относится остготская пряжка первой половины VI в., найденная, якобы, в Гурзуфе (рис. 1, 2) [Айбабин, 1990, с. 30]. Крымские пряжки отличаются формой и декором кольца, которое сделано сегментовидным в

сечении гладким, либо с изображением двух, обращенных друг к другу голов хищных птиц в тыльной части. С такими же кольцами в Юго-Западном Крыму делали пряжки с прямоугольным щитком вариантов 1, 4 и 5.

На щитках пряжек 4-го, 5-го и 6-го вариантов вытиснены христианские символы. Пряжка 4-го варианта из Суук-Су из могилы 90 первой половины VII в. состоит из кольца, отлитого, как и у некоторых застежек 3-го варианта, со стилизованными изображениями птичьих голов, и прямоугольного щитка с вытисненным в центре крестом с равными концами. По углам щитка сделаны углубления, обозначающие прямоугольную рамку [Айбабин, 1999, табл. XXXVIII, 25; Репников, 1906, с. 27, рис. 49]. К этому же варианту следует отнести и фрагмент щитка пряжки, найденного в Скалистом, в подбойной могиле 418 второй половины VI – первой половины VII вв.

В центре щитка пряжек 5-го варианта вытиснен крест с расширяющимися концами с короткими продольными ветвями (вариант 5-1), либо равноконечный с круглыми углублениями по углам (вариант 5-2) (рис. 1, 5,6). Большинство пряжек сделано с сегментовидным в сечении кольцом и полым, треугольным в сечении язычком. Кольцо пряжки из Лучистого из склепа 77 (рис. 1, 6) отлито со стилизованными изображениями смотрящих одна на другую птичьих голов с гранатовыми вставками в цилиндрических гнездах. Кольцо и язычок пряжки позолочены и украшены пуансоном. С такими же кольцами сделаны остготские застежки VI в. из Подунавья, Италии и Херсона [Bierbrauer, 1975, Taf. II,5]. Пряжки из Скалистого, из подбойной могилы 433 и из Лучистого, из склепов 104 и 216 отличаются кольцами и язычками, выполненными из тонкой серебряной пластины.

По конструкции и форме язычка, кольца и щитка пряжки 5-го варианта близки остготским и гепидским пряжкам варианта 1, а их декор характерен для византийской продукции. Вероятно, пряжки с крестом на щитке изготавливали в Херсоне [Айбабин, 1990, с. 31]. Именно там, в склепах 620/1896 и 62/1909 и на территории городища обнаружены самые ранние экземпляры описываемых изделий [Залесская, 2006, с. 113, кат.№ 183; 184]. В Алмалык-Дере, в склепе 192/2007 и в Карши-Баире, в склепе 2 пряжки с крестом варианта 5-1 выявлены в погребениях женщин, захороненных рядом с мужчинами, в костюме которых присутствовали трехчастные византийские пряжки первой половины VI в.. Возможно, пряжки варианта 5-1 начали изготавливать в Юго-Западном Крыму не в середине VI в., а несколько раньше – в начале второй трети VI в. Пряжки с крестом варианта 5-2 найдены в склепах из Лучистого (рис. 1, 5,6) и Алонии с инвентарем второй половины VI – первой четверти VII вв. [Айбабин, Хайрединоva, 2014, рис. 10, 1,7].

Пряжки 6-го варианта отличаются от описанных выше большими размерами и декором щитка, на котором вытиснено изображение льва, идущего влево, с поднятым хвостом (рис. 1, 7,8). На одних застежках лев выполнен реалистично (рис. 1, 8), на других – более схематично, с гривой, переданной параллельными линиями и обозначенными круглыми вдавлениями глазами и пастью (рис. 1, 7). Изображение идущего льва характерно для многих византийских изделий. Оно встречается на керамической посуде, металлических аксессуарах одежды, личных печатях и особенно часто – на амулетах. В ранневизантийское время это изображение зачастую ассоциировалось с Христом и символизировало оберегающую силу бога. За пределами Юго-Западного Крыма идентичные пряжки пока не известны. Они, безусловно, сделаны местными мастерами, поместившим на восточногерманские застежки типичный для византийских изделий апотропейный сюжет. Пряжки с изображениями льва 6-го варианта преобладают среди застежек с прямоугольным щитком. Они найдены в могильниках Карши-Баир, Черная Речка, Скалистое, в семи захоронениях из Суук-Су, в Алонии, а также в двадцати пяти погребениях из Лучистого. Находки последних лет в Лучистом позволили уточнить хронологические рамки бытования названных пряжек и отнести их ко второй половине VI – первой половине VII вв.

Большие пряжки с щитком, завершающимся выступом в виде головы орла, названы орлиноголовыми (рис. 1, 1,2) [Айбабин, 1990, с. 33, рис. 29-34]. Это самая многочисленная группа больших застежек – их найдено более 100 экземпляров в могильниках Эски-Кермен, Терновка, Алма-лык-Дере, Баштановка, Чуфут-Кале, Скалистое, в Верхней Ореанде, в Симеизе, Алонии, Суук-Су, Артеке и Кореизе, у с. Лучистое, в Семидворье, а также в Херсоне. По размерам и декору крымские орлиноголовые пряжки делятся на две, возникшие одновременно и развивавшиеся параллельно, типологические группы: южнокрымские и боспорские [Айбабин, 1990, с. 32]. На Боспоре орлиноголовые пряжки появились, скорее всего, вместе с германцами, присланными в 528 г. имперским командованием из Подунавья для подавления восстания гуннов [Айбабин, 1999, с. 100-101, рис. 36]. Во второй половине VI-VII вв. по привозным дунайским образцам боспорские мастера производили местные орлиноголовые пряжки с треугольной формой выступа с орлиной головкой [Айбабин, 1999, с. 100]. Боспорские пряжки сделаны грубо и многие могли быть отлиты в одной форме или по оттиску с одной модели [Амброз, 1992, с. 81]. В Юго-Западном Крыму найдена только одна боспорская орлиноголовая пряжка – в могильнике на склоне Эски-Кермена, в подбойной могиле 315.

В Юго-Западном Крыму производство орлиноголовых пряжек начинается в середине VI в. В качестве прототипов местные мастера использовали гепидские и остготские образцы [Айбабин, 1990, с. 35]. Для типологизации южнокрымских орлиноголовых пряжек большое значение имеет удлинение верхней части пластины, соединяющей кольцо и щиток пряжки. По данному признаку пряжки делятся на пять вариантов. Время бытования каждого варианта обосновано находками монет и датированным сопутствующим инвентарем, а также стратиграфией захоронений в многослойных склепах из Лучистого [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52-61]. Пряжки также различаются формой язычка и декором. У многих пряжек 1-го и у некоторых застежек 2-го варианта треугольные в сечении язычки – как у пряжек с прямоугольным щитком. Пряжки 1-го варианта отличаются и разнообразием декора щитков. Среди них есть экземпляры, подобные гепидским и остготским орлиноголовым пряжкам. Орнамент некоторых повторяет декор остготских пряжек с прямоугольным щитком. На пряжках 3-5-го вариантов разнообразие орнаментальных мотивов уменьшается, декор становится стандартным – почти у всех в центре щитка присутствует крестообразная фигура. Вставки в гнездах на многих пряжках 1-го и 2-го вариантов выполнены из красного камня, тогда как на застежках 3-5-го вариантов – из красного, а чаще зеленоватого прозрачного стекла.

Пряжки с ромбическим щитком по конструкции и способу крепления на ремне подобны южнокрымским орлиноголовым пряжкам. По декору щитка они представлены двумя вариантами. В декоре пряжек 1-го варианта из Чуфут-Кале, из склепа 98, из Скалистого, из склепа 288, из Лучистого, из склепа 294 (рис. 2, 3), из Суук-Су (рис. 2, 4) и Артека присутствуют элементы скандинавского I звериного стиля: звериные головы в профиль – у основания щитка и парные фигуры лежащих зверей – по краям заостренной части щитка. По мнению, А.К. Амброза, прототипами для них стали пряжки первой половины VI в. из Италии, Венгрии и Польши, сделанные гепидскими мастерами. Ключие орлы по сторонам пряжки из Скалистого не встречаются в композициях I стиля и перенесены крымским мастером с других дунайских пряжек второй половины V в. Ленты с поперечными насечками, характерные для декора пряжек 1-го варианта и считающиеся неумелой попыткой имитировать трудновыполнимую звериную орнаментику вещей I скандинавского стиля, присутствуют и на других изделиях из Юго-Западного Крыма.

Прототипами пряжек 2-го варианта с фестонами по краю из Аромата, из склепа 1, из Чуфут-Кале, из склепа 7, из Лучистого, из склепа 238 (рис.

2, 5), из Суук-Су и Артека являются среднедунайские застёжки второй половины V в. с рядами птичьих головок вдоль краев. Крымские мастера сильно исказили исходный декор и добавили два человеческих лица у широкого основания щитка: бородатое и безбородое. В центре щитка напаяно крестовидное гнездо, а на завершении – Т-образное с плоскими стеклянными вставками. По аналогии с длинным держателем кольца на орлиноголовых пряжках 5-го варианта, большинство ромбических пряжек отнесено ко второй половине VII в. [Айбабин, 1990, с. 35]. В Лучистом, в склепе 238 пряжка с ромбическим щитком 2-го варианта зачищена в слое 1 второй половины VII в. вместе с орлиноголовой пряжкой 5-го варианта (рис. 180, 51) [Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 13, 5,12]. К более раннему периоду относится пряжка с ромбическим щитком 1-го варианта из склепа 294 (рис. 2, 3). Ее ремонтировали: сломанную пластину – держатель кольца заменили новой, длиной 2,5 см. С соединительными пластинами такой же длины сделаны орлиноголовые пряжки 3-го варианта второй четверти VII в. В пользу ранней датировки пряжки свидетельствует также форма кольца и язычка, характерная для орлиноголовых застёжек 1-го и 2-го вариантов. Видимо названные пряжки носили и во второй четверти VII в.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I. С. 3-86.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982-1984 годов // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2008. Supplementum 4. 336 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 гг. // Боспорские исследования. Симферополь – Керчь, 2014. Supplementum 12. 400 с.

Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М.: «Архэ», 1992. Вып. 1. С. 6-108.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1-80.

Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. 378 S.

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Издательство ГЭ, 2006. 271 с.

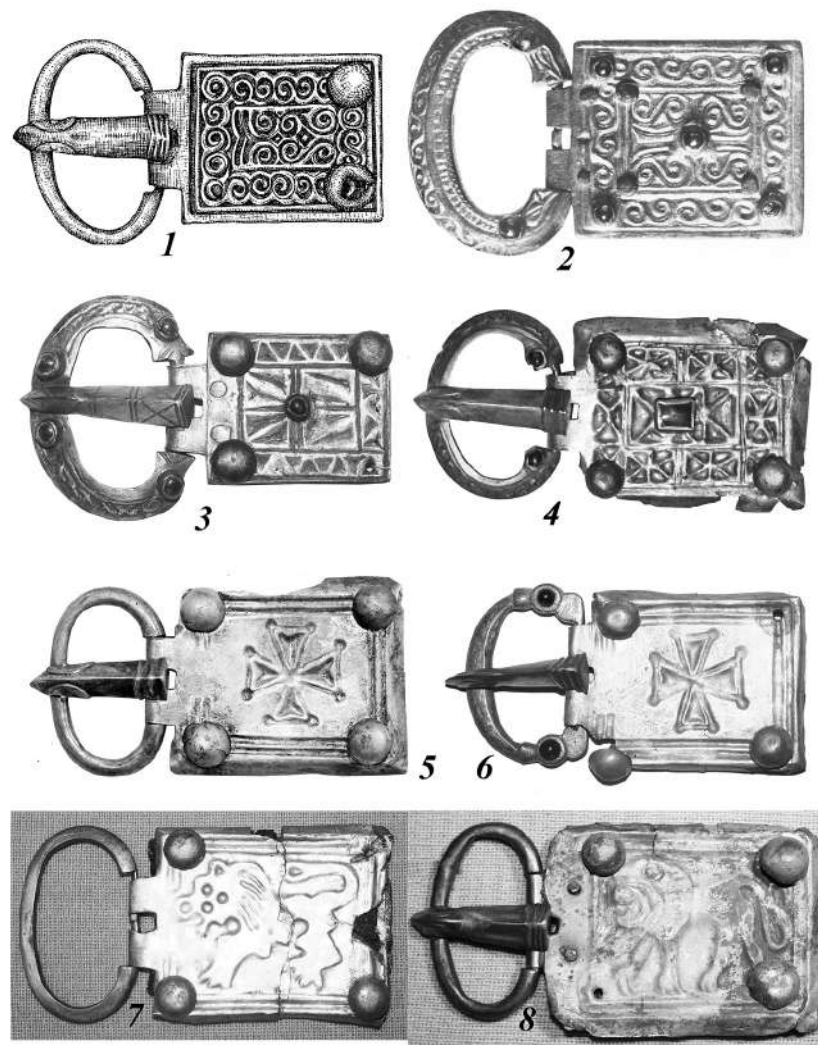

Рис. 1. Большие поясные серебряные пряжки из женских погребений второй половины VI – первой половины VII в. из Юго-Западного Крыма

ХАРЕНКО М. В, МИНАЕВ А. П.
(Азовский музей-заповедник, г. Азов)

ОБРАЗ ЛЬВА В АНТИЧНОМ ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕДКИХ ПРОНИЗЕЙ С ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ)

Образ льва был широко распространен в искусстве античного мира. Львы присутствуют на монетах, барельефах, крупной и мелкой пластике, изделиях из металла. Львы над микенскими воротами охраняли жителей города от захватчиков и болезней. Немейский лев, опустошавший окрестности Немей и Клеоны, и наводивший ужас на жителей Коринфии, был побежден лишь самим Гераклом, который, в память о событии, организовал панэллинские Немейские игры. На эти соревнования собирались доблестные и мужественные греки со всех полисов Греции, готовые состязаться друг с другом в силе и храбрости. А победа над львом гладиатора на арене римского амфитеатра гарантировала последнему всеобщий почет и славу. Львы охраняли священный покой древних фиванских храмов. Потому-то античные мастера не могли оставить образ льва в стороне. Кроме монументальных изображений львов в виде статуй и барельефов, они дошли до нас в предметах украшений.

Во всем мире известно большое число плакеток со львом, изготовленных из «египетского» фаянса. Ареал их распространения широк – от Навкратиса до Танаиса. Большинство подобных львов относится к типу 68 по Алексеевой, изображающему лежащих на подставках львов. Варьируется лишь форма подставок – прямоугольная либо овальная (Алексеева, 1975. С. 44-45).

На данный момент известно всего около двух десятков подобных пронизей, происходящих с памятников Нижнего Подонья. В 1908 г. Н.И. Веселовским в ходе раскопок в хут. Недвиговка в детском погребении №19 был найден один лев на овальной плакетке (Веселовский, 1912. С. 126). В 1972 г. в одиночном погребении у хут. Недвиговка было най-

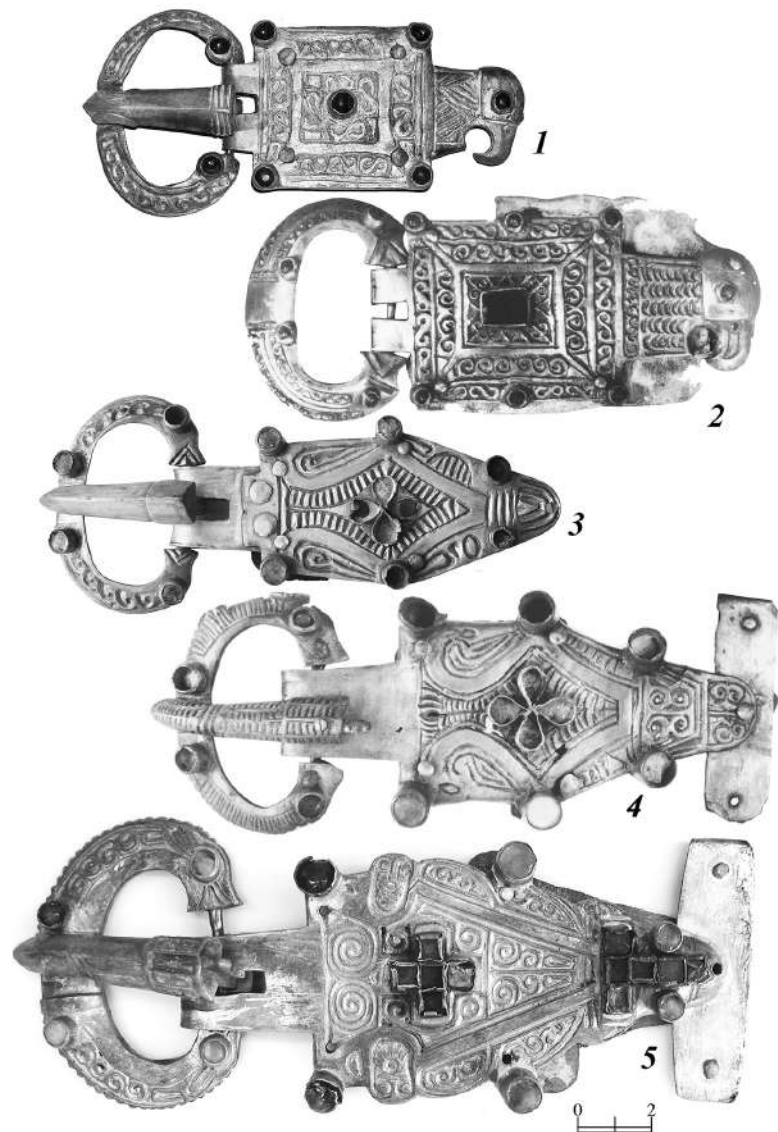

Рис. 2. Большие поясные серебряные пряжки из женских погребений второй половины VI (1,2) в. и VII в. (3-5) из Юго-Западного Крыма

дены две подвески львов на прямоугольных плакетках (Бурков С.Б., Гадальраб С. М-А, 2017. С. 276). В 1978 г. М.Е. Максименко в ходе раскопок Сладковского курганного могильника, в женском погребении 1 кургана 14, обнаружил две подвески в виде львов на квадратных подставках (Максименко, 1979. С. 27). В отчете Н.Н. Головкой о раскопках курганного могильника «Комаров-II» упоминаются две плакетки со львами, происходящими из женского погребения 2 кургана 7. Причем, на одной пронизке лев светло-зеленого цвета, подставка – темно-зеленая; на второй пронизке лев темно-зеленого цвета, а подставка – светло-зеленая. В 1984 г. Е.И. Беспалым в погребении №3 (девочка около 10 лет) кургана 1 курганного могильника «Красногоровка-I» был найден лев из светло-зеленого фаянса на овальной плакетке (Беспалый, 1985. С.66). В заполнении этого же погребения также был встречен лев на овальной плакетке из голубого фаянса (Там же. С. 68).

Несколько плакеток со львами происходят из раскопок некрополя Кобякова городища. В детском погребении №29 (раскопки 1957 г.) найден лев на овальной плакетке темно-бирюзового цвета (Косяненко, 2011. С.148,304). В ходе раскопок могильника в 1999-2000 гг. В.А. Ларенок было найдено три подвески со львом – одна в детском погребении №312 (на овальной подставке), две - в погребении №357 (вероятно, женском) из фаянса голубого цвета (Ларенок, 2013. С. 219-220, 245-246). Кроме того, две пронизки были найдены в полевом сезоне 2007 года - в погребении №2 (лев на овальной плакетке голубого цвета) и в погребении №144 (лев на прямоугольной плакетке голубого цвета) (Бурков С.Б., Гадальраб С. М-А, 2017. С. 281).

В 1984 г. М.В. Власкиным и Л.С. Ильюковым в погребении №1 кургана 62 у хут. Новый была найдена половина плакетки со львом (Бурков С.Б., Гадальраб С. М-А, 2017. С. 276). Из Темерницкого городища происходит фрагмент фигурки льва, однако спорным остается вопрос о датировке находки (1976 или 1980 гг.) (Бурков С.Б., Гадальраб С. М-А, 2017, с. 278). Еще одна подобная спорная вещь упоминается в буклете 2003 г. «Учебный музей археологии» без точных сведений о времени и месте находки (Бурков С.Б., Гадальраб С. М-А, 2017. С. 278).

В погребениях некрополя Крепостного городища изделия из «египетского» фаянса встречаются редко. Фаянсовые изделия в большинстве своем представлены округло-ребристыми бусами бирюзового цвета. На данный момент известно о 7 погребениях могильника Крепостного городища, из которых происходят фаянсовые подвески. Это пуговица-под-

веска с орнаментов в виде восьмилепестковой розетки светло-голубого цвета; подвеска в форме белого алтарика с бирюзовым покрытием; подвеска в виде Гарпократа бирюзового цвета; пронизка в виде скарабея; 5 стилизованных амфорок с каннелюровым туловом (Горбенко, Косяненко, 2011. С. 98-100). В 2014 году в нескольких погребениях, были встречены фаянсовые подвески. На раскопе по ул. Дзержинского, 31 в погребении №16 были найдены подвеска в виде тройной грозди винограда бирюзового цвета (тип 76б по Алексеевой) и две подвески бирюзового цвета в виде стилизованных амфорок с каннелюровым туловом (тип 82 по Алексеевой). На раскопе по пер. Коллонтаевскому в детском погребении №3 была найдена круглая плакетка бирюзового цвета с изображением младенца Гора, причем сделана она в очень примитивной технике, где очень схематично показана голова и венок (тип 43 по Алексеевой).

За долгие годы раскопок некрополя Крепостного городища плакетки со львами в составе погребального инвентаря не встречались. Впервые плакетка со львом была найдена в 2017 в погребении на раскопе по ул. 3. Космодемьянской, 38 (автор раскопок М.В. Харенко). Лев лежит на прямоугольной плакетке со скругленными углами (рис. 1,1). Голова льва покоится на передних слегка расставленных лапах, туловище изогнуто вправо, хвост заброшен на спину. Стилизованная грива передана рядами косых насечек. Пасть приоткрыта, глаза раскрыты. Подвеска сделана из темно-синего лазурита. Размеры подставки – 2,6х1,6х0,6 см, высота плакетки – 1,3 см, диаметр сквозного канала – 0,2 см. Данная пронизь относится к типу 68, вариант «б» по Е.М. Алексеевой и близка к изделиям, происходящих из Горгиппии, Ольвии и Кобяковки (Косяненко, 2008. С. 148).

Еще одна пронизка со львом происходит из заполнения рва Крепостного городища, выявленного на раскопе по ул. Дзержинского, 38 в 2019 году. Подвеска морфологически близка выше упомянутой, однако имеет некоторые особенности (рис. 1, 2). Цвет ее –светло-бирюзовый. Туловище изогнуто влево, хвост заброшен не на левый, а на правый бок, пасть льва закрыта. В сравнении с предыдущей плакеткой, это изделие выполнено в довольно примитивной технике, морда показана схематично, туловище непропорционально удлинено. Края подставки неровные, местами изогнутые. Данная пронизь так же относится к типу 68 варианта «б» по Е.М. Алексеевой.

Большинство фаянсовых украшений встречено в захоронениях женщин или детей. Разница лишь в количественном соотношении инвентаря погребений. В некоторых погребениях встречены лишь наборы

ожерелья из трех предметов (Косяненко, 2011, с. 298-300), в других же погребениях умершего сопровождал богатый и обширный набор инвентаря, в том числе и плакетки со львами (Головкова, 1991. С. 50). Вероятно, связано это с высоким социальным статусом погребенного и его отношением к царскому роду.

В результате проведенных исследований мы можем сделать вывод, что варварское население нижнедонских городищ было втянуто в политические, торговые и религиозные контакты с античным миром, что повлекло за собой изменения в их культуре и искусстве. Однако, лишь небольшая часть населения Паниардиса, верхушка общества, была вовлечена в духовный мир эллинов, на что указывают единичные находки амулетов из «египетского фаянса» в погребения некрополя Крепостного городища.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.
- Беспалый Е.И., 1985. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1984 году. Азов (АКМ КВФ-10489 ОА/1)
- Бурков С.Б., Гадальраб С. М-А., 2017. Описание амулетов «египетского» фаянса с территории Ростовской области в печатных изданиях конца XIX – начала XX в. Вестник РУДН. №3. М.
- Веселовский Н.И., 1912. Отчет императорской археологической комиссии за 1908 год. С-Пб
- Головкова Н.Н., 1991. Отчет об исследованных курганов в Мартыновском районе Ростовской области в 1980 году. Ростов-на-Дону (АКМ КВФ-10190 ОА/58).
- Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2011. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. Вып. 11. Азов.
- Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов
- Ларенок В.А., 2013. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону.
- Максименко В.Е., 1979. Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 году. Ростов-на-Дону (АКМ КВФ 10190/64 АА-154)

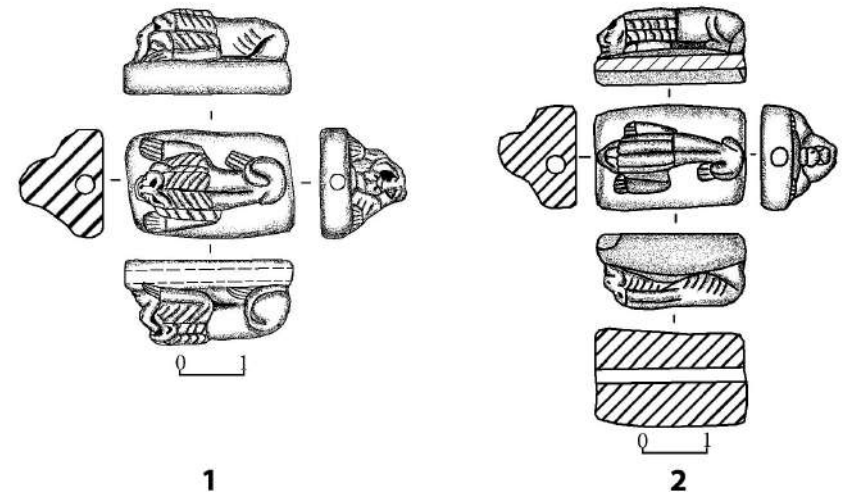

Рис. 1, 1. Пронизка льва из погребения по ул. З. Космодемьянской, 38; 2- Пронизка льва из заполнения рва по ул. Дзержинского, 38

ХРАПУНОВ Н. И.

(НИЦИАК КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь)

О ДРЕВНОСТЯХ КРЫМА НА МАЛОИЗВЕСТНЫХ РИСУНКАХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.¹

После первого присоединения Крыма к России в 1783 г. начались масштабное изучение региона, в том числе его богатейшего археологического наследия. На первом этапе особую роль сыграли путешественники, как российские, так и иностранные подданные. Публикация путевых записок считалась хорошим тоном – и многие из этих книг украшены рисунками, выполненные или самими путешественниками, или нанятыми их художниками. Эти рисунки разного качества – некоторые сами по себе представляют памятник искусства, другие выполнены небрежно или же демонстрируют ограниченный талант художника. Археологические памятники изображены на большинстве таких картин. Необходимо не только вводить в научный оборот и анализировать подобные изображения, но и идентифицировать представленные объекты культурного наследия. В докладе проанализированы несколько малоизвестных изображений археологических находок и монументальных археологических и архитектурных памятников, сохранившихся в опубликованных и неизданных травелогах конца XVIII – начала XIX в.

Рисунки путешественников сохранили представление об утерянных памятниках античного и средневекового искусства. Например, француз Жан Рейи приобрел в 1803 г. несколько античных и средневековых монет, а также сердоликовую античную гемму, изображения которых опубликовал в своей книге путешествий [Reuilly, 1806, p. 215–231, pl. 1–2; p. 231–232, pl. 3]. Монеты определили сотрудники французской Императорской библиотеки. С античными находками работал хранитель «медалей» (т. е. монет) Миллен, со средневековыми выпусками с легендами арабицей – хранитель вос-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

точных рукописей Лангле. Собранные Рейи монеты чеканены Херсонесом, Боспором и Ольвией, генуэзской Каффой, Крымским ханством и Молдавским княжеством. По словам путешественника, он передал их в императорскую библиотеку – ныне Национальная библиотека Франции. Гемма, купленная путешественником в Керчи, изображает жертвоприношение быка в храме (рис. 1). Нынешнее ее местоположение неизвестно.

Интерес к нумизматике был характерен для многих иностранцев. Так, автор вымышленного «Путешествия в Крым» Маттью Гатри, будучи врачом кадетских корпусов в Петербурге, собрал коллекцию древней нумизматики. Рисунки этих и других находок опубликованы в его книге. Помимо всего прочего, Гатри использовал древние монеты как материал для реконструкции хронологии правителей Боспорского царства V в. до н. э. – IV в. н. э. [Guthrie, 1802, p. 343–404]. Знаменитый англичанин Эдвард Кларк приобрел в Крыму в 1800 г. несколько древних надписей, которые впоследствии вывез на родину и передал в Кембриджский университет, монеты и даже караимскую рукопись [Храпунов, 2016, с. 123]. Среди его рисунков – виды на Золотой курган близ Керчи, изображение найденной на Тамани крышки античного саркофага, использовавшейся как часть фонтана в Ени-Кале, боспорские монеты, а также одна из пещер комплекса в оконечности мыса Тешкли-Бурун на Мангупе [Clarke, 1813, p. 417, 424, 428, 432, 558].

Рисунки путешественников представляют интерес для изучения памятников и при подготовке проектов научной реставрации объектов, которые с тех пор были повреждены или полностью уничтожены. Примером тому могут быть, например, интерьеры феодосийских мечетей, сохранившиеся на акварелях Андрея Воронихина, прибывшего в Крым в 1786 г. [Храпунов, 2020]. Один из самых замечательных альбомов чертежей (планов, фасадов и видов) памятников средневековой архитектуры Бахчисарая, Феодосии, Старого Крыма и Евпатории выполнил в 1798 г. профессиональный архитектор, шотландец на русской службе Уильям Хейсти. Эти рисунки, очевидно, появились в процессе готовившегося, но не реализованного, проекта реставрации крымских памятников [Храпунов, 2017]. В результате в альбоме сочетаются чертежи, характеризующие текущее состояние объектов, с разработанными архитектором планами реставрации. К сожалению, подробные пояснения к рисункам отсутствуют [Hastie, 1798].

«Крымские» рисунки могли копировать другие художники, жившие в европейских столицах. Так, приезжавший в Крым в 1787 г. в свите Екатерины II британский художник Уильям Хадфилд выполнил несколько

акварелей [Гинькут, 2019, с. 87–88], в том числе вид с юга на внутренний двор и окружающие постройки ханского дворца в Бахчисарае [Ибнеева, 2006, рис. 39; стр. 242]. Эту картину перерисовал знаменитый Джакомо Кваренги [Ориентализм, 2017, с. 129–131]. Однако при трактовке изображений (образов) неизбежны сложности, ведь изобразительное искусство в большинстве случаев не столь реалистично, как, например, фотография, и потому может создавать искаженное представление о наблюдаемом феномене. Эта особенность делает его ценным источником для понимания ментальности и идеологии художника как представителя собственной культуры [Burke, 2001; Вишленкова, 2011].

С рисунков путешественников делали гравюры, иллюстрировавшие печатные издания их трудов, причем во время изготовления клише гравер мог менять отдельные детали. Примером может быть изображение ханского дворца в Бахчисарае, выполненное англичанином Реджинальдом Хебером в 1806 г., и снятая с него гравюра, иллюстрирующая «Путешествия» Кларка [Clarke, 1813, р. 482]. Дворцовый комплекс показан с северо-запада, на переднем плане находятся хозяйственные и жилые помещения справа от северных ворот. Гравер убрал полумесяц с верхушки Соколиной башни, изменил стену помещения, расположенного справа от входа во дворец, и добавил ряд окон на первом этаже жилых покоев правее (рис. 2).

Рисунки путешественников не просто рассказывали о неизвестном мире, но задавали зрителю и читателю правила восприятия этого мира. В литературном дискурсе этого времени преобладали мотивы сравнения Крыма (прежде всего его южного берега) с райским садом, а Бахчисарая и других мусульманских городов – с романтическим Востоком в стилистике поэзии Байрона или европейских переложений сказок «1001 ночи». Визуальный текст был другим – он уделял особое внимание историко-культурному наследию региона.

ЛИТЕРАТУРА

Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М., 2011.

Гинькут Н. В. Окрестности Севастополя (Инкерман и Балаклава) в конце XVIII в. глазами английского художника Уильяма Хадфилда // XI Международный Византийский семинар Chersonos themata: империя и полис. – Симферополь, 2019.

Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. – Казань, 2006.

Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е. – М., 2017.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3.

Храпунов Н. И. Археологические и архитектурные памятники Крыма на рисунках Уильяма Хейсти (1798 г.) // Археология Северо-Западного Крыма. – Симферополь, 2017.

Храпунов Н. И. О крымских акварелях Андрея Воронихина // Боспорские исследования. – 2020. – Вып. XXXX.

Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. – London, 2001.

Clarke E. D. Travels in various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1: Russia, Tatarary, and Turkey. 3rd ed. – London; Broxbourne, 1813.

Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea. – London, 1802.

Hastie W. Plans and Elevations of the Antient Khans Palace at Bakschisarai and Other Buildings in Crim Tartary MDCCXCVIII // ПНБ. Отдел рукописей. Ф. 550, ОПК. Ф. XIII, № 6.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'annee 1803. – Paris, 1806.

Рис. 1. Боспорская сердоликовая гемма: рисунок из книги Ж. Рёйи

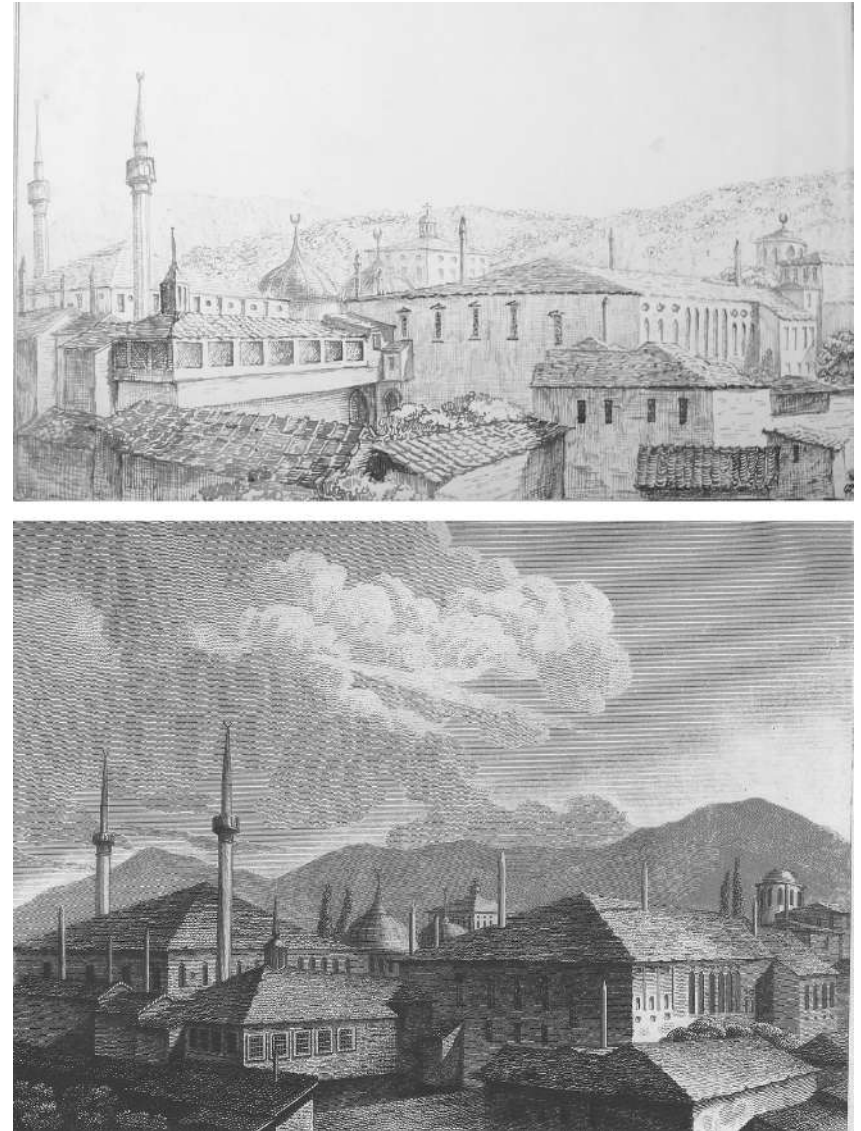

Рис. 2. Ханский дворец в Бахчисарае: оригинальный рисунок Р. Хебера (вверху) и гравюра из книги Э.-Д. Кларка (внизу)

ЧЕБЫШЕВ Г. С.

(КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь)

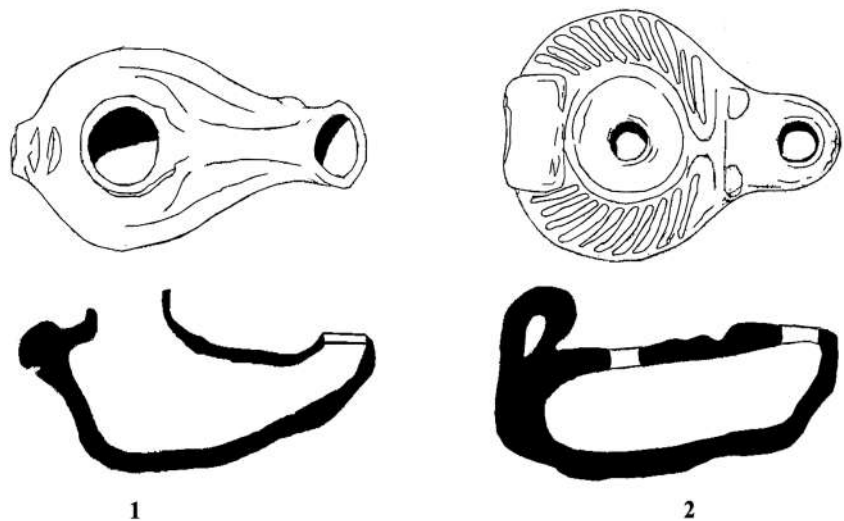
АНТИЧНЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ ИЗ СОБРАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ТАВРИДЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Центральный музей Тавриды располагает одной из самых больших археологических коллекций в Крыму. Вещи из нее относятся к первобытной, античной и средневековой эпохам. На протяжении многих десятилетий собрание музея пополнялось различными экспонатами. Среди них выделяется коллекция античных глиняных светильников.

Основу коллекции составляет собрание Музея древностей при Таврической ученой архивной комиссии, созданного в конце XIX века. Тогда в Симферополь было передано более 80 «предметов древностей» из Керченского музея, включая несколько глиняных светильников. Также многие члены Комиссии жертвовали новому музею предметы из личных коллекций или специально покупали у местных жителей вещи, имевшие, по их мнению, историческую ценность. В 1925 г. в Центральный музей Тавриды было передано из Севастопольского ОХРИСа крупное собрание античных древностей купца А.Я. Гидалевича, включавшее и светильники. Несмотря на то, что во время Великой Отечественной войны и немецкой оккупации инвентарные книги музея были утрачены и значительная часть предметов из довоенных и дореволюционных собраний оказалась депаспортизированной, сохранившиеся архивные документы позволили установить происхождение большей части хранящихся в фондах Центрального музея Тавриды античных глиняных светильников.

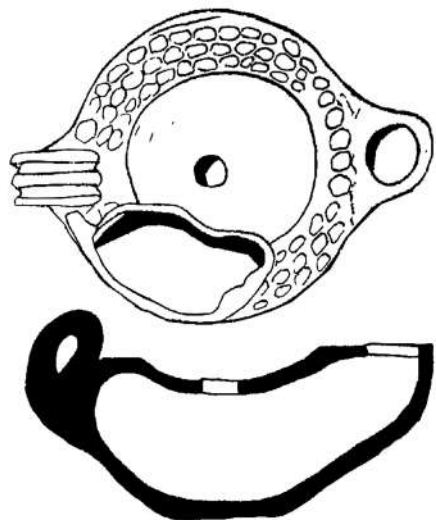
Представленные в рассматриваемой коллекции светильники относятся к эпохе эллинизма и римскому времени. Наиболее ранние в собрании «аттические» светильники относятся к IV в. до н.э., а поздние – датируются II–III в. н. э. Помимо них имеет смысл выделить римские светильники с клеймами «CASSI» и др., а также ряд светильников с буквами «XP», которые по мнению

А. Н. Щеглова могли быть произведены в Херсонесе в I–II вв. н. э. В отдельную группу выделяются т. н. «рубчатые» светильники и сиро-палестинские светильники с динамичными изображениями различных животных. В коллекции так же присутствует несколько лепных светильников. Ряд светильников относится к т. н. типу «кувшинчика», выделяемого О. Ф. Вальдгауэром и Д. В. Журавлевым. Часть из них была произведена в известных средиземноморских центрах, часть имеет местное, северопричерноморское, происхождение.

1

2

3

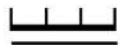
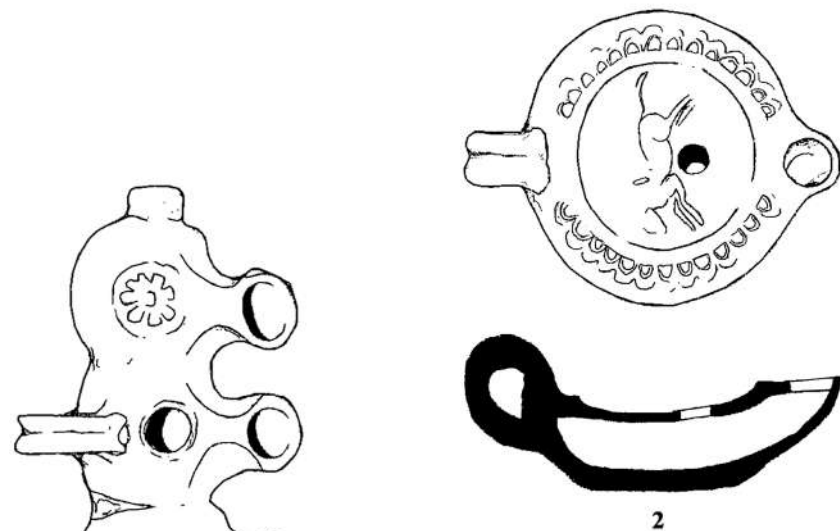
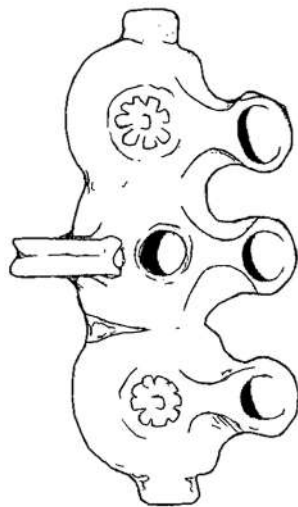

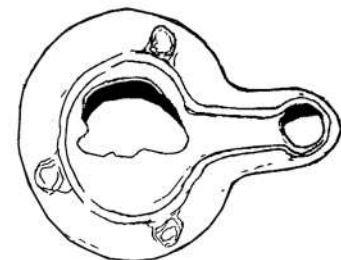
Рис. 1. Изображения античных светильников из коллекции ЦМТ

2

1

3

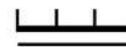

Рис. 2. Изображения античных светильников из коллекции ЦМТ

ШАБАНОВ С. Б.

(БФ «Наследие тысячелетий», г. Симферополь)

НОВЫЕ НАХОДКИ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМСКИХ ПРЕДГОРЬЯХ

Стеклопосуды, найденные на поселениях и в могильниках, расположенных в крымских предгорьях, свидетельствуют об увеличении в первые века нашей эры доли стеклянной посуды в античном импорте, поступавшем в скифо-сарматскую среду. С каждым годом количество таких находок возрастает. Своевременное введение их в научный оборот позволит по-новому взглянуть и на формирование материальной культуры людей, населявших предгорья в римскую эпоху, и на их связи с античным миром и соседними регионами. Далее будут рассмотрены новые находки стеклянных сосудов III – IV вв.н.э. из могильников Нейзац и Опушки¹.

Могильник **Нейзац** расположен в 1 км к югу от с. Баланово Белогорского района Республики Крым. За время его планомерного изучения в 1996–2015 гг. открыто 599 погребальных сооружений разных типов, датирующихся II – IV вв.н.э. Основные результаты исследования памятника отражены в ряде публикаций в том числе, и посвященных стеклянным сосудам, обнаруженным в 1996–2011 гг. Могильник **Опушки** расположен в 2–2,5 км к юго-западу от одноименного села Мазанского сельского поселения Симферопольского района Республики Крым. Научные исследования могильника ведутся с перерывами с 2003 года. За время раскопок открыто 281 погребальное сооружение: склепы, подбойные, плитовые и грунтовые могилы, каменный ящик с трупосожжением. Результаты исследований показали, что некрополь, относящийся к различным культурам непрерывно использовался с I в. до н.э. до IV в.н.э. В могильниках Нейзац (раскопки 2012–2015 гг.) и Опушки найдено более

¹ *Выражаю благодарность И.Н. Храпунову за возможность работы с неопубликованными материалами из могильников Нейзац и Опушки.*

40 стеклянных сосудов I–IV вв.н.э. Несмотря на то, что большая их часть сильно фрагментирована, форму 17 сосудов позднеримского времени удалось восстановить.

Четыре стакана из тонкого прозрачного бесцветного стекла имеют тулово округлой формы, полый кольцевой поддон (рис. 1.1-4) и относятся к самому распространенному в крымских предгорьях типу стеклянных сосудов позднеримского времени (известно более 50 экз.). Найдены они в могильниках Бельбек IV, «Совхоз №10», ВИР (Бельбек III), Килен-балка Суворово, Тас-Тепе, Инкерман, Озерное III, Дружное, Нейзац, некрополе Херсонеса, и за пределами Крыма – в Ольвии, Томах, Цебельде. Появляются такие стаканы во II в.н.э., но наибольшее распространение получают во второй половине III – IV веках.

Один стакан из тонкого прозрачного бесцветного стекла с округлой формой тулова из могильника Опушки имеет кольцевой поддон, вытянутый из стенки сосуда (рис. 1.5). Несколько подобных стаканов уже известны в погребениях IV в.н.э. могильника Нейзац и в «культовом» комплексе у горы Таракташ в Юго-Восточном Крыму.

Стакан из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла имеет тулово округлой формы и находится на массивном кольцевом поддоне, вытянутом из стенки сосуда. Венчик стакана утолщенный и треугольный в сечении, тулово в верхней части опоясывает стеклянная нить из того же стекла, что и сам сосуд (рис. 1.6). Найден он в могильнике Опушки. Стаканы такого типа редко встречаются в Причерноморье. Наиболее близкая аналогия опушкинскому экземпляру происходит из могильника черняховской культуры Данчены в Молдавии и датируется первой половиной IV в.н.э.

Четыре стакана из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла с округлой формы туловом имеют утолщенное, выделенное дно (рис. 1.7-10). Несколько таких стаканов уже известны в могильнике Нейзац и расположенном поблизости позднескифском поселении в Барабановской балке. Еще восемь сосудов происходят из погребальных комплексов середины-второй половины III и IV веков в могильниках «Совхоз №10», Чернореченском, Краснореченском, Дружное, Курское. Целые и фрагментированные стаканы с утолщенным дном найдены на городище и в некрополе Херсонеса, позднеантичном «святилище» у массива Кара-Даг в Юго-Восточном Крыму и поселении на горе Кара-Тау близ села Сенного Белогорского района.

Стакан из тонкого прозрачного бесцветного стекла из могильника Опушки имеет тулово округлой формы с неширокой перетяжкой в верх-

ней части (рис. 1.11). В крымских предгорьях известен только один подобный сосуд. Найден он в 1984 г. в могильнике Дружное в погребальном комплексе второй половины III–IV веков. Также стоит упомянуть о стакане из фондов Центрального музея Тавриды, происходящего из окрестностей Неаполя Скифского и переданного в конце XIX века А.Х. Стевенем в музей древностей Таврической ученой архивной комиссии.

Стакан из тонкого прозрачного бесцветного стекла из могильника Нейзац имеет тулово округлой формы, расширяющееся в средней части, отогнутый наружу необработанный край и слегка вогнутое дно (рис. 2.1). Подобные сосуды ранее уже встречались в могильнике Нейзац в комплексах IV в.н.э. Известны они в погребениях III–IV вв.н.э. могильников Дружное, Озерное III, «Совхоз №10», Курское, Фронтное 3, некрополе Херсонеса и Пантикапея.

Стакан из тонкого полупрозрачного бесцветного стекла с округлой формой тулова, расширяющимся в нижней части, имеет утолщенное дно с 12 небольшими выступами (рис. 2.2). Найден он в могильнике Опушки. Пока это единственный известный в крымских предгорьях стакан такого типа. На полуострове был найден еще один фрагмент в некрополе античного городища Артезиан в Приазовье, а за пределами Причерноморья стаканы с выступами на дне известны на Балканах, в Малой Азии и Восточном Средиземноморье. Все они датируются позднеримским временем.

Два стакана из толстого стекла имеют тулово подцилиндрической формы, зашлифованный, слегка отогнут край и украшены четырьмя горизонтальными рядами прошлифованных овалов и одной шлифованной полосой под краем сосуда (рис. 2.3,4). Исследователи традиционно относят их к типу «Eggers-230» по классификации Х. Эггера или типу «Kowalk» по Г. Рау. В крымских предгорьях найдено несколько таких сосудов, украшенных шлифованными овалами, в могильниках Нейзац, Дружное, Алмалык-Дере. Все они датируются IV в.н.э. Большое количество целых и фрагментированных стеклянных сосудов типа «Eggers-230» найдено на просторах т.н. европейского Барбарикума, от Скандинавии на севере до Черного моря на юге.

Чаша из тонкого прозрачного бесцветного стекла из могильника Опушки имеет полусферическую форму тулова, горизонтально отогнутый, слегка опущенный край и полый кольцевой поддон (рис. 2.5). Находки подобных чаш известны в крымских предгорьях, в погребальных комплексах II – IV вв.н.э. Отличаются они между собой размерами и устройством поддона. Некоторые экземпляры украшались по краю рельефными валиками

Колба из тонкого прозрачного с зеленоватым оттенком стекла имеет тулово округлой формы, расширяющееся в нижней части, короткое цилиндрическое горло, заканчивающееся коротким воронковидным устьем (рис. 2.6). Происходит сосуд из могильника Опушки. Небольшие колбы, использовавшиеся в древности, как и бальзамарии, для хранения благовоний, не отличались разнообразием форм. Наибольшее распространение такие сосуды получили в III–IV вв.н.э. и известны как в варварских, так и в античных памятниках Причерноморья.

Большая часть стеклянной посуды, найденной в могильниках Нейзац и Опушки, имеет ближневосточное происхождение. Она была произведена в малоазийских, сиро-палестинских или египетских стеклоделательных мастерских и поступала в крымские предгорья, видимо, через Херсонес. Отдельные сосуды могли попасть в сармато-аланскую среду в результате контактов с племена германского круга, поскольку находят аналогии в ареале черняховской культуры. Нельзя полностью исключать и местное происхождение каких-то сосудов.

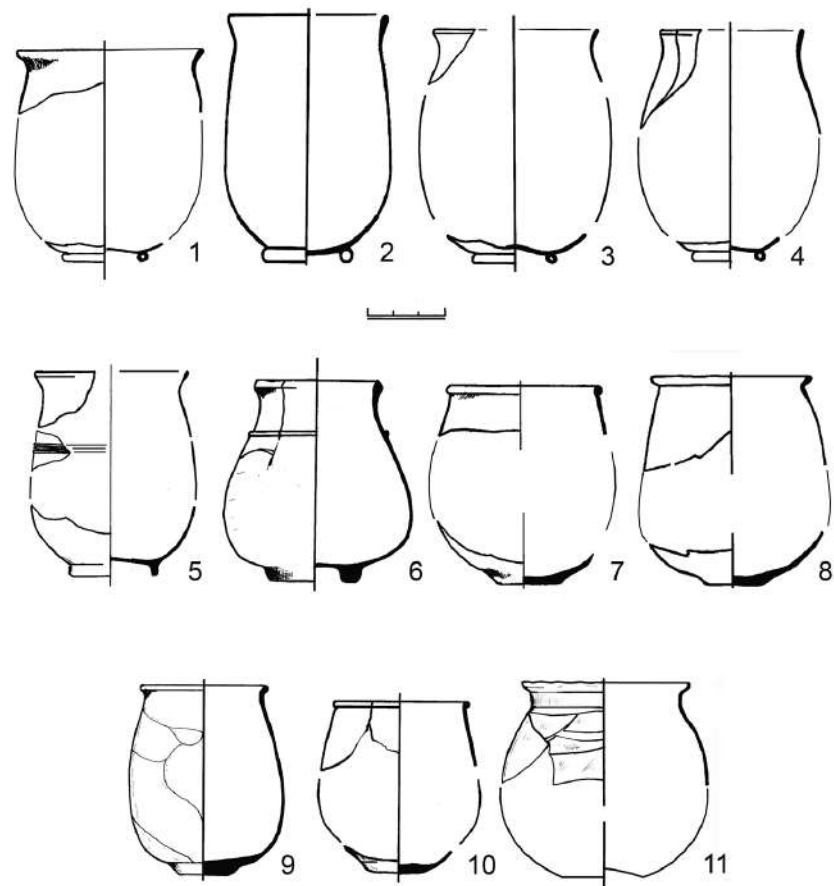

Рис. 1. Стекло́нные сосуды. 1 – м.500 (Нейзац); 2 – м.2 (Опушки); 3 – м.253 (О); 4, 11 – м.274 (О); 5 – м.260 (О); 6, 10 – м.262 (О); 7 – м.509 (Н); 8 – м.510 (Н); 9 – м.566 (Н)

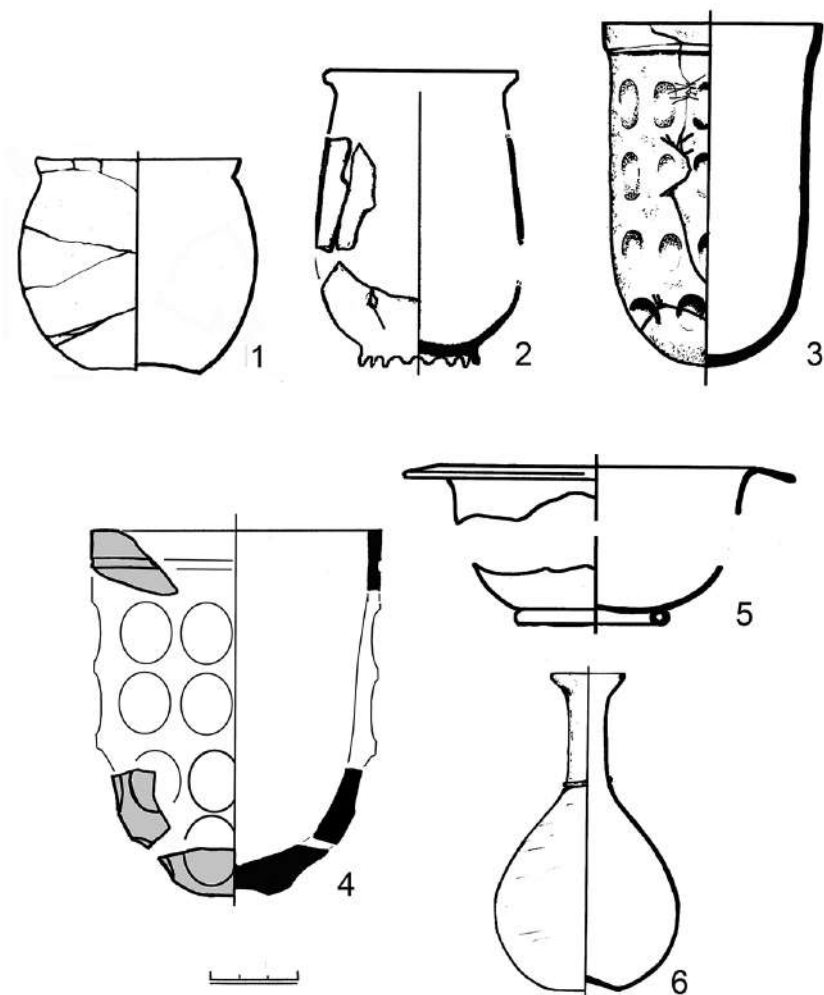

Рис. 2. Стекло́нные сосуды. 1 – м.529 (Н); 2, 6 – м.124 (О); 3, 5 – м. 274 (О); 4 – случайная находка (Н)

ШАРОВ О. В.
(ИА РАН, Москва)

ПОЛИХРОМНОЕ НАВЕРШИЕ МЕЧА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ АДЖИМУШКАЙ, 1841 ГОДА

Золотое полихромное навершие меча, закрепленное на хадцедономом диске (Рис.1:1), неоднократно привлекало внимание ученых, начиная с момента открытия пирамидального каменного склепа в Керчи в 1841 году. Директор музея А.Б. Ашик, открывший этот уникальный комплекс, дал первое описание предмета и предложил его первую реконструкцию (Šćukin, Kazanski, Sharov 2006:97-99, Fig.93-95; Шаров 2009:79-86; Шаров, 2012, Рис. 6).

Приведем первое описание данного предмета: «род кинжала, которого золотая рукоять украшена вставленными по бокам сердоликами, обделанными в золото; на верхней части рукояти находится круглый агат, по середине которого, вделаны мозаикой зеленые и красноватые камни, обделанные в золото» (Ашик 1848: 47). В описи древностей, найденных в Керчи директором Керченского музея с 1 января 1841 года и переданных 31 мая 1841 года в хранение Первого отделения Императорского Эрмитажа приводится следующее описание: «Кинжал, рукоять его украшена вставленными по сторонам сердоликами, обделанными в золото, на верхней части рукояти агат с мозаикой, оправленной в золото (РА ГЭ, Ф. 1, Оп. 1, Д. № 9-1, 1838-1841, лл. 64-67). В «Древностях Босфора Киммерийского» Ф.А. Жиль опубликовал впервые реконструкцию кинжала, предложенную ранее А. Б. Ашиком (Рис. 2:1): «Рукоятка этого кинжала покрыта золотым листом с монограммой, которая совершенно ясно изображена на нашем рисунке, но значение ее нам неизвестно. Рукоять усеяна сердоликами в оправках, на плоской головке халцедон с репейком посередине из золота, филиграни и цветных паст в виде мозаики» (ДБК 1854: 186, Табл. XXVII: 7). Эта реконструкция кинжала, предложенная А. Б. Ашиком, подкреплена авторитетом, как Ф. А. Жилия, так и самим из-

данием «Древностей Боспора Киммерийского», была принята большинством ученых за основу и без всяких проверок перенесена во многие серьезные научные издания. Золотая обкладка с вставленными в оправу 17 сердоликами и халцедоноевое навершие с золотой розеткой ошибочно рассматривались как части рукояти кинжала Ш. де Линасом (Linac de 1878: 114-115), М. И. Ростовцевым (Ростовцев 1918: 52-53; Rostovtzeff 1923:26, Fig.15; Ростовцев 1925: 246), Ю. Ю. Марти (Марти 1926:14), Л. А. Мацулевичем (Мацулевич 1926: 39), В. Гинтерсом (Ginters 1928: Taf. 27) и В. Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич 1949: 424, рис.80; Gajdukevic 1971: 444-445, Abb. 137). Лишь при составлении новых инвентарных книг в античном отделе Эрмитажа в середине XX века в карточке (ГЭ № П.1841.20) был исправлен старый текст: «Рукоять меча с золотой обкладкой» на новый: «Наконечник копья с золотой обкладкой» (Рис.1:2)¹. Обратимся к краткому описанию кинжала и меча.

В инвентарной карточке (ГЭ № П.1841.22) приводится следующее описание: «Клинок кинжала железного, плоского, слегка суживающегося к одному концу-заостренному. Со следами дерева в верхней части у крестовины. Крестовина бронзовая. Длина 23 см. Кинжал сильно поврежден, толстый слой окислов образовал на поверхности корку. Кончик обломан» (Рис. 2:2). В учетной карточке (ГЭ № П.1841.25) о мече говорится следующее: «обломок меча, плоского, широкого. Длина 0.28 м. Края обломаны, окислы.» Ширина сохранившегося фрагмента составляет 5,2 см. По моему мнению, халцедоноевое навершие, записанное в карточке, как «головка от рукояти кинжала», могло принадлежать только данному мечу-фрагменту длинного двулезвийного меча с длинной рукоятью (Šarov 2003: 38, Abb. 10: 2)². К этому выводу пришел ранее С. И. Безуглов (Безуглов 2000: 173, прим. 7).

О навершии в учетной карточке (ГЭ № П.1841.21) дается следующая информация: «головка в виде плоской халцедоновой пластины, круглой, и бронзовой пластины, обтянутой золотым листом, на бронзовом стержне, продетом сквозь халцедоновую пластину. Украшена пластинка красными и зелеными вставками в высоких гнездах, образующих следующий рисунок: в центре розетка, вокруг нее широкое золотое кольцо с красными и зелеными кружками, за ним четырехугольные вставки и по краю ряд рельефных золотых кружков в виде шляпок гвоздей. Стержень прот-

¹ Но в карточке ГЭ № П.1841.21 и сегодня присутствует запись, что халцедоноевое навершие с бронзовой розеткой, обтянутой золотым листом, является «Головкой от рукояти кинжала».

² До этого, я также, как и многие из известных исследователей, считал ее принадлежностью рукояти кинжала (Шаров 1998: 12)

кнут поперек другим бронзовым стерженьком. Местами незначительные остатки дерева. Утрачено 11 четырехугольных вставок. Диаметр халцедоновой пластины 0.051 м, диаметр бронзовой пластины 0.035 м». Коснемся атрибуции и хронологии кинжала и меча из этого погребения.

Кинжал из погребения Аджимушкой, 1841 года следует отнести к типу I кинжалов без металлического навершия по А. М. Хазанову (Хазанов 2008: 50, рис. 10-3) (Рис. 2:2). Появляются такие кинжалы лишь в позднесарматскую эпоху, во второй половине II в. н. э. Ромбовидные бронзовые перекрестия существовали на сарматском оружии еще до позднесарматского этапа. По мнению А.С. Скрипкина мечи с бронзовыми ромбическими перекрестиями разных типов восходят к единой традиции их изготовления, прототипами для которых явились образцы китайского клинкового вооружения. В сарматских комплексах они встречаются и в раннесарматских погребениях, и в среднесарматских II в. до н.э. – II в. н.э. (Скрипкин 2000: 17-20). В период становления позднесарматской культуры резко меняется тип мечей и кинжалов, и господствующим становятся *кинжалы без металлического навершия*. Среди них выделяется серия кинжалов с бронзовыми и железными тонкими ромбовидными перекрестиями. Такие кинжалы не известны до позднесарматского времени, хотя традиция ромбовидных бронзовых перекрестий существовала в предыдущее время (Кривошеев 2010: 201). Таким образом, кинжал, по целому ряду морфологических признаков можно датировать лишь в достаточно широких рамках всего позднесарматского периода, т. е. серединой II - серединой IV вв. н. э.

Меч. По сохранившемуся, сильно корродированному фрагменту можно сказать, что меч был двулезвийным, имел уплощенное сечение клинка без центральной грани, ширина его была 5,2 см. (Рис. 2:3) На основании даже этих скудных данных, можно сказать, что данный фрагмент мог принадлежать мечу без металлического навершия, которые были подразделены К. Ф. Смирновым и А. М. Хазановым на пять типов (Хазанов 2008: 45-59), или к мечам с единой рукоятью-штырем по А. В. Симоненко (Симоненко 2010: 43-60). Такие мечи появляются только в позднесарматскую эпоху и отличаются рядом морфологических деталей: длиной, сечением, шириной клинка, а также углом перехода клинка в штырь рукояти (Симоненко 2010: 43). По сечению и ширине клинка, данный фрагмент меча можно отнести с большой долей вероятности к типу III мечей по А. М. Хазанову, у которых основание клинка образует прямой угол с рукоятью-штырем (Хазанов 2008: 50, рис. 13: 1-3). А. М. Хазанов не приводит точных данных о сечениях и ширине лезвий данного типа мечей, но у А. В. Симоненко

можно найти уточненную информацию по данному типу. Это единственный тип длинных мечей с очень широким клинком до 6 см, у представленных на рисунках мечях уплощенные в сечении клинки (Симоненко 2010: 49-50, рис. 32). Мечи III типа по А. М. Хазанову появляется у сарматов в III-IV вв. н. э. (Хазанов 1971:20; Хазанов 2008: 60). А. В. Симоненко считает, что основная масса мечей III типа по А. М. Хазанову происходит из погребений уже второй половины III-IV вв. н. э. При этом, автор отмечает, ссылаясь на работы М. Биборского (Biborski 1978: 53-65), что типобразующие признаки типа III – широкие клинки и переход от клинка к рукояти под прямым углом - характерны также для мечей пшеворской культуры римской эпохи, являющихся в свою очередь гибридом латенской и римской оружейной традиции. (Симоненко 2010: 58). Исходя из проведенного ранее анализа (Шаров, 2012:226), ведущие морфологические признаки типа III мечей являются итогом развития римских технологий, принятых, начиная с I века н. э., при производстве гладиусов и спат, и распространившихся вместе с римским оружием в Европейском Барбарикуме, причем клинки и римских мечей и германских дериватов I-III вв. н. э. имели ширину от 4 до 6 см (Biborski, 1978, P.60-97; Illkjær, 1994, Tab.3, S. 246-248) при длине от 0.6м до 1м. Почему же длинные мечи третьего типа по Хазанову, шириной 5-6 см, появляются в Причерноморье лишь в середине - второй половине III в. н. э., как полагают и С. И. Безуглов (Безуглов 2000: 181) и А. В. Симоненко (Симоненко 2010: 58-60), а не раньше, как во всем Европейском Барбарикуме? Они могли бы раньше всего появиться в Херсонесе, Ольвии и на Боспоре, где стояли или появлялись во время военных действий вексиляции римских легионов. А. В. Симоненко полагает, что в Причерноморье во второй половине III в. н. э. встретились две традиции длинных мечей - сарматская и «готская», в результате симбиоза которой появились мечи третьего типа, сочетающие римско - готские и сарматские черты (Симоненко 2010: 58-60). Я думаю, что появиться широкие мечи типа 3, конечно, должны были несколько ранее, еще в эпоху Маркоманских войн, когда и боспоряне и аланы участвовали вместе с германцами в военных действиях на Дунае. Отголоском этих событий, возможно, являются изданные Н. И. Сокольским находки на Боспоре двух длинных мечей из комплекса 1841 года у завода князя Херхеулидзева в Керчи (Сокольский 1954: Таб. VI: 1, 2). Это мечи типа III по А. М. Хазанову и они имеют ширину более 5 см, комплекс относится к концу II в. н. э., судя по изданному А. Б. Ашиком материалу (Ашик 1848: 49-50; Шаров 2011: 234). К этому мечу и следует отнести халцедоновое навершие с бронзовой бляшкой, обтянутой золотым

листом и украшенной вставками стекла и камней в стиле клуазоннэ (Рис. 1:1). Такие навершия появились лишь в позднеимперскую эпоху и изделия в новой технике - технике перегородчатой инкрустации или «клуазоннэ» крайне редки и появляются в комплексах Северного Причерноморья не ранее середины III в. н. э. Долгое время была принята идея производства таких предметов прямо на Боспоре, начиная лишь со второй половины - конца IV в. н. э. Я могу указать вслед за уважаемыми авторами (Щукин, Бажан 1990; Kazanski 1994; Шаров 2009:118-119) целый ряд предметов более ранней эпохи, связанных с Боспором - это и полихромные пряжки из мог. Центральный и из погребения 1972 г. Недвиговки, серьги из погребения с Золотой Маской, детали упряжи из кургана 8 мог. Комаров II, пряжки и наконечник ремня из Бердянских курганов. Эти находки мной выделены в четвертую стилистическую группу полихромных изделий **«Арагвиспиританаис»** (Шаров, 2019:204, 206-207). Такие изделия более всего характерны для гуннской эпохи и близки по стилю исполнения к четвертой стилистической группе полихромных изделий по И. П. Засецкой (Засецкая, 1982, Таб.1-4). Но есть существенные и важные отличия: перечисленные выше изделия в технике перегородчатой инкрустации выдержаны в иной цветовой гамме, не свойственной для гуннского времени, но характерной для позднеимперской полихромии (синее и зеленое стекло, сердолик, красная-зеленая-голубая паста, красная и зеленая эмаль). Также следует отметить, что в подлинном клуазонне, все касты напаяны и спаяны между собой (Минасян, Шаблавина. 2009, с. 257-258) и все вставки - это пиленые пластинки гранатов, чего нельзя сказать о позднеимперских изделиях в стиле «перегородчатой инкрустации». *Стиль позднеимперских изделий* иной не только в технике создания кастов, но и в подборе иных: *не-гранатовых и не-пиленых вставок*. Они все датируются *догуннской эпохой* - второй половиной III-первой половиной IV вв. н. э. Везде одинаковая гамма цветов – красная, либо сочетание зеленого и красного цветов. Такие вещи были хорошо известны в Иране и являлись деталями парадной одежды знати, начиная с первых веков н. э. Мне кажется, что производство изделий в новой технике, в стиле клуазоннэ, на территории Восточной Европы объясняются приверженностью к другой моде и ориентацией на Аршакидский/Сасанидский Иран, где существовали свои, почти тысячелетние ювелирные традиции. Ирано-иберийское происхождение этой группы украшений представляется на сегодняшний день наиболее аргументированным (Щукин, Бажан, 1990; Шаров, 2009, рис. 111-112; Шаров, 2019:207)

Мужское захоронение из склепа Аджимушкой, 1841 года, датируется первой третью IV в. н. э., т. е. эпохой Радамсада - Рескупорида VI. Этой дате не противоречит уникальная находка золотого навершия меча, орнаментированного в стиле клуазоннэ пластинками зеленого и красного стекла, так как такое сочетание цветов характерно именно для предгуннской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- РА ГЭ - Рукописный архив ГЭ, фонд 1, опись 1- 1838-1841гг., дело № 9-1 Ашик, А. Б. 1848. Боспорское царство. Т.I-III, Одесса.
- Бажан И. А., Щукин М. Б.1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. № 30. – Л. С. 83–96.
- Безуглов С. И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов на Дону.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 624 с.
- Древности Боспора Киммерийского. 1854. Санкт-Петербург. Под редакцией Ф. А. Жилия. СПб.
- Засецкая И.П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. – М.: Наука, С. 3-29.
- Кривошеев, 2010. Кинжалы с перекрестиями из позднесарматских погребений.// Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань, 2010.
- Марти Ю. Ю.1926. Путеводитель по керченским древностям. Керчь.
- Мацулевич Л. А. 1926. Серебряная чаша из Керчи. Л.
- Минасян Р.С., Шаблавина Е.А. 2009. О роли технической терминологии в археологической литературе. // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Сборник научных статей, посвященных юбилею И.П. Засецкой. Факультет филологии и искусств СПбГУ, СПб. С. 236-261
- Ростовцев, М.И. 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Изд-во «Огни», 190 с.
- Ростовцев, М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 621 с.
- Симоненко А. В. 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.
- Скрипкин А. С. 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград, вып. 3.

Сокольский Н. И. 1954. Боспорские мечи. // МИА № 33.

Хазанов А. М. 1971. Очерки военного дела сарматов, М.

Хазанов А. М. 2008. Очерки военного дела сарматов, СПб.

Шаров О. В. 1998. Погребения сарматской знати на Боспоре //Боспорское царство как историко-культурный феномен. Санкт-Петербург.

Шаров О. В. 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II- середина IV вв. н. э). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Санкт-Петербург, 772с.

Шаров О. В. 2011. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху.// Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции, Ростов, с. 217-233.

Шаров О.В. 2012. Пирамидальный склеп №1 по дороге к Царскому кургану, или склеп №1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Stratum Plus, N4, с.201-237.

Шаров О.В. 2019. Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Т. 18, № 2. 197-220.

Biborski M. 1978. Miecze z okresu wplywow rzymskich na obszarze kultury przeworskiej // Materiały Archeologiczne, T. XVIII, S.53-165

Gaidukevič, V.F. 1971. Das Bosporanische Reich. Amsterdam, 692 S.

Ginters. W. 1928. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, Berlin.

Illkjær J. 1994. Das Mooropfer von Illerup Adal – Der Stand der Bearbeitung im Jahr 1994. // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg.

Kazanski M. 1994. Les tombes des chefs alano-sarmates du IV-e siecles dans les steppes pontiques. In: La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siecle. Saint-Germain-en-Laye, P.189-205.

Linás de Ch., 1878. Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée, T. II, Paris.

Rostovtzeff M.1923. Une trouvaille de l' époque Greco-Sarmate de Kerch. In: Momumente et Memoriam. Tome XXVI, Paris.

Šarov O. 2003. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospore. In: Kontakt-Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus, Marburg.

Šcukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. Des les Goths aux Huns. Le nord de la mer noire au Bas-Empire et a l'epocue des grandes migration. Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000A.D.) BAR, № 1535, Oxford, 572p.

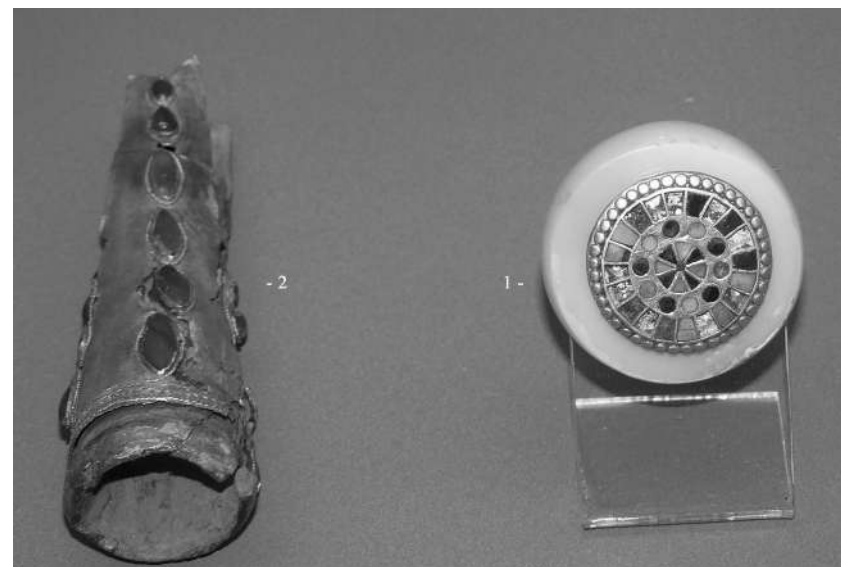

Рис.1. 1-Навершие меча; 2-Золотая обкладка копья (Шаров, 2012: Рис.21)

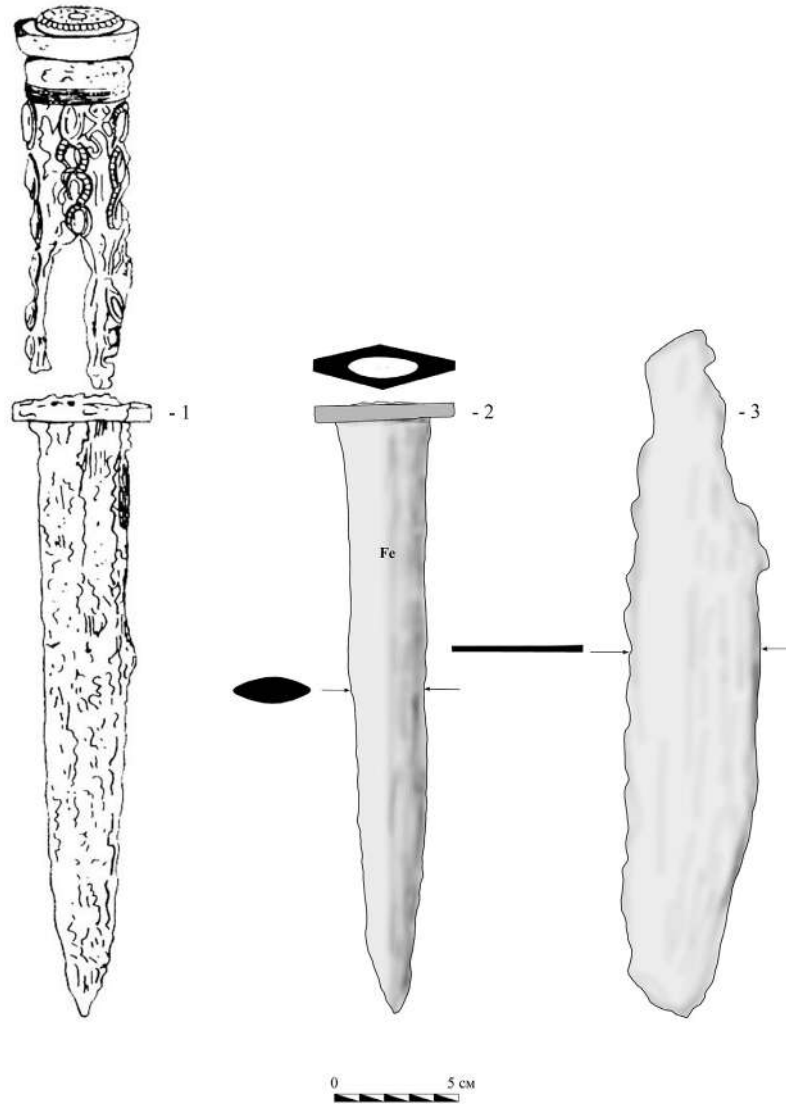

Рис.2. 1- Реконструкция «кинжала» по А.Б. Ашику (Шаров, 2012, Рис.6); 2-Кинжал; 3-Фрагмент меча (Шаров, 2012, Рис. 22,24)

ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В.
(независимый исследователь, Москва)

ЗЕВС ДОДОНСКИЙ И ДИОСКУРЫ В ПАНТИКАПЕЕ¹

В 1983 году на Центральном раскопе горы Митридат в Керчи был открыт большой фрагмент (длина по венцу при едва заметной криватуре – 8 см) открытой чернолаковой чаши рубежа 1 и 2 четвертей V в. до Р.Х. (рис. 1). Лак густой, плотный, ровный, без отлива (на фото – результат бликования от вспышки фотоаппарата). Хранится в ГМИИ им А.С. Пушкина в Москве (инв. № М–1482; выставлен в постоянной экспозиции, зал № 5, витрина 5).

Контекст находки: кв. 30, шт. 10, заполнение перекрытой впоследствии толосом однокамерной прямоугольной постройки (дом № 2: рис. 3, фото В.П. Толстикова), ограниченной кладками 84, 85 и 68^б (см. план на рис. 2: фото В.П. Толстикова). Толщина слоя – 0,15 м. Сопутствующий артефакту материал указывает на начало V в. до Р.Х. Наиболее выразительны – обломок пухлогорлой хиосской амфоры рубежа 1–2 четвертей V в. и два бронзовых втульчатых пирамидальных трёхлопастных наконечника стрел, датирующихся не позднее 1 четверти V в.

Под венчиком крупно (2 и более см; курсивом показаны частично сохранившиеся литеры) начертано посвящение Δι[ι] ἐν Δω[δώνη]. Дополнение сопутствующих ему теонимов, включая наиболее частые – Диона и Фемида –, сути не меняет, т.к. все они, в одиночку, без Зевса, в Додоне не представлены. Ниже, шрифтом в полтора раза меньшим, – καὶ Διос[κοῦρος]. Формы букв вполне отвечают датировке и предмета, и сопровождающих его вещей.

Это первое прямое свидетельство почитания Диоскуров (пока они фигурировали лишь на привозных расписных вазах в компании а) Леды

¹ Искренне благодарю В.П. Толстикова за предоставленное право публикации и оказанную помощь

и Тиндарея и б) Диониса и Геракла: Шауб, 2007, с. 409 слл.; Шауб, 2014, с. 671; ср. Nilsson, 1955, S. 318) и культа Зевса Додонского на Боспоре. До сих пор мы знали только, что первые чтились в Одессосе, Истрии и Ольвии, и как легендарные основатели Том (Ehrhardt, 1983, S. 187 u. Anm. 1077, 1079; S. 226 u. Anm. 22 – с литературой, cf. BE 66, 270; 76, 487). Неслучайно и название апойкии Диоскуриады в Восточном Понте.

В связке с именем Зевса Диоскуры представлены в граффити Ольвии (Ehrhardt, 1983, III C, Anm. 1079: со ссылкой на А.С. Русяеву). В Додоне их нет, хотя, помимо очевидных Зевса и Дионы (например, DVC 268A, 1395A, 1787, 2036B, 2291A, 2297A, 2762A, 3400A, 3472A, 3473A, 3648A) и Фемиды (Dieterle, 1999, Kap. II 2; Fotiadi, 2018, pp. 69–98; Золотникова, 2019, с. 10), там были популярны также Посейдон, Афина, Аполлон (в гиперборейских мифах есть версия, что дары ему на Делос следовали через Додону), Артемида, Гермес, Геракл, Афродита, Дионис, Силен, Деметра, Ахилл, Ахелой и нимфы Гиады (Gruppe, 1906, Bd. I, S. 353 u. Anm. 8; Bd. II, S. 1353, Anm. 2; Nilsson, 1955, S. 522; Parke, 1967, pp. 68, 158; Dieterle, 1999, Kap. IV 2; Золотникова, 2019, с. 12–13; cf. BE 58, 348.5 et 6).

В Причерноморье Диоскуры тоже не сопрягались с Додонским Зевсом. Давно знакомые эпиклезы последнего – Δωδωνάϊος и Δωδωνεύς (Carpapanos, 1878, pp. 78 – 79, no 4bis; Gruppe, 1906, Bd. I, S. 354, Anm. 7; 356, Anm. 4; Nilsson, 1955, S. 423). В форме ἐν Δωδώνι (sic!) δαίμονα он ранее появлялся лишь у христианского писателя VI в. Иоанна Александрийского (Ioan. Alex. de ass. p. 12, 3).

Что до Боспора, то Зевс фиксируется в граффити IV–III вв. до Р.Х. исключительно в ипостасях Сотера (ср. в лапидарных памятниках: КБН 26, 36, 76, 868), Отчего и Филия – на некрополе Пантикапея, в зольнике Мирмекия и в Гермонассе (Шауб, 2007, с. 368–369). Никогда – купно с Диоскурами.

Уникальность нашего граффито требует внимательно отнестись как к истории эпирского оракула, так и к семантике культа Диоскуров. В Додоне Зевс стабильно именуется Νάϊος или Νάος (ко второму – LOD, n°s 113, 128), что обычно понимается «текущий», притом, что в образе его превалируют черты покровителя дома, рода, общины (Nilsson, 1955, S. 423, 426–427; Parke, 1967, p. 68). Диоскуры тоже изначально были духами ойкоса, чьими атрибутами (или прямо изображениями) потому были змеи (Nilsson, 1955, S. 214, 290, 409). Совпадение функций божественных детей и отца делает ещё более знаменательным, что они впервые упомянуты совместно. Очевидно, боспорский повод к тому был далёк от тривиальности.

Не менее показателен удел самой Додоны. Будучи древнейшим и знаменитейшим оракулом (Латышев, 1899, с. 188; Nilsson, 1955, S. 423; Parke, 1967, p. 99), возможно, ещё догреческого происхождения (Nilsson, 1955, S. 427; Parke, 1967, pp. 99, 115), либо эллинским анклавом в варварском окружении (Nilsson, 1955, S. 427), он, как известно, долго оставался в тени Дельфы (Латышев, 1899, с. 191; Parke, 1967, p. 100), служа центром притяжения, прежде всего, обитателям Пелопоннеса и Западной Греции (ibid.).

Однако, сказанное в полной мере соответствует лишь частным обращениям по экономическим, финансовым, любовным, семейным вопросам, манумиссиям и т.п. При официальных же запросах (государственное устройство, перенос или основание святилища, война и мир, гражданский катаклизм, смута и проч.) картина принципиально меняется. Додона выходит на первый план. К её оракулу прибегают, кроме, натурально, Спарты (Parke, 1967, pp. 137–138, 367, 371, 389, 403) и полисов Эпира (ср. BE 58, 286; 69, 347), и Афины, и Фивы, и многие другие центры (Латышев, 1899, с. 191; Parke, 1967, p. 116 sqq.).

Показательно, что афиняне посылали сюда – со времён царей до эпохи эллинизма и далее – послов по любому фундаментальному поводу: передачи власти, борьбы с тиранами и мятежами, сицилийской экспедиции, отношений с Македонией, диадохами, эпигонами и Римом, учреждения культа фракийского божества Бендис и т.д. (Parke, 1967, pp. 131–133, 136–139, 141–143, 322, 324, 330, 332, 344, 347 – со ссылками на источники).

Характерно, что и среди индивидуальных вопросов ярко выделяется внушительная группа тех, кто спрашивает об аналогичных перечисленным в предыдущем абзаце крутых поворотах, но уже в личной судьбе. Например, следует ли взять сторону Пирра (DVC 3648A), присоединиться к походу на Антиоха (LOD 128). Наконец, Фемистокл отправляется искать приюта у персидского царя по прямому указанию Додонского прорицалища (Parke, 1967, p. 135).

Вернёмся к Диоскурам. Из защитников дома они вырастают в помощников в любой персональной беде и опасности, на суше и на море (Nilsson, 1955, S. 135). Но и в поддержании принятых политических установлений (к примеру, лакедемонских – вместе с Зевсом Ἀρβούλιος и Афиной Ἀρβουλίαι: Gruppe, 1906, Bd. II, S. 1118, Anm. 8). В данном качестве они становятся божествами «национального» масштаба не только в Спарте, где они протезируют монаршьи кланы (Nilsson, 1955, S. 408–409), а и в Афинах, которые сооружают им знаменитый храм – Анакейон (Nilsson, 1955, S. 407).

Спартанских царей они сопровождают на войну и сопутствуют им в сражениях и победах (Nilsson, 1955, S. 410). Коли же один соправитель остаётся дома, то с ним пребывает и один из божественных братьев (Hdt. V 75; Nilsson, 1955, S. 717).

Сейчас пора вспомнить, что в слое дома № 2 раскопа Центральный на горе Митридат исследуемому граффито сопутствуют два наконечника стрел. Значит, приношение «Зевсу (который) в Додоне и Диоскурам», датированное не позднее рубежа 1 и 2 четвертей V в. до Р.Х., было благодарностью гражданского коллектива небесным ревнителям порядка после обращения пантикапейского полиса к оракулу Додоны и получения отсюда ответа, благоприятствовавшего преодолению военных и политических проблем лидирующей общины Боспора. Не потому ли весьма, в общем, широко чтимый греками Зевс Сотер известен на Боспоре в лапидарных надписях именно Пантикапея – с конца III или 1 половины II вв. до Р.Х. (КБН 26) до III в. от Р.Х. (с I века ему секундирует Гера Сотейра: КБН 36А6; 76. 6–7) – и основанного в ходе внутренней колонизации Мирмекия (КБН 868, I в. от Р.Х.)?

Частью полученного решения было, очевидно, предложение о выдвижении и деятельности «властей–восстановителей», ἀρχαὶ ἀνακτισταί, о чём мы писали ещё в 2014 году (Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 418 слл.).

Сам более, чем незаурядный объём вотива (см. в начале) свидетельствует в пользу именно такого понимания. Менее экономные варианты восстановления – [δαίμον]ἰ ἐν Δω[δώνη]ἰ или [Διὶ Σωτήρ]ἰ ἐν Δω[δώνη]ἰ – по существу ничего здесь не меняют.

ЛИТЕРАТУРА

Золотникова О.А. 2019. Святилище и оракул в Додоне по данным античных и византийских источников: диахронический подход // Вестник БГУ. № 3.

Латышев В.В. 1899. Очерк греческих древностей. Ч. 2. 2–е изд. СПб.

Шауб И. Ю. 2007. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб.

Шауб И.Ю. 2014. Боспорские курганы и загробные представления боспорян // БИ. Вып. XXX.

Шелов-Коведяев Ф.В., Толстиков В.П. 2014. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (Из истории Пантикапея начала эпохи классики) // ДБ. Т. 18.

Carapanos C. 1878. Dodone et ses ruines. Paris.

Dieterle M. 1999. Dodona. Religionsgeschichtliche und historische Untersuchungen zu Entstehung und Entwicklung des Zeus-Heiligtum. Hamburg.

Ehrhardt N. 1983. Milet und seine Kolonien. Fr. a. Main – Bern – N.Y.

Fotiadi M. 2018. Dedications at Ancient Dodona. Birmingham.

Gruppe O. 1906. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. 2 Bde. München.

Nilsson M.P. 1955. Geschichte der Griechischen Religion. Bd. I. 2. Aufl. München.

Parke H.W. 1967. The Oracles of Zeus. Cambridge (Mass.).

M-1482

Рис. 1. Посвящение Зевсу в Додоне и Диоскурам на чернолаковой чаше

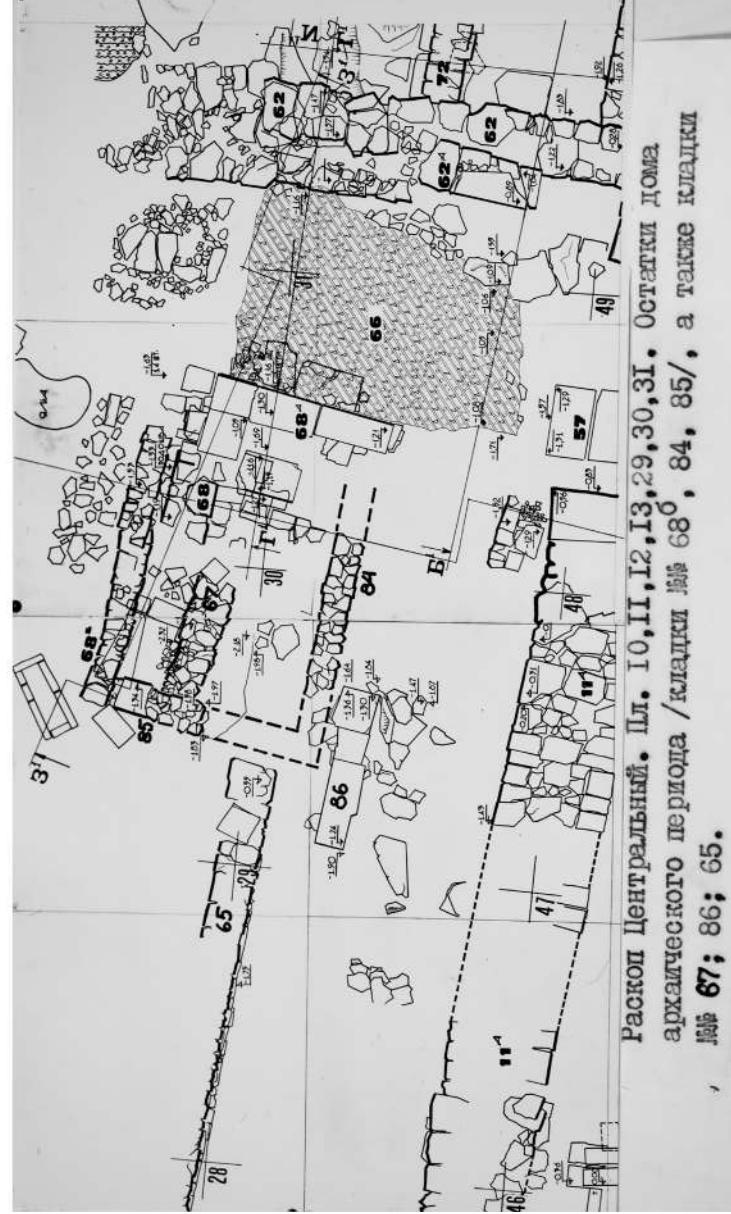

Рис. 2. Дом № 2 на плане из отчёта В.П. Толстикова за 1983 год

л. 30, остатки архаического дома. А) вид с севера. Б) вид с с-в.

Рис. 3. Дом № 2. Фото из отчёта В.П. Толстикова за 1983 год

ШОНОВ И. В.
(ИАК РАН, г. Симферополь)

«ХЕРСОНЕССКИЕ» ДРАХМЫ С ИМЕНЕМ ДЕМЕТРИЯ

В 1964 году выходит в свет статья К. В. Голенко «Херсонесские драхмы с именем магистрата – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ». В данной статье впервые публикуется серебряная драхма, имеющая на лицевой стороне голову Девы в повязке вправо. Обратная сторона несет изображение Девы, поражающей льва влево, справа имя ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Вес драхмы 4,58 гр. Автор считал, что данный тип драхмы является первым выпуском Херсонеса, который обнаруживает влияние понтийских типов. К. В. Голенко находит аналогии этим драхмам в выпусках боспорских городов с изображением на аверсах головы Диониса (дидрахмы, гемидрахмы, драхмы, тетрагалки), датируя их 90-80-ми гг. до н. э. Этими же годами исследователь датирует и херсонесские драхмы с именем Деметрия, т. е. ко времени подчинения Херсонеса Митридату VI Евпатору. Отсутствие названия города на этих драхмах ученый объясняет ущемлением прав Херсонеса, приводя в пример чеканку Амиса [Голенко, 1964, с. 46-48].

В 1977 году В. А. Анохин в своей монографии «Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.)» подверг критике мнение К. В. Голенко относительно хронологии выпуска этих драхм [Анохин, 1977, табл. XII, № 191], относя их к 100-90 гг. до н. э., объясняя это хронологией последующих выпусков. Как и К. В. Голенко В. А., Анохин относит данную драхму к последнему выпуску Херсонеса [Анохин, 1977, с. 57].

Благодаря многолетним фиксированиям находок драхм с именем Деметрия, я пришел к выводу, что этот тип драхм следует относить к чеканке Пантикапея. Наиболее близкая к Херсонесу находка была обнаружена в марте 1997 года в окрестностях современного Бахчисарая. На этом заканчивается список находок на территории Крымского полуострова: от современного Севастополя до Феодосии. На самом Херсонес-

ском городище находок данных монет нет. Самая отдаленная от Керчи находка этого типа монет сделана в окрестностях горы Опук. Отмечено два экземпляра этих драхм на пахотном поле вблизи городища Китей. Одна монета зафиксирована в районе Нимфейского городища. Пять монет с именем Деметрия отмечены в окрестностях Керчи. Наибольшее количество этих монет зафиксировано на Азиатской стороне Боспора – 12 штук. Предполагалось, что чеканка этих драхм предназначалась для Фанагории и осуществлялась на монетном дворе Пантикапея, что отвечало тогдашнему статусу Фанагории в связи с нахождением там представителя верховной власти в лице некоего Деметрия [Шонов, 2019, с. 256].

В 2018 году на Тамани в окрестностях г. Темрюк был найден клад, состоящий из нескольких типов серебряных монет. Наибольшее количество клада составляли драхмы типа «голова Аполлона в венке вправо – ΠΑΝΤΙΚΑ/ΠΑΙΤΩΝ, внизу меч, либо палица». На некоторых экземплярах присутствовала монограмма [Анохин, 2011, с. 158-161, № 1108-1111]. Таких монет в кладе 178 штук.

Вторым типом монет в этом кладе были серебряные дидрахмы «голова Диониса в венке вправо – венки в нем гроздь винограда, надпись название города, сверху монограмма ». Дидрахм было девять штук, из них шесть пантикапейские, две фанагорийские и одна монета Горгиппии. Монет с именем Деметрия в кладе насчитывалось пять штук. Эти драхмы начинают представленную цепочку серебряных монет Боспора с монограммами. На всех дидрахмах стоит монограмма которая, по всей видимости, может являться монограммой имени «Деметрий». Эта монограмма с небольшими изменениями повторяют монограмму имени Деметрия - , которая использовалась на более ранних монетах античности, где она могла обозначать теофорное имя - Деметрий. На золотых статерах Александра Великого среди разных монограмм встречается монограмма , в которой усматривается имя Деметрия I Полиоркета – сподвижника Александра Македонского. На серебряной тетрадрахме Деметрия Никатора в поле оборотной стороны слева от фигуры Зевса-Никефора изображена монограмма . Данный выпуск тетрадрахм 187 г. эры Селевкидов, что соответствует 126 г. до н. э., позволяет предполагать, что эта монограмма принадлежит именно Деметрию Никатору. Монета представляет эту монограмму, как официальный символ Деметрия Никатора. Еще один пример присутствия данной монограммы имеется на золотой и серебряных монетах архонта Гигиэнонта, правившего на Боспоре в начале II в. до н. э. [Сидоренко, Шонов, 2019, с. 508-509]. Монограмма на монетах

Гигиэнонта принадлежит македонскому царю Деметрию II, который в те годы держал Боспор в зоне своего влияния [Шонов, 2020]. Сам же Гигиэнонт, скорее всего, являлся ставленником македонского царя Деметрия II. Данная монограмма находится на золотом статере царя Асандра 46 г. до н. э. под обрезом на реверсе монеты [Анохин, 2011, с. 188, № 1320]. По-видимому, монограмма на статере царя Асандра принадлежит ставленнику Асандра, по имени Деметрий. Тот ли это Деметрий - нам неизвестно, возможно, это был его сын. По традиции древних греков свое имя мальчик получал от своего отца или деда. Скорее всего, этот род Деметриев служил Митридату VI Евпатору и Асандру, а возможно, и одному из последних Перисадов [Шонов, 2019, табл. XXX, № 271]. Деметрий служил Митридату VI Евпатору как минимум с 110 по 83 гг. до н. э., по-видимому, сменив в должности высокопоставленного чиновника Атота [Шонов, 2019, с. 257]. Этот Деметрий, по-видимому, отвечал за выпуск не только медных и серебряных денег, но и золотых статеров для Боспорского царства [Шонов, 2019, с. 358, табл. XLI, № 362; с. 260, 261]. Ранее монограмма Деметрия ошибочно относилась к Митридату VI Евпатору. Чеканка статеров лисимаховского типа для Боспора, возможно производилась не в Византии, а в Пантикапее. На это указывают стиль и фактура золотых статеров, а также нетрадиционный разворот Nike вправо. К этому можно добавить тот факт, что золотые статера данного типа находят только на территории Боспора. Возможно, чуть ранее статеры с монограммой Деметрия чеканились в г. Томы, на которых под рукой Афины стоит та же монограмма Деметрия [Шонов, 2019, с. 353, табл. XXXVII, № 329]. С этим же Деметрием можно отождествлять клейма на т. н. «мегарских» чашах. Более полувека назад было выдвинуто предположение что некоторые «мегарские» чаши происходят из Северного Причерноморья [Латышев, 1902, с. 141]. В 1946 году были найдены обломки глиняной формы для изготовления «мегарских» чаш, а также черепки с аналогичным орнаментом [Блаватский, 1947, с. 14, рис. 8]. Все это дало надежные факты, свидетельствующие о производстве «мегарских» чаш в столице Боспора. Подобные находки были найдены в Пантикапее в 1953 и 1956 годах. Шрифт надписи позволяет датировать эти чаши II в. до н. э. На одной из находок из темно-серой глины оттиснута двойная восьмилепестковая розетка с надписью владельца мастерской – ДНМНΤΡΙΟΥ. Значительно проще вторая чаша. На дне ее только надпись того же владельца – ДНМНΤΡΙΟΥ. Шрифт надписи позволяет датировать эти чаши II в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин. А. В. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев. «Наукова думка». 1977. – 175 с.

Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев. «Стилос». 2011. – 326 с.

Блаватский В.Д. Пантикапейские раскопки 1945–1946 гг.// Памятники искусства. «Бюллетень ГМИИ», № 2. 1947. С.10–15.

Голенко К. В. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия. – СГМИИ, вып. II, М., 1964.

Латышев В. В. К вопросу об античной посуде со штемпелем КΙΡΒΕΙ. — ИАК, вып. 4, стр. 141.

Сидоренко В. А., Шонов И. В. Монограммы на монетах архонта Гигизнонта // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Материалы международной научной конференции. – Симферополь; Керчь, 2019. – С. 507-512.

Шонов И. В. Монетная чеканка правителей Боспора VI – I вв. до н. э. Симферополь. ИТ «Ариал». – 2019. – 475 с.

Шонов И. В. Монограммы и символы македонских царей на монетах Пантикапея // История и археология Крыма. Вып. XII. Симферополь. – 2020.

Рис. 1. Драхмы Пантикапея из таманского клада

Рис. 2. Драхмы с именем Деметрия из боспорских находок

Рис. 3. Драхмы с именем Деметрия из таманского клада

Рис. 4. Дидрахмы Пантикапея (а, б) и Фанагории (в) из таманского клада

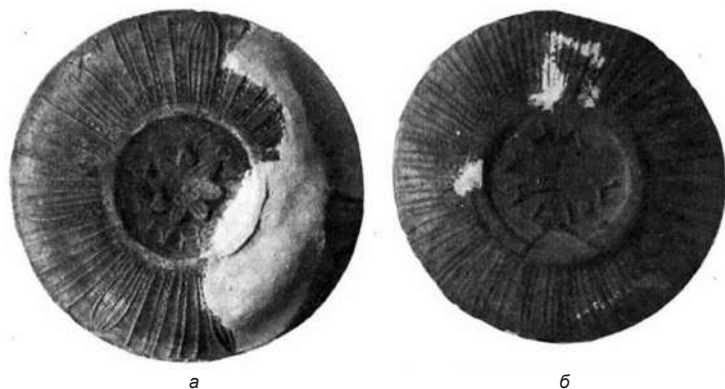

Рис. 5. Чаши с именем Деметрия из находок 1953 и 1956 годов (а, б).
Фрагмент дна чаши с клеймом из раскопок Порфмия (в)

Рис. 6. «Мегарская» чаша с именем Деметрия находка из Керчи

GOCHA R. TSETSKHLADZE
(London)

THE COMING OF THE ACHAEMENID TO THE BOSPORAN KINGDOM: A BRIEF CONSPECTUS

Atossa, daughter of Cyrus and wife of the Great King Darius, encouraged her husband to go to war against the Scythians as punishment for the destruction they had wrought in the Near East (Herodotus 3.134). Darius's answer was: 'Wife, you have bidden me do the very thing I purposed. I plan to build a bridge from this continent to the other and make war upon the Scythians, and that will, indeed, be done within a very short time.' Atossa said, 'See you: for now, let the Scythians be; they will be there for you whenever you want them. But do you attack Greece...'. To realise his aim 'Darius, marching from Susa, came, in the country of Chalcedon, to where the Bosphorus was bridged, and from there, taking ship, he sailed to the so-called Dark Rocks, which earlier the Greeks called the Wandering Rocks. He sat upon a headland there and looked at the Pontus, which is indeed a sight worth looking at. For it is the most marvellous of all seas' (Herodotus 4.85).

We know from other sources that Darius's campaign against Scythia actually took place. Our problems is that we do not know its extent, nor what Darius himself felt about it. Indeed, we shall never know, but Herodotus devoted much of his Book 4 to this expedition. As a Greek historian his attitude towards the Achaemenids was hostile, and, of course, Darius should be defeated by the Scythians. There are two other sources which mention this war, but they do so in a very cursory fashion: Ctesias History of Persia F13.21; and Strabo 7.3.14.

The Great King's desire was to subdue the whole of Asia between the Tanais and the Nile, and he spent 17 years doing just that. Ctesias (History of Persia F1b. 2.1-3) writes: 'Amongst the lands on and adjacent to the coast he subdued Egypt, Phoenicia and also brought under his control Coele Syria, Cilicia, Pamphylia and Lycia; and in addition to these Caria, Phrygia, Mysia

and Lydia. He added to Troad, Phrygia on the Hellespont, Propontis, Bithynia, Cappadocia and the barbarian tribes who live on the Black Sea as far as the River Tanais.' Despite these actions being there ascribed to Ninus, they actually look like those of Darius I. Indeed, Ninus had nothing to do with most of these areas, certainly not with the Black Sea.

Darius never encountered the Scythians: they were always one step ahead of him. Thus Darius was 'defeated' by the Scythians. The debacle had great consequences for the Greek cities on the Taman Peninsula and on the Tanais. Darius crossed the River Tanais and the destruction of the Taganrog settlement should be connected with the coming of the Achaemenids. In the hinterland of the Ukrainian steppes, through which the Achaemenids passed, they faced large local Hallstatt settlements that were fortified by wooden walls and a ditch. Some of these have traces of fire and destruction dating to the end of the 6th century BC, usually explained by Scythian raids. But there were no Scythians in this region at this time. Hence the destruction should be connected with the Achaemenids. The Persians burnt down Gelonus (Belsk) (Herodotus 4.108, 4.123), a settlement occupying 4020 hectares with an estimated population of 4000-5000, encompassed by a defensive perimeter 25 km in length.

The discovery of an Old Persian inscription in Phanagoria is of outstanding importance. It is so fragmentary that it is very difficult to reconstruct the name of the Persian ruler – Darius or Xerxes. The vast majority of scholars believe it be an inscription of Darius, thus providing direct evidence that the Bosphoran Kingdom was under Achaemenid suzerainty.

Let us return to Darius's Scythian expedition. This was not just some chance adventure. Beforehand, in 519 BC, there had been a reconnaissance mission by Ariaramneses, satrap of Cappadocia, under Darius's orders. He crossed over the sea to Scythia with 30 50-oared ships to take male and female captives; one of them was Marsagetes, brother of the Scythian king, Scytharches, whom the latter had chained up for mistreating a family member. This prompted a terse letter from Scytharches to Darius, and a reply in kind (Ctesias History of Persia F13.20). Of course, the Greeks of the Taman Peninsula resisted this force, and how successful it was is unknown. There is some evidence of destruction in the Greek cities of the Taman and the appearance of city walls in a few cities of the Bosphoran Kingdom. In 513 BC, Darius undertook a campaign against the Scythians, crossing the Tanais and entering the Taman Peninsula. There is evidence of more destruction in the Greek cities which might be connected with this. It is more than probable that Darius erected the aforementioned inscription

to commemorate his conquest, during this campaign, of Phanagoria, the most important city of the Taman Peninsula.

It is quite likely that Darius first left a garrison in Phanagoria, as he had done in Histria. When the inscription was erected and when and why it was destroyed, it is very difficult to say. Maybe, again echoing Histria, tensions between the Greek inhabitants and the garrison erupted and the inscription was smashed. Darius never crossed the Kerch Straits to the European Bosphorus but some raiding across them cannot be discounted. Xerxes continued his father's subjugation of the Bosphoran Kingdom.

There is archaeological evidence as well, though I shall not discuss it in detail. Most remarkable is that from silver, which can be interpreted as a gift by the Achaemenids to local rulers, and Achaemenid seals – overall 19, one of which has a Lydian inscription and another the name of the king Artaxerxes. Several of them were found in Panticapaeum, two not far from Anapa, one each in Phanagoria, Chersonesos and Nymphaeum, and others in tombs of the local elite. They are official seals, demonstrating the presence of Achaemenid officials or ambassadors. All date to the 5th-4th centuries BC, again providing evidence of an Achaemenid presence in that period.

What about the Scythians? According to Herodotus (7.64), the Persian name for the Scythians was Saca(e). Darius crossed through Scythian territory and, as a result, included it in his empire, despite the debacle of not engaging them. Furthermore, the Sacae are also mentioned as fighting at Marathon (Herodotus 6.113) and Plataea (9.31, 9.71), and participating in a royal pageant of Cyrus II (Xenophon Cyr. 8.3.9-19). Herodotus also noted (1.201) that, in the opinion of some, the Massagetae were a Scythian people living beyond the River Araxes.

The best evidence of Scythians being subdued by the Achaemenids is the Apadana reliefs, where the Scythians are represented.

In two inscriptions, DSe and DNa, we find Sacae 'beyond the sea'. Surely these are references to the Scythians, who indeed lived beyond the Black Sea. And while it is true that the Bosphoran Kingdom and other Greek colonies of the northern Black Sea are not directly referred to in any inscriptions, DPe does contain mention of Yauna/Ionians 'beyond the sea'. The vast majority of Greek colonies in the northern Black Sea were Ionian foundations, thus this reference must reasonably be considered to encompass the Bosphoran Kingdom and the other Greek colonies thereabouts.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНК – Античное наследие Кубани
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АРХОНТ – Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории
АСХ – Античная скульптура Херсонеса
БГУ – Брянский государственный университет
БИ – Боспорские исследования, Симферополь-Керчь.
БФ – Боспорский феномен
БЧ – Боспорские чтения, Керчь
ВДИ – Вестник древней истории
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК - История и археология Крыма
ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИРАО – Известия Императорского Русского Археологического общества
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь.
ПЭ – Православная энциклопедия
ОИАК – Отчет Императорской Археологической комиссии
ОНТИ ПНЦ РАН – Объединенное научно-техническое издательство Пушкинского научного центра РАН, Пущино.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников, Москва
СОИГИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, Владикавказ.
ТЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТС – Таманская старина
ХСб – Херсонесский сборник
ВЕ – Bulletin épigraphique
DVC – Δάκαρης Σ., Вокотопούλου Ιου., Χρηστίδης Τ. Τα χρηστήρια ελάσματα της Δωδώνης των ανασκαφών του Δ. Ευαγγελίδη. 2 τόμοι. Αθήναι. 2013.
LOD – Lhôte E. Les lamelles oraculaires de Dodone. Genève. 2006.
RA – Revue archéologique. Paris.

СОДЕРЖАНИЕ

Основные направления деятельности фонда «Деметра»	5
Аблаев Э.Д. (Симферополь) Зооморфные изображения на монетах Золотой Орды: историография вопроса	19
Абрамзон М.Г., Ермолин С.А., Буравлев С.А. (Москва) Новые данные о денежном обращении эллинистического Боспора: греческие привозные монеты из раскопок Манитры и Фанагории 2017–2018 гг.	23
Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. (Москва, Симферополь) Новые данные о технике изготовления статеров Рескупорида V и Фарсанза...29	
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. (Симферополь). Предметы византийского прикладного искусства X–XI вв. из Керчи.....	33
Алексеев Н.А. (Севастополь). Сфрагистические памятники как объекты искусства.....	38
Бонин А.В. (Москва) О находках бронзовых антропоморфных подвесок на поселениях хоры Боспора.....	45
Букина А.Г. (Санкт-Петербург) Мифологические изображения на чернофигурной керамике из Тиритакки.....	52
Вахонеев В.В., Соловьев С.Л. (Феодосия, Санкт-Петербург) Деревянные гребни из раскопок античного городища Акра.....	59
Виноградов Ю.А. (Санкт-Петербург) Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи. К пониманию семантики изображений.....	64
Винокуров Н.И. (Москва) Находки гипсовых наклепов деревянных саркофагов в гробницах I–II вв. некрополе городища Артезиан.....	72
Волошинов А.А. (Симферополь) Боспорское влияние в позднескифской скульптуре.....	78

Ганцев В.К. (Симферополь) Трехручная стеклянная лампада XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища.....	84
Дорошко О.П. (Севастополь) «Новый» ритуальный комплекс из раскопок 1912 г. в Херсонесе.....	90
Дорошко В.В., Свиридов А.Н., Язиков С.В. (Севастополь, Москва) Римский кинжал в ножнах из раскопок поселения Фронтное IV (предварительная информация).....	95
Душенко А.А. (Симферополь) Металлические зеркала из раскопок Мангупского княжеского дворца.....	101
Завадская И.А. (Симферополь) Об интерпретации человеческих фигур в росписи раннехристианских склепов Херсонеса	110
Зинько В.Н., Зинько А.В. (Симферополь) Уникальный предмет косторезного искусства из раскопок боспорского города Тиритака.....	114
Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. (Симферополь) Геофизическое изучение поселений Тобечик 8 и Тобечик 9 на юго-востоке Керченского полуострова.....	119
Зинько Е.А. (Симферополь) Некоторые страницы истории склепа 1895 г. (склеп «Деметры»).....	126
Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л., Бутовский А.Ю. (Тула) Образы животных из коллекции находок на городище «Белинское» и на некрополе городища «Белинское»	144
Иванов А.В., Сударев Н.И. (Краснодар, Москва) Акефальное погребение рубежа V–IV вв. до н.э. некрополя Фанагории.....	136
Казанский М.М. (Париж) Гуннская диадема с горы Митридат и ее культурно-исторический контекст	144
Камышев К.Д. (Пермь) Северопричерноморская коллекция музея истории Пермского университета	152

Кашаев С.В. (Санкт-Петербург) Стеклянные сосуды из раскопок некрополя Артющенко-2.....	166
Колтухов С.Г., Смекалова Т.Н., Гаврилюк А.Н. (Симферополь) Новое скифское изваяние в кургане у оз.Донузлав	175
Конкин Д.В. (Симферополь) Об источниках финансирования объектов культурного наследия Крыма в п.п. XIX в.: татарский сбор.....	182
Котина А.В. (Керчь) Маска сатира из Тиритаки.....	186
Котина А.В., Симонов В.В. (Керчь) К вопросу о культовых захоронениях животных на Тиритаке	194
Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. (С-Петербург, Симферополь) Серьги из раскопок нового мавзолея на окраине средневекового Солхата.....	199
Краснодубец Е.М. (Севастополь) Инталии никола и сардониксы из Херсонеса Таврического	206
Кропотов В.В., Антипенко А.В. (Симферополь) Элементный состав материала фибул из могильника Совхоз 10 (Севастопольский).....	213
Кузина Н.В. (Н-Новгород) Терракоты с изображениями детей из сельских святилищ Крымского Приазовья: к вопросу об интерпретации...220	
Майко В.В. (Симферополь) Фрески Юго-Восточного Крыма XIII-XV вв. Современное состояние источниковой базы.	229
Мастыкова А.В. (Москва) Пряжки типа Митилена в Крыму и на Северном Кавказе: византийская традиция или византийско-сасанидская мода?.....	235
Мандрыкина А.В., Антипин А.М., Кварталов В.К., Хмеленин Д.Н., Чернобахтова Е.В., Васильев А.Л., Монахов С.Ю., Терещенко Е.Ю., Алексеева О.А. Применение естественно-научных методов при исследовании керамических артефактов.....	243
Молев Е.А., Молева Н.В. (Н-Новгород) Керамический медальон с изображением Асклепия и Артемиды из Китея.....	250

Мульд С.А. (Симферополь) Поясной крюк из могильника Левадки в Центральном Крыму.....	256
Науменко В.Е. (Симферополь) Некоторые общие проблемы датировки памятников византийского прикладного искусства помощью методов археологии и искусствоведения (например икон к св. Иоанна Богослова из раскопок Мангула)...	262
Панкратова Е. (С-Петербург) Предметы искусства из раскопок Фанагории конца XVIII-XIX столетий (в собрании Государственного Эрмитажа).....	273
Панченко В.В. (Севастополь) Рельеф Девы с ближней хоры Херсонеса.....	277
Паромов Я.М. (Москва) Боспорский рельеф со сценой сражения и погребение воина в кургане у Старонижестеблиевской станицы.....	285
Петракова А.Е. (С-Петербург) Чернофигурные аттические вазы из раскопок архаической Тиритики: проблемы атрибуции и реконструкции.....	296
Прохоров Д.А. (Симферополь) «Яко последовало слово монарше об освобождении сыновей их от рекрутской повинности...»: мемориальные стелы в большой (соборной) караимской кенасе Евпатории.....	302
Пономарев Л.Ю. (Керчь) Античные древности в контексте изучения средневековых памятников Керчи.....	309
Соколов П.М. (С-Петербург) Комплекс терракот из раскопок античного поселения «Усадьба» в Анапе.....	319
Стоянова А.А., Храпунов И.Н. (Симферополь) Предметы искусства из могильника Нейзац.....	327
Суворова Н.И., Широченко Э.Б. (Азов) Образ эфеба в боспорской коропластике (на примере уникальной находки из некрополя Паниардиса).....	334
Супренков А.А., Руковишника И.В., Требухина Н.Ю. (Москва) Предметы искусства из раскопок раннесредневекового поселения Гора Чиркова 1.....	342

Тихомиров В.А., Антипенко А.В., Смекалова Т.Н. (Симферополь) Состав сплава металлических предметов эпохи бронзы из Красногвардейского района Республики Крым.....	349
Туровский Е.Я. (Севастополь) О некоторых изобразительных, стилистических и типологических изменениях в монетной чеканке Херсонеса и Боспора во времена Митридата VI Евпатора.....	359
Тюрин М.И. (Севастополь) Несколько кидских рельефных чаш из закрытых комплексов Херсонесского городища.....	363
Хайрединова Э.А. (Симферополь) Предметы раннесредневекового прикладного искусства из погребений крымских готов.....	370
Харенко М.В., Минаев А.П. (Азов) Образ льва в античном искусстве (на примере редких пронизей с памятников Нижнего Подонья)	377
Храпунов Н.И. (Симферополь) О древностях Крыма на малоизвестных рисунках конца XVIII – начала XIX в.	382
Чебышев Г.С. (Симферополь) Античные светильники из собрания Центрального музея Тавриды: предварительное сообщение.....	388
Шабанов С.Б. (Симферополь) Новые находки стеклянных сосудов позднееримского времени в крымских предгорьях.....	392
Шаров О.В. (С-Петербург) Полихромное навершие меча из погребения Аджимушкой, 1841 года	398
Шелов-Коведяев Ф.В. (Москва) Зевс Додонский и Диоскуры в Пантикапее... ..	407
Шонов И.В. (Симферополь) «Херсонесские» драхмы с именем Деметрия	415
Gocha R. Tsetskhladze (London) The coming of the Achaemenid to the Bosporan Kingdom: A brief conspectus.....	421
Список сокращений	424

CONTENTS

The main activities of “Demetra” foundation.....5

Ablaev E.D. (Simferopol) Zoomorphic images on the coins of the Golden Horde: historiography of the issue19

Abramzon M.G., Ermolin S.A., Buravlev S.A. (Moscow) New data on the monetary circulation of the Hellenistic Bosphorus: Greek imported coins from the excavations of Manitra and Phanagoria in 2017–2018.23

Abramzon M.G., Saprykina I.A., Smekalova T.N. (Moscow, Simferopol) New data on the manufacturing technique of staters of Rhescuporis V and Pharsanzes.....29

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (Simferopol) Objects of Byzantine applied art of the X-XI centuries from Kerch33

Alekseenko N.A. (Sevastopol) Sphragistic monuments as objects of art38

Bonin A.V. (Moscow) On the finds of bronze anthropomorphic pendants on the settlements of the Bosphorus chora45

Bukina A.G. (Saint Petersburg) Mythological images on black-figure ceramics from Tyritake52

Vakhoneev V.V., Solov'ev S.L. (Feodosia, Saint Petersburg) Wooden combs from the excavations of the ancient city of Akra59

Vinogradov Yu.A. (Saint Petersburg) Виноградов Ю.А. (Санкт-Петербург) Painted sarcophagus of 1900 from Kerch. Understanding semantics of the images.64

Vinokurov N.I. (Moscow) Findings of gypsum adherents of wooden sarcophagi in tombs of the 1st – 2nd centuries in the necropolis of the ancient settlement Artesian.....72

Voloshinov A.A. (Simferopol) Bosphorus influence in late Scythian sculpture ...78

Gantsev V.K. (Simferopol) Three-handed glass lamp of the 15th century from the excavations of the Prince's Palace of Mangup84

Doroshko O.P. (Sevastopol) The “new” ritual complex from the excavations of 1912 in Chersonesos.....90

Doroshko V.V., Sviridov A.N., Yazikov S.V. (Sevastopol, Moscow) Roman dagger with scabbard from the excavations of Frontovoe IV settlement (preliminary information)95

Dushenko A.A. (Simferopol) Metal mirrors from the excavations of the Prince's Palace of Mangup107

Zavadskaya I.A. (Simferopol) On the interpretation of human figures in the painting of the early Christian crypts of Chersonesos110

Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. (Simferopol') A unique piece of bone carving art from the excavations of the Bosphorus city of Tyritake114

Zin'ko V.N., Smekalova T.N. (Simferopol) Geophysical study of the settlements Tobechnik 8 and Tobechnik 9 in the southeast of the Kerch Peninsula119

Zin'ko E.A. (Simferopol) Some pages of the history of the crypt of 1895 (crypt "Demetra")126

Zubarev V.G., Yartsev S.V., Smekalov S.L., Butovsky A.Yu. (Tula) Images of animals from the collection of finds on the settlement of Belinskoe fort and the necropolis of Belinskoe136

Ivanov A.V., Sudarev N.I. (Krasnodar, Moscow) Acephalic burial at the turn of the 5th – 4th centuries BC of the necropolis of Fanagoria.....144

Kazansky M.M. (Paris) Hun diadem from Mount Mithridates and its cultural and historical context152

Kamyshev K.D. (Perm) North Black Sea area Collection of the Perm University History Museum160

Kashaev S.V. (Saint Petersburg) Glass vessels from the excavation necropolis of Artyushchenko-2.....	166
Koltukhov S.G., Smekalova T.N., Gavriluyk A.N. (Simferopol) A new Scythian statue in a barrow near Lake Donuzlav	175
Konkin D.V. (Simferopol) About the sources of financing of the objects of cultural heritage of Crimea in the first half of the XIX century: Tatar fee.....	182
Kotina A.V. (Kerch) A Tyritake Satire Mask	186
Kotina A.V., Simonov V.V. (Kerch) On the issue of cult animal burials in Tyritake...194	
Kramarovskiy M.G., Seidaliev E.I. (Saint Petersburg, Simferopol) Earrings from the excavation of the new mausoleum on the outskirts of medieval Solkhat	199
Krasnodubets E.M. (Sevastopol) Nicolo gems and sardonyxes from Taurian Chersonese.....	206
Kropotov V.V., Antipenko A.V. (Simferopol) Elemental composition of the brooch material from the burial ground of Sovkhoz 10 (Sevastopolsky).....	213
Kuzina N.V. (Nizhny Novgorod) Terracotta with images of children from rural sanctuaries of the Crimean Azov region: to the question of interpretation ...	220
Maiko V.V. (Simferopol) Frescoes of Southeast Crimea of the XIII-XV centuries. The current state of the source base.....	229
Mastykova A.V. (Moscow) Мастыкова А.В. (Москва) Пряжки Buckles of Methylene type in the Crimea and the North Caucasus: Byzantine tradition or Byzantine-Sassanian fashion?.....	235
Mandrykina A.V., Antipin A.M., Kvartalov V.K., Khmelenin D.N., Chernobakhtova E.V., Vasil'ev A.L., Monakhov S.Yu., Tereshchenko E.Yu., Alekseeva O.A. The use of natural scientific methods in the study of ceramic artifacts	243

Molev E.A., Moleva N.V. (Nizhny Novgorod) Ceramic medallion with the image of Asclepius and Artemis from Kitea.....	250
Mul'd S.A. (Simferopol) Belt hook from Levadka burial ground in Central Crimea...256	
Naumenko V.E. (Simferopol) What's the facts of the world of life from the international works with the work of the eades and the art (example of st. John the Theologian's icon from the Mangup excavations).....	262
Pankratova E. (Saint Petersburg) Art objects from the excavations of Fanagoria at the end of the 18th-19th centuries (in the collection of the State Hermitage).....	273
Panchenko V. V. (Sevastopol) The relief of the Virgin from the near choirs of Kherones.....	277
Paromov Ya.M. (Moscow) Bosphorus relief with a battle scene and the burial of a warrior in a mound near the Staronizhestebliyevskaya village	285
Petrakova A.E. (Saint Petersburg) Black-figured Attic vases from the excavation of the archaic Tyritake: problems of attribution and reconstruction.....	296
Prokhorov D.A. (Simferopol) "The monarch's word followed about the release of their sons from recruiting service ...": memorial steles in the large (cathedral) Karaite kenas of Evpatoria	302
Ponomarev L.Yu. (Kerch) Antiquities in the context of the study of medieval monuments of Kerch	309
Sokolov P.M. (Saint Petersburg) Terracotta complex from the excavations of the ancient settlement "Manor" in Anapa	319
Stoyanova A.A., Khrapunov I.N. (Simferopol) Art objects from the cemetery Neyzats.....	327
Suvorova N.I., Shirochenko E.B. (Azov) The image of ephebe in the Bosphorus coroplasty (on the example of a unique find from the necropolis of Paniardis)	334

Suprenkov A.A., Rukovishnikova I.V., Trebukhina N.Yu. (Moscow) Art objects from the excavations of the early medieval settlement of Mount Chirkov.....	342
Tikhomirov V.A., Antipenko A.V., Smekalova T.N. (Simferopol) The composition of the alloy of metal objects of the Bronze Age from the Krasnogvardeisky district of the Republic of Crimea.....	349
Turovsky E.Ya. (Sevastopol) About some graphic, stylistic and typological changes in the coinage of Chersonesos and the Bosphorus during the time of Mithridates VI Eupator.....	359
Tyurin M.I. (Sevastopol) Several Cnidus relief bowls from the closed complexes of the Chersonesos settlement	363
Khairedinova E.A. (Simferopol) Objects of early medieval applied art from Crimean Gothic burials	370
Kharenko M.V., Minaev A.P. (Azov) The image of a lion in ancient art (on the example of rare piercings from the monuments of the Lower Don region).....	377
Khrapunov N.I. (Simferopol) On the antiquities of the Crimea in little-known drawings of the late XVIII - early XIX centuries.....	382
Chebyshev G.S. (Simferopol) Antique lamps from the collection of the Central Museum of Tauris: preliminary report	388
Shabanov S.B. (Simferopol) New finds of glass vessels of the late Roman time in the Crimean foothills	392
Sharov O.V. (Saint Petersburg) Polychrome pommel of the sword from Adzhimushkay burial, 1841	398
Shelov-Kovediaev F.V. (Moscow) Zeus Dodon and Dioscuri in Panticapaeum	407
Shonov I.V. (Simferopol) "Chersonese" drachmas with the name of Demetrius	415

Gocha R. Tsetskhladze (London) The coming of the Achaemenid to the Bosporan Kingdom: A brief conspectus.....	421
--	-----

List of Abbreviations	424
------------------------------------	-----

**Боспорские чтения
Выпуск XXI**

**Боспор Киммерийский
и варварский мир в период античности и средневековья.
Объекты искусства в археологическом контексте**

Редакторы-составители: д.и.н. Зинько В.Н., к.и.н. Зинько Е.А.

Компьютерная верстка: Смирнова В.С.

Корректор: Барановская И.Н.

Подписано в печать: 21.04.2020 г.,
согласно Протокола № 1 от 05.03.2020 г.
Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л. 23.48
Тираж 100 экз. Заказ № 147

Издательство ИП Кифниди Георгий Иванович
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Родниковый, 18
тел.: +7 978 817 05 50, +7 978 817 39 39, +7 978 722 63 66
e-mail: IP_kifnidi@mail.ru

Отпечатано в ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (916) 194-08-76

**Представитель типографии ООО «Прондо»
в Республике Крым ИП Кифниди Георгий Иванович**
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Родниковый, 18
тел.: +7 978 817 05 50, +7 978 817 39 39, +7 978 722 63 66
e-mail: IP_kifnidi@mail.ru